

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

101

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

**THE VISITORS
A HERITAGE OF STARS**

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

ПРИШЕЛЬЦЫ НАСЛЕДИЕ ЗВЕЗД

Издательская фирма «Полярис»
1994

The Visitors

Copyright © 1980 by Clifford D. Simak

A Heritage of Stars

Copyright © 1977 by Clifford D. Simak

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1993 В. Иванов, *иллюстрации*

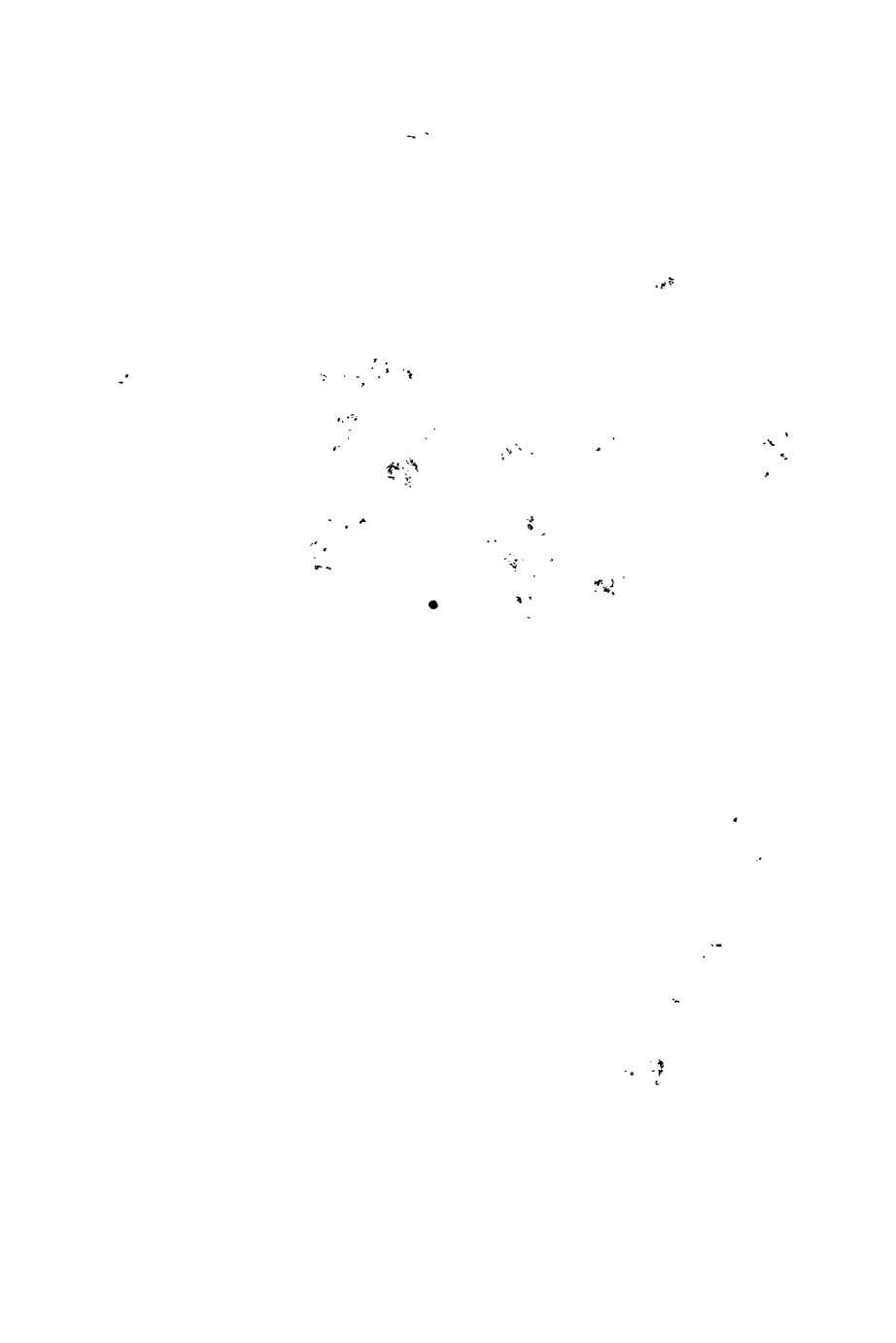
© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-062-X

ПРИШЕЛЬЦЫ

Глава 1

ЛОУН-ПАЙН, МИННЕСОТА

Джордж, парикмахер, яростно щелкнул ножницами.

— Послушай, Фрэнк, — обратился он к человеку, сидевшему в кресле, — я не понимаю, что с тобой происходит. Я читал твою статью про этих защитников природы, о том, что они собираются устроить в резервации. Но тебя это, похоже, не слишком волнует, а?

— На самом деле, не слишком, — спокойно ответил Фрэнк Нортон. — Это не так уж и страшно. Если кому-то не хочется платить за лицензию в резервации, он может ловить рыбу в другом месте, только и всего.

Нортон был издателем, редактором, управляющим и распространителем лоун-пайнской газеты «Сентинел» — един в четырех лицах — и работал напротив парикмахерской, через улицу.

— А меня это бесит, — не унимался парикмахер. — Ни к чему разрешать этим краснокожим распоряжаться охотой и рыбалкой в резервации. Как будто эта земля не часть штата Миннесота, не часть наших Соединенных Штатов. Теперь белому человеку нельзя пойти на рыбалку с обычной лицензией штата; надо, видите ли, купить лицензию у племени в резервации. И этому племени позволено будет устанавливать собственные правила, да? Нет, зря это придумали.

— Нам-то с тобой все равно, — сказал Нортон. — Если захочется порыбачить, вон форельный садок в реке за городом. В омуте ниже моста такие рыбины попадают — закачаешься!

— Нет, тут дело в принципе! — ответил парикмахер. — Эти чудаки заявляют, что краснокожие, видите ли, хозяева этой земли. Хозяева! Каково! Это не их земля. Просто мы позволили им жить там. Теперь, если пойдешь в резервацию, они заставят тебя платить за рыбу или за дичь; много платить заставят. Их лицензия наверняка будет дороже государственной. Они установят свои правила, ограничения... И нам придется жить по их законам — а что ты им докажешь? Вот увидишь, как они будут куражиться над нами.

— Зря ты себя заводишь, Джордж, — сказал Нортон. — Не думаю, что они станут куражиться над кем-нибудь. Ведь они заинтересованы в том, чтобы к ним приходило побольше людей. Они постараются сделать все, чтобы привлечь побольше рыбаков. Ведь это же их деньги...

Джордж снова щелкнул ножницами.

— Эти чертовы краснокожие! Вечно талдычат о своих правах. И важные такие стали! Называют себя коренными американцами. Они, видите ли, больше не индейцы, а коренные американцы, не иначе! А мы, видите ли, отобрали у них землю!..

Нортон рассмеялся.

— Ну раз уж ты заговорил об этом, то, по-моему, мы на самом деле отобрали у них землю. И неважно, что ты по этому поводу думаешь, — они на самом деле коренные американцы, Джордж. Если им нравится называть себя именно так, то у них есть все права на это. Они жили здесь испокон веков, а мы пришли и отобрали их землю; так было, и ты сам это знаешь.

— Мы имели право на это, — сказал Джордж. — Эта земля пропадала. Они ее не использовали. Разве что собирали иногда дикий рис или постреливали какую-нибудь утку или бобра, чтобы шкуру содрать. А по-настоящему не использовали. Да они и не умели этого. А мы — умели! Поэтому мы пришли и нашли этой земле применение. Я тебе точно говорю, Фрэнк! Мы имели право взять землю и использовать ее. Мы имеем право на любую землю, которая пропадает без толку. Но сейчас нам этого не позволяют. Ты глянь, что у нас за

рекой. Какие деревья! Громадные, прямые! Они же там стоят с тех пор, как Христос младенцем был; стоят и ждут, что кому-то пригодятся. Когда-то лесорубы их прозевали — и они так и стоят, как стояли с сотворения мира. Тысячи акров леса стоят и ждут! Миллионы кубических футов ждут, чтобы их распилили! И есть лесопромышленные компании, которые хотели бы этим заняться. Они обратились в управление округа, чтобы им дали право снять этот урожай. Думаешь, дали? Черта с два! Судья сказал, что это первозданная природа, и с топором туда — ни-ни! Лесное ведомство постановило, что эти тысячи акров леса, видите ли, национальное достояние и должны быть сохранены для потомков. Наследие, потомки!.. Как мы до этого дошли?

— Не знаю, — сказал Нортон. — По-моему, это нормально. Ведь хорошо стоять здесь и смотреть на дикую природу за рекой. И выбраться туда, побродить — тоже хорошо. Тишина, покой, торжественность какая-то... Хорошо, что у нас есть такое место.

— А мне плевать на это! — сказал парикмахер. — Я тебе говорю, все это мура: нас попросту дурят. Дурят все эти занюханые благодетели. У них, видите ли, душа болит; вечно они вопят, что мы должны, мол, помогать бедным, угнетенным краснокожим, должны беречь леса, не загрязнять воздух... Мне плевать на все, что они там болтают; краснокожим нужно обижаться только на себя. Они же все лентяи. Они все вместе не отработали честно ни одного нормального рабочего дня; ни одного на всех, это я тебе говорю. Только лежат и стонут. И вечно с протянутой рукой. Вечно кричат, что мы им должны. И сколько им ни дай — все мало; все кричат, что должны еще. А я говорю, что мы им ничего не должны, кроме хорошего пинка в их ленивую задницу. У них был шанс — они его не использовали. Слишком тупы были или слишком ленивы. Им же принадлежала вся эта чертова страна до того, как белые пришли, а они ничего хорошего не сделали из нее. А теперь мы заботимся о них; но чем больше для них делается — тем больше они хотят. Теперь уже не просят — требуют... Каждый из них только этим и занимается: требует что-нибудь такое, чего у него нет. А какое право они имеют требовать? Что они о себе возомнили?

Вот запомни. Еще с этим делом не успеют покончить, как краснокожие из резервации потребуют отдать им

всю северную Миннесоту, а может, и кусок Висконсин в придачу. Вот увидишь. В точности как сейчас в Блэк-Хилсе. Мол, Блэк-Хилс и Бигхорн принадлежат им; какие-то там, мол, договоры есть столетней давности или того больше. Мол, мы отобрали у них землю, и никаких прав на нее у нас нет. В Конгресс бумагу какую-то накатали, в суд подали — отдавайте, мол, Блэк-Хилс и Бигхорн. И теперь, чего доброго, какой-нибудь судья скажет, что у них и в самом деле есть права на те земли; а в Конгрессе полно умников, которые работают на них и твердят, что у них, мол, законные права... А белые вложили в эти земли годы труда и миллионы долларов, чтобы сделать из них что-нибудь стоящее! Когда там краснокожие хозяйничали, там только бизоны паслись. — Он взмахнул ножницами и добавил: — Вот погоди, увидишь. У нас то же самое будет.

— Беда с тобой, Джордж, — сказал Нортон. — Ты же фанатик.

— Можешь называть меня как хочешь, — ответил парикмахер. — Мы старые друзья, я не обижусь. Но я знаю, что прав. И не боюсь говорить вслух, что думаю. Когда ты называешь кого-нибудь фанатиком — это значит только, что вы с ним думаете по-разному. Тебе просто больше нечего сказать, и ты начинаешь обзывать.

Нортон не ответил. Парикмахер тоже умолк и принялся за работу.

Два квартала магазинов и деловых контор городка Лоун-Пайн дремали в предвечернем тепле. День был ясный, из тех, что бывают ранней осенью. Вдоль улицы стояло несколько автомашин. Три собаки исполняли ритуал взаимного приветствия, словно трое старых друзей, встретившихся на перекрестке. Стиффи Грант, оборванный местный бродяга, сидел возле дверей единственной в городке скобяной лавки на бочонке из-под гвоздей и старательно курил сигару; ему повезло — он нашел ее в канаве почти целой. Салли, официантка из Пайн-кафе, не спеша подметала тротуар перед своим заведением — так не хотелось уходить из-под теплого осеннего солнца. В конце восточного квартала показалась машина Кермита Джонса, банкира; он торопился на станцию обслуживания.

...Джерри Конклин, студент-лесоустроитель, заканчивавший Миннесотский университет, припарковывался у въезда на мост, который соединял берега Пайн-Ривер

ниже городка. Джерри достал зачехленную удочку и начал ее собирать. Несколько месяцев назад он оставался на станции обслуживания в Лоун-Пайне по дороге в лесничество, и ему сказали, что в заводи ниже моста попадаются форели — размеров невероятных. Будучи заядлым рыболовом, он не забыл разговора, но до сих пор ему не удавалось проверить, так ли это. Но сегодня, по дороге из лесничества, где он провел несколько дней, изучая экологию девственного соснового леса, он сделал крюк в несколько миль и завернул к этой заводи.

Взглянув на часы, он обнаружил, что времени осталось совсем мало, всего полчаса. У Кэти было два билета на симфонический концерт. Дирижировал какой-то гастролер, — он забыл его имя, — и Кэти уже несколько недель с ума сходила, дожидаясь концерта. Он не очень любил такую музыку, но Кэти — другое дело; если он опоздает в Миннеаполис, к ней потом не подойдешь — обидится.

...А в парикмахерской Джордж говорил Нортону:

— Ты уже сдал на почту свои газеты? Хорошо, когда впереди свободная неделя.

— Ошибаешься, — ответил Нортон. — Это ж не просто — щелкнул пальцами, и газета готова, даже если она выходит раз в неделю. Надо собрать рекламные объявления, написать тексты, отредактировать, набрать, сверстать... Чтобы выпустить газету раз в неделю — всю неделю надо крутиться.

— Я все время удивляюсь — и чего ты здесь торчишь? — недоумевающе сказал Джордж. — Неужто некуда податься молодому газетчику вроде тебя? Да хоть бы в Миннеаполис подался; тамошние газеты за тебя ухватятся, только слово скажи.

— Ну, не знаю... — протянул Нортон. — Мне и здесь хорошо. Сам себе хозяин, собственное дело. Доход, правда, невелик, но хватает... У меня в Миннеаполисе есть друг, редактор, заведомо репортажа в «Трибьюн». Молод для этой должности, но управляется. Джонни Гаррисон...

— Могу спорить, что он бы тебя взял, — сказал Джордж.

— Может быть. Не знаю. Но первое время было бы трудно. Ведь надо же знать, как делается газета в большом городе. Но я про Джонни. Так вот, зарабатывает он,

конечно, гораздо больше меня — заводделом, понятное дело, — но у него там свои трудности. Он, например, не может закрыть контору с обеда и пойти на рыбалку, как бы ему ни хотелось. Он не может взять выходной и наверстать недоделанное потом. У него дом заложен, куча долгов, семья уж больно дорого обходится. Ему приходится каждый день подолгу трястись в общественном транспорте, чтобы добраться на работу, — и так же назад, домой. И ответственность у него большая... И пьет больше нашего. Ему приходится делать очень много такого, чего делать не хочется; приходится встречаться с людьми, которых он не хочет видеть. Вкалывает с утра до ночи и еще тащит свои заботы домой...

— Конечно, тут есть свои недостатки, — кивнул парикмахер. — А в какой работе их нет?

...В стекло с тупой настырностью колотилась жужжащая муха. Стойка позади кресла была уставлена разнообразными бутылками; ими редко пользовались, и они давно превратились в украшение витрины. На стене над стойкой висело ружье тридцатого калибра.

Служащий бензоколонки вставил заправочный пистолет в бак подъехавшей машины и, обернувшись, взглянул на небо.

— Боже мой! Кермит, гляньте-ка — что это такое?! Банкир посмотрел вверх.

Очень низко в небе висела какая-то большая черная штуковина. Она бесшумно парила в воздухе, медленно снижаясь и закрывая уже полнеба.

— Наверное, НЛО, — сказал служащий. — В первый раз вижу. До чего громадный. Боже мой! Никогда не думал, что они такие огромные.

Банкир не ответил. Он так испугался, что не мог ни говорить, ни пошевелиться.

Вдруг раздался крик Салли, официантки. Она бросила свою щетку и, непрерывно вопя, кинулась бежать, сама не зная куда.

Стиффи Грант, удивленный криком, кое-как поднялся с бочонка, с трудом выбрался на улицу — и увидел черную громаду, висевшую в небе. Он так задрал голову, что потерял равновесие, которое было не слишком устойчивым: он только что прикончил бутылку самогона, который Эйб Паркер гнал где-то в лесу. Еще вчера бутылка была полной. Стиффи сделал несколько шагов назад — и уселся на середине улицы; потом ценой

неимоверных усилий вернулся в вертикальное положение и тоже побежал. Сигара выпала у него изо рта, но он не стал подбирать ее — он о ней попросту забыл.

Парикмахер Джордж прервал работу и подскочил к витрине. Мимо в панике промчались Салли и Стиффи. Он бросил ножницы, подбежал к стене за стойкой, схватил ружье, зарядил его и кинулся к двери. Нортон поднялся с кресла.

— Что случилось, Джордж? В чем дело?

Парикмахер не ответил. Дверь за ним захлопнулась. Нортон распахнул дверь и вышел на тротуар. Джордж бежал вниз по улице, а заправщик с бензоколонки мчался ему навстречу.

— Туда, Джордж! Туда! — закричал он на бегу. — Оно там, возле реки!

Джордж ринулся напрямик через пустырь. За ним побежали Нортон и служащий бензоколонки, а Кермит Джонс, банкир, поспешал сзади, пыхтя и отдуваясь.

Нортон выбежал с пустыря на низкую насыпь из гравия, тянувшуюся вдоль берега. Черный ящик свалился прямо на мост. Он был огромным и закрыл собой весь мост, от одного берега до другого. В ширину ящик был поменьше. Черной громадой он высился над рекой... На первый взгляд, совершенно гладкая продолговатая конструкция. Просто ящик. Такой черный, что подобного цвета Нортон никогда не видел.

Бежавший впереди парикмахер остановился, поднял ружье и прицелился.

— Стой, Джордж! — закричал Нортон. — Стой! Не надо!

Раздался выстрел — и почти в тот же миг из ящика, лежавшего поперек реки, возник луч ослепительного света. Он попал в Джорджа, тот вспыхнул, потом пламя пропало, и парикмахер мгновенно превратился в головешку, гротескный черный пень в форме человека. Ружье в его руках стало вишнево-красным и согнулось, ствол повис, словно вареная макаронина... А потом парикмахер Джордж упал на землю и рассыпался. Из кучки, уже не имевшей никакого сходства с человеком, потянулись вверх струйки вонючего дыма.

Глава 2

ЛОУН-ПАЙН

У Джерри Конклина клевало. Он дернул удочку, но на ней ничего не оказалось. Форель — а судя по всплеску, рыба была очень крупная — в последний момент сорвалась с крючка.

«Да, — подумал Джерри, — рыба здесь большая. Тот парень на бензоколонке правду сказал: в заводи форель что надо».

Сквозь деревья, растущие вдоль реки, ярко светило солнце. На воде, испещренной пятнами теней от листвы, плясали крошечные блики, отражаясь от мелкой ряби на поверхности заводи.

Конклин снова насадил муху и опять забросил удочку, целясь чуть дальше того места, где его только что постигла неудача.

Внезапно стало темно. Заводь поглотила тень, словно между ней и солнцем внезапно появился какой-то крупный объект.

Конклин инстинктивно пригнулся. Что-то ударило сверху по удочке; он ощутил рукой вибрацию и услышал треск ломающегося бамбука. «Бог ты мой, — подумал он, — восемьдесят долларов удочка, первая и единственная роскошь, какую я мог себе позволить».

Он оглянулся и увидел черный прямоугольник, падавший прямо на него. Прямоугольник ударил в берег позади, и он услышал звук ломающегося металла; это была его машина.

Выбираясь на берег, он споткнулся и упал на колени. Зачерпнул воды в болотные сапоги, выронил удочку... А потом, не понимая, что делает, бросился бежать по воде вдоль берега вниз по течению, спотыкаясь и скользя на гладких камнях. В сапогах было полно воды.

Одним концом черный прямоугольник обрушился на дальний берег. Заскрипели и затрещали деревья, раздался скрежет металла — это развалился мост. Оглянувшись назад, Джерри увидел, что в омуте плавают сломанные стволы.

Он не удивился происшедшему. В инстинктивном порыве поскорее убраться отсюда, в сумасшедшей сумятице мыслей не оставалось места удивлению. Он выбрался на солнечный свет и понял, что невредим. Высокие берега спасли его. А черный предмет лежал поперек реки, упираясь в берега, но не мешая течению.

Глубокое место кончилось, и Джерри шагнул в поток: ниже омута течение было быстрым. Здесь он оглянулся и впервые смог оценить размеры того, что упало поперек реки. Оно возвышалось над водой, словно многоэтажное здание. «Футов сорок, — подумал он, — а может, и все пятьдесят, а в длину раза в четыре больше».

Откуда-то издалека донесся резкий хлопок, вроде выстрела, и в тот же миг из одной точки на этой громадной черной массе вспыхнул ослепительный свет и погас.

«Боже мой, — подумал он, — удочка пропала, машину раздавило, я здесь застрял... А Кэти!.. Надо как-то выбраться отсюда и позвонить ей».

Джерри повернулся и стал карабкаться на крутой берег. Это оказалось нелегко. Сапоги мешали ему, но снять их он не мог: туфли были в машине, а машина, судя по всему, лежала теперь расплюснутая под этой громадной штуковиной, упавшей на мост.

Что-то со свистом рассекло воздух, и его грудь обвило что-то, похожее на удавку. Непонятно, откуда взялась эта гибкая, тонкая штуковина — не то проволока, не то веревка. Джерри в панике попытался сбросить ее, но не успел ухватиться за нее, как его подняло

вверх. Он увидел под собой реку и зелень вдоль берегов. Он хотел крикнуть, но веревка — или проволока, или что это было — так сжимала грудь, что он не мог вздохнуть.

Вдруг он очутился в темноте, и на груди уже не было той штуки, что тащила его. Он стоял на четвереньках. Под ним было что-то плотное — плотное, но не твердое, словно толстый, мягкий ковер.

Он стоял на четвереньках, скрючившись, стараясь побороть охвативший его страх. Во рту было горько, и он старался сглотнуть, затолкать горечь обратно. Казалось, кишки скрутились в твердый круглый клубок; он тщетно пытался немного расслабиться.

Поначалу вокруг было совсем темно, но вскоре Джерри стал различать слабый, странный, жутковатый свет, голубоватый, призрачный. Освещение, конечно, не из лучших, мутноватое, приходилось напрягать зрение, пытаясь хоть что-нибудь увидеть. Но все-таки здесь оказалось не совсем темно, а это означало, что он не ослеп.

Джерри поднялся на колени и попытался понять, куда попал. Это было не так просто: на фоне голубого мерцания беспрерывно сверкали какие-то вспышки, так быстро и мимолетно, что он не мог определить, ни какого они цвета, ни откуда исходят. При свете вспышек появлялись какие-то очертания, каких он никогда прежде не видел. «И самое странное, — подумал он, — что это только очертания». Между вспышками он все время видел нечто такое, что мог сопоставить с виденным прежде, — это были ряды каких-то круглых предметов. Поначалу он принял их за глаза; они поворачивались, следя за ним фосфоресцирующим взглядом, словно глаза зверей в ночной темноте, когда луч света застает их врасплох. Однако он почувствовал, что это не глаза и не из них исходил слабый, голубой, постоянный свет. Но глаза это были или нет — они непрерывно следили за ним.

Воздух вокруг был сухой и горячий, но в нем было необъяснимое ощущение влажной затхлости; быть может, дело было в запахе. Странный запах. Не сильный, не удушающий — но неприятный. Джерри никак не мог определить его. Казалось, он проникает сквозь кожу и пропитывает тело, становится частью существа. Это был не аромат и не запах гнили... Совершенно не

похоже ни на что, с чем приходилось сталкиваться раньше.

«Дышать можно, но кислорода маловато», — подумал он. Он заметил, что дышит очень глубоко и часто.

Сначала он подумал, что попал в какой-то туннель. Почему это пришло ему в голову, он и сам не знал; должно быть, потому, что, оглядевшись, он увидел вокруг обширное пространство, похожее на мрачную пещеру. Он попытался увидеть, что там вдали, но из этого ничего не получилось; голубой свет был тускловат, а непрерывное мерцание мешало смотреть.

Джерри медленно и осторожно поднялся на ноги, почти уверенный, что ткнется головой в потолок. Но оказалось, что можно стоять во весь рост.

Где-то в глубине сознания возникло слабое-слабое подозрение — но ему уж очень не хотелось с этим мириться, и он изо всех сил заталкивал это чувство назад, стараясь избавиться от него. Но мало-помалу, пока он стоял, оцепенев, в этом голубоватом мерцающем свете, подозрение росло и все больше овладевало им, он почувствовал, что вынужден будет его принять.

Внутренний голос говорил ему, что он находится внутри огромного черного ящика, упавшего поперек реки. Веревка — проволока, щупальце — вылетела из этого ящика. Схватив его, щупальце закинуло его сюда, пронеся каким-то образом сквозь стену, — и вот он здесь, внутри.

Сбоку раздался какой-то странный звук; не то глотал кто-то, не то шлепал... Вглядываясь в темноту, он понял, что звук доносился снизу. Он нагнулся, чтобы разглядеть получше, — это оказалась рыба; судя по форме и размеру, радужная форель. В длину она была дюймов шестнадцать, крупная... Он попытался взять ее, но она выскользнула из рук и снова забилась на полу.

«Ну, — сказал он себе, — давай-ка посмотрим на вещи трезво. Давай отойдем в сторонку и посмотрим, пристально и внимательно. Давай не будем спешить с выводами, а попробуем быть объективными.

Первое. С неба упало нечто большое и черное, свалилось на мост и, судя по звуку, который он слышал, раздавило его машину.

Второе. Он находится в месте, которое может оказаться внутри этой упавшей штуки. Скорее всего так

оно и есть. Это место не похоже ни на что, когда-либо виденное.

Третье. Здесь не только он, но и рыба».

Он заложил эти пункты один за другим в компьютер своего мозга и постарался сопоставить их. Получалось, что он каким-то образом оказался внутри космического пришельца, который собирает и исследует фауну неизвестной ему планеты.

Сначала он, потом рыба... А через какое-то время появятся, наверное, кролик, белка, енот, медведь, олень, рысь... «Скоро здесь соберется множество всякой живности, — подумал он, — повернуться негде будет».

Светящиеся кружочки, следившие за ним, могли быть рецепторами. Они, наверное, следили за ним и регистрировали каждое его движение, каждое колебание в мозгу, каждую эмоцию; они извлекали из него информацию и складировали где-то в ячейках памяти, с помощью какого-нибудь кода, описывали его химическими уравнениями, определяли, что он собой представляет и каковы его вероятный статус и предназначение в экологии этой планеты.

А может быть, этим занимаются не только те кружочки? Быть может, вспыхивающие огни и механизмы за ними тоже входят в ту же систему?

«Я могу и ошибаться», — подумал он. Когда он сможет как следует подумать обо всем случившемся, он обязательно поймет, что ошибался... Но все-таки было лишь одно объяснение тому, что произошло. Он видел, как опустилась эта черная громада, его схватили и выдернули из реки, он помнил, как под ним бежала вода, когда его подбросило в воздух, помнил деревья вдоль берегов, помнил, как увидел городок Лоун-Пайн над рекой. Он четко помнил все это — а потом темнота, какое-то помещение, похожее на пещеру, — и больше ничего он не знал. Невозможно было представить ничего иного, кроме того, что он внутри черной штуковины, упавшей с неба на мост.

Если все на самом деле так, если он не ошибся, — это значит, что объект, упавший с неба, живой или по крайней мере управляется кем-то живым; и не только живым, но и разумным.

Он с удивлением обнаружил, что изо всех сил инстинктивно сопротивляется этой мысли, потому что в контексте человеческого опыта было совершеннейшим

безумием поверить, что какие-то пришельцы высадились на Земле и тотчас поймали его.

Джерри удивился, когда обнаружил, что весь его страх исчез. Вместо него в душе появился какой-то мрачный холод, который был, пожалуй, хуже, неприятнее страха.

«Разум, — подумал он. — Если здесь есть разум, то должен быть какой-то способ установить связь, взаимопонимание...»

Он попытался заговорить, но слова не шли с языка. Он постарался снова, на этот раз получилось, но только шепотом. Он попробовал еще раз — и его голос зазвучал громко, загудел в пустоте пещеры.

— Хэлло! — кричал он. — Есть здесь кто-нибудь? Есть кто-нибудь вокруг?

Он подождал, ответа не было. Он закричал снова, на этот раз громче, взывая к разуму, который должен был его услышать. Слова отдавались эхом, постепенно затихая. По-прежнему за ним следили кругляши, похожие на глаза. По-прежнему струился слабый свет. Но ответа не было. Ни от кого, ни от чего.

Глава 3

МИННЕАПОЛИС, МИННЕСОТА

Кэти Фостер сидела за машинкой в отделе новостей и печатала очерк. До чего бестолковый очерк, до чего бестолковый народ! И какого черта Джонни послал ее туда? Ведь были же другие задания, где не пришлось бы иметь дела ни с придурочной чушью, ни со слащавым мистицизмом, от которого ее тошнило. «Любящие»... Так они называли себя. У нее до сих пор стояла перед глазами их дремотная невинность во взгляде, а в ушах звучали мягкие, вкрадчивые, напыщенные слова.

Любовь — это все, любовь все побеждает, любовь всеобъемлюща... Тьфу! Все, что должен делать человек, — это любить кого-нибудь или что-нибудь, долго и сильно, и тогда любовь вернется. Любовь — величайшая сила Вселенной, вообще единственное, о чем стоит говорить, любовь — альфа и омега всего сущего. И отзваться на любовь должны не только люди, не только живое. Если ты полюбишь что бы то ни было — будь то вещество какое-нибудь или энергия — оно вернет тебе твою любовь и сделает для тебя все, что ты захочешь, вплоть до нарушения всех эмпирических законов — на самом деле этих законов, может быть, и не существует, сказали они ей, — сделает все, что захочешь: пойдет куда угодно, останется где угодно.

Независимо от того, возможно это или нет, с обычной точки зрения. Но, чтобы достичь этого, надо постараться понять живое существо, или вещество, или энергию и полюбить так, чтобы тебя заметили, чтобы могли ответить на твою любовь.

Все это ей рассказывали торжественно, излучая глазами невинность. Сейчас вся беда в том, объясняли они, что нет достаточного понимания. Но понимание можно приобрести через любовь. Если любовь будет достаточно сильна и глубока, чтобы принести понимание, то человек на самом деле станет властелином Вселенной. Но такое владычество не должно быть самоцелью, оно должно усовершенствовать понимание и усилить любовь ко всему, из чего состоит Вселенная.

«Чертов университет, — подумала Кэти, — настоящий инкубатор для таких вот чокнутых — или жуликов? — которые изо всех сил ищут какой-то смысл в совершеннейшей бессмыслице. И занимаются этим, чтобы просто уйти от реальности».

Она посмотрела на стенные часы. Уже почти четыре, а Джерри до сих пор не позвонил. Он обещал, что позвонит, когда поедет в город. Если они опоздают на концерт по его вине, она с него скальп снимет. Ведь он же знает, как она ждала этого концерта, несколько недель о нем мечтала. Конечно, Джерри не очень любит такую музыку — но ради нее может он хоть раз сделать то, что ей хочется, даже если ему придется мучиться весь вечер? Она для него многое делала; ходила туда, куда вовсе не хотелось. Но она же ходила, раз он так хотел... Боже праведный, даже на соревнования по борьбе ходила, по борьбе!

«Странный он человек, — думала Кэти, — странный, временами просто невыносимый... но все равно славный парень. Вечные его деревья! Джерри просто живет ради них. Господи, как может взрослый человек так заикнуться на деревьях? Бывает страсть к цветам, к зверям, к птицам... У Джерри это деревья. Малый просто спятил от своих деревьев. Он их любит, он их как будто понимает; иногда даже кажется, что он с ними разговаривает».

Она выдернула из машинки законченную страницу, вставила чистый лист и снова забарабанила по клавишам, кипя от негодования. Когда она сдаст очерк, то попросит Джонни засунуть его в ящик поглубже, а еще

лучше — выкинуть в мусорную корзину, не то кто-нибудь его разыщет, когда для газеты будет не хватать материала.

У противоположной стены сидел за столом Джон Гаррисон, заведомо репортажа, и оглядывал кабинет. Большинство столов пустовало, и он вспоминал, кто где. Фримен — на собрании комиссии по делам аэропорта; там, скорее всего, ничего интересного не произойдет, но из-за всей этой суматохи вокруг новых взлетно-посадочных полос редакция новостей просто обязана была послать туда своего человека. Джей — в Рочестере, в клинике Майо, где разработали какой-то новый способ лечения рака. Кэмпбелл до сих пор торчит в муниципалитете, в комиссии по благоустройству; там сегодня разговор о парках; тоже, наверное, ничего интересного, как и в аэропорту. Джонс в Южной Дакоте, по поводу индейских требований в отношении Блэк-Хилса, собирает материал для воскресного выпуска. Найт на суде по поводу убийства Джонсона. Уильямс в пригородном поселке Уэйзате, интервьюирует ту старую деву, которая хвасталась, что ей 102 года (наверное, все-таки поменьше). Слоун увяз в Уиноне, там у них нефть разлилась.

«Боже, — подумал Гаррисон, — что я буду делать, если вдруг появится что-нибудь стоящее, на большой материал?» Впрочем, он знал, что это маловероятно. С самого утра день был неудачный, и улучшения не предвиделось.

— Что получается из бюджета, Джим? — спросил он у своего помощника Джима Гоулда.

Гоулд посмотрел на лист бумаги в своей машинке.

— Маловато, — сказал он. — Здесь немного, Джонни. Действительно, совсем немного.

Зазвенел телефон. Гоулд взял трубку.

— Это тебя, Джонни. Вторая линия.

Гаррисон поднял трубку и нажал кнопку.

— Гаррисон.

— Джонни, это Фрэнк Нортон. Из Лоун-Пайна, помнишь?

— Конечно, Фрэнк! — обрадовался Гаррисон. — Хорошо, что ты позвонил. Я только вчера разговаривал здесь с друзьями о тебе. Рассказывал, как ты замечательно устроился. Сам себе хозяин, форель под боком,

почти прямо в городе... Если я на днях подрулю к тебе порыбачить — как ты?

— Джонни, — сказал Нортон, — кажется, у меня есть кое-что для тебя.

— Похоже, ты взволнован, Фрэнк. Что случилось?

— Очень может быть, что к нам тут пришелец из космоса прилетел. Я пока не уверен...

— Кто к вам прилетел?! — Гаррисон подпрыгнул в кресле.

— Не знаю, — сказал Нортон. — Что-то свалилось с неба, очень большое. Упало поперек реки. От моста ничего не осталось, снесло начисто.

— Оно еще там?

— Там. Сидит, где село десять-пятнадцать минут назад. Огромное. Огромное и черное. Город на ушах стоит, все в панике. Один человек убит.

— Убит? Как убит?

— Он выстрелил в эту штуковину. А она выстрелила в него. Спалила его дотла. Я видел, как это случилось. Он еще стоял, а из него дым валил.

— Боже мой! — воскликнул Гаррисон. — Вот это материал! Как снег на голову.

— Джонни, — сказал Нортон. — Я еще не знаю, что происходит. Это произошло недавно, тут пока трудно что-нибудь понять. Я думал, может, ты захочешь прислать кого-нибудь, сфотографировать.

— Слушай, Фрэнк, — сказал Гаррисон, — я тебе скажу, что собираюсь делать. Я сразу же этим займусь. Но сначала ты расскажешь кому-нибудь из моих ребят все, что знаешь, со всеми подробностями. Все, что произошло. А потом трубку не вешай. Я раздобуду фотографа и еще чего-нибудь придумаю.

— Хорошо. Буду на проводе.

Гаррисон прикрыл ладонью трубку и протянул ее Гоулду.

— Это Фрэнк Нортон, — сказал он. — Хозяин и редактор еженедельной газеты в Лоун-Пайне, мой старый друг, вместе в школе учились. Он говорит, у них там что-то свалилось с неба. Один человек погиб. Свалилось минут пятнадцать назад или около того. Ты сейчас запиши все, что он расскажет, а потом попроси, чтобы подождал меня у телефона. Мне надо еще с ним поговорить.

— Хорошо, — сказал Гоулд. — Запишу. — Он взял трубку. — Мистер Нортон, я Джим Гоулд, помощник редактора...

Гаррисон повернулся на стуле к Энни Даттон, секретарю редакции.

— Энни, свяжись с ребятами в аэропорту. Узнай, можно ли заказать спецрейс, вылет немедленно. Лететь — куда же лететь, черт возьми, чтобы попасть в этот Лоун-Пайн?

— Бемиджи, — сказала Энни. — Это ближе всего.

— Отлично. Значит, потом свяжешься с Бемиджи и закажешь машину напрокат. Попозже мы им еще раз позвоним и уточним время, а пока организуй в принципе.

Энни принялась крутить телефонный диск.

Гаррисон поднялся со стула, оглядел редакцию и ужаснулся тому, что увидел.

В одном углу, углубившись в свою писанину, сидел Финли — совершеннейший щенок, в худшем смысле этого слова, у него еще молоко на губах не обсохло. Сэндерсон — немногим лучше, и никак ее не отучить от манеры вечно острить, где не надо. «Господь свидетель, — подумал он, — в один прекрасный день ей придется поменять свое поведение или оказаться на улице». Джемисон? Нет, слишком туго соображает. Когда надо глубоко копать — незаменимый человек, но для горящего материала не годится.

— Кэти! — кричал он.

Удивленная Кэти прекратила печатать, поднялась и пошла к редакторскому столу, стараясь выглядеть спокойной. Джерри до сих пор не позвонил, а очерк казался ей чем дальше, тем глупее. Если придется пропустить концерт!..

Гоулд «висел» на одном телефоне — слушал, иногда вставлял словечко, непрерывно стучал на машинке, делал пометки. Энни занимала другой... Гаррисон снова сел за стол и поднял трубку, набрал номер.

— Это Гаррисон, — сказал он. — Нам нужен хороший фотограф. Кто у вас там под рукой? Где Аллен? Это командировка. Важная. Срочность чрезвычайная. — Какое-то время он слушал. — О, черт побери! Значит, Аллена нет? У нас такая работа, что нужен как раз он. Где он? Вы можете с ним связаться? — Снова пауза. — Ой, верно, я забыл, что он в отпуске. Ладно. Присылайте его.

Он положил трубку и повернулся к Кэти.

— У меня есть кое-что для тебя.

— Не сейчас, — сказала она. — Не сегодня. Сегодня никаких сверхурочных, я уже почти весь день отработала. И у меня билеты на концерт. Симфонический.

— Боже мой, девочка, это может быть очень важно! Самое важное задание в твоей жизни! Может быть, это первый пришелец из космоса...

— Пришелец из космоса?

— Ну, может быть. А может, и нет. Мы пока не знаем...

Гоулд протянул ему трубку.

— Минутку, Фрэнк. Подожди. Я сейчас.

— Самолет будет ждать, — сказала Энни. — Готовый к вылету. И машина в Бемиджи.

— Спасибо, — сказал Гаррисон и повернулся к Гоулду. — Что у тебя?

— Отличный материал. Солидный. Масса фактов, море подробностей. Звучит очень впечатляюще. Что-то у них там спустилось с неба.

— Стоит туда поехать?

— По-моему, да, — сказал Гоулд.

Гаррисон повернулся к Кэти.

— Мне очень не хочется тебя просить, Господь свидетель, но больше никого нет. Нет никого, все заняты. Ты с Уайтом полетишь в Бемиджи. Там вас будет ждать машина. Очерк свободный, это я тебе обещаю. Пиши, что хочешь. Вы должны быть в Лоун-Пайне часам к шести, даже раньше. До восьми позвони. Тогда мы успеем сделать первый выпуск с твоим материалом.

— Хорошо, — сказала Кэти. — Если ты купишь мои билеты на концерт. Ни за что не соглашусь туда лететь, да еще и платить за это.

— Ладно, я их покупаю, — сказал Гаррисон. — Как-нибудь спишу эти деньги на расходы редакции. Сколько?

Он вытащил из кармана кошелек.

— Тридцать.

— Не многовато? Ведь ты заплатила меньше.

— Это как раз столько, сколько ты заплатил бы сегодня. Места хорошие.

— Ладно, ладно, — согласился он, отсчитывая банкноты.

— А если позвонит Джерри Конклин, пусть кто-нибудь ему расскажет, что произошло. Мы с ним должны были встретиться вечером. Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Гаррисон, отдавая ей деньги. — Он взял со стола трубку. — Извини, Фрэнк, у меня тут были срочные дела. Ты слушаешь? Мои люди будут у тебя около шести. Я им велел найти тебя. Но как это получилось? Ведь у тебя своя газета. Зачем отдавать все это нам?

— Моя газета сегодня вышла, — сказал Нортон. — Следующий номер только через неделю, а такие новости ждать не могут. Я хочу, чтобы ты был здесь первым. Несколько минут назад в город прибыли две патрульные машины полиции штата. Больше ничего нового.

— Ты сможешь держать нас в курсе дел, пока мои не доберутся? — спросил Гаррисон. — Если что-нибудь случится, позвони.

— Обязательно, — ответил Нортон.

Глава 4

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

День выдался трудный. На послеобеденном брифинге газетчики накинулись на него, словно хотели сожрать живьем. Вопросы главным образом касались требований Ассоциации коренных американцев вернуть объединенным племенам Блэк-Хилс в Южной Дакоте и район Бигхорн в Монтане, хотя было довольно много шума и по поводу энергетической ситуации, особенно в связи с предложениями правительства о развитии солнечной энергетики в юго-западной пустыне и его запросом о выделении крупных сумм для разработки криогенных систем передачи электроэнергии. Журналисты бушевали, возмущенные неудовлетворительными ответами. «Но это, — сказал себе Дейвид Портер, — в порядке вещей». В последние несколько месяцев он внушал представителям прессы то ярость, то отвращение. И теперь он каждый день ждал, что какие-нибудь объединения прессы потребуют его отставки.

...В телетайпном зале висела тишина, почти не нарушаемая стрекотанием аппаратов, стоявших вдоль стены. Они словно переговаривались между собой, непрерывно выплевывая мировые новости. Маршия Лэнгли, его помощница, уже собиралась уходить: рабочий день

кончался. На селекторе впервые за весь день погасли мигающие лампочки. Было время сбора информации. Последние вечерние газеты уже ушли в типографии, в редакциях утренних готовили материал.

В помещение стали вползать тени. Портер протянул руку и включил настольную лампу. При ярком свете на столе обнаружилась такая груда бумаг, что он застонал. Настенные часы показывали почти 5.30. Он обещал заехать за Элис в 7.30, так что времени на бумажную работу оставалось совсем немного. Кто-то из подруг Элис нашел в Мэриленде новый ресторан, и Элис вот уже несколько недель время от времени вспоминала об этом. Нынче вечером они собирались поехать туда. Он потянулся в кресле и подумал об Элис Дэйвенпорт. Ее старик, сенатор, никогда не проявлял к Портеру особой симпатии, но и не возражал, чтобы они встречались. «Ну что ж, молодец старый сын, — подумал Портер, — это его украшает». А Элис — замечательная девушка, даром что у нее такой отец. Красивая, умная, веселая, образованная, много знает, собеседница отличная... Один только недостаток: вечно она влезает в какие-нибудь общественные проблемы, и тогда у нее нет других тем для разговора, кроме очередного увлечения. Как раз сейчас она носилась с требованием индейцев вернуть Блэк-Хилс и Бигхорн и страстно доказывала, что надо их отдать объединенным племенам. Несколько месяцев назад были черные в Южной Африке. «Все это, — утрюмо подумал Портер, — от слишком прилежного изучения никудышных дисциплин». Впрочем, она не всегда садилась на своего конька, может быть, и сегодня не будет. В последние несколько месяцев они провели вместе не один хороший вечер; когда она снимала свой плащ крестоносца — становилась отличной подругой, лучшей не пожелаешь.

«Так, — подумал он, — если сейчас навалиться, то где-то через полчаса удастся хоть чуть-чуть разгрести этот завал на столе». Быстрее не выйдет. Но полчаса — нормально. Еще останется время заехать домой, принять душ, побриться и переодеться. Хоть раз в жизни он придет к Элис вовремя. Но прежде всего надо выпить кофе.

Портер встал и пошел через зал.

— Ты не знаешь, — спросил он Маршию, — у нас кофе не остался?

— Должно быть, остался, — ответила она. — Там и сэндвичи могут быть, но уже зачерствели, наверное.

— Кроме чашки кофе мне ничего не надо, — проворчал он. Он дошел до середины зала, как вдруг один из телетайпов ожил. Громко и требовательно зазвенел звонок, словно требуя внимания.

Портер повернулся и быстро пошел назад. Это был телетайп Ассошиэтед Пресс. Он подошел к телетайпу и склонился над ним, опершись на аппарат руками. Принтер тянул по бумаге линию сводки новостей. Потом пошло:

«Экстренное сообщение — в Миннесоте с неба спустился крупный неизвестный объект».

Телетайп умолк, принтер еще дрожал.

— Что это такое? — спросила Маршия. Она стояла у него за спиной.

— Не знаю, — ответил Портер. — Должно быть, метеорит.

— Ну, давай, давай, пиши дальше! — обратился он к телетайпу. — Расскажи, что там такое.

На его столе заверещал телефон.

Маршия подошла и взяла трубку.

— Хорошо, Грейс, — сказала она. — Я ему передам.

Телетайп снова ожил.

«Может быть, что сегодня у городка Лоун-Пайн в Северной Миннесоте приземлился первый пришелец из дальнего космоса...»

Рядом раздался голос Маршии:

— Грейс звонила. Президент хочет тебя видеть.

Портер кивнул и отвернулся от машины. В это время застучали остальные телетайпы, но он вышел из зала, спустился по лестнице и пошел дальше по коридору.

Когда он вошел в приемную, Грейс показала головой на дверь.

— Заходи. Он тебя ждет.

— В чем дело, Грейс?

— Я толком не знаю. Он сейчас разговаривает с начальником штаба. Что-то о новом спутнике, который только что обнаружили.

Портер прошел через приемную к двери, постучал, потом повернул ручку и вошел.

Президент, Хэрберт Тэйн, только что положил телефонную трубку. Он указал Портеру на кресло.

— Это был Уайтсайд, — сказал он. — Рвет и мечет. Похоже, что станции слежения обнаружили на орбите что-то новенькое. Если верить генералу, оно такое огромное, что просто жуть берет. Он говорит, это не наше. И очень не похоже на советское. Слишком велико. Ни нам, ни им вытащить такое на орбиту не под силу. Нет таких носителей. Седой на ушах стоит.

— Что-нибудь из космоса? — спросил Портер.

— Этого Седой не сказал. Но именно это у него на уме. Он уже готов заварить страшную кашу. Он появится у нас, как только доберется сюда.

— Что-то не то упало, не то приземлилось — я пока не знаю — на севере Миннесоты, — сказал Портер. — Когда вы позвонили, как раз пошла информация по телетайпу.

— Ты думаешь, это как-то связано?

— Не знаю. Об этом еще рано говорить, мы еще не знаем, что произошло в Миннесоте. Я видел только начало сообщения. Может быть, это всего лишь крупный метеорит. В любом случае что-то там с неба свалилось.

— О Боже! Дейв, у нас и без того забот хватает, — сказал президент.

— Совершенно с вами согласен, сэр, — кивнул Портер.

— Как прошел брифинг?

— Они обложили меня, как волка. В основном Блэк-Хилс и положение в энергетике.

— Но ты удачно отделался от них?

— Сэр, у меня работа такая. Я честно зарабатываю свои деньги.

— Да, — сказал президент. — Я в этом не сомневаюсь. И, думаю, это нелегко.

Раздался стук, дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула Грейс, размахивая листом бумаги, сорванным с телетайпа.

— Маршия принесла мне вот это...

— Дай сюда, — приказал президент.

Она подошла к шефу и отдала ему бумагу. Он быстро прочитал и перебросил лист через стол Портеру.

— Совершеннейшая бессмыслица, — пожаловался он. — Большой черный ящик сидит на мосту. Метеорит может быть большим и черным ящиком, как ты думаешь?

— Вряд ли, — сказал Портер. — Метеорит рухнул бы с ужасным шумом. И кратер вырыл бы огромный.

— И все что угодно, — заметил президент, — тоже рухнуло бы с шумом и вырыло бы кратер. Что бы ни упало. Скажем, сломавшийся спутник.

— Я себе именно так и представляю, — сказал Портер. — Они должны падать быстро и делать воронку. Если большие, конечно.

— Этот, вроде, большой...

Они смотрели друг на друга через стол.

— Так ты думаешь... — начал президент, но замолчал, не договорив.

На президентском столе загудел аппарат внутренней связи. Президент нажал кнопку.

— В чем дело, Грейс?

— Это генерал Уайтсайд.

— О'кей, соедини.

Прикрыв трубку рукой, он сказал Портеру:

— Должно быть, Седой услышал об этом происшествии в Миннесоте.

Он произнес в трубку несколько слов, потом сидел, слушал. Человек на том конце линии говорил быстро и возбужденно.

Наконец президент сказал:

— Ну хорошо. Давайте не будем паниковать. Если появится что-нибудь новое, дайте мне знать. — Он положил трубку и повернулся к Портеру. — Он в это верит. Ему позвонил кто-то из Национальной гвардии Миннесоты. Сказал, что штуковина опустилась и села. Это не авария, а приземление. Она еще там, размером с порядочное здание, совершенно черная, похожа на большой ящик.

— Интересно, — сказал Портер. — Все называют ее большим ящиком.

— Дейв, — спросил президент, — что мы предпримем, если окажется, что это на самом деле пришелец из космоса?

— Будем импровизировать, — ответил Портер. — Будем действовать по обстоятельствам. Только не паниковать и не дергаться.

— Позарез нужны факты. И срочно.

— Конечно. Кое-что мы узнаем из информационных телеграмм. Надо забросить туда исследовательскую группу, и как можно скорее. Связаться с ФБР в Миннеаполисе.

— Район надо оцепить, — добавил президент. — Нельзя допустить, чтобы туда хлынули толпы любопытных. — Он нажал кнопку внутренней связи. — Грейс, дайте мне губернатора в Сент-Поле. — Потом посмотрел на Портера. — Чего я боюсь — так это паники.

Портер взглянул на часы.

— Через час, даже меньше, пойдут первые вечерние информационные программы по телевидению. Может быть, уже сейчас дают экстренные сообщения. Новость разлетится очень быстро. У меня, наверное, все телефоны трезвонят. Всем нужно знать реакцию Белого дома. Хотя они сами, наверное, знают больше нас.

— Маршия еще там?

— Она чуть не ушла, но теперь наверняка там. И не уйдет, на нее можно положиться, профессионал.

— Нам может понадобиться какое-нибудь заявление.

— Пока нет, — сказал Портер. — Не надо торопиться, не будем стрелять навскидку. Надо сначала узнать побольше...

— Надо сказать что-нибудь людям. Чтобы они знали: мы делаем все возможное.

— Сейчас им будет не до нас, — сказал Портер. — Их пока будет интересовать не то, что делаем мы, а что происходит там. Слишком ошеломляющая новость.

— Может быть, собрать брифинг?

— Может быть. Если к утру будет что сказать. Если я правильно понял, об этом непонятном объекте никто не знает, кроме Уайтсайда и нас с вами. Ну и наблюдатели, разумеется; но они болтать не станут.

— Все равно это станет известно, — сказал президент. — Рано или поздно все вылезает.

— Я бы хотел, чтобы люди узнали о происшедшем от нас, — сказал Портер. — Ни к чему создавать впечатление, будто мы что-то утаиваем. Об этом уже много лет кричат поклонники НЛО. Что от них информацию засекречивают.

— Согласен, — сказал президент. — Наверное, лучше, чтобы ты созвал брифинг. Иди и начинай. А потом приходи назад. У меня могут быть люди, но ты заходи сразу, как только освободишься. К тому времени может появиться еще какая-нибудь информация.

Глава 5

ЛОУН-ПАЙН

Рыба куда-то пропала. Кролик ускакал было в темноту, а теперь возвращался, осторожно, не спеша, пригнувшись. «Бедный кролик озадачен, — подумал Джерри, — наверное, размышляет, куда он попал и что за лужайка такая странная». Енот пытался раскопать пол, шумно нюхал его... Ондатра исчезла.

Джерри уже предпринял осторожное исследование, стараясь не слишком удаляться от того места, куда его забросило, чтобы иметь возможность возвратиться. Однако он ничего не обнаружил. Стоило приблизиться к одной из теней, что возникала в мерцающем свете, — и тень тут же исчезала, отодвигаясь от него и растекаясь по плоскому полу. Он присмотрелся к крутящимся, которые принял за глаза. Поначалу ему показалось, что они расположены на какой-то стене, но теперь выяснилось, что это не так: они словно висели в воздухе. Он попробовал коснуться их рукой — не получилось. Рука прошла насквозь, ничего не ощутив при этом, а «глаза» по-прежнему висели, излучали все тот же мягкий свет и следили за ним.

Джерри показалось, что он видит немного лучше; быть может, потому, что глаза уже привыкли к слабому неровному освещению.

Несколько раз Джерри пытался заговорить. С кем — он и сам не знал. Но ощущал чье-то невидимое присутствие. Однако никакого ответа не было. Не было ни малейшего признака, что его слышали, что кто-нибудь, или что-нибудь, вообще знает о его присутствии. Вот только это чувство, что за тобой непрерывно следят... У него не было ощущения, что предполагаемый наблюдатель враждебен, угрожает чем-то — любопытствует, не более. Загадочный запах не исчезал, но он уже успел привыкнуть и почти не обращал внимания на него.

Как ни странно, страха он больше не испытывал, и дурные предчувствия оставили его. Вместо них пришли фаталистическое оцепенение и удивление, что такое могло произойти. «Почему, — спрашивал он себя, — это невероятное происшествие случилось именно со мной?» Время от времени он вспоминал о Кэти и концерте, но изменить что-либо был не в силах, и тогда эти мысли вытеснялись более насущными, о его нынешнем положении.

Временами он ощущал какое-то движение, словно вся конструкция, ставшая его тюрьмой, куда-то перемещалась. Пару раз она закачалась и задергалась, будто пришла в движение. Однако Джерри остался спокоен. «Вероятно, — думал он, — это просто реакция организма на непривычные условия».

Но самое главное, он не мог определить, что это — конструкция или организм? Это было непонятно как в тот момент, когда «оно» свалилось с неба, так и теперь. Может быть, это машина, запрограммированная на приспособление к любым условиям и ситуациям. Но что-то в ней казалось живым. Он не знал почему, но инстинктивно чувствовал.

Несмотря на то что никаких доказательств не было, Джерри все больше и больше утверждался в мысли, что за ним наблюдает живое существо, некий разум. Едва приземлившись, пришелец из космоса тут же начал исследовать жизнь на незнакомой планете; человек, кролик, рыба, енот, ондатра... Джерри не сомневался, что по этим пяти экземплярам можно получить какую-то предварительную информацию, а может быть, даже общее представление о принципах эволюции земной жизни.

«Да, "оно" живое, — решил он. — Огромный черный ящик — живое существо». Почему он так решил,

он и сам не знал; такая убежденность показалась ему странной. Он пытался разобраться, откуда это пришло, — и вдруг словно чей-то голос прозвучал, точно в мозгу сверкнула молния прозрения — пришло и новое знание: «это» похоже на дерево. «Да, — подумал он, — в нем ощущается то же самое, что я чувствую в любом дереве». Мысль была нелепой, черный ящик не имел ничего общего с деревом, но ощущение не проходило: штукавина, в которую он попал, чем-то похожа на дерево.

Он постарался избавиться от этой мысли, выкинуть ее из головы — уж больно дурацкой, даже сумасшедшей, она казалась, — но не смог. Мало того, к ней присоединилась еще одна, тоже ниоткуда: какая-то расплывчатая мысль о доме. Что означала сия новая идея, он не понимал. Значит ли это, что здесь он дома? Такое предположение возмутило его. Ну уж нет! Что угодно, только не дом.

Он стал размышлять, каким образом возникла такая странная мысль. Может быть, некая чужая жизнь — если это жизнь — пытается связаться с ним? И внушает ему разные представления, пытаясь навести мост между разными интеллектами? Если дело обстоит так — а в это трудно было заставить себя поверить, — что имел в виду пришелец? Какая связь между деревом и домом? На что «оно» рассчитывает, внушая такие идеи? Какие ассоциации ему нужны?

Размышляя, он заметил, что все больше и больше свыкается с мыслью, что черный ящик — пришелец из космоса, причем не только живой, но и разумный.

Почва для такого предположения была подготовлена давно. Уже много лет говорили и писали о том, что в один прекрасный день на Земле может появиться какой-нибудь представитель внеземной цивилизации; гадали, что произойдет при этом, какова будет реакция серой, безграмотной толпы. Так что идея была не нова; за долгие годы она успела овладеть общественным сознанием.

Прыг, прыг... кролик приблизился вплотную. Прижавшись к полу, вытянул шею и понюхал носки болотных сапог. Енот прекратил свои попытки расковырять пол и вразвалочку убежал. Ондатра не возвращалась.

«Братья наши меньшие, — подумал Джерри, — братишки мои, попали вы вместе со мной в утробу к этому

чужому существу, которое считает нашу Землю чужой планетой — и вот изучает нас...»

Внезапно что-то обвилось вокруг него. Его оторвало от пола и швырнуло в стену, — но он не ударился о нее. В стене приоткрылась щель, и он вылетел наружу.

Теперь он падал. В темноте почти ничего не было видно, но он различил под собой что-то темное и закрыл лицо руками. Он рухнул на дерево; ветви торчали кверху, но оказались гибкими и смягчили падение. Он вытянул одну руку, пытаясь за что-нибудь ухватиться, а другой по-прежнему закрывал лицо. Под руку попала какая-то ветка, он схватился за нее, но она согнулась. Тогда он вытянул другую руку, уцепился за толстый сук и смог удержаться.

Какое-то время Джерри висел, раскачиваясь, на суку и жадно вдыхал знакомый аромат соснового леса. Дул несильный ветер, и вокруг слышалось нежное шептание хвои.

Он был счастлив: наконец-то ему удалось выбраться из этой штуковины. «Хотя, — подумал он, — "выбраться" — это совсем не то слово». Ведь его попросту выкинули. Они — или оно — взяли от него все, что было нужно, и вышвырнули его вон. Наверное, еще раньше точно так же выкинули рыбу, а скоро выкинут и всех остальных: кролика, енота и ондатру.

Глаза немного привыкли к темноте, и он осторожно пополз по суку к стволу дерева. Обхватив ствол руками и ногами, он решил немного отдохнуть. Ветви были так густы, что Джерри не имел ни малейшего представления, на какой высоте находится, земли не было видно. «Не очень высоко, — подумал он, — ведь я падал из ящика высотой около сорока футов, еще сколько-то пролетел по воздуху, пока не свалился на дерево».

Он начал медленно спускаться. Это оказалось нелегко, особенно в темноте, приходилось пробираться между многочисленными ветвями. «Дерево, — решил он, — не слишком большое, невысокое. Ствол около фута в диаметре, хотя книзу становился потолще».

Наконец он коснулся ногами чего-то твердого, от неожиданности колени у него подогнулись. Он пощупал ногой поверхность, чтобы убедиться, что это на самом деле земля, потом отпустил ствол и стал пробираться сквозь чащу.

Он пытался увидеть хоть что-нибудь, но темнота была слишком густая. Он помнил, что оставил машину где-то рядом, недалеко от дороги, и очень удивился, даже испугался, обнаружив, что понятия не имеет, куда идти.

Он прошел чуть-чуть, надеясь выбраться на открытое место, где можно было бы хоть что-нибудь увидеть. Но не прошел и нескольких футов, как снова запутался в ветвях какого-то дерева. Попробовал в другом направлении — то же самое. Он припал к земле и стал всматриваться вверх, надеясь разглядеть очертания штуквины, упавшей с неба, но ничего не увидел.

Он подумал, что отсюда должны быть видны огни городка. Но как ни старался — не заметил ни единого огонька, хоть Лоун-Пайн не мог быть далеко. Он решил сориентироваться по звездам — но их тоже не было: то ли небо затянуло, то ли лес был слишком густой.

«Боже, — подумал он, — это ж надо заблудиться в лесу в какой-нибудь миле от города! Какой-никакой, но все-таки город...» А он сидит тут, скрючившись от холода, и не знает, куда идти.

Стало холодно. И к утру еще похолодает, так что ночевать в лесу, дожидаясь рассвета, — удовольствие небольшое. «Можно было бы разжечь костер», — подумал он, но вспомнил, что у него нет спичек. Он не курил, а потому никогда не носил с собой спички. «Однако холод — это еще не все, — сказал он себе. — Надо как-то добраться до телефона и как можно скорее. Надо позвонить Кэти и объяснить, что его задержало. Она там, наверное, с ума сходит».

Он вспомнил правило для заблудившихся: двигайся под уклон. Двигаясь под уклон, обязательно доберешься до какой-нибудь воды, а вода рано или поздно приведет к людям. Отсюда он может выйти к реке, а по берегу реки — на дорогу. Или можно попробовать перебраться через реку — тогда он окажется совсем рядом с Лоун-Пайном. В этом было мало привлекательного — реку он не знал, и попытка может оказаться опасной, если он попадет в омут или на стремнину.

А вдруг он сможет найти штуквину, в которой сидел? Если это удастся — можно найти дорогу, ведущую к мосту. Да, но реку все равно не удастся перейти, ведь моста больше нет. А может быть, это чудо так и

лежит на мосту? Ему казалось, что он ощущает ее присутствие, но он не был в этом уверен.

«Я должен быть совсем рядом с этим ящиком», — подумал Джерри. Его не могло выкинуть оттуда слишком далеко. Он был твердо уверен, что ящик где-то совсем рядом, не дальше тридцати футов.

И он пошел — точнее, попытался пойти. И никуда не пришел. Он наткнулся на деревья, путался в ветвях и кустарнике, спотыкался о валежник... Он не мог пройти в одном направлении больше нескольких футов. Он совершенно заблудился и понятия не имел, где находится.

Устав от бесплодных попыток, он сел на землю, прижавшись спиной к стволу ели. Ее нижние ветви росли совсем рядом с землей, и он сидел, словно в низкой палатке. «Боже, — подумал он, — никогда бы не поверил, что можно так заблудиться в темноте».

Отдохнув немного, он встал и снова двинулся наугад. Временами он спрашивал себя: не пора ли бросить это бесполезное занятие, устроиться где-нибудь под елью и дожидаться рассвета? Но не мог заставить себя сделать это: ведь каждая попытка могла оказаться счастливой... Вдруг он найдет черную штуковину, или дорогу, или что-нибудь еще, что подскажет ему, где он находится.

И тут он обнаружил тропинку. Он не рассчитывал найти тропинку, но это было лучше, чем ничего, и он решил держаться ее. Тропинка — или чей-то след — наверняка выведет его куда-нибудь, если только он не потеряет ее в темноте.

Он не увидел тропинку, а нашел ее случайно, когда, споткнувшись обо что-то, упал прямо на нее. Лесная дорожка была утоптанной — он убедился в этом, ощутив ее руками. По обе стороны плотно росли деревья и кусты.

Был единственный способ не потерять тропу — двигаться по ней на четвереньках, все время нащупывая руками. Джерри так и сделал: он медленно пополз по ней на четвереньках, не зная, где находится и куда идет.

Глава 6

ЛОУН-ПАЙН

— Я не знаю, где они, Джонни, — говорил в телефон Фрэнк Нортон. — Они не появлялись. Ты сказал — в шесть, и я с тех пор жду их. Может быть, пробка на дороге?

— Какого черта? — заорал Гаррисон. — С каких это пор у вас появились пробки на дорогах?

— Хуже, чем в день открытия рыболовного сезона, — ответил Нортон. — После того как радио и телевидение дали экстренные сообщения, все бросились к нам. Дороги, ведущие в город, забиты машинами. Полиция пытается заблокировать нас, и патрулям приходится нелегко.

— Сейчас уже поздно фотографировать, — сказал Гаррисон. — Так ты говоришь, эта штукавина куда-то поехала?

— Совсем недавно. Двинулась через мост по дороге, что ведет в лес. Сейчас уже темно. Нет никакой возможности хоть что-нибудь отснять. Но я сделал несколько снимков, пока она еще была здесь.

— У тебя есть снимки? Так какого черта ты молчишь?

— Джонни, их немного. И не такие, как получились бы вашими камерами, профессиональными. Обыкновен-

ный туристский аппаратик. Я отснял две пленки, но не уверен, что там есть на что посмотреть.

— Послушай, Фрэнк! Есть ли какая-нибудь возможность переправить пленки нам? Ты вообще согласен продать их мне?

— Продать? Если они тебе нужны, Джонни, они твои. Я хотел бы только получить несколько фотографий, вот и все.

— Не валяй дурака, — сказал Гаррисон. — Эти пленки стоят денег. Больших денег. Если ты отдашь нам пленки, я пришлю тебе отсюда все, что только можно привезти. Есть ли возможность доставить их? Быть может, кто-нибудь согласится смотаться к нам на машине? Я не хочу, чтобы ты сам срывался с места. Мне бы хотелось, чтобы ты оставался там, пока не появятся Кэти и Чет.

— Тут есть паренек, который работает на заправочной станции. У него мотоцикл. Он довезет быстрее, чем кто-либо другой, если только не свернет себе шею по дороге.

— Ему можно доверять?

— Абсолютно, — сказал Нортон. — Он у меня иногда работает, разные поручения выполняет время от времени. Мы с ним друзья.

— Скажи ему, что если он привезет нам пленки до полуночи, получит сотню. Мы придержим выпуск, чтобы фотографии пошли в утренних газетах.

— По-моему, сейчас парнишка как раз на заправке. Я с ним свяжусь. Он найдет кого-нибудь — или я найду, — чтобы его подменить. Да, черт подери, я сам его подменю, если надо будет.

— А газетчики в городке не появлялись? Или ребята с телевидения?

— Не думаю. Телевизионщиков я бы увидел. Дулут наверняка кого-нибудь послал, и когда они появятся — скорее всего меня будут искать. Но пока никто не показывался. Дорожная полиция нас надежно заперла, в город удалось пробраться немногим. В основном тем, кто побросал свои машины на шоссе возле постов и пришел пешком, но сейчас подходят все новые. Дороги забиты машинами. Так что в этой ситуации мотоцикл даже лучше машины. Паренек, о котором я говорил, и по кювету поедет, даже по полю, если надо будет.

— Так ты это сделаешь?

— Сразу же. Если не найду того парня, то пошлю кого-нибудь другого. Только одно, Джонни. Как население воспринимает это происшествие?

— Пока не знаю, — сказал Гаррисон. — Слишком рано. Я послал своего человека поговорить с людьми. В барах, у театральных входов, просто на улицах — узнать, что они думают об этом. Он собирает материал для очерка о реакции первого встречного. А почему ты спрашиваешь?

— Мне звонили из Вашингтона. Начальник штаба сухопутных сил, так он сказал. Назвался, но имя я не расслышал. Однако генерал. Это я слышал точно.

— Пока реакция Вашингтона неизвестна, — сказал Гаррисон. — Им нужно время, чтобы сориентироваться. Ты все-таки считаешь, это может быть чем-нибудь из космоса?

— Оно сдвинулось с места и поехало, — сказал Нортон. — Перебралось через реку и заехало в лес, довольно далеко. Может быть, оно живое, или очень сложная, совершенная машина, или машина, управляемая каким-то интеллектом. У нас здесь никто не сомневается. Все уверены, что это пришелец из космоса. Тебе самому надо было бы увидеть, Джонни. Если бы увидел — тоже поверил бы.

Дверь в комнату отворилась, и на пороге показалась незнакомая женщина, за ней следовал мужчина, увешанный фотографическим снаряжением.

— Минутку, — сказал Нортон. — Кажется, это твои. Только что вошли. — Он обратился к женщине: — Вы Кэти Фостер?

Кэти кивнула.

— А вот этот навьюченный парень — Чет Уайт, — сказала она.

— Фрэнк, — позвал Гаррисон.

— Да?

— Дай мне поговорить с Кэти, будь добр.

— Конечно, — сказал Нортон. — А я займусь пленками. — Он протянул Кэти трубку. — Джонни на проводе.

— Вы что-то сказали про пленки? — спросил Чет.

— Ага. Я тут две пленки успел отщелкать, пока эта штуковина не уехала за мост. Пока ее еще было видно.

— Так ее больше нет?! — взвыл Чет.

— Она укатила. Через мост и по дороге в лес. К ней сейчас не добраться. И слишком темно, чтобы рассмотреть отсюда.

— Вы посылаете пленки Джонни?

— У меня тут есть человек с мотоциклом. Он их отвезет.

— Это хорошо, — сказал Чет. — На машине не пробраться. Черт бы побрал ваши дороги. В жизни не видел такого столпотворения. Пришлось идти пешком, мили две, наверное, не меньше. А машина где-то там осталась.

— До скорого! — сказал Нортон, выскакивая за дверь.

Тем временем Кэти говорила по телефону:

— Джонни, это ужасно! Все стараются попасть сюда. Полиция не пропускает. Машин скопилось столько...

— Ладно, — сказал Гаррисон. — Вы добрались. Там и оставайтесь. Раздобудьте, что сумеете. Поговорите с людьми, узнайте их впечатления. Как принял это город? Что это такое, по их мнению? Ты знаешь, что нам нужно.

— Джонни, Джерри не звонил?

— Какой Джерри?

— Черт возьми, Джонни, я же говорила тебе перед отъездом! Джерри Конклин, я с ним должна была встретиться сегодня. Я же все тебе объяснила.

— Теперь вспомнил. Извини. Я сейчас спрошу, подожди минутку.

В трубке было слышно, как он орал: «Кто-нибудь говорил по телефону с парнем по имени Джерри Конклин?! Приятель Кэти». Ему что-то отвечали, но Кэти не разобрала. Гаррисон взял трубку.

— Нет, Кэти. Он не звонил.

— Черт бы его побрал!

— Смотри, — сказал Гаррисон, тотчас забыв о Джерри Конклине, — сейчас четверть восьмого. Для первого выпуска нам придется обойтись тем, что у нас уже есть. Фрэнк держал нас в курсе, и мы знаем, что эта штукавина уехала за реку. Позвони мне через пару часов. Жаль, что вы застряли на шоссе. Хорошо, что добрались.

— Джонни, что еще происходит? Расскажи.

— Губернатор загнал в Лоун-Пайн чуть ли не половину полиции штата. Объявил мобилизацию Националь-

ной гвардии. Пока никто не знает, что происходит. Похоже, это на самом деле какой-то корабль из космоса, но никто не может сказать наверняка.

— Если Джерри позвонит, ты объясни ему все.

— Конечно, — сказал Гаррисон.

— Я тебе позвоню... Постой! Мне кажется, что все линии будут забиты, по телефону не дозвонишься. Посади кого-нибудь на релейную связь, и пусть позвонят сюда в девять тридцать или около того. Если с первого раза не получится, пусть пробуют еще и еще. У тебя есть номер этого телефона?

— Прекрасно. Там найдется кто-нибудь, чтобы сидел у телефона и держал линию для тебя?

— Кого-нибудь найду, — сказала Кэти. — Сколько я могу заплатить им? Какой суммой мы вообще располагаем?

— Чем меньше, тем лучше. Но трать, сколько требуется.

— Хорошо, — сказала Кэти. — До связи.

Едва она повесила трубку, вошел Нортон.

— Джимми уехал с пленками, — сообщил он. — Его приятель подменил.

— Быстро вы управились, — сказал Чет.

— Мне повезло. Джимми был на месте, а его приятель как раз болтался рядом.

— Вот что, — сказала Кэти. — Джонни будет звонить около половины десятого, и надо, чтобы кто-нибудь был у телефона и держал линию, пока я не вернусь. Может оказаться, что прорваться будет трудно.

— Пожалуй, я знаю такого человека, — сказал Нортон. — Я только что видел его на улице. Старый чудак, Стиффи Грант. Он что угодно сделает, чтобы заработать на бутылку.

— На него можно положиться?

— Если пообещаете на бутылку — конечно.

— Сколько я должна буду ему заплатить?

— Да пару долларов.

— Передайте ему, что он получит пять. И велите, чтобы никого не подпускал к телефону. Ни за что, ни при каких обстоятельствах.

— Вы можете на него положиться. Дед сообразительный, если объяснить — усвоит. К тому же сейчас он трезв, так что все поймет.

— Не знаю, что бы мы без вас делали, — сказала Кэти.

— Все нормально, — сказал Нортон. — Мы с Джонни старые друзья, вместе в школе учились.

— Эта штуковина раздавила автомобиль, — сказал Чет. — Он еще там?

— Насколько я знаю, там, — ответил Нортон. — Его полицейский стережет. Приказано не убирать, пока кто-нибудь не появится.

— А кто должен появиться?

— Не знаю, — сказал Нортон.

— Ну, пошли, — сказала Кэти. — Я хочу посмотреть на эту машину. Может, сделаем пару снимков.

— Идите прямо по улице, — сказал Нортон, — к реке. Это недалеко. Увидите полицейскую машину с красными фонарями — там и найдете то, что вам надо. А я пока займусь Стиффи, приведу его сюда, а потом догоню вас.

Пройдя всего квартал, они увидели впереди красные мигалки полицейской патрульной машины. Когда подошли поближе, из тени навстречу шагнул полицейский.

— Мы из газеты, — сказала Кэти. — «Трибьюн», Миннеаполис.

— Можно ваше удостоверение?

Кэти достала из сумки бумажник и протянула полицейскому пресс-карточку. Он вытащил из кармана фонарик и направил луч на нее.

— Кэтрин Фостер? Я читал ваши репортажи.

— Со мной Чет Уайт, — сказала Кэти. — Наш фотограф.

— О'кей. Только смотреть тут не на что. Эта штуковина убралась за реку.

— А что с машиной? — спросил Чет.

— Машина еще здесь.

— Что если мы сделаем несколько кадров?

Полицейский заколебался. Потом сказал:

— Я думаю, можно. Только не трогайте ее. Ребята из ФБР просили оставить все, как было.

— А что им нужно? — спросила Кэти. — При чем здесь ФБР?

— Этого я не знаю, мэм, — ответил полицейский. — Но так мне сказали. Их тут несколько человек.

Они обошли патрульную машину и прошли немного вперед по дороге. Смятая машина лежала возле моста.

Точнее — там, где когда-то был мост. Она была сплюснута так, словно побывала под прессом.

— В ней кто-нибудь был? — спросила Кэти.

— Нам кажется, нет, мэм, — ответил полицейский.

Чет лазил вокруг машины, щелкая вспышкой.

— Что за машина? — продолжала Кэти. — Не установили? А номерные знаки?

Полицейский пожал плечами.

— Наверное, есть, но их не видно. Это «шевроле». Не новая. Насчет модели я не уверен.

— Не представляете, кто мог в ней приехать? Что с ним могло случиться?

— Наверное, кто-нибудь остановился порыбачить в омуте у моста. Здесь встречаются огромные форели. Говорят, люди часто сюда приезжают.

— Но если так, — сказала Кэти, — вам не кажется, что водитель уже должен был бы объявиться и рассказать, что приключилось?

— Как раз это и странно, — ответил полицейский. — Но может быть, он в реке? Когда эта штука-вина упала, мост развалился. Человека могло ударить бревном.

— А его кто-нибудь искал?

— Наверное, — сказал полицейский. — Я не знаю.

— А вы видели то, что упало? — спросила Кэти.

— Очень недолго, пока не стемнело. Когда я сюда прибыл, оно уже было за рекой. Вон там. Несколько сот футов от того берега. Стояло там, неподвижно. Большое.

— Оно стояло на дороге?

— Вообще-то на дороге. Только оно широкое, в несколько раз шире дороги. Оно снесло несколько деревьев.

— А сейчас? Так там и стоит?

— Я почти уверен. Если бы оно поехало дальше, то повалило бы еще деревья, было бы слышно. А с тех пор, как я здесь, все тихо.

— А что там выше? Выше по дороге, я имею в виду.

— Лесной заповедник, мэм. На том берегу нетронутый лес, древние сосны. Громадные. Иным по несколько сот лет. Эта штука-вина застрянет там. Она не пролезет между деревьями. Ей просто там не поместиться.

— А вы не заметили в ней признаков жизни?

— Нет, этого не видел. Просто громадный черный ящик. Вроде большого неуклюжего танка, только еще больше. Но гусениц у нее вроде нет. Не могу представить, как она двигается.

— Значит, у вас такое впечатление? Большой танк?

— Знаете, нет. Скорее похоже на большой черный ящик. Большущий продолговатый ящик, который кто-то покрасил в невероятно черный цвет.

— Как можно перебраться через реку?

— И не пытайтесь, мэм. Тут у моста глубоченный омут, а выше и ниже его страшное течение.

— А на лодке?

— Можете поспрашивать местных. Вероятно, через омут можно перебраться на лодке. Если только лодка найдется.

— Да здесь у каждого есть лодка, — вмешался Чет.

— Но лучше не пытаться, — сказал полицейский. — Мне надо спросить по рации. Вероятно, мне не разрешат вас пропустить.

— Но как же попасть туда?

— Только не по дорогам. Дороги все перекрыты.

— А что будет с теми, кто живет за рекой?

— Там никого нет. Только лес, девственный лес. На много миль вокруг. Там никто не живет.

— Сержант, — сказала Кэти, — могу я узнать ваше имя? Можно мне процитировать что-нибудь из того, что вы мне сказали?

Сержант с явным удовольствием назвал.

— Но с цитатами поаккуратней, пожалуйста, — попросил он.

Глава 7

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Портер смотрел, как журналисты входят в зал. Сегодня они выглядели не такими агрессивными, как обычно. Несмотря на то что время для брифинга было позднее, их оказалось больше, чем он ожидал.

Они вошли и расселись в безмолвном ожидании.

— Я должен извиниться перед вами за столь поздний час, — начал он, — быть может, нам стоило подождать до утра. Но я подумал, что многие из вас хотят узнать то, что известно нам. Хотя может оказаться, что мы с вами знаем практически одно и то же. Итак, мы знаем, что у городка Лоун-Пайн на севере Миннесоты с неба спустился какой-то объект. По северной окраине городка течет Пайн-Ривер; данный объект опустился таким образом, что перекрыл реку от одного берега до другого. Примечательно, что он в точности сел на мост, соединявший эти берега. Мост оказался разрушен, и раздавлена автомашина, припаркованная возле моста. По-видимому, в тот момент в машине никого не было. Незадолго до наступления темноты объект переместился на другой берег реки, где, насколько нам известно, и находится в настоящий момент. Очевидно, надо сказать еще об одном. Имеет ли это отношение к объекту,

упавшему в Миннесоте, или нет — мы не знаем, но станциями слежения на околоземной орбите обнаружен неизвестный объект очень внушительных размеров. Это все.

Первый вопрос задал представитель «Таймс» из Нью-Йорка:

— Господин секретарь, вы сказали: «внушительных размеров». Можете ли вы уточнить эти размеры и охарактеризовать орбиту?

— Мистер Смит, — ответил Портер, — пока точные размеры неизвестны, но речь может идти о нескольких милях в диаметре. Что до орбиты, я полагаю, это так называемая синхронная орбита. Она расположена на высоте около двадцати тысяч миль, ее скорость соответствует скорости вращения Земли. В настоящий момент, насколько я знаю, объект висит где-то над штатом Айова.

— Дейв, — спросил журналист из чикагской «Трибюн», — что значит «станциями слежения обнаружен»? Значит ли это, что станции слежения обнаружили объект, когда он уже был на орбите, или его заметили еще до того, как он вышел на нее?

— Если я правильно понял, его обнаружили уже на орбите. Всего несколько часов назад.

— Верны ли наши предположения, что это космическая база, с которой прилетел объект, упавший возле Лоун-Пайна?

— Я думаю, что ваши предположения, — сказал Портер, — ваше личное дело. Я считаю, что пока слишком мало информации для выводов подобного рода. Если развить вашу догадку, то следует предположить, что и новый объект на орбите, и тот, что упал в Миннесоте, появились из дальнего космоса. А этого мы пока не знаем.

— Но если оценить массу объекта на орбите, судя по его размерам, — по-видимому, можно исключить вероятность запуска его с Земли.

— Мне тоже так кажется. Но, как я уже сказал, это нуждается в уточнении.

Вашингтонская «Пост»:

— Вы сказали, что миннесотский объект переместился. Если я правильно понял, он упал поперек реки. А потом переместился на другой берег.

— Именно так.

— Не можете ли вы объяснить, как он переместился? Как бы вы описали его способ движения?

— Мне нечего сказать, Джо. Как он движется, я не знаю. Единственное, что мы знаем, — что он каким-то образом двигался. Именно так. Очевидно, он двигался без помощи извне, сам. Вы должны иметь в виду, что в момент перемещения там не оказалось ни одного квалифицированного наблюдателя. Вся наша информация основана на свидетельствах нескольких горожан, которые утверждают, что видели то-то и то-то.

— Вы можете дать нам более подробное описание объекта? Более конкретное, чем то, которое мы уже получили? Что-нибудь еще, кроме большого черного ящика?

— Боюсь, что не могу. На сей счет у нас нет никакой новой информации. Насколько нам известно, ни одной фотографии пока не сделано. Он упал вечером. И через несколько часов стало совсем темно.

«Ассошиэйтед Пресс»:

— Вы все время говорите «не знаю», и я прекрасно понимаю, что сейчас на самом деле никто ничего не может знать наверняка. Но из всего того, что уже известно, можно сделать вполне оправданный вывод, который просто напрашивается и состоит в том, что мы имеем дело с инопланетным разумом. У вас нет никаких комментариев?

— Я постараюсь ответить вам честно, — сказал Портер, — не прибегая к обычному «не знаю». Эта штука-вина опустилась на шоссе, отсюда можно заключить, что она сумела выбрать удачное место приземления. Она переместилась, по всем данным, самостоятельно. Следовательно, на борту есть либо какой-то интеллект, либо какая-то машина, управляемая сенсорными датчиками. Как вы все знаете, один человек выстрелил в нее из ружья — она ответила выстрелом, и человек был убит. Значит, она способна защищаться. Все эти факты вы, без сомнения, сопоставили сами, их просто невозможно проигнорировать. Но кроме этого мне больше нечего сказать. Все сказанное еще не дает оснований для каких-либо окончательных выводов. С выводами придется подождать, пока не наберется достаточно информации.

— У меня сложилось впечатление, что вы исключаете возможность земного происхождения объекта на

орбите, — сказал представитель Эн-би-си. — А он не может быть каким-нибудь новым экспериментальным космическим кораблем?

— Я полагаю, при нынешних обстоятельствах можно допустить все что угодно. Мне очень жаль, если у вас создалось впечатление, будто я вообще что-либо исключаю. Но меня заверили, что объект не наш.

— А если чей-нибудь еще?

— Очень сомнительно.

— Значит, вы утверждаете, что это космический пришелец.

— Нет, Карл, это вы утверждаете. Я этого не сказал.

— Можно мне вмешаться еще раз? — спросил представитель «Нью-Йорк таймс».

— Разумеется, мистер Смит.

— Вы не могли бы вкратце сообщить, что делает правительство? Проводились ли какие-либо переговоры с другими правительствами? Как я понял, район Лоун-Пайна блокирован. Это сделано федеральными властями?

— Насколько я знаю, пока никакие переговоры ни с кем не проводились. Позже, возможно, такие переговоры будут проведены, но прежде всего нам надо понять, с чем мы имеем дело. Район блокирован властями штата. Губернатор советовался с президентом, но президент не имеет никакого отношения к оцеплению района. Я предполагаю, что некоторые федеральные организации пошлют туда своих наблюдателей, но до сих пор никаких сведений по этому поводу у меня нет.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Смит.

— Но вы, наверное, согласитесь, — вступил в разговор корреспондент «Лос-Анджелес таймс», — что если данный объект, или объекты — один на земле и другой на орбите — окажутся внеземными, то дело коснется не только нас, но и всего международного сообщества?

— Я не могу позволить себе подменять государственного секретаря, — заметил Портер. — Но должен признать, что в вашем вопросе есть определенная логика.

— Позвольте мне несколько развить эту тему, — подхватил представитель «Канзас-Сити стар». — Если будет установлено, что объект, опустившийся у Лоун-Пайна, на самом деле корабль из дальнего космоса или хотя бы из Солнечной системы — давайте предположим такое, — какова будет позиция нашей страны?

Будет ли предпринята какая-то попытка установить контакт с тем разумом, который может оказаться на борту?

— Мы не пытались заглядывать так далеко, — сказал Портер. — Поскольку пока нет никаких свидетельств...

— Но если в течение ближайших дней такие свидетельства появятся — разработана ли программа нашего поведения?

— Если вы спрашиваете, собираемся ли мы избавляться от любых пришельцев любыми способами, то я так не думаю. Я высказываю неофициальную точку зрения, это моя позиция, но она основана на том, что я знаю о подходах нашего правительства к любым проблемам. Да, действительно, кто-то выстрелил в объект, когда тот приземлился. Но это была единичная акция какого-то безответственного гражданина, вероятно, ошеломленного тем, что он увидел. Я надеюсь, что остальные будут себя вести разумнее.

— И как, по-вашему, должны вести себя разумные люди?

— Я думаю, — ответил Портер, — что разумный человек мог бы попытаться установить какой-то разумный контакт. Скорее всего поначалу весьма ограниченный. Но после того как такой контакт был бы установлен, мы могли бы перейти к чему-то еще. Однако мне кажется, что вы меня вынудили выйти за пределы моих полномочий. У меня нет никаких оснований для формулировки официальной точки зрения по данному вопросу. До сих пор такая возможность даже не обсуждалась. По крайней мере, насколько мне известно.

— Вы, конечно, понимаете, — сказал журналист Эн-би-си, — что, если все это действительно так и мы действительно вступили в контакт с интеллектом откуда-то из космоса, это может оказаться наиболее значительным событием во всей истории человечества?

— Я полагаю, что вы правы, — ответил Портер. — Но снова я выступаю только от своего имени. Как я уже сказал, данная проблема пока не обсуждалась. Наша оценка ситуации еще не продвинулась настолько далеко.

— Мы поняли, Дейв, — сказал представитель Эн-би-си. — Мы просто задаем вопросы, которые приходят в голову.

— Спасибо, — поблагодарил Портер.

— Давайте перейдем к более конкретным вопросам, — предложил корреспондент «Балтимор сан». — Скажите, какие шаги может предпринять администрация? Ближайшие.

— Я полагаю, это будет наблюдение. В течение ближайших двадцати четырех часов мы задействуем как можно больше квалифицированных наблюдателей. Вероятно, среди них будет много ученых со всей страны, а не только представители правительства. Что до всего остального — все будет зависеть от развития событий. Я сомневаюсь, что кто бы то ни было может предсказать события, которые произойдут даже в ближайшие часы.

— И снова об объекте на орбите, — сказали из «Детройт ньюс». — Не может ли оказаться, что эта крупная масса, которую там увидели, — всего-навсего скопление космического мусора? Ведь мы набросали туда очень много всякого хлама. Не могла ли она каким-то образом сконцентрироваться в результате взаимного притяжения?

— Такое объяснение в принципе не исключено, — ответил Портер. — К сожалению, в физике я не силен и не могу сказать, возможно ли это. У нас данный вопрос не поднимался. Вероятно, космическое агентство имеет какие-то соображения на сей счет.

— А мы не могли бы послать туда кого-нибудь, чтобы посмотреть на объект поближе? Это не обсуждалось?

— По-видимому, пока еще нет. Возможно, будет послан один из космических челноков с орбитальной станции. Технически это осуществимо, тут сомнений нет. Такая возможность будет рассмотрена в дальнейшем.

— Если бы выяснилось, что нас на самом деле посетили инопланетяне, — сказал комментатор Си-би-эс, — как, по-вашему, это может повлиять на нас, на человечество? Само осознание, что там наверху кто-то есть...

— Повлияет, надо полагать, весьма существенно, — ответил Портер, — но здесь я вынужден воздержаться от комментариев. Это вопрос к социологам.

— Господин секретарь, — снова взял слово корреспондент «Нью-Йорк таймс», — мы чрезвычайно признательны вам за то, что вы сочли возможным встретиться

с нами в столь поздний час. Вы, конечно же, будете держать нас в курсе событий.

— Разумеется, мистер Смит, — подтвердил Портер.

Он смотрел, как журналисты выходят из зала. Маршия поднялась из-за своего стола и подошла к нему.

— Мне кажется, все прошло удачно, — сказала она.

— Сегодня они не за скальпами приходили, — ответил Портер. — Все это дело может стать политическим чуть погодя. Но пока оно слишком новое, чтобы иметь политическую окраску. Подожди. Дай этим ребятам на Холме несколько дней — начнется и политика.

Он подошел к своему столу и сел, наблюдая, как Маршия собирается и уходит. Стало тихо. Только где-то далеко звонил телефон, да чьи-то гулкие шаги раздавались в пустом коридоре.

Он поднял трубку и набрал номер Элис.

— Я так и думала, что ты сейчас позвонишь, — сказала она. — Не отходила от телефона. Ну, как прошло?

— Неплохо. Как видишь, цел. Сегодня меня не грызли.

— Бедный Дейв! — сказала она.

— Да нет, все нормально. Я сам на это напросился. Мне же платят.

— Врешь ты все. Ни на что ты не напрашивался.

— Ну, может, и не напрашивался. Но подпрыгнул, как только появился шанс поработать.

— Ты не заскочишь к нам? Я бы приготовила чего-нибудь выпить.

— Боюсь, что нет, Элис. Мне сейчас надо быть здесь. По крайней мере какое-то время.

— Ну ладно. Потом. Подожди минутку, там батюшка руками машет. Он хочет с тобой поговорить.

— Давай. Я всегда рад возможности побеседовать с сенатором.

— Доброй ночи, дорогой. Вот папа.

В трубке загудел голос сенатора:

— Дейв, что там происходит? Телевидение только об этом и говорит, но — черт их дери — они сами не знают, в чем дело. Кажется, вообще никто не знает, в чем дело. К нам на самом деле из космоса пожаловали?

— Мы знаем об этом не больше, чем на телевидении, — ответил Портер. — Только еще одна новость: станции слежения нашли кое-что новое на орбите.

И он рассказал сенатору о загадочном объекте.

— Так, может быть, в этом на самом деле что-то есть, — сказал сенатор. — Не похоже на то, что показывали в кино и по телевизору, в их дурацких фильмах. Пока никаких карликов, верно?

— Да, никаких карликов. Нам придется привыкнуть к мысли, что если там кто-нибудь и есть — они могут оказаться совершенно не похожими на людей.

— Если там кто-нибудь есть.

— Именно так.

— Мы, американцы, слишком быстро делаем выводы. У нас много воображения и мало здравого смысла.

— Пока страна воспринимает это спокойно. Никакой истерии. Никакой паники.

— Но пока, — сказал сенатор, — не случилось ничего такого, из-за чего можно впасть в истерику. Но очень скоро какие-нибудь кретины начнут распускать дурацкие слухи. Еще одно, Дейв.

— Да?

— Мы не собираемся вмешивать в это дело других?

— Простите, я не понял.

— Мы будем обращаться к другим странам? Мы собираемся делиться с ними?

— Не пойму, о чем вы, сенатор. Пока ведь нечем делиться.

— Боже мой, Дейв! А если появится? Раз пришельцы сели у нас в Миннесоте — мы должны хвататься за них! Подумай, новый разум, новая технология!..

— Теперь понял, — пробормотал Портер.

— Мы по крайней мере должны первыми увидеть, чему можно у них научиться. Быть может, это нечто такое, что перевернет все вверх дном.

— Вы представляете себе, каким трудным может оказаться общение с ними? Если там вообще кто-нибудь есть, в этой упавшей штуковине.

— Конечно. Я это прекрасно знаю. Я все понимаю. Но у нас же лучшие в мире ученые, у нас есть мозги!

— Это пока не обсуждалось, — сказал Портер.

— Ты там подкинь идею. Я постараюсь сам увидеться с президентом, но если бы ты мог замолвить словечко...

— Замолвлю, — согласился Портер. — Только не знаю, как его примут.

— Словечко, — сказал сенатор. — О большем я не прошу. Только одно слово, пока вы там не разбежались во все стороны. Будешь еще разговаривать с Элис?

— Если она хочет.

Элис взяла трубку, поболтали еще немного, потом попрощались. Портер повернулся в кресле и увидел, что в дверях стоит человек.

— Хэлло, Джек! — сказал он. — Давно ты там стоишь? Заходи, присаживайся.

— Только несколько минут, — ответил Джек Кларк. Кларк был помощником президента по военным вопросам.

— Только что разговаривал с сенатором Дэйвенпортом, — сообщил Портер.

— Что его интересует?

— Любопытство одолело, — усмехнулся Портер. — Необходимо было с кем-нибудь поговорить. Нынче ночью много таких, кто ищет, с кем бы поговорить. Боюсь, что в стране может стать беспокойно. Пока волноваться не из-за чего, но ощущение противное. Ощущения — настроения — размышления... Люди станут задавать вопросы, начнутся поиски души.

— К тому же до сих пор нет никаких доказательств, что это просто-напросто кусок космического хлама или какая-нибудь безобидная железяка.

— Нет, Джек. — Портер покачал головой. — Эта чертовщина двигается.

— Может быть, машина?

— Может быть. Но и этого вполне достаточно. Даже более чем.

Кларк подошел и сел рядом.

— Как президент? — спросил Портер.

— Пошел наверх. Спать. Не думаю, что ему хорошо спится сегодня. Взволнован. Его неизвестность угнетает. Да, наверное, она всех угнетает.

— Ты только что сказал, что это всего лишь машина. Почему ты так упорно отрицаешь возможность присутствия интеллекта, Джек?

— Убей, не знаю. Наверное, ты прав: просто упорствую. Эта идея интеллекта меня пугает. В последние годы было столько ажиотажа по поводу НЛО, столько болтовни... Наверное, сейчас практически у каждого есть какое-то свое представление о них.

— Но эта штукавина — не НЛО. В привычном смысле слова. Никаких признаков, связанных с обычными представлениями. Никаких огней, никакого шума, никакого вращения...

— В том-то и дело, — сказал Кларк. — Если появятся доказательства, что эта штука живая или там есть кто-то живой, — половина населения сойдет с ума от страха, а другая половина будет уверена, что наступил золотой век. Очень мало найдется здравомыслящих людей, способных к адекватному восприятию.

— Если окажется, что мы имеем дело с внеземным разумом, — сказал Портер, — у федерального правительства, особенно у военных, будет много хлопот. Придется отчитываться. Ведь уже столько лет твердят, что военные засекречивали сведения о НЛО.

— Боже мой, — вздохнул Кларк. — Неужто ты думаешь, что мне это не пришло в голову? Первым делом об этом подумал, едва услышал.

— Скажи, только правду. Засекречивали?

— Откуда я знаю?

— А кто знает? Черт возьми, Джек, если я представляю администрацию в этом деле, я должен знать.

— Я полагаю, разведка, — сказал Кларк. — ФБР или ЦРУ.

— Скажет мне кто-нибудь правду при нынешних обстоятельствах?

— Сомневаюсь, — ответил Кларк.

Глава 8

МИННЕАПОЛИС

— Кэти еще не подошла? — спросил Гаррисон Джима Гоулда.

— Нет, — сказал Гоулд. — Стиффи Грант сидит на телефоне. Поначалу он много рассказывал, но теперь уже иссяк, все рассказал, что знал. Подробно описал этот объект, рассказал, как его восприняли в Лоун-Пайне. Я передал все это Джексону. Он уже сдал очерк, только что.

Гоулд поднял трубку:

— Мистер Грант, вы еще здесь?

Послушал несколько секунд, потом положил трубку на стол.

— Сидит. Никуда не делся.

Гаррисон сел к столу и взял верстку, оставленную дежурным редактором на пишущей машинке. Развернув первую полосу, он увидел броский заголовок: «КОСМИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ПРИЗЕМЛИЛСЯ В МИННЕСОТЕ».

Вся страница была посвящена космическому объекту. Передовая, заметка о том, как отнеслись к событию в Лоун-Пайне, продиктованная Нортоном, материал из офиса губернатора штата, объявление начальника дорожной полиции, информация из вашингтонского бюро газеты, большая статья Джея Келли с рассуждениями о

возможности существования разумной жизни во Вселенной и о том, насколько вероятно — или невероятно — появление одной из таких живых форм на Земле, и, наконец, карта с изображением Лоун-Пайна.

«Для начала неплохо, — подумал Гаррисон. — Теперь бы еще что-нибудь от Кэти и эти фотографии Фрэнка...»

— Что слышно о парне с пленками? — спросил он Энни.

— Он звонил десять минут назад. Из Аноки. Он там останавливался, чтобы заправиться.

Гаррисон посмотрел на стенные часы напротив — 10.05. Чтобы проявить пленки и сделать пару отпечатков, оставалось еще много времени.

— Приятель Кэти не звонил? — спросил он. — Когда она подойдет к телефону, первым делом о нем спросит.

— Еще нет, — сказала Энни. — Я только что заглядывала в ее почтовый ящик. Думала, может, кто-нибудь говорил с ним и оставил ей записку. Но там ничего нет.

— А может, ты сама ему позвонишь? Ты знаешь, как его зовут?

— Да. Джерри Конклин. Он в университете учится. Должен быть в студенческом справочнике.

Гаррисон оглядел редакцию. Теперь здесь было полно народу, не то что днем. Большинство из сотрудников, судя по всему, уже закончили все дела и готовы были разойтись по домам. Джей, к примеру, с утра уехал в Рочестер за материалом о лечении рака, вернулся, написал репортаж, потом еще эту статью о возможности жизни во Вселенной — и до сих пор торчал в редакции. Да и остальные болтались тут же, явно без дела, но на всякий случай — вдруг понадобятся. «Хорошая команда», — вслух подумал Гаррисон. Но, черт побери, это они зря; сделали всю работу — пора по домам.

— Я забыл одну вещь, — сказал он помощнику. — Мы не позаботились о ночлеге для Кэти и Чета. Куда они денутся ночью? В Лоун-Пайне есть что-нибудь?

— Небольшой мотель, — ответил Гоулд. — Энни заказывала комнаты.

— Энни обо всем думает, молодец.

— Когда она позвонила, ей ответили, что комнаты уже заказаны. Нортон позаботился.

— Хорошо, — успокоился Гаррисон. — Значит, с этим порядок.

К его столу подошел Хэл Рассел, из редакции новостей.

— Джонни, из Вашингтона передали новый материал. Белый дом объявил, что на орбите обнаружен неизвестный объект. Очень больших размеров. Есть подозрения, что он имеет касательство к Лоун-Пайну. Может быть, космическая база.

Гаррисон уронил голову на руки.

— Эта ночь когда-нибудь кончится? — трагически спросил он. — Нам же для этого материала надо место на полосе освобождать! Уберите с первой страницы губернаторский материал, все остальное переставьте и сократите. Новой информации отведите столько же места, сколько первой. А в той надо переписать начало, чтобы увязать их друг с другом.

— Там только что началось, — сказал Рассел. — Семьсот пятьдесят слов. Нам места не хватит. Придется выкидывать что-нибудь еще или допечатывать второй вкладыш.

— Смотри, Хэл, тут масса хлама, без которого можно обойтись. Выкидывай. Прогонишь новую верстку — сразу носи мне.

— Конечно, Джонни, — сказал Рассел.

— Я пробовала дозвониться до Джерри Конклина, — вмешалась Энни. — Телефон не отвечает. Странно — что с ним могло случиться?

— Когда Кэти вернется, она с него шкуру спустит, — заметил Гоудд. — Не хотел бы я быть на месте того, кто ее разозлит. Даже если она далеко.

По проходу между рядами столов ковылял длинный неуклюжий Эл Лэтроп, главный редактор. Он держал верстку, вид у него был озабоченный. Подойдя к столу Гаррисона, он остановился и посмотрел на Джонни с высоты своего роста.

— Не знаю, — громыхнул он басом. — Мне это не нравится. Мы ведем себя так, словно та штукovina в Лоун-Пайне на самом деле прилетела из космоса. Что-то вроде пришельца.

— Но она и впрямь прилетела из космоса, — сказал Гаррисон. — Спустилась с неба и приземлилась. Мы же об этом говорили.

— Я представлял себе наши материалы несколько иначе. Тут явно подразумевается, что это инопланетный разум. Какой-то НЛО.

— Перечитай еще раз, — сказал ему Гаррисон. — Внимательно перечитай. Нами об этом нигде не сказано. Мы только передаем то, что слышали от других. Если они верят в НЛО или что-то вроде того, — мы так и пишем. Но, кроме того...

— А очерк Джея?

— Это вообще. Отвлеченные рассуждения. У Джея так и сказано. Если в космосе существует интеллект, то на что он может быть похож, какова вероятность, что они прилетят к нам... Такие статьи пишутся уже много лет. В журналах, в газетах... И на телевидении, и на радио было много похожего. У Джея оговорки почти в каждом втором абзаце. «Если это случится...» — пишет он. — «Если объект в Лоун-Пайне окажется связан с внеземной цивилизацией. Если...»

— Джонни, нам необходимо быть осторожными. Мы можем вызвать панику.

— Мы и так осторожны. Мы дали объективный репортаж, ни на дюйм лишнего...

Зазвонил телефон, Энни взяла трубку.

— Ну ладно, — сказал Лэтроп. — Давай и дальше будем осторожными. Давай держаться в рамках репортажа.

— Это из фотолаборатории, — сказала Энни. — К ним только что пришел этот парень с пленками.

Гоулд протянул Гаррисону трубку своего телефона.

— Только что подошла Кэти, — сказал он.

Гаррисон взял трубку.

— Кэти, подожди минутку. — Он прикрыл трубку рукой и сказал Гоулду: — Скажи ребятам на выпуске, что у них будут фотографии. Пара на первую полосу и, может быть, несколько внутрь. Загляни в лабораторию, посмотри, что там у них. Если снимки хорошие, скажи ребятам, чтобы освободили для них целый разворот. В газете много мусора, его можно выкинуть, но чтобы для фотографий место нашлось.

Он посмотрел, как Лэтроп уходит по проходу между столами, сжимая в руке газету, и сказал в трубку:

— Все в порядке, Кэти. Я тебя слушаю. Что у тебя?

— Прежде всего Джерри. Он не звонил?

Глава 9

ЛОУН-ПАЙН

Просыпаться было очень трудно. Кто-то стучал в дверь. За окнами едва занималась ранняя заря; ее слабый свет пробивался сквозь занавески. Кэти на ощупь отыскала незнакомую лампу на незнакомом ночном столике у кровати. Даже в темноте было видно, как неуютна эта мерзкая комната. «Где я, черт побери?» — подумала Кэти. И вспомнила: Лоун-Пайн.

Лоун-Пайн, и кто-то колотит в дверь.

Она нашла выключатель и повернула его. Потом сбросила одеяло, нащупала ногами тапочки на полу, подхватила халат, лежавший в ногах кровати, и торопливо надела его.

Стук не прекращался.

— Успокойтесь! — крикнула она. — Уже иду!

Запахнув халат плотнее, чтобы согреться, она зашаркала к двери, потянула задвижку, открыла...

На пороге стоял Фрэнк Нортон.

— Мисс Фостер, — сказал он. — Мне ужасно не хотелось будить вас в такую рань, но у меня новость для вас. Эта штукавина, что упала с неба вчера, валит деревья и пожирает их.

— Ест деревья?

— Именно так, — кивнул он. — Валит и заглатывает. Большие деревья.

— Будьте добры, разбудите Чета, — попросила она. — Он в соседней комнате, номер три. Я сейчас выйду.

Нортон направился к фотографу, и Кэти закрыла дверь. В комнате было до ужаса холодно. При дыхании изо рта вырывались облачка пара.

Дрожа от холода, она сбросила халат, оделась и подошла к зеркалу, чтобы наскоро причесаться. Да, выглядит она не блестяще. Ну и черт с ним. Как еще может выглядеть человек, когда его выдергивают из постели в такой час!

«Нортон, наверное, свихнулся, — подумала она. — Не может быть, чтобы та штуковина за рекой пожирала деревья. Это, должно быть, шутка — однако Нортон не похож на человека, который стал бы тратить время на розыгрыш. Но с какой стати чудо за рекой стало жевать деревья?»

Когда она вышла в коридор, Чет уже ждал ее, весь увешанный снаряжением.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он. — Даже в такой ранний час.

— Пошел ты!..

— Извините меня, — вмешался Нортон, — что поднял вас до рассвета. Но мне показалось, что вас надо было предупредить. Я не сразу решился — сомневался, наверное, целых полминуты.

— Все в порядке, — успокоила его Кэти. — У нас работа такая.

— В городе появились еще журналисты, — сказал Нортон. — Прибыли ночью. Траубридж из миннеаполисской «Стар», кто-то из «Канзас-Сити стар» и пара из Де-Мойна, из «Реджистер» и «Трибьюн». Все привезли с собой фотографов. Наверное, днем еще кто-нибудь появится.

— Как они сюда добираются? — удивился Чет. — Ведь дороги-то забиты.

— Дорожная полиция их разгрузила, — объяснил Нортон. — Они развернули и отослали всех любопытных. На дороге осталось несколько машин. Ваша, наверное, тоже среди них. Полицейские сдвинули их на обочину. Всюду патрули, но журналистов пропускают, и еще кое-кого. А прочую публику гонят.

— С телевидения кто-нибудь появился?

— Несколько бригад, — сказал Нортон. — Такой тарарам устроили. Хотят попасть на ту сторону реки, но туда никак не добраться.

— А лодки?

— Они ищут. Но здесь мало у кого есть лодки. А какие есть — те на озерах; на реке ими никто не пользуется.

По дороге к реке им встретились всего несколько человек. «Все, наверное, там, на берегу, — подумала Кэти. — Смотрят, как та штуковина жует деревья».

Не успели они выйти к реке, как вдалеке раздался треск упавшего дерева, потом какой-то хруст, который усилился и стих.

— Это та штуковина жует деревья? — спросила Кэти.

— Именно, — ответил Нортон. — Она валит дерево, хватает...

— Но там же деревья огромные! — перебил его Чет.

— Она и сама не маленькая. Подождите, сейчас сами увидите.

У разрушенного моста собралась порядочная толпа. На дороге расположились три бригады телевизионщиков. Сплюсненной машины уже не было. На обочине стоял автомобиль полиции штата, на капот лениво облокотились двое полисменов. Вчерашнего сержанта Кэти не заметила.

А за рекой лежал загадочный «объект». Кэти изумленно ахнула. Ей рассказывали, что он большой, но такой громадины она не ожидала увидеть. Большинство деревьев было выше ящика, но он доходил им до половины и даже больше. Громадный и черный. Никогда в жизни Кэти не видела такого черного цвета. Но кроме этого ничего особенного в нем не было. Он был абсолютно гладким, и никаких антенн из него не торчало. Ничего похожего на то, что показывали в телевизионных программах о НЛО и летающих тарелках. Просто длинный, громадный черный ящик. Странно, но он не вызывал чувства опасности. Ошеломляли только размеры, но страха не ощущалось.

Одно из деревьев медленно наклонилось и с треском рухнуло. Образовался уже целый завал из упавших деревьев. Из ящика доносился непрерывный шум. Вероятно, там древесина перемалывалась, пережевывалась, усваивалась. Упавшее только что дерево словно ожило

и задвигалось взад-вперед. А потом потихоньку стало подтягиваться к машине.

— Эта чертова штуковина засасывает их и сгрызает, — сказал Нортон. — С тех пор как это началось, примерно с полчаса назад, она уже продвинулась вперед почти на свою длину. Мне кажется, футов на триста, даже больше.

— А зачем она это делает? — спросила Кэти. — Пытается прогрызть дорогу через лес?

— В таком случае ей придется поработать, — сказал Нортон. — Лес тянется миль на двадцать, если не больше, и повсюду такой же густой.

Кэти стояла и наблюдала. Однако смотреть было, собственно, не на что. Огромный черный ящик валил и заглатывал деревья, и больше ничего не происходило. В этом медленном, целеустремленном движении Кэти почудилось что-то зловещее. Казалось, штуковина ощущает свою силу и совершенно уверена в том, что воспрепятствовать ей невозможно.

Кэти подошла к полицейской машине.

— Да, мисс? — сказал один из дежурных. — Можем ли мы вам чем-нибудь помочь?

— Машина, — произнесла она. — Здесь лежала смятая машина. Куда она делась?

— Приехал грузовик и забрал ее. Документы у водителя были в порядке, так что мы ему отдали. Мы уточнили по рации — нам сказали, что все в порядке.

— А кто отдал такое распоряжение?

— Этого я не могу вам сказать, мисс.

— ФБР?

— Простите, мисс, на эту тему я разговаривать не могу.

— Ладно, — сказала Кэти, — нет так нет. А вы можете сказать, что будет дальше?

— Скоро придут армейские инженеры и наведут временный мост. Мы их ждем с минуты на минуту. Один из этих сборных мостов, если я правильно понял.

Подошел Чет.

— Я снял все, что можно было снять отсюда. Надо бы подобраться поближе. Мы с Траубриджем и еще с несколькими это дело обговорили. Похоже, что реку можно перейти вброд. Течение ниже омута быстрое, но там не слишком глубоко. Во всяком случае, так говорят

местные. Возьмемся за руки, построимся цепью и будем друг друга страховать.

— Реку переходить нельзя, — сказал один из полицейских. — У нас приказ. Чтобы через реку никто не переправлялся.

— Если вы пойдете, — заявила Кэти, — то я с вами.

— Черта с два, — отрезал Чет. — Ты останешься здесь и будешь караулить снаряжение; его придется оставить на этом берегу. Я возьму только одну камеру и несколько запасных кассет.

— Чет Уайт, — сказала Кэти. — Я пойду с вами. Если другие пойдут, то пойду и я.

— Задницу промочишь. А вода холодная.

— Я уже промачивала. И мерзла. Мне не привыкать.

— Кроме того, — продолжал Чет, — эти сопляки с телевидения намереваются тащить с собой все свое железо. И хотят, чтобы мы им помогли. А барахло их очень тяжелое.

Полицейский подошел к ним вплотную.

— Вы не пойдете через реку, — сказал он. — У нас приказ.

— Покажи-ка мне свой приказ! — потребовал Чет.

— Письменных приказов у нас нет, — ответил полицейский. — Только устные, по рации. Через речку никто не пойдет.

Подошел Траубридж, из миннеаполисской «Стар».

— Я слышал, о чем вы говорили, — сказал он полицейскому. — Чтобы нас остановить, вам придется применить силу. Но вы же не станете этого делать, верно?

К первому полицейскому присоединился второй.

— Черт бы вас побрал, газетчиков, — сказал он. И обратился к напарнику: — Свяжись по рации. Скажи им, что тут происходит.

Подошел еще один из журналистов.

— Я Дуглас, из «Канзас-Сити стар», — представился он полицейскому. — Мы понимаем, у вас приказ. Но и вы нас поймите, нам необходимо на тот берег. Это наша работа. Там федеральная земля. Вы — полиция штата. Так что без постановления суда...

Полицейский не ответил.

Дуглас повернулся к Кэти.

— Вы твердо решили идти с нами?

— Вы правы, черт возьми, — сказала Кэти. — Твердо.

— Тогда будьте рядом со мной. И держитесь крепко.

— Благодарю вас, сэр.

— На, держи, — сказал Чет, протягивая ей свой фотоаппарат. — Повесь на шею. Я буду помогать этим соплякам с их железом.

— А куда ты денешь остальное барахло? — спросила она.

— Все, что не сможем взять с собой, оставим тут, на дороге. Полиция присмотрит.

— Еще чего захотел! — отозвался полицейский.

Он отвернулся и пошел к своей машине, где его товарищ разговаривал по рации.

— Зря вы полицейских обидели, ребята, — сказал Нортон.

— Мы потом извинимся, — ответил Чет. — Черт их дери, нам работать надо.

— Существуют правила пересечения противопожарных полос и всякого такого.

— Но это же не полоса, — возразил Чет. — Это речка.

— О'кей, — сказал Нортон. — Я пойду с вами. Возьму Кэти за другую руку. Мы с «Канзас-Сити» присмотрим, чтобы она не утонула.

Один из полицейских вернулся.

— Можете переходить, — сказал он. — С нашей стороны больше никаких возражений не будет. Но на вашу ответственность. Ищите приключений на свою задницу! — Он посмотрел Дугласу в лицо. — Это тоже можете написать.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Дуглас. — Непременно напишу, с превеликим удовольствием. Спасибо.

Они начали строиться в цепь на берегу. Кто-то кричал, толкался. Траубридж сбежал с дороги вниз и принялся командовать.

— Кончай базар! — закричал он. — В цепь — становись! Беритесь за руки. Не спешите. Вдохните поглубже. Вода холодная, так что яйца прихватит... — Вдруг он обратил внимание на Кэти. — Извини, Кэти.

— Не бери в голову, — сказала она. — Ничего такого, что я не слышала раньше, ты сказать не сможешь.

Цепь вошла в воду.

— Боже! — простонал один из телевизионщиков. — Вода просто ледяная!

— Спокойно, — ответил кто-то. — Не обращай внимания, дружище.

Они медленно двигались вперед. На самом глубоком месте вода доходила до пояса высокому мужчине.

Войдя в воду, Кэти заскрипела зубами. Но постепенно она забыла о холоде: все ее внимание было поглощено каменистым дном. Одна рука Кэти утонула в огромной ладони Дутласа, другую, словно клещами, сжимал Нортон.

Те, что первыми добрались до противоположного берега, стали помогать остальным.

Стуча зубами, Кэти вскарабкалась на берег. Фотоаппарат Чета болтался у нее на шее. Чет помог ей преодолеть последние футы и забрал у нее камеру.

— Побегай маленько, — велел он. — Побегай, попрыгай — подвигайся. Согреешься. Ты похожа на крысу-утопленницу.

— Ты тоже, — ответила Кэти. — Да и все остальные не лучше.

Некоторые уже бежали вверх по пологому склону. Она побежала вслед за ними. Слева возвышался этот непонятный объект; казалось, что огромная черная стена уходит прямо в небо. Треск падавших деревьев и шум внутри объекта, жевавшего их, здесь слышались громче, чем на том берегу.

Фотографы разбежались вокруг ящика, нацелив свои камеры.

Вблизи ящик впечатлял еще больше. Здесь обнаружили его истинные размеры. Покачиваясь, он медленно двигался вперед, не обращая никакого внимания на людей, суетившихся вокруг. Во всяком случае, было незаметно, чтобы он обращал на них хоть какое-то внимание. То ли не замечал, то ли игнорировал. «Как будто нас нет, — подумала Кэти. — Слово мы не стоим того, чтобы нас заметили. Суматошатся там какие-то букашки...»

Она осторожно подошла к задней стене ящика и попыталась рассмотреть, как он движется. Ни гусениц, ни колес — ничего такого, на чем он мог бы двигаться. Казалось, что у него вообще нет никаких движущихся частей, более того, создавалось впечатление, что он даже не касается земли. Кэти решила подкрасться поближе и попробовать просунуть под него руку, но в

последний момент испугалась. Этак можно и без руки остаться.

Она обнаружила, что ящик — на самом деле не совсем ящик. Боковая стена поднималась отвесно кверху. Но задняя (она подумала, что, может быть, и передняя тоже) слегка изгибалась наружу, так что в нижней части, возле самой земли, получалось нечто вроде округлого выступа. Почему-то — Кэти не могла понять почему — эта штукавина напомнила ей черепаху.

Кэти потихоньку пошла следом, но вдруг обо что-то споткнулась и чуть не упала. Что бы это могло быть? Приглядевшись, она увидела, что зацепилась за что-то белое, гладкое, торчавшее из земли. Она присела на корточки, смахнула с его поверхности землю, мох и хвою — это оказался пенёк. Низкий, не выше двух дюймов, очень ровный, свежий пенёк.

Ошеломленная, она провела по нему ладонью. Капельки выступившей смолы запачкали ей руку. Значит, ящик не ломает деревья, а срезает их возле самой земли и сталкивает своим весом, так, чтобы они падали перед ним.

«А это означает, — сказала она себе, — что машина занята не прокладкой лесной дороги. Значит, она специально создана для такой работы». Пока Кэти размышляла, задний край черепахоподобного панциря вдруг вздрогнул и подался кверху, словно автоматическая дверь гаража в ответ на сигнал.

Он приподнялся на пять-шесть футов, и из-под него выпали три белых... тюка? Что-то непонятное, похожее на тюки хлопка. И вместе с ними вылетело облако опилок и сосновых игл, похожих на массу, которую выбрасывает газонокосилка.

Потом заслонка в задней стене объекта снова опустилась.

«Что бы это могло быть? — подумала Кэти. — Мусоропровод?» Однако ей не доводилось видеть мусоропровод, из которого вылетают спрессованные белые тюки и сыплются опилки.

Она осторожно подошла к одному из тюков, протянула руку — но сразу отдернула, вдруг испугавшись чего-то. Страшно было его касаться. Обругав себя за трусость, она снова протянула руку. Белая масса была плотно упакована, спрессована, но не перевязана ни проволокой, ни вообще чем бы то ни было. Кэти попро-

бовала расковырять ее пальцами. Масса оказалась упругой и не поддавалась. Но Кэти удалось оторвать маленький кусочек непонятного материала.

Материал оказался очень похожим на хлопок. Со всем как вата. «Забавно, — подумала Кэти. — Эта штуковина глотает деревья и выплевывает хлопковые тюки».

Из-за реки донесся металлический скрежет. Оглянувшись, она увидела, что к остаткам моста задним ходом подъехал большой грузовик, оборудованный подъемным краном. Стрела подняла с его платформы какую-то длинную деревянную конструкцию. На платформе лежало еще несколько таких же. «Наверное, это те самые армейские инженеры, — подумала Кэти. — Со сборным мостом. Быть может, нам не придется идти назад вброд, уж очень это неприятно. Интересно, сколько времени им надо, чтобы навести мост?» Она надеялась, что не слишком много. Снова лезть в ледяную воду совершенно не хотелось.

Она услышала за спиной шаги, обернулась и увидела Чета. Тот бежал к ней во весь дух, а за ним мчались другие.

— Это что за чертовщина? — спросил он задыхаясь. — Откуда взялись эти тюки?

— Наше чудо только что их выплюнуло, — ответила Кэти.

Чет быстро поднял камеру и начал фотографировать, остальные последовали его примеру. Телевизионные бригады работали как бешеные, торопливо устанавливая технику. У некоторых были небольшие ручные камеры, а другие возились с треногами и электрооборудованием.

Кэти потихоньку отошла. Ей совершенно нечего было здесь делать. «Чертовски обидно», — подумала она. Дневные газеты здесь обанкротились. Все это появится в вечерних и в телевизионных новостях, раньше, чем «Трибьюн» выйдет в свет. «Так случается, — философски сказала она себе. — Где-то выигрываешь, где-то проигрываешь. И тут ничем не поможешь».

«Что все это значит? — размышляла она. — Чудовище, похожее на ящик, пожирает деревья, а потом с другого конца из него вываливаются тюки чего-то непонятного, похожего на хлопок. И еще груды мусора, который, по всей видимости, является не чем иным, как побочным продуктом такого древоедства. Похоже, тю-

ки получились из съеденной древесины. Но что в них? Что это за белый материал?» Ей казалось, что она должна это знать, и она лихорадочно рылась в памяти, пытаясь отыскать в ее глубинах нужную информацию. Где-то там оно должно быть; должно было застрять с того времени, когда она отчаянно сражалась с биологией в колледже, терпя одно поражение за другим. Да, естествознание и математика не были ее любимыми предметами и всегда ей не давались.

И вдруг ее озарило. Целлюлоза! Может быть, это целлюлоза? Ей смутно припомнилось, что деревья частично состоят из целлюлозы. Вероятно, все растения включают в себя целлюлозу. Но сколько? Достаточно для того, чтобы стоило трудов жевать деревья и извлекать из них целлюлозу? А целлюлоза похожа на хлопок? И если это на самом деле целлюлоза — на кой черт она громадному черному ящику?

Размышляя, Кэти шаг за шагом отступала назад, закинув голову и не отрывая взгляда от черной громады, стараясь лучше рассмотреть ее и оценить размеры и вес.

Внезапно она уперлась спиной в дерево. Опустив голову и оглядевшись, она обнаружила, что стоит на краю просеки, которую выгрызла в лесу черная громада. И оттуда из-за спины, из лесных зарослей, донесся тихий голос:

— Кэти? Кэти, это ты?

Она сразу узнала голос и мгновенно обернулась, с бьющимся сердцем.

— Джерри? Джерри, что ты тут делаешь?

Проклятый идиот, стоит и радуется, что подкрался и напугал! Улыбается!.. Он почему-то был в болотных сапогах, лицо поцарапано, шерстяная рубаша изодрана в клочья.

— Джерри!.. — повторила она, не веря своим глазам.

Он прижал палец к губам.

— Тихо! Иди сюда.

Она бросилась в его крепкие объятия.

— Тихо! — шепнул он. — Тихо. Давай отойдем подальше.

И потянул ее в глубь леса, под укрытие зарослей.

Она подняла на него глаза, чувствуя, как по щекам текут слезы.

— Почему тихо, Джерри? Я так рада тебя видеть, я так тебя ждала, я в редакции просила тебе передать, меня сюда послали...

— Тихо, — повторил он. — Нельзя, чтобы меня видели.

— Я ничего не понимаю! — запротестовала она. — Почему нельзя, чтобы тебя видели? Как ты вообще здесь очутился?

— Я оставил машину у моста и пошел ловить рыбу в омуте. А эта штуковина свалилась и раздавила машину.

— Так это была твоя машина?

— А ты ее видела? Я думал, что ее раздавило.

— В лепешку. Ее увезли.

— Кто увез?

— Не знаю. Просто увезли, и все. Может быть, ФБР.

— Ах, черт!

— Почему?

— Как раз этого я и боялся. Они найдут номерные знаки. И выйдут на меня.

— Джерри! Почему ты прячешься? Что случилось?

— Я был внутри этой штуковины. Меня что-то схватило и затянуло к ней в брюхо.

— Внутри? А как же ты выбрался?

— Она меня выкинула. Я упал на дерево, это меня и спасло.

— Ничего не понимаю. Зачем она тебя схватила?

— Может быть, хотела выяснить, что я собой представляю. Не уверен. Я вообще ни в чем не уверен. Я ночевал в лесу, выбраться не мог. Замерз чертовски, до полусмерти. Сидел под елочкой и думал.

— И до чего же ты додумался? Расскажи.

— Я понял, что мне нельзя становиться одним из психов, побывавших на летающей тарелке.

— Это не тарелка, Джерри.

— Нечто вроде тарелки. Оно из космоса. И оно живое. Я это точно знаю.

— Ты знаешь...

— Да, знаю. Сейчас некогда рассказывать.

— Но почему бы тебе не пойти сейчас со мной? Я не хочу, чтобы ты мотался по лесу один.

— Те люди на просеке — журналисты, не так ли?

— Конечно.

— Они меня на части разорвут. Начнут допрашивать.

— Нет. Я им не позволю.

— А возле моста полицейские.

— Да. Двое.

— Скорее всего, они ждут меня. Они, наверное, поняли, что кто-то оставил машину, а сам пошел рыбачить. А я в болотниках — видишь? Они меня по сапогам сразу узнают.

— Ладно, — сказала она. — Ладно. Но что ты собираешься делать?

— Я уже кое-что разведal. Когда я увидел, что у моста стоит полиция, то понял: здесь переправляться нельзя. Но ниже по течению есть мелководье, примерно в четверти мили отсюда, там можно перейти вброд. Как раз у дальней окраины города. Ты могла бы там меня встретить.

— Если ты так хочешь, Джерри, — встречу. Но мне все-таки кажется, что ты мог бы пойти вместе со мной.

Он покачал головой.

— Я об этом тоже думал. И представляю, что произойдет, если хоть кто-нибудь узнает, что я был внутри этой штуковины. Так что давай встретимся попозже. А сейчас — иди, пока тебя не хватились.

— Сначала поцелуй меня, — сказала Кэти. — Бревно несчастное! Ты меня даже не поцеловал...

Глава 10

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Дейв Портер вошел в зал заседаний и увидел, что все уже собрались. Некоторые только что зашли и рассаживались по местам. Во главе стола сидел президент. Генерал Уайтсайд, начальник штаба армии, — справа от него. Джон Хэммонд, шеф канцелярии, — слева.

Джек Кларк, помощник президента по военным вопросам, сидел у другого конца длинного стола напротив президента. Он выдвинул один из свободных стульев, приглашая пресс-секретаря сесть рядом.

— Что у вас нового, Дейв? — спросил президент.

— Ничего, сэр. Наверное, все уже знают, что наш пришелец жрет деревья и превращает их в тюки целлюлозы.

— Да. Эту новость, я полагаю, знают все. Ее сообщили рано утром. Больше ничего?

— Поступает масса материалов, — ответил Портер, — но ничего существенного. Большое внимание привлекает новый объект на орбите.

— Ну ладно, — сказал президент. — Попробуем обмозговать все, что нам известно о ситуации. Если не возражаете, начните вы, генерал.

— Пока все как будто спокойно, — произнес Уайтсайд. — Публика проявляет большой интерес, но пани-

ки нигде не наблюдается. Пока. Однако любая мелочь может вызвать панику, поскольку все взвинчены. Я бы сказал, напряжение нарастает, и очень быстро, но пока под контролем. Несколько эксцессов с душевнобольными... В некоторых колледжах состоялись демонстрации, но вполне мирные, даже веселые. Детвора пар выпускает. В Миннесоте дорожная полиция штата контролирует ситуацию. Лоун-Пайн охраняется. Похоже, что население воспринимает это вполне лояльно. Кое-кто требует, чтобы их туда пропустили, но таких немного. Губернатор привел в готовность Национальную гвардию, но нужды в ней пока нет. Патрульная служба допустила в Лоун-Пайн прессу. Несколько фотографов и репортеров с утра перешли вброд реку и крутились возле пришельца. Ничего не произошло. Он занимался своим делом. Должен признаться, мы были весьма озабочены вчерашним убийством парикмахера. Но больше никаких проявлений враждебности не отмечалось. Насколько мне известно, сейчас там задействована бригада агентов ФБР из Миннесоты. Возможно, директор имеет какие-нибудь сведения от них?

— Только предварительные данные, Генри, — ответил Тимоти Джексон, директор ФБР. — У них сложилось впечатление, что пришелец не несет на себе никакого вооружения. Ничего такого, в чем можно было бы распознать оружие. На его поверхности вообще ничего нет, ни сверху, ни с боков.

— Но как же он убил парикмахера? — спросил президент.

— Это мы и сами хотели бы знать, — сказал Уайтсайд. — Но пока ни малейшей зацепки.

— Стив, вы послали туда своих людей, не так ли? — спросил президент.

— Сейчас уже должны быть на месте, — ответил доктор Стивен Аллен, советник по науке. — Я с минуты на минуту жду вестей от них. Но должен вас предостеречь от чрезмерных надежд. Скорее всего, никаких потрясающих открытий или объяснений в ближайшее время не предвидится. По-видимому, мы имеем дело с чем-то таким, что далеко выходит за пределы нашего обычного опыта.

— Вы полагаете, — вступил в разговор Маркус Уайт, государственный секретарь, — что мы имеем дело с

чем-то из космоса? Быть может, с внеземной цивилизацией?

— Любая новизна всегда провоцирует преувеличения, — ответил Аллен. — Должен признаться, что такое искушение есть. Хочется сказать, что это внеземной разум. Однако у нас нет никаких доказательств, что так оно и есть на самом деле. Нельзя отрицать, что он прибыл из космоса, и — как я сказал — это нечто, по-видимому, не вписывается ни в какие наши представления. Но мне — как ученому — не хотелось бы делать каких-либо выводов, по крайней мере до того, как появятся хоть какие-нибудь достоверные данные.

— Вы заняли возмутительную позицию, — промолвил госсекретарь.

— Вы ошибаетесь, Маркус. Я просто воздерживаюсь от окончательных выводов. Не похоже, чтобы эта штука имела земное происхождение, но пока мы попросту ничего не знаем. Но что бы то ни было — меня радует, что до сих пор оно не проявило стремления причинить какой-либо вред. Пока, во всяком случае, ведет себя вполне дружелюбно.

— Уничтожение леса не так уж дружелюбно, — возразил Уильям Салливен, министр внутренних дел. — Поймите, господин президент, земли, которые разоряет пришелец, — заповедные. Район первобытного, девственного леса. Один из немногих, где сохранилась нетронутая природа, один из самых обширных. Несколько тысяч акров, на которых деревья — главным образом белая сосна — стоят, как стояли еще до появления европейцев в Америке. Поверьте, это настоящая трагедия.

— Мне кажется, — сказал Хэммонд, — что если кто-то или что-то валит деревья и извлекает из них целлюлозу — это можно рассматривать как проявление интеллекта.

— Хорошо запрограммированная машина вполне способна управиться с такой работой, — заметил советник по науке.

— Но кто-то, или что-то, должен был машину запрограммировать.

— Это верно, — вставил Аллен.

— По-моему, гибель нескольких деревьев — мелочь по сравнению с происходящим, — сказал госсекретарь. — Не стоит их оплакивать.

— Это вы так думаете, — ответил министр внутренних дел, — и может быть, вы правы. Но с моей точки зрения, это не мелочь. Я не могу с вами согласиться. Дело даже не в деревьях, а в том, что пришелец ведет себя как хозяин, и это меня тревожит. Представьте себе, что кто-то зашел в сад и рубит яблоню, которую хозяин заботливо выращивал много лет, или снимает весь урожай. И это не акт вандализма, вот в чем ужас! Этот «кто-то» действует так, словно имеет законное право рубить яблоню и грабить сад.

— Мы зря тратим время, дискутируя о таких пустяках, — сказал госсекретарь. — Мы должны выработать позицию — позицию государства. Мы должны заложить основы какой-то политики. Если наш пришелец, лесоруб миннесотский, окажется представителем внеземной цивилизации, нам совершенно необходимо иметь политику, определяющую наше отношение к нему. Ведь мы не можем быть уверены, что он один. Вероятно, он только разведчик, а остальные ждут его сведений, чтобы прилететь следом. Если это произойдет, то выработка политики приобретает первоочередную важность. Мы должны иметь какое-то представление, как вести себя по отношению к ним. Я не предлагаю немедленно приняться за детальную разработку, хотя бы потому, что мы пока не знаем, что может произойти. Но какие-то общие контуры мы просто обязаны наметить. Если мы этого не сделаем, то окажется, что в каждом отдельном случае мы реагируем на конкретную, единичную ситуацию, и не всегда в наших наилучших интересах.

— Вы говорите так, словно эта штукавина в Миннесоте олицетворяет собой новое государство, — заметил Уайтсайд. — Новую нацию. Но это не нация и не государство. Мы даже не знаем, что это такое. И как прикажете определять нашу политику, если мы не знаем, что это такое? Меня как военного главным образом занимает наша способность защититься от него.

— Защититься? — переспросил Уайт. — Пока у нас нет никаких оснований защищаться.

— Есть еще одна сторона дела, о которой стоит поговорить, — вступил в разговор Лесли Лоутан, представитель ЦРУ, — безопасность.

— Что вы имеете в виду? — спросил госсекретарь.

— Если миннесотский объект как-то связан с внеземным разумом, — ответил Лоутан, — если мы обна-

ружим, что он явился с другой планеты, где условия совершенно не похожи на земные, если факторы его эволюции существенно отличаются от всего того, что мы знаем на Земле, — то, вероятно, мы сможем узнать от него очень много нового. Может случиться, что нам придется иметь дело с неизвестной цивилизацией и с неизвестными технологиями. Если бы мы смогли перенять что-либо у этой цивилизации, то, несомненно, нашли бы этому применение для наших собственных нужд, в интересах национального процветания и национальной безопасности. Принимаясь за изучение загадочного объекта — что бы мы ни делали, — мы постоянно должны помнить об этом. По моему мнению, было бы чрезвычайно неразумно делиться любым таким знанием со всем миром. Мы должны немедленно предпринять шаги, исключающие утечку полученной нами информации. То, что мы можем узнать, не должно послужить чужим интересам.

— Пока, — сказал госсекретарь, — приземлился только один пришелец. Могут приземлиться и другие. Если это произойдет, то не исключено, что другие приземлятся в других государствах. И, если ситуация будет развиваться именно так, мне кажется, что нам не удастся скрыть что-либо существенное. Я полагаю, лучше было бы поделиться с миром всем тем, что нам удалось бы приобрести. Если мы поделимся своими знаниями, то сможем рассчитывать на более сильную позицию для участия в тех открытиях, которые могут быть сделаны другими. Разумеется, при условии, что пришельцы появятся и у них.

— Прежде всего мы не знаем, — заявил Лоутан, — будут ли приземляться новые пришельцы. Такое предположение заводит нас слишком далеко. А если и будут — то не так уж много в мире стран, обладающих таким же научным потенциалом, как мы, необходимым для получения знаний.

— Может быть, вы и правы. Но позиция, которую вы предлагаете, произвела бы чрезвычайно отрицательное впечатление в мире — если, делясь полученной информацией, мы проявим чрезмерную избирательность, если откажемся публиковать ее — впечатление будет очень плохое. Если мы вообще хоть что-нибудь обнаружим.

— Что-нибудь наверняка обнаружим, — заметил советник по науке.

— Какие-нибудь общие сведения можно и обнаружить, — согласился представитель ЦРУ. — Жест в сторону общественного мнения, если вы считаете, что это нам на пользу. Но я убежден, что торопиться с этим не следует и необходимо проявлять крайнюю избирательность.

— Весь мир уже заинтригован, — сказал госсекретарь, — и я уже получил несколько осторожных запросов. Сегодня утром звонил сэр Бэзил, из британского посольства. Завтра можно ждать звонка от Дмитрия. А потом и от остальных. По моему мнению, международный климат будет гораздо здоровее, если мы будем действовать открыто с самого начала. Надо полагать, очень скоро будет высказано мнение, что это дело не наше внутреннее и касается всего международного сообщества. Я за то, чтобы послать приглашение ученым с мировым именем из разных стран принять участие в наших наблюдениях, исследованиях и оценках.

Представитель ЦРУ покачал головой.

— Абсолютно не согласен, — сказал он. — Абсолютно.

— Энди, а что вы можете сказать по этому поводу? — спросил президент.

— Так сразу — ничего, — ответил Эндрю Роллинз, министр юстиции. — Насколько я помню, в международном праве нет ничего, что было бы приложимо к данному случаю. Может быть, где-нибудь, в каком-нибудь из международных договоров что-то похожее упрятано. Вы должны дать мне несколько дней.

— Вы говорите как законник, — заметил госсекретарь.

— А я и есть законник, Маркус.

— В таком случае вы просто сошли с ума. Не как законник — как человек. Что вы сами-то думаете? Если ваши мысли окажутся не в ладах с вашими драгоценными кодексами, мы не станем вас к ним привязывать.

— Меня поражает, — сказал Роллинз, — что мы с вами говорим тут о наших интересах, о мировых интересах, о том, какой должна быть наша политика... Но никто даже на минуту не задумался об интересах нашего гостя. Он прилетел к нам. Не знаю, хорошо это или

плохо, — но прилетел. И пока мы не знаем, с чем он прилетел, пока он не вынуждает нас вести себя иначе — я думаю, что мы должны вести себя как радушные хозяева и оправдать его за недостаточностью улик.

— Энди, — улыбнулся госсекретарь, — это как раз то, что я все время хотел сказать. Но у вас получилось лучше.

— Но он же пиратствует в заповеднике! — воскликнул Салливен.

— Я согласен, мы обязаны быть гостеприимными хозяевами, — сказал Уайтсайд, — но я по-прежнему настаиваю на том, что нельзя терять бдительности. Мы должны быть настороже, готовы ко всему. Мы не знаем, с чем имеем дело.

— Вы все еще думаете, что мы будем вынуждены обороняться? — спросил госсекретарь.

— Этого я не сказал, Маркус. Я сказал, что мы должны быть готовы ко всему.

— На брифинге сегодня было несколько вопросов по поводу нового объекта на орбите, — заговорил Портер. — Хотели знать, собираемся ли мы послать к нему космический челнок с орбитальной станции, чтобы исследовать. Я ответил, что данный вопрос рассматривается. А как сейчас? Решили что-нибудь? Я помню, такой разговор был.

— Челнок может стартовать в течение часа, — сказал Джон Крауэлл из НАСА. — Нужен только приказ президента. На станции все подготовлено, и экипаж уже ждет.

— Насколько трудным может оказаться это предприятие? — спросил президент.

— Трудностей никаких, — ответил Крауэлл. — И станция, и объект находятся на синхронных орбитах, а расстояние между ними меньше тысячи миль. Исползовать челнок, чтобы посмотреть на объект поближе, — конечно, стоит. На станции есть телескоп, но — сами понимаете — маломощный, не то что настоящие астрономические стекла. Однако и с его помощью оказалось возможным получить кое-какую информацию. Объект гораздо крупнее, чем предполагалось: около двадцати миль в диаметре и порядка пяти в толщину. Имеет форму диска. И похоже, что это не сплошное, не монолитное тело, а скорее скопление каких-то более мелких элементов.

— У всех на уме, конечно, одно и то же, — снова заговорил Портер. — Что объект на орбите связан с нашим пришельцем. Что он может быть какой-то базой, космическим крейсером...

— Я думаю, надо послать челнок, — сказал президент. — Послать и узнать, что это такое. — Он обратился к Крауэлу: — Как по-вашему, опасность есть?

— Никакой особой опасности я себе представить не могу, — ответил Крауэлл. — Но когда имеешь дело неизвестно с чем, конечно, ничего нельзя исключить полностью.

— Как относятся к этой идее остальные? — спросил президент. — Кто-нибудь видит какие-либо осложнения?

— Осложнения могут возникнуть, — сказал министр юстиции, — но сделать это все равно нужно. Мы должны знать, что там такое и как нам с ним обойтись. Я думаю, пилоту следует приказать соблюдать чрезвычайную осторожность. Чтобы ничего там не потревожить. И никаких подвигов.

— Согласен, — сказал госсекретарь.

— Я тоже, — сказал министр внутренних дел.

И все сидевшие вокруг стола выразили свое согласие.

Глава 11

ЛОУН-ПАЙН

Когда Кэти спустилась с холма за мотелем, Джерри уже перебрался через реку и ждал ее. Он сидел возле сливовых деревьев, росших небольшой группкой, расположившись так, чтобы за густыми ветвями его нельзя было заметить со стороны моста, примерно в четверти мили выше по течению.

Кэти обошла деревья, увидела его и бросила на землю пару туфель.

— Ну, можешь скинуть свои сапоги, — сказала она. — Надеюсь, купила подходящий размер.

— Я ношу восьмой, — отозвался Джерри.

— А эти восемь с половиной. Я не могла вспомнить размер, а может, и не знала никогда. Но лучше большие, чем маленькие. Тут полно зевак, возле полицейских все время кто-нибудь слоняется. Без сапог на тебя никто не обратит внимания.

— Спасибо, — поблагодарил Джерри. — Сапоги меня просто замучили.

Она подошла и села рядом. Он обнял ее за плечи, притянул к себе и наклонился, чтобы поцеловать.

— Слушай, тут чудесное местечко, — сказала она. — Давай никуда не пойдем. Посидим, поговорим. У меня к тебе куча вопросов. Утром ты не дал мне и слова сказать. Ну а теперь давай рассказывай.

— Ну, я говорил, что был внутри этой штуковины. Но я там был не один. Была еще рыба, кролик, енот и ондатра.

— Ты сказал, что они хотели изучить тебя. И всех остальных они тоже изучали?

— Я так думаю. Представь себе, что ты чужак и спускаешься на незнакомую планету. И тебе хочется узнать, что там за жизнь...

— Почему бы тебе не начать с самого начала и не рассказать мне все по порядку, подробно.

— Ты же меня перебивать будешь. Вопросами своими.

— Не буду. Я сижу, молчу и слушаю.

— Но ты не будешь писать обо мне статью?

— Это зависит от того, что ты мне расскажешь. И можно ли будет об этом написать. Но если ты скажешь «нет» — не буду. Я, конечно, могу с тобой поспорить, но если ты все равно скажешь «нет» — честное слово, не буду.

— Прекрасно. Вчера я приехал сюда, потому что мне сказали, что в омуте у моста попадают радужные форели. Я знал, что у меня всего полчаса на рыбалку, потому что концерт, на который ты собиралась...

— Так ты помнил о концерте?

— Еще бы не помнить! Ведь ты меня столько терроризировала...

— Ну ладно. Рассказывай дальше.

Он рассказал все с начала до конца, и она на самом деле почти не перебивала.

— Почему же ты не вернулся в Лоун-Пайн вчера вечером? — спросила она, когда Джерри закончил свой рассказ. — Ты же знал, что реку можно перейти вброд.

— Вчера не знал. Я это выяснил уже утром. А вечером я заблудился и всю ночь не знал, где нахожусь. Когда меня выкинуло, было уже темно, и я совершенно дезориентировался. Я даже не мог найти ту штуковину, которую ты называешь пришельцем. Нашел что-то похожее на тропинку, но идти по ней можно было только на четвереньках, нащупывая ее руками. Когда пытался идти по-человечески, все время натыкался на деревья. Так и полз. Надеялся, что она меня куда-нибудь выведет. А она взяла да и кончилась посреди леса. И тогда я понял, что придется дожидаться утра, и забрался под

елочку. У нее ветви до земли доставали, так что ветра под ней не было, но все равно холодно. А костер развести спичек не было.

— И там ты просидел до рассвета?

— Ну да. А потом услышал, что деревья валяются, и этот шум, когда пришелец грызет деревья. Я, конечно, не знал, что он пришелец. Я вообще ничего не знал, что там происходит. Ведь лес заповедный, деревья трогать нельзя. Но в тот момент я об этом не думал, честно говоря. Думал только, что там окажется кто-то, кто объяснит мне, как добраться до Лоун-Пайна.

— А потом ты увидел полицейских возле моста и испугался?

— Точно. Так что я разведал речку вниз по течению и нашел брод. А потом услышал голоса на берегу и пошел посмотреть. И встретил тебя.

— Но я до сих пор так и не поняла, — сказала она, — почему ты не хочешь, чтобы кто-нибудь знал о том, что ты был внутри пришельца.

— Так и не поняла? А ты подумай — у меня же нет ни малейшего доказательства, что я на самом деле там был. И пришлось бы мне стать еще одним придурком, который старается нажиться на истории с приземлением летающей тарелки. Мало таких, что ли? Сейчас, наверное, по всей стране народ взбаламучен.

— Это верно, — согласилась Кэти. — Быть может, в Вашингтоне больше всего. Я тебе говорила, что здесь люди из ФБР. А сегодня днем еще и научные наблюдатели появились, целая команда.

— Если кто-нибудь узнает, что я был там, внутри, — продолжал Джерри, — они меня поймают и начнут допрашивать. Я, конечно, мог бы все им честно рассказать, но мне же нечем доказать, что не вру. Я буду чувствовать себя дураком, а они скорее всего мне не поверят, а потом, рано или поздно, история попадет в газеты, и одни будут уверены, что я все это выдумал, а другие — что еще хуже — поверят.

— Да, я тебя понимаю, — сказала Кэти.

— То, что я мог бы сказать, никому не поможет. А уж если они уцепятся, то не отпустят. Начнут допрашивать, переспрашивать, пытаюсь поймать на каком-нибудь вранье. Чего доброго, еще в Вашингтон потащат, а мне над диссертацией работать надо.

— Да, — согласилась Кэти, — ты прав, наверное. Не знаю. Я думаю, что, возможно, ты принял правильное решение.

— Ты имеешь в виду, что не будешь спорить, писать обо мне или нет?

— Пожалуй, я бы и не решилась, — сказала она. — Получилась бы чистейшая ерунда — голая сенсация без капли доказательств. Ничего, на что можно опереться, кроме твоих слов. Представляю, что сказал бы Эл Лэтроп.

— Кто такой Эл Лэтроп?

— Наш главный редактор. Он верит только документам. Такой материал он бы ни за что не пропустил. Скорее всего даже Джонни не пропустил бы. Сам-то восхитился бы, конечно, но он же знает, что Лэтроп...

— Ну и слава Богу, — сказал Джерри. — Я думал, мне с тобой драться придется.

— Но обидно до чертиков, — сказала Кэти. — Такой бы материал получился! Боже, какой это был бы материал! Его бы по всей стране разнесли, все газеты напечатали бы, миллионы людей прочитали бы, и ты бы сразу стал героем.

— А может, и вруном?

— Может, и так, — согласилась она.

Она прижалась к нему, положив голову ему на плечо. «До чего же здесь хорошо», — подумала она. Солнце уже опускалось к западу, но еще пригревало, на небе не было ни облачка. Впереди журчала вода, перекатываясь через каменистую отмель, а на том берегу осиновая роща сияла золотом осенних листьев на фоне мрачноватой зелени сосен.

— Но ты понимаешь, что рано или поздно они до тебя доберутся? — спросила она. — Как только расковыряют твою машину и найдут номерные знаки или определяют номер мотора.

— Да, конечно, — ответил он. — Но я должен выиграть время. Мне надо успеть подумать. Как-то сориентироваться, чтобы знать, что делать. А, может быть, к тому времени вопрос, кому принадлежала машина, уже не будет никого интересовать.

— Но даже когда они узнают, что она твоя, — сказала Кэти, — не стоит упоминать, что ты был внутри пришельца. Никто никогда и не спросит об этом. Никому в голову не придет, что такое возможно. Все,

что тебе нужно, — выждать, пока шум поутихнет, хоть немножко. Вполне вероятно, что пришелец задаст им всем работу для ума. В ближайшие дни тебе надо подать заявление о выплате страховки. К тому времени мы, быть может, узнаем, кто забрал автомобиль и зачем.

— Это может и подождать. У меня другая проблема. Мне надо как-то попасть в университет.

— Где-то через час Чет поедет в Бемиджи. У него есть несколько готовых пленок; он их хочет передать на самолете в Миннеаполис. Паренек с автозаправочной станции сегодня утром пригнал нашу машину. Она осталась на шоссе, когда мы попали в пробку, полиция никого в Лоун-Пайн не пропускала, доехать было невозможно — и наша машина так и стояла на обочине с тех самых пор. Ты можешь доехать с Четом до Бемиджи и сесть на самолет.

— Так у меня же нет денег на билет!

— Ерунда. У меня есть. Мне в «Трибьюн» целую пачку дали на командировку.

— Я их тебе; конечно, верну; но, может быть, придется подождать. Ничего?

— Не надо. Я как-нибудь спишу их на командировочные расходы. Если не все сразу, то часть при следующей поездке куда-нибудь.

— Ужасно не хочется уходить, — сказал он. — Здесь так хорошо, спокойно... Как только вернусь — буду сидеть и ждать, что вот-вот зазвонит телефон или кто-нибудь хлопнет по плечу.

— Ну, это сразу. Может быть, у них будут другие дела, поважнее.

— Когда Чет уедет?

— Не сейчас. Мы побудем здесь какое-то время.

— А когда ты вернешься в газету?

— Понятия не имею. Надеюсь, слишком долго здесь торчать не придется. Я все время думаю о том, что ты сказал. Ощущение дома... Ты сказал, что пришелец внушил тебе мысль о доме. Что это, по-твоему?

— Я тоже все время об этом думаю, — сказал он. — Интересно и непонятно. И совершенно неожиданно. У меня это все время вертится в голове, но я ничего не могу придумать.

— На самом деле странно.

— Тут все достаточно странно. Если бы это случилось не со мной, я бы сказал, что такого быть не может.

— А какое-нибудь общее впечатление у тебя создалось? Ты догадываешься, что такое этот пришелец?

— Ты знаешь, я был сбит с толку. Я пытался выяснить, что это такое: то ли машина, управляемая неким интеллектом, то ли что-то живое. То так кажется, то эдак... И ничего в голову не приходит. Но эти мысли меня преследуют. Вот если бы рассказать обо всем, что я увидел и почувствовал, кому-нибудь из ученых, экзобиологу, — подробно, во всех деталях, — может быть, он заметил бы нечто такое, что я упустил.

— Но как раз этого ты не хочешь, — вздохнула Кэти. — Ни с кем не хочешь разговаривать, прячешься.

— Я не прячусь, — возразил Джерри. — Я не хочу, чтобы на меня глазели, не хочу, чтобы меня допрашивали в правительственных инстанциях, чтобы над мной потешались. Не хочу уподобиться ребенку-фантазеру, которого насмерть забывают взрослые, не имеющие воображения и не способные себе ничего представить.

— Может быть, через пару дней наш пришелец просто-напросто возьмет и улетит. — Кэти старалась его утешить. — И мы его больше не увидим. Ведь он мог остановиться у нас по дороге куда-нибудь.

— Не думаю, — покачал головой Джерри. — Не знаю почему, но не думаю.

— В университете есть один человек, — сказала Кэти. — Доктор Альберт Барр, экзобиолог. Его не очень знают, но несколько статей он напечатал. Может быть, ты поговоришь с ним? Примерно год назад Джей писал очерк о нем. Похоже, он толковый малый.

— Может быть, я разыщу его, — ответил Джерри.

Глава 12

КОСМОС

— Ты что-нибудь видишь? — спросил командир челнока второго пилота. — Приборы говорят, что мы совсем близко, но я ничего не вижу. Должно же хоть что-то быть — блик, ответ... Солнце прямо за нами, видимость отличная.

— Ничего не вижу, — отозвался второй. — Минуту назад показалось, будто что-то есть, но теперь снова ничего.

— Чертовски не хочется столкнуться с этой проклятой штукой, — сказал командир. — Свяжись-ка со станцией, проверь, где мы.

Второй пилот взял микрофон.

— Станция, Станция, я Челнок. Вы можете сказать, где мы находимся?

— Челнок, — раздался голос в наушниках, — на нашем экране вы прямо перед объектом. Вы его не видите? Вообще не замечаете?

— Абсолютно.

— Измените курс, — приказала Станция. — Возьмите левее. Вы слишком близко. Попробуйте подойти с другой стороны.

— Меняю курс, — ответил командир. — Обойдем и попробуем зайти против солнца.

Внезапно второй пилот схватил его за плечо.

— Боже мой! — воскликнул он. — Ты видишь? Ты только посмотри!

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Снова, как всегда, Дейв Портер ощущал гордость. Его радовало, что это чувство не проходит. Он гордился, что Элис Дэйвенпорт рядом, что их видят вместе, что эта блестящая, прекрасная женщина находит время для него. Они сидели друг против друга за столиком в одном из дальних уголков уютного вашингтонского ресторана со свечами на столах и с тихой музыкой, доносившейся откуда-то издали. Она подняла свой стакан и посмотрела сквозь стекло на Дейва.

— Наверное, все не так уж плохо, — сказала она. — Ты выглядишь не таким измотанным, как в последнее время. Сегодня все в порядке?

— Брифинг прошел отлично, — ответил он. — Никто на меня не набрасывался — мы теперь друзья. Почти. Не было ни одного неприятного момента, хорошо бы и дальше так. Я сказал президенту, что на этот раз мы ничего не должны скрывать, ни о чем не умалчивать. Вот на встрече с президентом и его командой было порой неприятно. Некоторые из этих негодяев настоящие параноики.

— Хотят придержать информацию о происходящем?

— Не совсем так. Хотя я подозреваю, кое-кто из них был бы счастлив, если бы я на это пошел. Но дело

в другом. Салливен расшумелся из-за нескольких поваленных деревьев — будто эти деревья так уж много значат. Госсекретарь все время твердил, что надо немедленно выработать политику по отношению к пришельцу, ЦРУ рекомендовало держать в тайне все, что мы можем от него узнать, а Уайтсайд беспокоился, сможем ли мы защититься от него.

— Дейв! Ты сказал: «Президент и его команда» — будто ты сам не в команде президента. Ты их не любишь? Тех, кто вокруг президента.

— Дело не в том, люблю я их или нет. Мне приходится с ними работать. Но я буду работать так, как считаю нужным. Чем дальше, тем яснее, что иначе нельзя. А некоторых я люблю. Скажем, Джек Кларк, помощник по военным вопросам, мне очень нравится. Мы с ним часто беседуем с глазу на глаз.

— Фактически мы совершенно не знаем, что собой представляет наш гость в Миннесоте, — сказала Элис.

— Не знаем, — согласился он. — Не имеем ни малейшего понятия. Совершенно ясно, что он явился из космоса, но это все, что мы знаем. Однако некоторые, включая советника по науке, отказываются признать даже это. В том, что никто ничего не знает, удивительного нет. Он приземлился чуть больше суток назад. Будет большой удачей, если нам станет хоть что-то известно, скажем, через неделю. А ведь может понадобится и несколько месяцев.

— Если он пробудет здесь до тех пор.

— Разумеется. Он может и исчезнуть через пару дней. Если это случится — нам будет о чем рассуждать и спорить в течение многих лет. Будем строить догадки. Высказывать запоздалые предложения по поводу того, как нам следовало бы его принять!.. Но я надеюсь, он пробудет здесь достаточно долго, так что мы успеем узнать хоть что-нибудь.

— Знаешь, чего я боюсь? — сказала Элис. — Боюсь, что, если он не улетит, мы разозлимся на него из-за этих деревьев или из-за чего-нибудь еще. Дейв, мы не можем позволить себе возненавидеть эту штуковину. Нельзя допустить, чтобы ненависть ослепила нас. Мы можем ее не любить, но должны уважать как новую, неизвестную нам форму жизни.

— Так сказал бы настоящий антрополог, — заметил Портер.

— Можешь меня подкалывать, но именно так должно быть. Ради нашего же блага. Возможно, во Вселенной есть другая жизнь. А если есть жизнь, то должен быть и разум, — но маловероятно, что таких разумов много.

— Элис, ведь мы еще не знаем, живая ли эта штука, о разуме пока и речи нет.

— Должен быть разум. Она опустила на дорогу — значит, выбирала посадочную площадку. Она валит деревья и вырабатывает целлюлозу. Все свидетельствует о том, что разум есть. Должен быть.

— Запрограммированная машина...

— Не верю, — возразила Элис. — Для этого нужно слишком многое. Машина должна быть запрограммирована на миллионы самых разнообразных условий и ситуаций. Вряд ли такое возможно. Когда пришелец приземлился, у него не могло быть представлений о неизвестной планете. Разве что весьма общие, не более того. Но даже если он всего лишь машина — хоть и трудно в это поверить, — кто-то должен был заложить в нее программу действий. Так что без разума тут не обойтись.

— Я знаю. Теперь ты будешь твердить об этом без конца.

— Ты никуда не денешься от того, — сказала Элис, — что здесь присутствует разум. Мы шарахаемся от этой мысли из-за предубеждений — и только. Этот большой черный ящик живым быть не может, говорим мы. На Земле такого существа нет, следовательно, он не может быть живым... совершенно нелогично. Далее. Он вырабатывает целлюлозу — а зачем ему целлюлоза? Мы из нее делаем бумагу, может быть, еще что-нибудь, не знаю, я в бумажном деле не специалист. Но раз он не собирается делать бумагу, то в его действиях тоже нет смысла. Так нам кажется. Но это нам только кажется, Дейв. Кто-нибудь подумал, что ему целлюлоза, может быть, нужна для других целей? Быть может, для него целлюлоза — сокровище, деревья — дар божий, как для нас золото или алмазы. Быть может, он скитался в космосе несколько световых лет, пока не нашел планету, где есть целлюлоза. В Галактике, должно быть, не так уж много планет, на которых растут деревья или что-нибудь похожее.

— Мне кажется, что ты меня к чему-то подводишь, — заметил Портер.

— Да, подвожу, — согласилась Элис. — К исторической параллели, из которой можно извлечь очень ценный урок. Нечто свалилось нам на голову и берет что хочет, не спрашивая у нас разрешения, не обращая на нас никакого внимания, — точно так же вели себя белые, появившись в Америке, в Африке или где бы то ни было. Так же самонадеянно, так же бесцеремонно, как мы.

— Боюсь, то же самое скажут и другие. Ты сказала первой, но появятся и другие. Индейцы, прежде всего.

— Коренные американцы, — поправила она.

— Хорошо, будь по-твоему. Коренные американцы.

— И еще одно, — продолжала она. — Мы должны приложить все усилия, чтобы наладить контакт с нашим пришельцем. Он может столько нам поведать! Быть может, такое, о чем мы никогда не задумывались и не имеем ни малейшего понятия. Новые точки зрения, новые перспективы... Быть может, это изменит нашу жизнь, даже перевернет. Мне все время кажется, что когда-то где-то мы свернули на неверную дорогу. Быть может, пришелец вернет нас на правильный путь?

— Я согласен с тобой. Но как ты представляешь себе разговор с ним? Чтобы объясниться — тут пальцами не обойтись. Наши переговоры должны быть содержательными. А это может оказаться нелегко — если мы вообще сможем как-то с ним заговорить.

— Это потребует времени, конечно! Но надо запастись терпением. Мы должны дать ему — и себе — шанс. Главное — не делать ничего такого, чтобы он улетел. Мы должны постараться задержать его здесь, что бы он у нас ни брал.

— Пока никто его не гонит, Элис. Да если бы нам и захотелось — как это сделать?

Глава 14

ЛОУН-ПАЙН

Посреди ночи Кэти проснулась. Она лежала, скрючившись под одеялом и стараясь спрятаться от мрака и холода, которые словно давили на нее в неудобной комнате мотеля.

«Холод, — подумала она. — Холод и мрак». И с удивлением поняла, что думает не о тех холоде и мраке, что царят в крохотной комнатке, а о мраке и холоде, которые преодолел пришелец, чтобы добраться до Земли.

Приснился он ей, что ли? И сон превратился в первую мысль при пробуждении? Если так, то больше из того, что снилось, она не помнила ничего.

Однако мысли о пришельце и ледящей пустоте дальнего космоса не отступали. «Из каких далей он явился?» — спрашивала она себя. Через световые годы, сквозь всепоглощающую тьму с неясными светлячками далеких неизвестных солнц. Что его заставило пуститься в путь? Душевная пустота, такая же безграничная, как пустота межпланетного пространства? Голод, не похожий на голод обитателей планеты Земля? А может быть, желание отыскать Землю или другую планету, похожую на Землю? Почему именно Земля или планета, похожая на Землю? Потому что на ней растут

деревья? Она покачала головой. Нет. Должно быть что-то другое, что-то большее.

А может быть, он просто исследует Галактику? Составляет карту? Или летит по какой-нибудь не очень точной схеме, которую вычертил другой путешественник; летит, выполняя какую-то миссию, которую человеческий разум даже не в состоянии понять?..

«Холод и мрак», — снова подумала Кэти. И удивилась — отчего эти два слова неотступно крутятся в голове? Ведь там не только холод и мрак. Там еще одиночество. Ощущение своей затерянности и ничтожности в бесконечном пространстве, у которого нет и не может быть не только сочувствия, но даже внимания. Великое, беспредельное безразличие, не замечающее, что кто-то движется сквозь него. «Какое же существо, — думала Кэти, — способно выстоять перед лицом великого безразличия? Какое существо могло бы броситься в эту бездну небытия? Какие причины могли заставить его устремиться в бесконечную пустоту? Наверное, у него была какая-то цель. Но если этой целью была Земля, то, отправляясь в путь, он не мог знать, что достигнет ее. Никто, даже в самом ближайшем космосе, не может знать о Земле или хотя бы подозревать о ней».

«Бедный, одинокий, — думала она. — Бедный, испуганный древоед. Бедное создание, прилетело из такого далека!.. На Землю. Из Великого Безразличия».

Глава 15

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Портер уже надел пижаму и стал стелить постель, когда вдруг зазвонил телефон. Он взглянул на часы на ночном столике — было почти два.

— Это Джек, — раздался голос с того конца провода. — Джек Кларк. Я тебя не разбудил?

— Через минуту уже разбудил бы.

— Дейв, по-моему, это важно. Ты не можешь приехать в Белый дом? Мы будем ждать в твоём кабинете.

— Кто это мы?

— Я, НАСА, советник по науке и Уайтсайд.

— Президента не будет?

— Он спит. Мы не хотим его будить. Надо кое-что обсудить.

— Что именно?

— Это не телефонный разговор. Повторяю, это важно.

— Я буду через десять минут. Может, через пятнадцать.

— Вот ещё что. Быть может, стоит позвать и шефа канцелярии? У тебя нет возражений?

— Хэммонда? Конечно. Обязательно пригласи его.

— Ну хорошо. Ждём тебя.

Портер повесил трубку. Что за чертовщина, что там случилось? Кларк был взволнован и озабочен — это было слышно по голосу. Быть может, другой этого и не заметил бы, но он заметил. Он знал Джека Кларка достаточно давно.

Он взглянул на постель. Сейчас бы залезть под одеяло — и ну его к черту, этого Кларка и всех остальных вместе с ним. Бог свидетель, ему необходимо отдохнуть. За последние двадцать четыре часа он почти не спал... Но он прекрасно знал, что только примеряет эту мысль. Через пятнадцать минут он будет идти по коридору к пресс-бюро, так что надо снимать пижаму. Что он и сделал — и пошел к шкафу за носками.

Прежде чем сесть в машину, он немного постоял, глядя в небо. Где-то к северу, не слишком близко, слышался гул самолета, шедшего на посадку. Он попытался разглядеть мигающие огни на борту, но их не было видно. На улице шуршали опавшие листья, ветер гнал их вдоль тротуаров.

Когда он вошел в пресс-бюро, все уже собрались и ждали его. Не было только Хэммонда. У стены потихоньку стрекотали телетайпы. Из кухни принесли кофе, на одном из столов сверкал кофейник, и аккуратно выстроились белые чашки.

Уайтсайд занял место за столом Портера и раскачивался в его кресле. Крауэлл из НАСА и доктор Аллен сидели на небольшом диване. Кларк разливал по чашкам кофе. Быстрым размашистым шагом в комнату вошел Хэммонд.

— Что произошло? — спросил он. — Судя по вашему голосу, Джек, что-то важное.

— Я не знаю, насколько важное, — ответил Кларк. — Это надо обсудить. Челнок вышел на связь с орбитальной станцией, и оттуда мы получили сообщение.

— Что там?

Кларк показал на Крауэлла. Все повернулись к нему.

— Новый объект в космосе, — сказал Крауэлл, — как многие из нас, наверное, предполагали, но не хотели говорить вслух, совершенно очевидно связан с пришельцем, опустившимся в Миннесоте.

— И какая между ними связь? — спросил Хэммонд.

— Это вообще не объект в буквальном смысле слова. Это скопление пришельцев — сотни, может быть, ты-

сячи. Никто не подсчитывал, сколько их там может быть.

— И скопление имеет форму колеса?

Крауэлл кивнул.

— Мы знали это и без челнока. Изображения телескопа свидетельствовали об этом. Наблюдатели видели не монолитный объект, а скопление дискретных частиц.

— Это не дискретные частицы, — сказал Кларк.

— С расстояния в тысячу миль они казались именно такими.

— Они по-прежнему сохраняют ту же форму? — спросил Хэммонд. — Я имею в виду, скопление не рассыпается? Они не начали разлетаться?

— Уверенности в этом нет, — сказал Крауэлл. — Экипаж челнока говорит, что на краю там что-то происходит. Пришельцы — слово очень неуклюжее, но я не знаю, как их называть по-другому, — так вот, пришельцы на краях диска вроде бы расположены уже не так плотно, как раньше. Означает ли это, что «рой» начал распадаться, — мы не знаем. Если предположить аналогию с пчелиным роем, то такая ситуация нормальна. В пчелином рое основная масса пчел располагается плотно друг к другу, но всегда есть какое-то количество особей, которые летают вокруг основной массы в поисках места, куда можно было бы пристроиться. То же самое может происходить и с нашим «роем» на орбите. Ребята на челноке не уверены. Им было плохо видно.

— Плохо видно? — удивился Уайтсайд. — Что же им могло помешать?

— В космосе вообще трудно обнаружить объект, — сказал Крауэлл. — Нет фона, на котором его можно рассмотреть. Виден лишь отраженный свет.

— Но там же солнце, — упорствовал Уайтсайд. — Рой должен отражать солнечные лучи.

— Ничего подобного, генерал. Никаких отражений. И это наталкивает меня на мысль, что мы имеем дело с черными телами.

— Черные тела? Я где-то об этом слышал, но...

— Тела, которые поглощают всю энергию, в данном случае — солнечную. Абсолютно черное тело поглощает всю энергию без остатка, ничего не отражая.

— Разумеется! — воскликнул Аллен. — Я должен был догадаться. Более того, должен был знать! При полете в пространстве нужно немало энергии. И вот таким образом эти штуковины ее добывают. В космосе энергии не много, но они извлекают ее отовсюду. Они используют излучение далеких солнц, как бы слабо оно ни было. Кое-что они могли получить от столкновений с микрометеоритами. Это кинетическая энергия, но, возможно, они способны преобразовывать ее в другие формы. Еще космические лучи — в них очень много энергии... Другие типы радиации... Они поглощают все. Своего рода энергетические губки.

— Вы в этом уверены, доктор? — сухо спросил Хэммонд.

— Ну... Не совсем, конечно... Конечно же, я в этом не уверен. Но гипотеза разумная. Может быть, именно так они и работают. Машина, летящая во Вселенной, должна иметь какие-то источники энергии, достаточной, чтобы продолжать полет. — Аллен повернулся к Крауэлу. — Еще до того, как вы сказали, что представляет собой объект на орбите, я предполагал, что мы обнаружим нечто подобное. Мои люди в Лоун-Пайне сообщают, что пришелец посылает модулированные сигналы, а это должно означать, что он с кем-то поддерживает связь. Я подумал, с кем он может общаться. Наиболее вероятный ответ — с кем-то из себе подобных. Никто другой не смог бы расшифровать галиматью, которую он посылает.

— Это значит, — сказал Уайтсайд, — что он рассказывает родственничкам на орбите, какие замечательные леса он здесь нашел. Приглашает их не стесняться и разделить с ним трапезу. В ближайшее время должны появиться и другие. Свалются к нам в леса, повяжут салфетки — и поехали!

— Опять ты торопишься с выводами, Генри, — сказал Хэммонд. — Мы не можем быть уверены в этом.

— Но такое очень даже вероятно, — утрюмо возразил генерал. — И нельзя закрывать на это глаза. Бог ты мой, ну и дела! Ситуация просто ужасная.

— Что еще обнаружили ваши люди? — спросил Аллена Портер.

— Немного. Пришелец не из металла — в этом мы уверены. Что за материал, мы не знаем. Пытались взять образцы...

— То есть ваши люди подошли прямо к нему и стали его корябать?

— Черт возьми, дружище, да они его всего облазили! Они осмотрели каждый дюйм его поверхности. Он не обращает на них ни малейшего внимания. Даже ухом не ведет. Пасется себе и пасется... Валит лес.

— Боже милостивый, что же это такое? — воскликнул Кларк.

Никто не ответил.

— Меня поражает другое, — сказал Крауэлл. — Каким образом «рой» попал на орбиту? Чтобы разместить объект на орбите, требуется какое-то время. Пока он попадет именно туда, куда надо, и приобретет именно ту скорость, какую надо, он успеет сделать несколько витков вокруг Земли. Если бы новый объект, этот «рой», проделывал какие-нибудь маневры перед тем, как обосноваться на орбите, наши станции слежения поймали бы его гораздо раньше. Но ведь не поймали! Когда они его обнаружили, он уже был на орбите. И тут еще одно. Чтобы вот так сразу попасть на орбиту, он должен был иметь представление о планете, вокруг которой собрался крутиться. Очень многое должен быть знать: скорость вращения, период обращения, гравитационные параметры... Это относится к любой орбите вообще, а для синхронной орбиты точность предварительных расчетов должна быть и вовсе немыслимой. Но он, очевидно, прилетел и сел — на нужной высоте, при нужной скорости. Как это можно было сделать — представить себе не могу. По-моему, вот так, экспромтом, это попросту невозможно.

— Итак, все дурные новости мы знаем, — заключил Хэммонд. — Что же теперь делать? Мы ведь ради этого и собрались, не так ли? Чтобы наметить какой-то план действий. Утром я хотел бы иметь возможность сказать президенту, что у нас есть какие-то идеи.

— Первое, что надо сделать, — сказал Уайтсайд, — предупредить всех губернаторов, чтобы привели в готовность Национальную гвардию.

— И вся страна сойдет с ума от страха, — возразил Хэммонд.

— А соседи за рубежом начнут нервничать, — добавил Кларк.

— Что если разослать распоряжение тайно? — спросил Уайтсайд. — Чтобы губернаторы были готовы поднять гвардию в любой момент.

— Это просочится, — сказал Портер. — Секретность — вещь немыслимая, когда в дело вмешаются сорок восемь губернаторов. Даже пятьдесят, если вы собираетесь привлечь и Аляску с Гавайями; а если их обойти, то они, пожалуй, возмутятся. Губернаторы же политики, и среди них немало болтунов, к тому же у них штат сотрудников...

— Дейв прав, — заметил Хэммонд. — Начнется утечка информации.

— Если до этого дойдет, — сказал Портер, — населению следует не только сказать что мы делаем, но и объяснить, почему мы это делаем. Через несколько дней так или иначе все станет известно, поэтому лучше нам сказать все сразу. Чтобы информация исходила от нас, а не от кого-нибудь другого.

— Ну а если не Национальная гвардия, что мы можем сделать? — спросил Уайтсайд.

— Вы упорно считаете их врагами, — сказал Аллен.

— В любом случае это потенциальные враги, — ответил генерал. — Пока нам известно о них недостаточно, мы можем считать их потенциальной угрозой. Но если они вторгнутся к нам, то автоматически станут противником.

— Может быть, следует ознакомить с ситуацией кое-кого из наших зарубежных друзей? — спросил Хэммонд. — До сих пор мы от этого воздерживались; но если «рой» начнет садиться на Землю, то дело коснется не только нас. Пожалуй, мы просто обязаны известить остальных о том, что происходит.

— Президенту следовало бы присутствовать при нашем разговоре, — сказал Уайтсайд.

— Нет, — ответил Хэммонд. — Пусть поспит. Ему необходимо отдохнуть. День будет трудный.

— А почему мы думаем, что только мы послали челнок исследовать этот «рой»? — спросил Портер. — У Советов тоже есть орбитальная станция. Они тоже могли послать челнок. Мы объявили о новом объекте уже больше суток назад, у них было достаточно времени.

— Не уверен, конечно, — покачал головой Хэммонд, — но, по-моему, это маловероятно. Их станция

далеко от нашей, полет челнока занял бы больше времени. Принципиальной роли это, конечно, не играет, но я все-таки не думаю. Хотя бы потому, что у них меньше оснований реагировать подобным образом. Пришелец все-таки в нашей стране, а не у них.

— А что это меняет? — спросил Кларк.

— Не хотелось бы прийти к ним со словами: «Послушай, приятель, у нас там какие-то штуки над головой повисли», — ответил Портер, — если есть хоть какие-то основания думать, что они знают столько же, сколько мы, а может быть, и больше.

— По-моему, твои возражения чисто теоретические, — заметил Хэммонд.

— Может быть, — согласился Портер. — Но все-таки не хочется выглядеть глупее, чем на самом деле.

— Давайте вернемся к проблеме обороны, — заговорил Уайтсайд. — Национальную гвардию вы отвергли. Тогда надо готовить подразделения регулярной армии.

— Если только это можно сделать без огласки, — заявил Хэммонд. — Если ты гарантируешь, что утечки не будет.

— Постараюсь.

— Меня беспокоит возможность паники, — сказал Хэммонд. — До сих пор все было хорошо; но тронь нечаянно не ту кнопку — и страна может пойти вразнос. Все эти годы было столько разговоров, столько споров об НЛО, что все уже созрело.

— Мне кажется, все разговоры об НЛО теперь нам как раз на руку, — ответил Портер. — Идея о возможном посещении Земли посланцами других миров успела превратиться в банальность. Многие привыкли к мысли, что рано или поздно это произойдет. И соответственно более или менее готовы к этому. Шок будет не таким уж сильным. Некоторые полагают, что нам было бы на пользу, если бы они прилетели... У нас уже нет той психологии, как в «Войне миров» Уэллса. Или во всяком случае та психология уже не так сильна. Философски мы уже подготовлены...

— Может быть, ты и прав, — перебил Кларк. — Но стоит только какому-нибудь идиоту сказать что-нибудь не то — и может паника подняться.

— Согласен, — сказал Хэммонд. — Может быть, твой подход верен, Дейв. Скажи людям все, что мы знаем. Пусть у них будет время обдумать ситуацию. И

тогда, если появятся другие пришельцы, люди будут уже как-то подготовлены, привыкнут к этой мысли. Время от времени вставляй что-нибудь утешительное, пару слов, — только не переиграй. Тогда у всех нас будет время серьезно подумать. Подумать и поговорить.

— Значит, договорились, — заключил Кларк. — Извещаем о ситуации военные круги. В отношении Национальной гвардии пока ничего не предпринимаем, но готовы поднять ее по всей стране в любой момент. Всерьез обсуждаем, не пора ли поставить в известность другие правительства и провести с ними консультации. Людям скажем все, что только сможем. Как насчет ООН?

— Давайте пока ООН в это дело не вмешивать, — сказал Хэммонд. — Они очень скоро сами заявятся с требованиями. Ну и, конечно, хозяин должен одобрить наши решения. Через пару часов он встанет, так что долго ждать не придется. А когда начнем действовать, надо будет делать это быстро.

— Джон, я хотел бы связаться со своими ребятами сразу же, — сказал Уайтсайд. — Думаю, никто из вас возражать не будет. Это все свои люди, моя семья, так сказать.

— Никаких возражений, — ответил Хэммонд. — Это твое дело.

— Я полагаю, станция продолжает наблюдение, — обратился Аллен к Крауэлу. — Они дадут нам знать, если что-нибудь начнется? Или покажется, будто что-то начинается.

— Разумеется. Мы будем знать в ту же минуту.

— Что если кто-нибудь из наших друзей проявит воинственность и предложит закинуть туда атомную бомбу и взорвать ко всем чертям этот «рой»? — спросил Уайтсайд. — Или, еще хуже, сделает это сам?

— Генри, у тебя на уме ужасные вещи, — сказал Хэммонд.

— Но это может случиться, — настаивал генерал, — с перепугу.

— Будем надеяться, что этого не произойдет, — заметил Портер.

— По-моему, это маловероятно, — поддакнул Хэммонд. — Но, может быть, стоит разбудить госсекретаря? Надо ему обо всем доложить. Может быть, он будет

завтракать с президентом. Он и еще кое-кто. Министр юстиции, к примеру. Я их вызову.

— Так у нас все? — спросил Крауэлл.

— Пожалуй.

— Едва ли стоит возвращаться и ложиться спать, — сказал Кларк. — Через пару часов утро.

— А я и не собираюсь, — ответил Портер. — У нас в курилке очень даже уютный диванчик, есть где вытянуться. Точнее, не один, а два. Хочешь ко мне присоединиться?

— Пожалуй, — сказал Кларк.

Глава 16

ЛОУН-ПАЙН

Стиффи Грант прошаркал в Пайн-кафе и взгромоздился на табурет у стойки. На стук двери из кухни выглянула Салли.

— Так это ты с утра? — спросил Стиффи. — Я думал, с утра Джуди работает.

— Джуди простыла. Я ее подменяю.

Кроме них двоих в кафе никого не было.

— А где все? — спросил Стиффи. — Сейчас в городе столько народу...

— Дрыхнут еще, — ответила Салли. — Те, что здесь. А многие остановились в Бемиджи и теперь ездят взад-вперед. Здесь им места не хватило.

— Те двое из «Трибьюн» здесь, — сказал Стиффи. — Парень с фотоаппаратом и девчонка, которая пишет.

— Так они ж рано приехали, когда в мотеле еще были места.

— Хорошие ребята, — сказал Стиффи. — Настоящие белые ребята. Девчонка дала мне пять долларов только за то, что по телефону ответил, а после трубку подержал, чтобы линию не заняли. А вчера фотограф выставил мне бутылку за то, что я посмотрел, что творится за рекой, пока он спал. Мы с ним так договорились: если вдруг что — я сразу бегу и подымаю его,

бужу, значит... Только ничего не случилось, так я и просидел. А бутылка классная, не то что ваша дешевка.

— Хорошие люди эти приезжие, — сказала Салли. — Мелкую сдачу почти никто не берет. Не то что наши — чаевых никогда не дожدهшься.

— Однако они не много узнали, — рассуждал Стиффи. — Похоже, они толком ничего и не знают про ту штуковину. Эти парни из Вашингтона крутятся вокруг нее, крутятся — и ни фиги. Я с одним намеренно говорил. Он копался в мусоре, который выкидывает эта штуковина после белых тюков. Уж так он разволновался. Говорит, нашел там что-то важное, но я не шибко понял. В том мусоре, говорит, нету сосновых семян. Шишки, мол, все поразломаны, а семян нету вовсе, куда-то подевались. Это, мол, неестественно, говорит. Он думает, что штуковина зачем-то собирает семена. Я ему говорю, может, она их ест, как белки. А он головой качает. Не верит.

— Что тебе принести, Стиффи?

— Наверное, несколько оладий.

— Сосиски, бекон?

— Не-е! Это мне не по карману — слишком дорого. Просто оладьи. И сиропа побольше. Я люблю, когда много сиропа.

— Вот он, сироп, в кувшине. Лей, сколько хочешь.

— А, ну хорошо. И масла побольше. Плесни чуток лишнего. Только не бери с меня денег за это.

Салли сходила на кухню, передала заказ повару и вернулась.

— А пришелец уже далеко в лес забрался? — спросила она. — Я его давно не видела.

— Больше чем на милю, однако. Идет и идет, день и ночь. И все выплевывает белые тюки, каждые несколько минут. Они так и валяются на просеке. Я все удивляюсь, на фиги ему это надо. Не понимаю. И вообще ничего не понимаю.

— Должна быть какая-то причина.

— Может, и есть. Только я не понимаю. И еще удивляюсь, почему он выбрал нас, почему именно к нам прилетел.

— Ну куда-то он должен был прилететь. Прилетел к нам... Если он искал деревья, то выбрал хорошее место.

— Должно быть, лесничие не слишком-то обрадовались, — пробурчал Стиффи. — Они с этим лесом носятся, как курица с яйцом. Не понимаю, чего в нем такого. Деревья как деревья, лес как лес...

— Это же заповедник, — сказала Салли. — Островок первобытной природы!

— Да знаю. Дурость все это.

Глава 17

ЛОУН-ПАЙН

Пришелец начал пухнуть. Со всех сторон появились какие-то бутры и шишки, но он по-прежнему валил лес и жевал деревья — и все так же, через определенные промежутки времени из него вываливались тюки целлюлозы и вылетали кучи мусора.

— Мы не знаем, что происходит, — пожаловался Кэти один из полицейских. — Может быть, кто-нибудь из вашингтонских знает, но я сомневаюсь. Они ничего не говорят, так что не поймешь, знают они что-нибудь или нет. Эти бутры мы увидели сегодня утром. Наверное, еще с ночи стали расти, да они и теперь растут и стали гораздо больше.

— Я хочу подойти поближе. Вы меня пропустите? — спросила Кэти. — Некоторые из наших уже там.

— Только будьте поосторожнее, — ответил полицейский. — Слишком близко не подходите. Нам бы не хотелось, чтобы с людьми что-то случилось.

— Пришелец никому не сделал ничего плохого, — сказала Кэти. — Мы тут с тех самых пор, как он появился, — а он нас даже не замечает.

— Кто знает, что у него на уме? — произнес полицейский. — На вашем месте я бы судьбу не испытывал. Он же убил человека, помните?

— Так тот же стрелял в него.

— Так-то оно так, но я ему все равно не доверяю. Не слишком доверяю, так скажем. Чужак он.

Кэти с полицейским стояли на поддороге между пришьельцем и рекой. Теперь через реку можно было перейти: армейские инженеры навели временный мост. На длинной просеке, сделанной пришьельцем, очень аккуратно, на одинаковом расстоянии друг от друга лежали белые тюки и кучи опилок.

— Мы держим зевак на том берегу, — сообщил полицейский. — Пропускаем только официальных представителей и прессу. Вы-то сами за себя отвечаете. Вам это объяснили.

— Конечно.

— Не понимаю, — сказал полицейский, — как они сюда попали. Человек двести собралось, наверное. Мы же все дороги перекрыли, но они все равно каким-то образом пробиваются.

— Бросают машины перед вашими постами и идут лесом, — сказала Кэти. — Чтобы задержать всех, надо устроить сплошное оцепление.

— Наверное, — согласился полицейский. — Надоедливый народ.

— Вон идут Фрэнк Нортон и Чет, мой фотограф, — сказала Кэти. — Как только подойдут, мы с ними подберемся к нему поближе.

Полицейский пожал плечами.

— Пожалуйста! Но будьте осторожны. Что-то должно произойти, и мне это не нравится. Носом чую — что-то будет.

Кэти подождала Нортон и Чета, и они втроем пошли по просеке.

— Джерри попал на самолет? Все нормально? — спросила Кэти.

Чет кивнул.

— Успел. Мы приехали за несколько минут до отлета. Пленку я ему отдал. Он обещал передать. Я все хотел тебя спросить — как он здесь оказался? Мне помнится, что он вроде потерялся, и ты его разыскивала.

— У него машина сломалась, и он пришел в Лоун-Пайн, чтобы позвонить. И тут мы встретились. Он не знал, что я здесь, и я ничего не знала.

— Славный парень.

— Это точно.

— Однако не слишком разговорчивый. Всю дорогу молчал.

— Он всегда молчит, — сказала Кэти.

Они подошли к группе журналистов, собравшихся под боком у пришельца.

— Ты с Джонни сегодня разговаривал? — спросила Кэти.

— Да, — ответил Чет. — Интересовался, как там моя пленка. Он сказал, что ее уже понесли в лабораторию, что времени еще уйма.

— Он не говорил, что пришлет кого-нибудь вместо меня?

— Ни слова. А ты думала, пришлет?

— Не знаю, — сказала Кэти. — Ведь есть и другие, кто мог бы сделать эту работу лучше. Джей, например. Джонни ткнул в меня пальцем, потому что в тот момент в редакции больше никого не оказалось.

— Думаю, тебе не стоит тревожиться. Джонни порядочный парень. Пока ты делаешь свое дело, он тебя отсюда не заберет.

— Если он кого-нибудь пришлет, я пошлю его к черту! Это мой материал, Чет, и я хочу, чтобы он моим и остался.

— Будешь драться за него?

— Да, черт побери!

— Смотри-ка, — сказал Нортон. — Кто-то написал на пришельце номер. Сто один. Ну вон, на боку, спереди. Кэти пригляделась. Зеленая краска, цифры около фута в высоту, чуть побольше.

— Интересно, кто это сделал?

— Кто-нибудь из этих вашингтонских чудаков, — фыркнул Чет. — Тоже мне наблюдатели, ученые. Все им надо пронумеровать для отчета.

— Смешно выглядит.

— Мы же не знаем, как они работают, — сказал Нортон. — Быть может, у них были серьезные основания, чтобы его написать.

— Наверное, — согласилась Кэти.

— Что вы думаете про эти шишки? — спросил Нортон. — Что это может быть — есть какие-нибудь идеи? Кэти покачала головой.

— Представления не имею. А жаль, обидно. Он был такой аккуратный, гладкий, симметричный... А теперь весь какой-то шишковатый.

— Ты так говоришь, будто он раньше был красивым.

— Не красивым, а симпатичным. Такие и должны прилетать из космоса: аккуратные, гладкие, четкие — ничего лишнего.

— Боже милостивый! — воскликнул Нортон. — Вы только посмотрите!

Один из самых крупных бугров на боку у пришельца вдруг раскрылся, и оттуда показалась маленькая копия пришельца. Она была трех-четыре футов в длину, но кроме размеров — это была абсолютная копия большого черного ящика. И стенки у него были гладкие, без бугров. У всех на глазах отверстие становилось все больше, и вдруг оттуда выскочил маленький черный ящик — ящичек — и свалился на землю. Упал, покатился, встал прямо... Он был не такого черного цвета, как большой пришелец, и блестел, словно мокрый. Какое-то время он постоял неподвижно, потом покрутился на месте — и поехал к задней стене пришельца, словно поплыл, плавно и бесшумно.

Люди расступались, чтобы дать ему дорогу.

— Ложись! Убирайтесь из кадра! — бешено вопил оператор с телевидения. — Ложись, черт побери! Вы мне дадите снимать?!

Уступая дорогу малышу, Кэти подумала: «Так вот оно что! Теперь все ясно. Она живая. Не машина, а живое существо. Живое существо, детишек рождает!»

Стал лопаться еще один пузырь, и оттуда показался очередной малыш. А пришелец не обращал ни малейшего внимания на происходящее и по-прежнему валил лес.

Первый малыш объехал пришельца сзади и направился к целлюлозному тюку. Приподнявшись, он набросился на него, разрывая на куски и поглощая целлюлозу точно так же, как его «мама» глотала деревья.

Чет бросился туда с камерой. Остановился, чуть присел и начал щелкать, время от времени передвигаясь, ища удобный ракурс. Фоторепортеры бегали, толкались, пытались снимать с наиболее выгодных точек. Вокруг новорожденного создания образовалось почти сплошное кольцо.

— Как я сразу не догадался? — сказал человек, стоявший рядом с Кэти. — Увидел пузыри, сразу должен был сообразить, что это почки. Следовательно, вопрос, который все мы себе задавали...

— Верно, — перебила Кэти. — Она живая.

Он посмотрел на нее, словно только что заметил. И поднял руку к виску, приветствуя ее.

— Квин, — сказал он. — «Нью-Йорк тайме».

— Фостер, «Миннеаполис трибьюн», — представилась Кэти.

— Так значит, это вы появились здесь раньше всех?

— Вечером в тот день, когда она приземлилась.

— Вы понимаете, — сказал он, — что мы пишем репортаж века? Если не всех времен.

— Я об этом не думала, — ответила Кэти. Немного помолчала и призналась: — Извините, мистер Квин, я вам соврала. Конечно же, я об этом думала.

На просеке было уже несколько младенцев. Они бешено носились в поисках тюков — есть хотели, — а следом за ними бежали репортеры.

Но один из новорожденных никуда не бежал. Он лежал, дрожа и дергаясь, как животное, которое судорожно пытается подняться на ноги. Он лежал возле пришельца, но тот, казалось, не обращал на него никакого внимания.

«Он упал на бок, — догадалась Кэти. — Бедный малыш упал на бок и не может встать на ножки». Как она до этого додумалась, ей самой было непонятно. По правде сказать, додуматься было непросто, даже невозможно, потому что никаких ножек не было, коробочка была со всех сторон одинаковая, и никто не смог бы сказать, где у нее бок, где верх, где низ.

Она быстро шагнула вперед, нагнулась, подхватила малыша и повернула его на другую грань. Он дернулся, будто встряхнулся, и побежал к тюкам.

Выпрямившись, Кэти вытянула руку и похлопала пришельца по боку, по этой огромной амбарной стене.

— Мать, — сказала она тихонько. Сказала, собственно, самой себе, ведь не могла же стена ее слышать. — Мать, я помогла твоему малышу встать на ножки.

Вдруг под ее ладонью что-то шевельнулось, на поверхности стены, ставшей теплой и мягкой, образовалась складка и сжала ей руку, сильно, но бережно. Потом складка исчезла и стена снова стала гладкой и твердой.

Кэти стояла как громом пораженная, не в силах поверить тому, что произошло.

«Она меня заметила! — подумала Кэти с восторгом. — Она знает, что я здесь. Она знает, что я сделала. Она хотела пожать мне руку. Она благодарила меня!»

Глава 18

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

— Что ты знаешь об этих щенках? — спросил президент.

— Щенках, сэр? — удивился Портер.

— Да, пришелец в Миннесоте как будто ошенился.

— Я знаю только то, что знают все, — сказал Портер. — Пока четырнадцать и еще несколько на выходе.

— Ничего себе, семейка!

— Может быть, вы знаете об этом больше, чем я, — сказал пресс-секретарь. — У доктора Аллена там свои люди, так что он, вероятно, вам докладывал.

— Да, конечно. Но доктор Аллен — старая баба, а его наблюдатели — ученые зануды. Они ничего не скажут, пока не разложат все по полочкам. Потому что стоит им ошибиться — и их любимые коллеги поднимут их на смех, житья не дадут. А когда наконец скажут — ничего нельзя будет понять, потому что в докладе будет полно ученой терминологии, разных «если» и «может быть» и всяческих двусмысленностей. Так и не поймешь, что они имеют в виду.

— Но невозможно предположить, что доктор Аллен недостаточно компетентен, — возразил Хэммонд. — Это ученый высочайшего класса, у него репутация...

Президент махнул рукой.

— О, конечно же он компетентен, и его коллеги преисполнены всяческого почтения к нему, но он не тот человек, с которым мне хотелось бы иметь дело. Я люблю людей прямых, которые четко и прямо говорят все, что думают. А Аллен часто говорит так, что я вообще не понимаю, о чем идет речь. Мы с ним разговариваем на разных языках.

— Ну а если отвлечься от его терминологии и двусмысленностей? — спросил Хэммонд. — Что он думает по этому поводу?

— Он озадачен, — ответил президент. — Поражен. Мне кажется, что, когда все это началось, он был уверен, что пришелец — машина, а теперь ему, по всей вероятности, придется признать, что он все-таки не машина, а живое существо. История с кутятами изнасиловала его бедную научную концепцию. По правде сказать, меня не слишком занимает его мнение, потому что еще на этой неделе он успеет пару раз его изменить. Меня гораздо больше интересует, что говорит по этому поводу население.

— Слишком рано, — сказал Портер. — Пока еще нет достоверных сведений, и мы не можем оценить реакцию. Волнений не замечено. Если что-нибудь и происходит, то пока подспудно, в душах. Люди еще переваривают все это, еще не разобрались — и не проявят своих чувств, пока не разберутся. Но у меня такое ощущение...

Он умолк и посмотрел на Хэммонда и госсекретаря.

— Ну! Давай дальше, — сказал президент. — Какое ощущение?

— Это, может быть, глупо... Или прозвучит глупо...

— Давай, не стесняйся. Пусть будет глупо. Я слушаю чертовскую уйму глупостей, и некоторые из них идут мне на пользу. Во всяком случае, это останется между нами. Джон и Маркус возражать не станут, они свои глупости уже высказали.

— Ощущение вот какое, — начал Портер. — Я, конечно, не уверен, но у меня такое чувство, что эти кутята, как вы их называете, могут сделать пришельца более близким людям. Наша страна весьма равнодушна к материнству.

— Об этом судить не берусь, — вмешался Маркус Уайт, госсекретарь, — но мне по-настоящему страшно. Мало того, что у нас сотни, быть может, тысячи тварей

висят над головой, так еще и эта начала плодиться. Что если все они прилетят и начнут плодиться?

— Об этом никто сейчас думать не станет, — заметил Портер. — Не сейчас. Не сразу. Благодаря детенышам мы выиграем время.

— Маркус, — сказал президент, — я знаю, вы разговаривали с русским. Что он сказал?

— Не много. Впечатление такое, что он ждет инструкций из Москвы. А Москва еще, может быть, и сама не знает, какой линии придерживаться. Говорил он много, но все вокруг да около, ничего конкретного. Намекнул, что его правительство может потребовать, чтобы их допустили к исследованиям нашего пришельца. Я не стал ему говорить, какой может быть наша политика. Но для начала, на всякий случай, сказал, что пока мы считаем это нашим внутренним делом. Лично я по-прежнему думаю, что нам стоит пригласить зарубежных специалистов. Это нам ничем не угрожает, зато могло бы способствовать созданию лучшего международного климата.

— То же самое вы говорили и вчера, — сказал президент. — С тех пор я тщательно обдумал ваше предложение. Мне не хочется его принимать.

— Иван боится, что с помощью пришельца мы обнаружим нечто такое, что даст нам оборонное преимущество, — объяснил Хэммонд. — Потому посол и добивается, чтобы с ними тоже считались. По-моему, мы должны воздерживаться от каких-либо обещаний, пока не будем иметь хоть какое-то представление о том, что можем получить.

— Я говорил с Майком в ООН, — сообщил президент, — как раз перед вашим приходом. Он предупредил, что нам придется выдержать тяжелый бой, чтобы удержать ООН от объявления всей этой истории международным делом. Наши младшие братья в Африке и Азии и некоторые добрые друзья в Южной Америке полагают, что данное событие выходит за рамки национальных интересов. Утверждают, что появление космического пришельца касается всего человечества.

— Ну, какое-то время мы сможем от них отбиваться, — сказал Хэммонд. — Они мало что могут сделать — разве что общественным мнением пригрозят. Ну, будут принимать резолюции, пока не посинеют, но провести их в жизнь у них никаких возможностей нет.

— Какое-то время мы эту линию выдержим, — сказал президент. — Но если на нас начнут валиться новые пришельцы, ситуация может измениться.

— Господин президент, вы даже не станете рассматривать мое предложение о международном сотрудничестве в изучении пришельца? — спросил госсекретарь.

— Пока нет, — ответил президент. — Пока, Маркус. Эта тема не закрыта, нам еще придется вернуться к ней. Но надо подождать: посмотрим, что будет дальше.

— Для нас жизненно важно, — сказал Хэммонд, — узнать намерения пришельцев. В чем их задача? Почему они здесь? На что рассчитывают? Что собой представляют? Это банда кочевников, ищущих, где и чем пожить, или исследовательская экспедиция? Может быть, они посланцы какой-то далекой цивилизации, уполномоченные вступить в контакт с внеземным разумом, а может быть, — пиратская эскадра. Мы должны это выяснить, чтобы выработать соответствующую линию поведения.

— Это будет не так-то просто, — заметил Портер.

— Придется постараться, — ответил Хэммонд. — Я не знаю как, но придется. В ближайшие дни ребята Аллена могут раздобыть какие-нибудь факты, что-нибудь существенное... Все, что нам нужно, — это немного времени.

На столе загудел телефон внутренней связи, президент снял трубку. Послушал секунду, сказал «Соедините», снова стал слушать... Лицо его постепенно мрачнело.

— Спасибо, — сказал он наконец. — Держите со мной постоянную связь.

Он положил трубку и оглядел присутствующих.

— Похоже, что мы уже опоздали, — сказал он. — Это Крауэлл из НАСА. У него донесение со Станции. Похоже, что «рой» на орбите начал распадаться.

Глава 19

ЛОУН-ПАЙН

— А они симпатичные, — сказала Кэти.

— Не вижу ничего симпатичного, — ответил Чет. — Маленькие черные ящички носятся вокруг.

Они на самом деле носились от тюка к тюку и аккуратно заглатывали их до последнего клочка целлюлозы. Они не ссорились, не дрались, потому что с рождения были хорошо воспитаны. Если один из них трудился возле тюка, то другой не пытался пристроиться рядом, а искал следующий тюк. Малыши уже съели несколько тюков, но их оставалось еще очень много. Тюки аккуратно лежали на просеке, сделанной взрослым пришельцем, длиной более мили, а он уходил в лес все дальше, время от времени выбрасывая очередные порции «корма».

— Мне кажется, что они растут, — заметила Кэти. — Такое может быть? Они кажутся больше, чем какой-то час назад.

— Вряд ли, — сказал Чет. — Они же пасутся всего несколько часов.

— Мне тоже кажется, что они подросли, — поддержал Кэти Квин из «Нью-Йорк таймс». — Я думаю, это возможно. У них, должно быть, чрезвычайно эффективная система метаболизма. Гораздо более эффективная, чем у любого из земных обитателей.

— Если они уже растут, — рассудила Кэти, — то не пройдет и нескольких дней, как они тоже смогут валить лес и заготавливать целлюлозу.

— Тогда скоро здесь будет пустыня, — добавил Нортон.

— Я полагаю, — сказал Квин, — нашим лесникам есть о чем подумать. Им придется как-то отреагировать. В настоящее время эта штукавина как бы наш гость. Но сколько можно терпеть гостя, который съедает все, что попадает на глаза?

— Или щенится на полу у вас в гостиной, — подхватил Нортон.

— Проблема в том, — сказал Чет, — что мы не знаем, как себя вести. Ведь эту штуковину не шуганешь из лесу, как свинью из огорода.

— Что бы вы ни говорили, — заявила Кэти, — а малыши мне нравятся. Они так торопятся, им так хочется есть.

Она попробовала узнать того малыша, которому помогла «встать на ножки». Но попытка не увенчалась успехом: они выглядели совершенно одинаковыми, и отличить одного от другого было невозможно.

Она все время вспоминала тот момент, когда, подняв малыша, протянула руку, чтобы погладить его мать. В памяти сохранилось ощущение мягкого прикосновения невероятно твердой шкуры, ласкового пожатия, почти поцелуя, когда руку обволокла неожиданно возникшая складка.

«Я не могу поверить, — говорила она себе, — что такое создание способно причинить кому-то вред. Чем бы оно ни было — но если оно так реагирует... Однако что это было? Жест одобрения? Благодарность за оказанную услугу? Проявление дружелюбия одной жизни по отношению к другой? Или оно просило прощения за причиненные неприятности?»

«Вот если бы можно было, — думала она, — включить это в репортаж, который через пару часов придется диктовать по телефону в «Трибьюн». Но нельзя, ни в коем случае. Если Джонни не выбросит этот эпизод, то на выпуске все равно не пропустят, ни за что не пропустят. Это считается вмешательством репортера в материал. И нет никаких доказательств, никаких документов... Интересно, как можно задокументировать рукопожатие с внеземным существом?..»

— Кому-нибудь удалось хоть что-то узнать у правительственной комиссии наблюдателей? — спросил Нортон у Квина.

— Не много, — ответил тот. — Они измерили наружную температуру пришельца. По-моему, пытались нащупать пульс, но не признаются в этом. Они установили, что поверхность не из металла, но из чего — не известно. Как он движется, тоже непонятно: нет ни колес, ни гусениц. Просто плывет в нескольких дюймах над землей, словно гравитации для него не существует. Один из наблюдателей сказал было, что пришелец, наверное, умеет контролировать и использовать гравитацию — так коллеги его чуть не растерзали за вольнодумство. И еще они обнаружили, что он посылает какие-то сигналы. Вот, пожалуй, и все.

— Я не уверен, — сказал Чет, — что им удастся узнать еще что-нибудь. Я не могу себе представить, за что там можно зацепиться.

— У них свои методы, — возразил Квин. — Что-нибудь еще они, конечно, узнают, но, вероятно, далеко не все, что нам нужно. Может быть, мы имеем дело с чем-то таким, что совершенно не укладывается в наши представления. Может быть, нам придется изменить образ мыслей, чтобы хоть что-нибудь понять.

Вдруг стало тихо. Грохот и хруст, с которыми пришелец пожирал деревья, прекратились. И снова возникли привычные звуки: птичье щебетание в лесу, шум ветра в вершинах деревьев, журчание и плеск речной воды.

Репортеры и фотографы на просеке разом повернулись. Ничего не происходило. «Может быть, — подумала Кэти, — она решила отдохнуть? Но почему? С тех пор как началась эта странная жатва, она ни разу не останавливалась, а продолжала неустанно косить деревья...»

Внезапно пришелец начал подниматься в воздух. Сначала медленно, потом все быстрее. Он поднялся над соснами и повис — и все это без единого звука. Ни рева моторов, ни шума пропеллеров. Ни пламени, ни дыма, — никаких признаков действия какого-либо движителя. Он просто всплыл над деревьями и повис, так же бесшумно, как и поднялся. В лучах заходящего солнца ярко выделялись цифры — «101», — написанные зеленой краской на черном-черном боку.

Медленно — казалось, что его просто сносит ветром — он начал двигаться к востоку, одновременно поднимаясь все выше и выше. Набрав скорость, он изменил направление и полетел на юг.

«Итак, она улетела, — подумала Кэти, — и оставила нас. Прилетела, побыва немножко, припасла еды для детишек — и снова в путь. Цель достигнута, задача исполнена...»

Она стояла и смотрела, пока крошечная точка не исчезла из виду. Потом взглянула на просеку, показавшуюся ей опустевшей, словно рядом не стало любимого друга.

Малыши, оставленные пришельцем, по-прежнему носились вокруг и жадно поедали целлюлозные тюки. Один из наблюдателей деловито писал на них номера. На этот раз краска была не зеленая — красная.

Глава 20

МИННЕАПОЛИС

Было уже далеко за полночь, когда Джонни Гаррисон наконец ушел с работы. Он ехал по 12-й автостраде домой, на запад, и старался расслабиться. Оказалось, что расслабиться не так-то легко. Он убеждал себя, что беспокоиться больше не о чем. Последний выпуск готов, Гоулд будет в редакции, пока не начнут печатать, и сможет просмотреть первые оттиски. Хороший парень этот Гоулд, на него можно положиться: если случится что-нибудь неожиданное — он справится. Впрочем, ничего неожиданного случиться не должно. В самый последний момент они сократили материал на первой полосе, чтобы поместить бюллетень НАСА, в котором говорилось, что новый объект на орбите, по-видимому, начал распадаться. Кроме бюллетеня ничего так и не появилось. Никаких официальных сообщений.

Когда Гаррисон позвонил в вашингтонское бюро газеты и застал там Мэттьюса (такое случалось, когда ждали срочных и важных новостей), Мэттьюс был взволнован и зол.

— Эти ублюдки обо всем знали уже несколько часов назад, — раздраженно сказал он. — Я уверен, что знали, но придерживали сообщение. Ждали, пока этот вышивальный кружок в Белом доме сообразит, каким образом его преподнести. В конце концов они

решили, что информация должна исходить из НАСА, а не из Белого дома. В Белом доме просто не знают, что делать. Все до смерти перепуганы. Я пытался найти Дейвида Портера, но он неуловим. И его сотрудники тоже. Я думаю, что у Дейва хлопот полон рот. Два последних дня он потратил на то, чтобы убедить нас, будто у Белого дома никаких секретов нет и не будет.

— Что там происходит? — спросил Гаррисон.

— Они не справляются, Джонни. Они боятся ошибиться. У меня такое чувство, что в президентской команде идет непрерывная грызня: они без конца спорят и не могут прийти к общему мнению. Ситуация совершенно новая и необычная, она не имеет прецедентов. Все весьма непросто. Это тебе не положение в энергетике.

— Положение в энергетике тоже непростое.

— Ну тебя к черту, Джонни! Ты же знаешь, что я имею в виду.

— Да, пожалуй, знаю, — согласился Гаррисон.

...Движения на шоссе почти не было, изредка мимо проносились случайные машины. В некоторых придорожных кафе еще горел свет, да слабо мерцали огоньки бензоколонок. А к северу от шоссе, раскачиваясь на ветру, тускло светили уличные фонари, обозначая контуры пригородного района.

«Мы все сделали правильно», — думал Гаррисон, перебирая в памяти события последних двух дней. То, что послали Кэти с Четом в Лоун-Пайн сразу после приземления, было верным шагом — это уже окупилось. Кэти молодец. Он вспомнил, что у него было поползновение послать туда Джея — теперь он радовался, что не сделал этого. Быть может, Джей сделал бы работу чуть получше — но не настолько, чтобы это оправдало потерю доверия Кэти. «Редактор должен не только добывать материалы для газеты, — напомнил он себе, — он должен еще и коллектив создавать».

«Ну а кроме того, — думал он, — мы держались в рамках объективности. Мы писали о том, что видели, мы играли честно. Мы не допускали никакой сенсационности — только строгий, ответственный отчет о происходящем. А ведь бывали моменты, когда было трудно не перейти границу между ответственностью и сенсационностью».

Небо было безоблачным. Яркая полная луна уже прошла половину пути. Здесь, за пределами освещенного городского центра, на небосклоне светились мириады звезд. Холодный, резкий ветер задувал в машину через опущенное стекло слева. Гаррисон размышлял, не выпить ли чего-нибудь крепенького перед сном. Джейн, конечно, не спит. Наверное, лежит в постели и ждет звука подъехавшей машины на дорожке у дома. А потом она обязательно встанет и встретит его на пороге. Он растрогался, подумав, что все эти годы Джейн ждала его в любой поздний час. Детишки уже давно спят, и дом кажется пустым без их беготни... Было бы неплохо посидеть немного с Джейн в гостиной и выпить.

Луна перед ним вдруг исчезла. «Облако?» — подумал он, удивленно всматриваясь в ветровое стекло. По спине побежали мурашки. Облако было какое-то не такое. Облако не может опускаться сверху, оно не может двигаться так быстро. У облаков неясные очертания, облака не бывают такими черными, такими отчетливыми, такой правильной формы... Он убрал ногу с акселератора и начал притормаживать. Мрак, поглотивший луну, заслонил звезды, сиявшие над горизонтом прямо перед ним. Гаррисон съехал на обочину и остановился. Впереди, примерно в полумиле, черный предмет — он не мог быть облаком! — опустился на дорогу.

Он открыл дверь машины и вышел. Подъехала еще одна машина и остановилась рядом. В правое окно высунулась женская голова.

— Что случилось? — взволнованно спросила женщина. — Что это там впереди?

— Я думаю, еще один пришелец, — ответил Гаррисон. — Такой, как на севере.

— О, Боже мой! — закричала женщина. — Едем отсюда, быстрее!

— Успокойся, Глэдис, — сказал мужчина за рулем. — Может быть, это не пришелец.

Он выбрался из машины и подошел к Гаррисону, который стоял впереди, освещенный фарами обеих машин. Они посмотрели на темную машину на дороге.

— Вы уверены? — спросил мужчина.

— Не совсем, — ответил Гаррисон. — Но похож. Мне вдруг пришло в голову, что это может быть один из них.

— Большущий какой! — удивился мужчина. — Я читал и фотографии видел, но и представить себе не мог, что он такой громадный.

Он действительно был громадный. Опустившись на дорогу, он перегородил обе полосы движения и зеленую зону между ними. Черный, прямоугольный, неподвижный, он смутно вырисовывался на фоне темного неба, закрывая звезды.

Женщина тоже вышла из машины и приблизилась к ним.

— Поворачивай — и поехали отсюда! — велела она. — Не нравится мне это.

— Черт возьми, Глэдис! — возмутился мужчина. — Прекрати свой кошачий концерт! Бояться совершенно нечего. Тот, на севере, ни разу никого не обидел.

— Он человека убил — этого тебе мало?

— Но человек в него выстрелил. Мы же не стреляем... Мы вообще не собираемся его тревожить.

«Это пришелец», — подумал Гаррисон. Прямоугольный, массивный, как на фотографиях, — он выглядел точь-в-точь как описывала Кэти. Только вот размеры... Гаррисон не ожидал, что он так велик.

Подъехали еще две машины и остановились, люди высыпали на дорогу и подошли к троице. Еще один автомобиль проехал мимо, но останавливаться не стал, а, развернувшись, с ревом умчался назад по встречной полосе.

Заявление НАСА утверждало, что объект на орбите, по-видимому, начал распадаться. «Он не просто распадается, — подумал Гаррисон. — Черт побери, он не просто распадается — пришельцы начинают спускаться с орбиты на Землю. Вон, расселся поперек дороги — наверняка это один из многих. Должно быть, они разлетелись по всему миру. Первое приземление в Лоун-Пайне было, наверное, лишь пробной попыткой, разведкой». Лоун-Пайнский пришелец все время посылал какие-то сигналы братьям, оставшимся в космосе, а теперь началось массовое вторжение. Если это можно назвать вторжением. Гаррисон подумал, что это, может быть, не вторжение в буквальном смысле слова. Разведка? Или просто визит, посещение? Разумные инопланетяне залетели поздороваться?

Он пошел по дороге в сторону пришельца. Оглянувшись, он увидел, что за ним следует еще один любопыт-

ный. В темноте Гаррисон не рассмотрел, кто именно. Он подумал, что надо подождать попутчика, но потом решил, что не стоит. Ему не хотелось вступать в бессмысленную болтовню, отвечать на дурацкие вопросы. Как вы думаете, почему он сел именно здесь? Чего ему надо? Что это вообще такое? Как вы думаете, откуда он прилетел?

Гаррисон пошел быстрее, почти побежал. Не доходя нескольких ярдов до громадной черной массы, он свернул направо, вышел на обочину и пошел вдоль стены. У него не было никаких сомнений в том, что это пришелец. Огромный, черный, совершенно гладкий продолговатый ящик. Пришелец не двигался. И не издавал ни единого звука. Подойдя поближе, Гаррисон коснулся его ладонью. Шкура оказалась твердой, но это не была твердость металла. Она была теплой, словно кожа живого существа. «Будто человека потрогал, — подумал Гаррисон. — Словно погладил кота или собаку. Шкура жесткая, но теплая — значит, это живое существо».

Он постоял, приложив ладонь к теплому боку пришельца, — и вдруг ощутил какой-то странный холод. По всему телу пробежал омерзительный озноб, он почувствовал, что лицо у него словно окаменело. Но одновременно с этим ощущением в голове лихорадочно заматались мысли: что это за холод, откуда он и почему? Это не страх, понял он, не ужас, не паника, не стремление бежать отсюда, не желание закричать, не слабость в коленях — а просто ужасный холод, не только телесный, но и душевный, холод в мозгу, который мозг не в силах осознать.

Он медленно убрал руку — ее ничто не держало.

Он опустил руку, но с места не двинулся. И почувствовал, что холод уходит. Он медленно вытекал из тела, пока не исчез совсем; осталось только воспоминание о нем.

«Прикосновение к неизвестности, — подумал он, — нет, тут нечто большее». Скорее столкновение с чем-то таким, чего он не в силах понять, чего, наверное, не смог бы понять никто. Прикосновение, в котором слились холод и бесконечность глубокого космоса, сияние дальних солнц и тьма планет, не похожих на Землю, и непостижимость жизни, рожденной во тьме тех планет. Казалось, он очутился в таком месте, которого не знал и, наверное, никогда бы не узнал, сколько бы времени

ни провел там. Непостижимость, вот что это такое, — подумал он.

Однако проклятая штукавина выглядела так обычно, в ней не было ничего захватывающего — кроме размеров.

Он отошел назад, чтобы получше рассмотреть громадную черную стену, возвышавшуюся над головой. Но черт возьми! — он вдруг обнаружил, что ему хочется снова приблизиться к ней и коснуться ладонью, чтобы снова ощутить то тепло и тот холод.

Но он не подошел к пришельцу и не положил на него ладонь. Он сделал еще несколько шагов назад, потом повернулся и пошел обратно. Не бегом, нет, — он был твердо уверен, что бежать нет смысла, — а широким быстрым шагом, стараясь уйти как можно скорее.

На шоссе неподалеку от пришельца остановилось еще несколько машин, и кучка людей, стоявших на дороге, заметно выросла. Человека, шедшего за ним, он не увидел. Впрочем, если бы и увидел — все равно бы не узнал, потому что посмотрел на него тогда лишь краем глаза.

Один из мужчин шагнул ему навстречу.

— Что вы видели? — спросил он. — Там что-нибудь происходит?

— Почему бы вам не взглянуть самому? — резко ответил Гаррисон и быстро пошел к своей машине.

«Странно, совсем не заметно паники», — подумал он. Если кто-то и боялся, то не показывал виду. Почему эти пришельцы совершенно не возбуждают страха? Может быть, потому, что большой черный ящик совсем не похож на космического пришельца. Он совершенно не совпадал с общим представлением о том, что должно прилететь из космоса. Для людей, выросших на идиотских выдумках телевидения и кино, происходящее должно выглядеть слишком обыденным.

Его автомобиль стоял с выключенными фарами и работающим мотором. Он сел в машину, проехал чуть-чуть вперед, потом свернул налево, перебрался через зеленую полосу на другую сторону шоссе и поехал назад, на восток. Примерно через милю свернул на вспомогательную полосу и подъехал к придорожной телефонной будке.

Гоулд ответил почти сразу, голос у него был взволнованный.

— Хорошо, что ты позвонил, — сказал он. — Я сам хотел тебе звонить, но боялся, что ты уже спишь.

— А зачем ты хотел звонить?

— Ты знаешь, еще один пришелец приземлился. На этот раз к нам. Сидит на одной из взлетных полос в аэропорту.

— Тут еще один, — сказал Гаррисон. — Опустился на 12-ю автостраду, примерно в миле к востоку от Ридждейлского торгового центра. Перекрыл дорогу.

— Так ты сейчас там?

— Да. Он приземлился примерно в полумиле впереди меня. Я лучше приеду в редакцию. Может быть, это не единственные приземления в нашем районе. Ты можешь кого-нибудь послать сюда для наблюдения?

— Не знаю. Сейчас поищу. Здесь был Джей, но я послал его в аэропорт. И фотографа с ним.

— Что происходит в аэропорту?

— Пока ничего. Пришелец дремлет, никого не беспокоит, но диспетчеры чувствуют себя неудобно. Сейчас полетов почти нет, но через несколько часов будет много. А пришелец на полосе означает, что на эту полосу самолеты садиться не смогут.

— А что сообщают? Больше никто не прилетал?

— Отдельные сообщения есть. Ничего конкретного, никаких подтверждений. В Техасе кто-то позвонил в полицию и сказал, что пришелец приземлился... Еще одно сообщение из Нью-Джерси... Только свидетельства очевидцев, ничего официального пока не поступало.

— Я боюсь, что это «рой» начал опускаться к нам с орбиты.

— Послушай, Джонни, почему бы тебе не поехать домой и не отдохнуть хоть немного? Можно же как-то объехать этого пришельца. Мы пойдем в печать не раньше, чем через двадцать часов.

— Нет. Если понадобится, я пойду вниз к медикам и прилягу у них на кушетке на пару часиков. Но это потом. От Кэти есть что-нибудь?

— Ничего. А почему ты решил, что она станет звонить? Она, наверное, давно спит.

— Я думаю, когда позвонит, надо сказать ей, чтобы возвращалась. В Лоун-Пайне уже все кончилось. Теперь главное начнется здесь. Если в Лоун-Пайне снова появится что-нибудь интересное, Нортон даст знать. А

Кэти нам нужна здесь. Она единственная что-то знает об этих штуках.

— О'кей. Я передам ей, если позвонит.

— До встречи.

Гаррисон повесил трубку, порылся в кармане, нашел еще одну монету, бросил в автомат и набрал номер.

— Джонни, я жду тебя, — сказала Джейн. — Когда ты приедешь?

— Я ехал, но случилось непредвиденное.

— Так ты приедешь?

— Пока нет. Прямо передо мной на дорогу приземлился пришелец. Мне надо вернуться в редакцию. Джим говорит, что еще один сел в аэропорту.

— Ты сказал, что он сел прямо на автостраду?

— Именно так. Чуть к востоку от Ридждейла.

— Джонни, так это же всего четыре-пять миль от нас!

— Да, я знаю. Но тут совершенно нечего...

— Джонни, — сказала она, — это так близко. Я боюсь.

Глава 21

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Пришельцы приземлялись всю ночь, словно птицы в гнезда, но они не были птицами и садились на совершенно незнакомую, чужую для них местность. Они искали в темноте — хотя для них темноты не существовало — и находили удобные посадочные площадки. Им никто не мешал, потому что среди ночи им никто не мог помешать. Они поддерживали связь друг с другом, и о впечатлениях одного сразу становилось известно остальным.

Они приземлялись в болотистой дельте, где Миссисипи впадает в залив, и на просторных равнинах Техаса, в пустынях американского Юго-Запада и на песчаных пляжах Флориды, на пшеничных полях Запада и на кукурузных — Центральных штатов, на общинных лугах Новой Англии, на хлопковых плантациях Юга. Они садились на бетон крупных аэропортов и на асфальт автомобильных дорог, пересекающих континент. На Западном побережье и в лесах Орегона, в Вашингтоне и Мэне, Огайо и Индиане.

Они опускались совершенно бесшумно, только ветер посвистывал. Они мягко садились, потом приподнимались на пару дюймов и повисали над поверхностью. Они не потревожили почти никого из тех миллионов людей, над которыми пролетели. Их видели только те,

кто случайно оказался рядом, когда пришельцы попадали в аэропорты или на автострады.

На экранах локаторов командования стратегической авиации они выглядели как снег: пушистые, мерцающие хлопья. Но наблюдатели у экранов были готовы увидеть такое, и единственная их забота состояла в том, чтобы не прозевать за этими хлопьями какие-нибудь другие объекты.

Когда они приземлялись в лесу, то тотчас же принимались вырабатывать целлюлозу. В Вирджинии, неподалеку от Вашингтона, один из них вместо деревьев начал поедать дома. Другой, в Орегоне, упал прямо на лесопромышленный склад и набросился на штабеля бревен. Но большинство приземлилось не в столь благодатных местах; те просто стояли и ждали.

Глава 22

МИННЕАПОЛИС

Когда Гаррисон вошел в редакцию, Гоулд говорил по телефону. Кроме него в комнате были три корректора и два сонных, замученных младших редактора.

Гоулд повесил трубку и сказал:

— Звонил какой-то сумасшедший. Сказал, что группа Любящих — так они себя называют — собирается в аэропорт. Они усядутся перед пришельцем и будут его любить до посинения. Это не те психи, о которых писала Кэти?

— Они самые. Отчет Кэти уже перепечатан?

— Я его не видел. Знаю только, что она над ним работала.

— Наверное, он у нее в машинке. Она как раз печатала его, когда я послал ее в Лоун-Пайн. Но раз уж я здесь — почему ты не уходишь?

— Ни за что, — ответил Гоулд. — Такого я не пропущу даже за миллион долларов.

— Ладно. Раз уж ты так настроен, давай подумаем, что нам надо сделать. Быть может, в ближайшие часы придется вызвать кого-нибудь из наших. Кого, как ты думаешь?

— Джей сейчас в аэропорту, — начал перечислять Гоулд. — Я поймал Слоуна — он собирался уходить — и послал его на 12-ю автостраду. Джонс только что вернулся из Южной Дакоты, ему надо написать отчет о Блэк-Хилсе, эту историю с индейцами, для воскресного номера.

— Давай отложим все индейские дела, — сказал Гаррисон. — Это может подождать — и без них хлопот предостаточно. Джонс отлично пишет, так что может понадобится. Он уже отоспался, вызови его через пару часов.

— Еще Фримена можно задействовать, — сказал Гоулд. — Тем более что у него связи в администрации штата. Скорее всего, губернатор поднимет гвардию. Надо, чтобы кто-нибудь сидел здесь за столом и следил за действиями администрации штата. Я позвонил в дорожную полицию, они уже действуют. Наверное, выставят посты в три ряда вокруг пришельца на 12-й. И в аэропорту тоже, но там собственная служба безопасности, так что много помощи им не потребуется.

— У них возникнут серьезные проблемы в час пик, верно?

— У них уже сейчас проблемы. Не так-то просто управляться с воздушными перевозками, когда одна полоса вышла из строя.

— Как ты думаешь, почему эта штуковина села в аэропорту?

Гоулд покачал головой.

— А почему другая села на автостраду? И вообще, почему они садятся, где им вздумается? — Он протянул руку и взял лист бумаги, вырванный из телетайпа. — Вот смотри. Сводка по всей стране. В основном заявления очевидцев, но некоторые уже проверены и подтверждены. Отовсюду. Шоферы грузовых автомобилей, люди, ехавшие ночью домой, сторожа — короче, разные ночные совы.

— Вроде нас с тобой, — усмехнулся Гаррисон.

— Верно. Вроде нас.

— Надо, чтобы кто-то занимался официальными инстанциями, — сказал Гаррисон. — И местными, и федеративными. Хорошо бы охватить все, но уж во всяком случае те, которые могут быть вовлечены в это дело. Уильямс может связаться с местным ФБР. От них трудно чего-то добиться, но если кто и добьется — то только Уильямс. Он умеет с ними разговаривать, как никто другой.

— А Кэмпбелл мог бы поговорить с кем-нибудь в университете, — добавил Гоулд. — Физики, психологи, инженеры, народ, связанный с космонавтикой... Может быть, кто-нибудь из них объяснит, что происхо-

дит. Может быть, кто-то из социологов или психологов расскажет, как случившееся подействовало на людей — или подействует... И нельзя забывать о церкви. Это событие как-нибудь влияет на религиозное мышление? По-моему, должно.

— Наверное. Но надо быть поосторожнее с источниками. Некоторые из церковников готовы трепаться на любую тему, не задумываясь, нести что попало.

— Этим мог бы заняться Робертс, — предложил Гоулд.

Зазвонил телефон, Гаррисон поднял трубку.

— Это ты, Джонни? — раздался голос Кэти. — Что ты там делаешь в такое время?

— У нас тут несколько твоих пришельцев появилось. А как ты? Мы собирались тебе звонить, но решили, что ты спишь.

— Я и спала. Но Стиффи стал колотить в дверь и разбудил.

— Какой Стиффи?

— Ну, тот старик, что дежурил у телефона в первый день. Помнишь?

— Теперь вспомнил. А зачем он колотил в дверь?

— Он, бедняга, проснулся и увидел их.

— Кого?

— Новых пришельцев. Штук двенадцать или больше, целая эскадрилья. Они сели за рекой, в заповеднике. Выстроились в шеренгу, валят деревья и делают целлюлозу.

— А почему Стиффи?

— Я дала ему пять долларов за услуги, а Чет подарил бутылку. Он теперь наш на всю жизнь.

— Вы с Четом нужны здесь, Кэти. Мне кажется, рано утром из Бемиджи полетит самолет. Вы сможете на него успеть?

— Он улетает в шесть, или около того. Времени еще вагон. Мы успеем взглянуть на новых пришельцев. Стиффи сейчас поднимает Чета.

— О'кей. Если успеете. Но не опоздайте на самолет. Похоже, у нас тут такая каша заваривается.

— Я дам Стиффи еще пять.

— Дай ему десять, — сказал Гаррисон. — Нортон будет присматривать за пришельцами, чтобы в случае чего сообщить нам, и Стиффи может ему понадобится.

Глава 23

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Просыпаясь, люди включали приемники, чтобы узнать, какая сегодня будет погода. Но прогнозов погоды не было. По всем программам передавали репортажи: наполовину новости, наполовину изумленные комментарии.

Люди слушали и ощущали первые слабые уколы страха. Миннесотский пришелец — это была новость, принесшая с собой легко подавлявшееся волнение. Но он был один, побыл немножко и улетел, и, если не считать новорожденных, на том все дело и кончилось. А теперь вдруг на Землю спустилась целая орда. Вели они себя прилично, не причиняли никому особых хлопот — но теперь всех занимал вопрос: кто они такие и что им нужно на Земле?

Люди пошли на работу, но целый день проговорили с коллегами о загадке пришельцев. Слухи накапливались, и беспокойство все нарастало по мере того как различные предположения добавляли все новые основания для этого беспокойства, а иной раз и для настоящего страха. Работалось плохо.

...Один фермер в Айове, не потрудившийся включить с утра радио, вышел на заре из дома, чтобы заняться своими обычными делами, и едва не окаменел,

увидев громадный черный ящик, лежавший у него на поле. Придя в себя, он бросился в дом, взял двенадцатизарядное ружье и насыпал полные карманы патронов. Потом завел небольшой трактор, подъехал к полю, оставил трактор за оградой, а сам перелез через нее и пошел к пришельцу. Тот никак не отреагировал на его появление. Фермер осторожно обошел вокруг пришельца. Тот ничего не делал, просто лежал и все. Фермер дважды прицеливался, но так и не решился стрелять. Неизвестно, что можно ожидать от этой штуки. В конце концов, обойдя вокруг пришельца еще раз, он забрался на трактор и укатил.

...Оглянувшись, пилот авиалайнера увидел в нескольких милях от себя пришельца. Он толкнул в плечо напарника.

— Глянь-ка!

— Параллельным курсом идет, — сказал тот.

— Я думал, они все внизу. На земле.

Черный ящик двигался с той же скоростью и в том же направлении: не приближался и не удалялся, не обгонял и не отставал. Будто приклеился.

...В одном из негритянских кварталов на перекрестке стоял человек и, подняв руки над головой, кричал:

— Наши братья из космоса пришли спасти нас! Они нисходят, чтобы восстать против тех, кто держит нас в оковах! Воспрянем, братья! Ибо помощь пришла наконец!..

Вокруг него собралась толпа; все слушали проповедь сумасшедшего. Одни ухмылялись, другие хмурились — но никто не верил, ибо люди с улицы вообще никому не верили. Однако они ощущали в нем первобытную ярость и заражались этим чувством, приходили в отчаяние от безысходности своей жизни, — через час там началась грабежи и поджоги.

...В одной из деревень Новой Англии кто-то (потом его так и не нашли) забрался в церковь и зазвонил в колокол. Любопытные пришли узнать в чем дело. И многим из них показалось, что это хорошо и правильно, что надо быть именно в церкви, когда на Землю спускаются пришельцы. И они вошли в церковь, и пастор, тоже поспешивший ко храму, застал их уже там. Ему тоже показалось, что сейчас следует быть в церкви, и он собрал прихожан к молитве. И в других деревнях, в других церквях тоже звонили колокола, и собирался

народ, чтобы быть вместе и молиться. По всей стране к церквям сходились люди, вдруг вспомнившие о Боге.

...В одном районе национальные гвардейцы окружили пришельцев. Собрались тысячи зевак, чтобы посмотреть на них, и дорожной полиции пришлось нелегко. А в некоторых местах, словно патрулируя, пришельцы летали над дорогами всего в нескольких сотнях футов. Чтобы взглянуть на них, водители останавливались где попало, в результате возникали пробки... Было много аварий.

Глава 24

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

— Уайтсайд полагает, мы должны провести эксперимент, — сказал президенту Уинстон Мэллори, министр обороны. — Как эти твари реагируют на огонь. При сложившихся обстоятельствах я бы рекомендовал дать ему дать добро. Пока пришелец был один, особого смысла в такого рода эксперименте не было — но теперь, когда они вторглись...

— Я не согласен с термином «вторжение», — перебил госсекретарь. — Их приземлилось довольно много, но нет ни одного случая какого бы то ни было насилия. Они не убивают наших граждан и не жгут города.

— Они сожрали новостройку за Потомаком, — вмешался Уильям Салливен, министр внутренних дел. — Один из них проглотил лесоторговый склад на западном побережье. Они поедают наши леса: в Мичигане, в Мэне, в Миннесоте, в Вашингтоне, в Орегоне...

— Но они же никого не убили, — возразил госсекретарь. — Единственное, что они сделали, — украли немножко целлюлозы. Они же не...

— Минуточку, Маркус, — сказал президент. — Я хочу побольше узнать об эксперименте с оружием. Что предлагает Уайтсайд? Двинуть против них танки?

— Ничего подобного, — ответил Мэллори. — Просто эксперимент, только и всего. Нам надо знать, как они среагируют. Вы помните, в Миннесоте человек

стрелял в тамошнего пришельца и был убит ответным выстрелом. У него было охотничье ружье тридцатого калибра. Дело в том, что мы не имеем ни малейшего представления, как это произошло. На пришельце нет никакого вооружения, вообще ничего снаружи нет. Но когда человек в него выстрелил...

— Так вы хотите еще раз выстрелить из тридцатого калибра с дистанционным управлением и попытаться определить, каким образом пришелец реагирует на выстрел?

— Так точно. Мы будем использовать высокоскоростные камеры. Некоторые из них делают до тысячи кадров в секунду. Таким образом мы сможем проследить пулю в полете, зарегистрировать момент попадания и увидеть, что при этом происходит. Исследование пленки...

— Ясно, понял, — сказал президент. — Если вы уверены, что генерал ограничится тридцатым калибром...

— Он ограничится тридцатым калибром. Единственное, чего хотим и мы, и он, — это получить хоть какое-то представление о том, как пришелец стреляет в ответ. Когда мы узнаем это, нам будет за что уцепиться.

— Это необходимо?

— Так точно. Это необходимо.

— Но ради Бога скажите Генри, чтобы не зарывался. Пусть предпримет все меры предосторожности, какие только возможны. И только один выстрел — чтобы получить необходимые данные.

— Зарываться он не станет. Я с ним уже говорил.

— Маркус сказал очень важную вещь, — продолжал президент. — Ведь на самом деле, кроме случая с целлюлозой, ничего не произошло. Конечно, происшествие с новостройкой в Вирджинии неприятно...

— Могли быть жертвы, — добавил Салливен. — Просто по счастливому совпадению получилось так, что в домах в тот момент никого не было — люди вовремя выбрались. А они же спали, и многие могли погибнуть. А аэропорты! Уселись, понимаешь, на полосах, заблокировали их... Если произойдет какая-нибудь авария — сколько будет пострадавших? И еще, насколько я знаю, они летают около самолетов, словно изучают. До сих пор ничего не случилось, но в любую минуту может случиться.

— Так что ж мы должны делать, по-вашему? — спросил госсекретарь. — Артиллерию выкатывать?

— Нет, конечно. Но что-то делать надо. Не можем же мы сидеть сложа руки.

— Мы подняли Национальную гвардию, — сказал президент. — Каждый пришелец окружен пикетами, публику к ним не подпускают. Таким образом, вероятно, удастся предотвратить инциденты.

— А что если наши пришельцы примутся за другие новостройки? — спросил Салливен. — Что если они въедут в дачные поселки, в пригороды и начнут сносить дома, чтобы переработать их в целлюлозу? Что мы тогда будем делать? Что станем делать с бездомными?

— Но ничего такого пока не произошло, — возразил Маркус Уайт. — Вирджиния — единичный случай. И пришелец, проглотив несколько домов, прекратил свое занятие, словно понял, что совершил ошибку.

— Мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям, — сказал президент. — Сейчас самое главное — сделать все возможное, чтобы побольше узнать о них.

— Меня удивляет, — сказал Уайт, — что они приземляются только в Соединенных Штатах. Лишь в Канаду залетели несколько. В Европе — ни одного. В Африке — ни одного. Только у нас. Почему? Почему именно у нас?

— Позволю себе высказать предположение, — вступил в разговор Стивен Аллен, советник по науке. — Давайте поставим себя на место пришельцев. Ну, скажем, мы послали экспедицию на какую-то планету. Полдюжины кораблей или сотню — неважно. Мы ищем что-то конкретное, как эти создания, по-видимому, ищут целлюлозу. Мы не слишком много знаем о планете, к которой летим. Что-то нам известно по инструментальным наблюдениям с некоторого расстояния, но это все. Тогда мы посылаем один корабль вниз, на планету, чтобы исследовать на месте, как там и что. На планете несколько материков — мы выбираем для начала один из них, наудачу. Корабль опускается и находит как раз то, что нам нужно. И при этом обнаруживает, что местное население настроено дружелюбно. На первый взгляд на исследуемом материке ничего опасного нет, а это нам и нужно. Мы выяснили, что данный материк безопасен, о других же мы просто ничего не знаем...

— Что ж, вполне правдоподобно, — сказал президент. — Вы не согласны, Маркус?

— Согласен. Такая мысль не приходила мне в голову. Я полагал, что пришельцы должны были бы захотеть обследовать всю планету.

— У вас есть еще что-нибудь? — спросил президент советника по науке.

— Потрясающая загадка, — ответил Аллен. — Как бы противно мне ни было даже думать об этом, но, по-видимому, не исключено, что пришельцы каким-то образом управляют гравитационным полем. Они парят в нескольких дюймах над земной поверхностью. Тот, что улетел вчера из Миннесоты, похоже, поднялся в воздух без помощи каких бы то ни было двигателей. Они подлетают к земле медленно, словно планируют перед приземлением — но, чтобы планировать, нужны крылья, а крыльев у них нет.

— У вас такой тон, будто вы сердитесь на них за это, — заметил министр обороны.

— Я на самом деле рассержен, — ответил Аллен. — Любой ученый был бы взбешен на моем месте. Мы говорим о гравитационных волнах, подразумевая, что они сродни электромагнитным. Мы ищем эти волны, но до сих пор никто не мог сказать, как же их искать. Мы и сейчас не уверены, что используем нужные методы для их обнаружения. И до сих пор так ничего и не обнаружили. Многие ученые утверждали — а некоторые и сейчас утверждают, — что гравитационных волн вообще не существует. При нынешнем положении вещей, даже если бы мы сумели их обнаружить, — это представляло бы исключительно теоретический интерес. Ни у кого нет ни малейшего представления, как их можно было бы использовать практически.

— Ваши люди сейчас работают с пришельцами, не так ли? — спросил министр обороны. — Еще есть надежда что-нибудь выяснить. Ведь они появились всего пару дней назад.

— Там не только мои люди, — сказал Аллен. — Я задействовал в исследованиях всех квалифицированных специалистов, каких только смог найти. Я в контакте с целым рядом университетов и институтов. Через несколько дней в нашем распоряжении будет колоссальный научный потенциал. Беда в том, что нам практически не с чем работать. Все, что мы можем, — только наблюдать. Стоим рядом и смотрим. Если бы можно было поработать хотя бы с одним как следует, быть может,

нам и удалось бы обнаружить что-нибудь существенное. Но в настоящее время это совершенно немыслимо. К тому же может оказаться в высшей степени опасным предприятием. Было предложение попытаться работать с одним из новорожденных в Миннесоте. Но я решительно отказался. Слишком опасно. Если младенец запищит, что ему больно, взрослые могут прийти ему на помощь. Уверенности, правда, нет, но лучше не рисковать.

— Вы сказали, университеты и институты... — произнес Уайт. — Я полагаю, что вы имели в виду только нашу страну. А нельзя ли все-таки пригласить ученых из других стран?..

— Маркус, — резко перебил президент, — давайте не будем возвращаться к этой теме. В настоящее время это наше внутреннее дело. И пришельцы помогли нам оставить его таковым, поскольку прилетели только к нам.

— В Канаде тоже несколько приземлилось, — вставил Уайт.

— С Канадой мы договоримся. До сих пор у нас это получалось. Мне известно, что русские хотят присоединиться к исследованиям, но я против.

— Небольшое русское представительство, для видимости, могло бы быть полезно, — сказал министр обороны. — Если мы будем держать их на расстоянии, если мы оградим их от...

— Надеюсь, Уинстон, у вас на уме не то, чего я боюсь? — спросил президент.

— Мне пришло в голову, — начал Мэллори, — если нам покажется, что мы обнаруживаем нечто такое, что может нарушить баланс...

— А если мы на самом деле обнаружим нечто такое, что нарушит баланс, как вы говорите, и поделимся с ними, — это будет означать лишь новый виток гонки вооружений. Кто-нибудь думает иначе?

— Я не сказал «поделимся», — возразил Мэллори. — Я сказал «для видимости». Чтобы спасти их национальную гордость.

— Я согласен с Уинстоном, — сказал Уайт. — Мы можем помочь сохранить лицо нашим друзьям.

— То, о чем вы сейчас рассуждаете, — это покровительство, — заговорил Хэммонд, до сих пор сидевший молча. — Они это сразу же почувствуют и откажутся. Это хуже, чем совсем ничего. Они ничего не смогут понять, потому что если бы ситуация была обратной,

они вели бы себя с нами точно так же. Так что ваш план никуда не годится. Мы должны либо играть в открытую, либо не играть вовсе. Или приглашаем их как равных, или все оставляем себе. Но надо иметь в виду: может оказаться, что делиться будет нечем. Вообще нечем. При всем моем уважении к доктору Аллену я смею предположить, что мы не найдем в чертовой штуковине ничего полезного.

— В таком случае, — рассудил Уайт, — не будет никакого вреда, если мы допустим к исследованиям русских. Наши взаимоотношения значительно улучшатся, а если ничего не обнаружим — это нам ничего не будет стоить.

— Маркус, — сказал президент, — вы предлагаете сыграть на преимуществах — а вам не кажется это опасным?

— Давайте не будем об этом, — предложил Мэллори. — Я сожалею, что вообще заговорил на эту тему. Просто мысль мелькнула в голове.

— Меня смущает, — сказал Уайт, — что наши друзья и союзники предлагают помощь, обещают сделать все, что только смогут. По-видимому, они вполне искренни...

— Я в этом не сомневаюсь, — перебил Хэммонд.

— Единственное, что я могу им сказать, — продолжал Уайт, не отреагировав на замечание Хэммонда, — что, может быть, мы обратимся к ним позже, поскольку в данный момент просто не представляем себе, с чем имеем дело.

— Я полагаю, — сказал президент, — надо все так и оставить. Давайте не будем пока о других странах и поговорим о нашей. Были небольшие волнения. Грабежи и поджоги в Чикаго, Нью-Йорке, Сент-Луисе. Есть еще какие-нибудь новости, Дейв?

— Ничего серьезного, — ответил Портер. — Нам повезло. Надо было подготовить страну. Надо было созвать прессу, когда «рой» на орбите начал распадаться. Надо было предупредить население.

— Ты все еще переживаешь из-за этого?

— Да, господин президент, переживаю, очень. Мы оплошали. Позволить НАСА обнародовать то скудное сообщение было попросту трусливо.

— Дейв, мы это обсудили...

— Да, знаю. И вы были не правы.

— Но ты же согласился с нами.

— Нет. Я был против. И даже несколько человек присоединились ко мне.

— Их было не много.

— Сэр, нельзя руководить работой прессы, опираясь на большинство при голосовании. Все вы знаете свою работу, но и я знаю свою. Ничего страшного еще не произошло, нам повезло. Очень надеюсь, что и завтра в этот же час я смогу сказать то же самое. Я боюсь религиозных волнений. Каждый сумасшедший сейчас проповедует. Евангелисты созывают молитвенные собрания. Каждая деревенская церквушка полна поющих и пляшущих людей. В Миннеаполисе группа хиппи второго поколения пыталась прорваться через полицейские кордоны. Они собирались сесть на взлетной полосе и устроить для пришельца, который там приземлился, демонстрацию своей любви.

— Не думаю, что стоит слишком тревожиться из-за таких мелочей, — сказал Хэммонд.

— Вокруг кипят страсти, — возразил Портер. — Кипят всюду, но пока не выплеснулись. Я надеюсь, что их удастся как-то сдержать. Страсти самые разные. Это и подспудные страхи, которые могут выйти наружу, и религиозный экстаз, который может стать совершенно неуправляемым. Мы на грани чего-то такого, что может привести к уличным беспорядкам. Достаточно того, чтобы какой-нибудь компании рабочих в пивной надоели пляски восторженных фанатиков, приветствующих пришествие золотого века...

— Вы преувеличиваете, — сказал Хэммонд.

— Хорошо бы, — вздохнул Портер.

— Мне не нравится это настороженное ожидание, — заговорил Салливен. — По-моему, мы должны действовать. Что-то предпринимать. Показать людям, что мы по крайней мере хоть что-то делаем.

— Мы подняли Национальную гвардию, — сказал президент. — Мы послали исследователей.

— Это пассивные действия, — возразил Салливен.

— Беда в том, — произнес президент, — что любое наше действие может оказаться неверным.

Глава 25

МИННЕСОТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

— Мисс Фостер позвонила и сказала, что вы хотели встретиться со мной, но никаких подробностей не сообщила. Она только намекнула, что речь будет идти о пришельцах. — Доктор Альберт Барр отвернулся от Джерри Конклина и обратился к Кэти: — Вы меня уверяли, что это не интервью для вашей газеты.

— Да, — подтвердила Кэти. — Это не интервью. А в подробности я не вдавалась, потому что Джерри сам все должен рассказать.

— Это меня беспокоит с тех самых пор, как случилось... — сказал Джерри.

— Расскажите, пожалуйста, что же случилось, — попросил Барр. — Начните с самого начала.

Он откинулся на спинку кресла и стал рассматривать своих посетителей с каким-то лукавым выражением. Он был совсем седой, но выглядел гораздо моложе, чем думала Кэти, и сложен, как футболист. В открытое окно кабинета доносился шум студенческого городка: звонкий девичий смех, громкая перепалка студентов, звук заведенного мотора и визг шин по асфальту. Заходящее солнце пробивалось сквозь ветки березы, украшенные ярким осенним убранством, и на окнах плясали светлые зайчики.

— Может быть, вы читали о машине, которую раздавило, когда у Лоун-Пайна приземлился первый пришелец, — сказал Джерри.

— Уж не ваша ли это была машина? — спросил Барр.

— Моя. Я остановился у моста и пошел ловить рыбу. Мне говорили, что в омуте под мостом водятся радужные форели...

Пока Джерри рассказывал, Барр ни разу его не перебил. Временами казалось, что он вот-вот о чем-то спросит, но он молчал.

Когда Джерри закончил, экзобиолог сказал:

— Вы знаете, я хотел бы уточнить несколько моментов. Но прежде всего скажите, пожалуйста, почему вы решили прийти ко мне? Чего вы от меня ждете?

— Меня мучают две вещи, — ответил Джерри. — Ощущение дома. Пришелец думал о доме, или меня заставил думать о доме, — почему? Зачем?.. Я и так и сяк кручу — нет в этом никакого смысла, не вижу я его. Я убежден, что он внушил мне мысль о доме. Такая мысль не могла возникнуть у меня сама по себе. А мысль была настоящая — не мимолетное впечатление — и долго не проходила. Как будто пришелец — или кто-то внутри пришельца — заставлял меня думать о доме.

— Вы хотите сказать, что он использовал телепатию?

— Я не знаю, что он использовал. Если вы думаете, что он говорил со мной или пытался заговорить — этого не было. Наоборот, я пытался с ним заговорить. Глупо, наверное, но в тех обстоятельствах мне это глупым не казалось. Ведь я был неизвестно где, я ничего не понимал — и естественно, хотел получить хоть какую-то информацию и выяснить, что происходит. И я постарался заговорить с ним, установить какой-то контакт. Я подозревал, что никакого контакта не получится, но...

— Вы не замечали у себя телепатических способностей?

— Никогда в жизни. За мной такого не водилось. Я вообще на такие темы не задумывался. По-моему, я не телепат.

— И все-таки он говорил с вами. Или вам показалось, что говорил.

— Доктор Барр, этого я не утверждал, — возразил Джерри. — Не было момента, чтобы мне показалось, будто пришелец со мной говорит. Не было никаких содержательных сообщений, ни слов, ни картин — ничего такого не было. Ничего похожего. Только ощущение дома, непреодолимое чувство дома.

— Вы уверены, что это чувство шло от пришельца?

— Откуда ж еще ему взяться? Даю голову на отсечение, что само по себе такое чувство возникнуть не могло. Для этого не было ни малейших оснований. Там было о чем подумать.

— Но вы сказали — две вещи. Что еще?

— Мне показалось, что пришелец — дерево. Или очень похож на дерево.

— Это когда вы узнали о целлюлозе?

— Нет, целлюлоза здесь ни при чем. Дело в другом. Просто было какое-то ощущение чего-то знакомого, когда я спрашивал себя: что это такое? И вот...

— Вы заканчиваете лесостроительный факультет. И должны знать о деревьях очень много.

— Он влюблен в них! — вмешалась Кэти. — Иногда мне кажется, что он с ними разговаривает.

— Она преувеличивает, — сказал Джерри. — Но я на самом деле знаю о них достаточно много, и, пожалуй, можно сказать, что я их люблю, хоть это не совсем то слово. Есть люди, которые сходят с ума по зверюшкам, некоторые любят цветы, некоторые — птиц... А я люблю деревья.

— Вы недавно употребили слова «знакомое», «ощущение чего-то знакомого» — что побудило вас сказать именно так?

— Ну, наверное, так оно и было... Вероятно, я ощущал что-то знакомое, хоть в тот момент и не осознавал этого. Когда я попал туда, то страшно испугался — до смерти, до крика, хотя и не кричал. Но очень скоро — гораздо скорее, чем можно было ожидать, — страх прошел. Во всяком случае прошел животный страх. Я был напряжен, словно заморожен, но страх исчез. Я даже стал осматриваться, но он меня выкинул.

— Вы, наверное, знаете, — сказал Барр, — что экзобиолог — довольно странный зверь. На самом-то деле их вообще не существует. Скорее, это специалисты разных областей знания — по большей части биологи, — которые ради собственного любопытства задались во-

просом: что за жизнь могла бы возникнуть в условиях, отличных от земных? Так что экзобиологию нельзя считать настоящей, точной наукой. Понимаете?

— Да, конечно, — ответил Джерри. — Но любой экзобиолог по крайней мере задумывается о том, что можно обнаружить в космосе и на других планетах.

— Да, — согласился Барр, — с такой оговоркой, как мы только что приняли, я согласен, что ваше предположение о разумном древообразном организме вполне правдоподобно. В последние двадцать лет, или около того, появились утверждения ботаников, что в определенных случаях растительная жизнь проявляет способность к ощущению, к восприятию и даже к выражению своих ощущений и чувств. Давно известно, что некоторые люди обладают особым даром общения с растениями: у них все цветет буйным цветом, а у других те же растения хиреют и гибнут. Так вот, эти люди утверждают, что с растениями нужно ласково говорить, тогда они и растут хорошо. Если растения на самом деле обладают такой чувствительностью, то отсюда недалеко и до настоящего разума и настоящего сознания. А вы бы не могли подробнее рассказать, каким образом вы пришли к тому, что пришелец может быть растениеподобным, сродни дереву?

— Не знаю, не уверен, — сказал Джерри. — Когда я смотрю на дерево или работаю с деревьями, у меня возникает какое-то особое чувство. Ощущение некоего родства, хоть это и странно звучит...

— И вы думаете, что у вас могло появиться то же чувство родства с пришельцем?

— Нет, не родства. Пришелец слишком чужой, чтобы почувствовать его родным. Быть может, я понял, что свойства, которые я чувствую в деревьях, присущи этому пришельцу. Но они как-то сдвинуты... Не как у земного дерева. Это чужое дерево, не с Земли.

— Кажется, я вас понимаю, — сказал Барр. — Вы говорили об этом с кем-нибудь еще?

— Нет. Кто-нибудь еще поднял бы меня на смех. Вы — нет. И я вам благодарен.

— Правительство хотело бы это знать. Федеральные наблюдатели и те, кто занят исследованиями пришельцев, были бы благодарны за любые данные.

— У меня же нет никаких данных, — возразил Джерри. — А раз нет — они станут их вытряхивать из

меня, решив, что где-то в подсознании есть информация, о которой я сам не знаю... А то еще хуже — решат, что я еще один псих с летающей тарелки и пытаюсь заработать на пришельцах.

— Понятно, — сказал Барр. — Будь я на вашем месте, я тоже поостерегся бы.

— Так вы мне верите?

— А почему бы мне вам не верить? У вас нет причин сочинять подобную историю. Вам нужно было поделиться с кем-то, кто поверил бы вам и принял все так, как есть. Я рад, что вы пришли именно ко мне. Вряд ли смогу вам помочь, но я рад. А вот насчет ощущения дома, мыслей о доме... Я все время думаю об этом. Может быть, вы что-то неправильно поняли?

— Я уверен, что было мощное принуждение думать о доме.

— А я не уверен. Может быть, пришелец вообще не разговаривал с вами и не пытался ничего внушать. Вы могли подключиться к его собственным мыслям. Тут два варианта: либо вы все-таки немного телепат, хотя сами об этом не подозреваете, либо сигнал, эмоция пришельца настолько мощны, что ни один человек не может не отреагировать. Мне кажется, что эта мысль — «в эфире», так сказать, — относилась не к вашему, а к его дому.

Кэти тихо охнула.

— Вы имеете в виду, здесь, на Земле? Что он думал о Земле как о доме?

— Посудите сами, — сказал Барр. — Он прилетел Бог знает откуда, преодолел невообразимые расстояния в поисках планеты, где можно осесть, в поисках дома, который мог бы заменить прежний, по каким-то причинам утраченный. И, может быть, Земля именно такая планета. Здесь он может почковаться и кормить малышей. Здесь он может жить так, как раньше. И он говорит себе: «Дом! Дом! Наконец-то я нашел дом!»

Глава 26

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Пришельцы наблюдали. Некоторые из них, приземлившись, так и остались лежать. Другие через некоторое время поднялись в воздух и начали знакомиться со страной. Они летали над заводами, кружили над городами, над обширными пространствами фермерских земель... Всегда соблюдая безопасную дистанцию, они сопровождали самолеты... Они патрулировали автодороги, выбирая участки с наиболее интенсивным движением, двигались вдоль извилистых рек, наблюдая за лодками и судами.

Третьи отыскивали леса, чтобы подкормиться. Заодно они съели несколько лесопромышленных складов. В районе Сент-Луиса три пришельца приземлились на стоянку старых автомобилей, проглотили десяток-полтора развалюх и улетели. Однако кроме того, что они ели деревья, старые автомобили и пиломатериалы на складах, — вреда от них не было. Большинству людей, которым пришлось с ними столкнуться, они причиняли только незначительные неудобства; ни один человек не погиб. Правда, пилоты продолжали нервничать, когда рядом с самолетом повисали пришельцы... Дорожные происшествия — как правило, несерьезные — пошли на убыль: водители привыкли к виду громадных черных

ящиков, летавших над шоссе. В конце концов на них почти перестали обращать внимание.

И все-таки кое-какие хлопоты они причиняли. Национальная гвардия была приведена в состояние боевой готовности, были задействованы дополнительные патрули на дорогах, и вообще из-за пришельцев множество людей занимались не своими делами, и это стоило больших денег.

В некоторых крупных городах, где экономическая и социальная ситуация была весьма напряженной, возникли беспорядки. Как обычно в таких случаях, имели место грабежи и поджоги. Несколько человек было ранено, несколько убито. В некоторых студенческих городках молодежь организовала демонстрации, которые прошли мирно, даже весело. Зато религиозные фанатики оккупировали перекрестки, парки, церкви и залы. В некоторых районах религиозный энтузиазм охватил значительную часть населения. Газеты и телевидение высказывали сотни самых различных предположений, большинство из которых не выдерживало мало-мальски серьезной критики.

Пошли слухи — всегда что-то происходило «где-то», а не здесь, причем индекс абсурдности был пропорционален расстоянию, — и уже начали принимать форму зародыши будущих легенд.

Все чаще возникал «феномен очевидца», их свидетельства приходили со всех концов страны, моментально подхватывались и использовались для новых культов, которые возникали как грибы после дождя. Многие заявляли, что «были там», — впрочем, никто не мог объяснить, как он туда попал, — и что там, внутри пришельцев им показали «тако-ое!..» (или рассказали, или внушили — разумеется, каждый врал по-своему). И «это» они должны передать своим братьям землянам. Приверженцы новых культов, да и не только они, верили этим рассказам — одни больше, другие меньше, — но большинство принимали их с насмешкой. Вспоминали, что и раньше, когда появлялись НЛО — или считалось, что появлялись, — всегда находились такие, кто вступал в контакт с экипажами летающих тарелок.

Однако все это было явно выдуманно, и население понемногу начинало осознавать факт, который отрицанию не поддавался. На Землю вторглись существа из

космоса — и не происходило ничего такого, о чем долгие годы писали фантасты.

Как было написано в редакционной статье одной газетенки из Теннесси, то был своего рода космический пикник.

...Один фермер с северо-запада Айовы только что закончил вспашку поля, 160 акров, как вдруг появился пришелец. И начал летать вдоль поля, аккуратно разворачиваясь на противоположных концах, так низко, что почти касался свежевспаханной поверхности. Фермер стоял возле навеса для машин и наблюдал.

— Могу поклясться, — сказал он на следующий день журналисту, приехавшему взять у него интервью, — было похоже, что эта штуковина что-то сажает или сеет. Я вспахал, а она сеет. Может быть, она ждала, когда я кончу пахать? Потом она уселась рядом на лугу, а я пошел посмотреть, что она сделала. На самом деле она что-то сеяла или нет. Так она же меня не пустила! Чертова штуковина всплыла и двинулась на меня. Не нападала, нет, и даже двигалась не слишком быстро, — но было ясно, как день, что мне на поле делать нечего. Чтобы не подходил, значит. Я несколько раз пытался — и все время она меня отгоняла. Честно скажу вам, мистер, мне с ней спорить не хотелось: она гораздо больше меня. Весной, когда придет время сажать, попробую еще раз. Быть может, к тому времени она куда-нибудь улетит или потеряет к моему полю интерес. Придется подождать, там видно будет.

Репортер присмотрелся к черной громаде, лежавшей на пастбище.

— Мне кажется, на ней что-то нарисовано, — сказал он. — Вы подходили к ней ближе — не заметили, что это такое?

— Да! Ясно, как день, — сказал фермер. — Номер «сто один» зеленой краской. Я удивляюсь, какому дураку это понадобилось?

...В одном небольшом городе в Алабаме строительство стадиона вызывало множество споров в течение нескольких лет. Спорили, где строить стадион, каким он должен быть и так далее. В конце концов удалось договориться, и стадион был построен. И хотя многие были разочарованы, потому что получилось не так, как им хотелось бы, — стадион стал предметом гордости горожан. Все было готово к торжественному открытию.

Гвоздем программы должен был стать футбольный матч. Стадион не просто убрали — вылизали. Зеленел ковер игрового поля (не искусственный, настоящий), автостоянки блестели чистеньким асфальтом, на флагштоках развевались разноцветные флаги... Красота!

Накануне торжественного открытия в небе появился громадный черный ящик и медленно, плавно и грациозно опустился в чашу стадиона, зависнув над поверхностью игрового поля, словно зеленый ковер был специально выращен и подстрижен для того, чтобы стать посадочной площадкой для черных ящиков, спускающихся с неба.

Когда поутихли первые страсти, официальные комитеты и группы заинтересованных горожан собрались на совещание: что делать? Кое-кто надеялся, что пришелец посидит на стадионе несколько часов и улетит. Но этого не случилось. Пришелец остался на стадионе. Торжественное открытие пришлось отменить, а игру перенести, что нарушило священный график футбольной лиги.

Люди все совещались, время от времени кому-нибудь приходила в голову какая-нибудь идея, — но никто так и не придумал ничего толкового. Все пребывали в тихом отчаянии.

Помощники шерифа, охранявшие стадион, задержали и взяли под стражу группу футбольных болельщиков, которые хотели проникнуть на спортивную арену с ящиком динамита.

...В Пенсильвании пришелец сел на картофельное поле. Хозяин натаскал к нему под бок громадную кучу дров, облил керосином и поджег. Пришелец не возражал.

Глава 27

ЛОУН-ПАЙН

Салли, официантка Пайн-кафе, принесла Фрэнку Нортону яичницу с ветчиной и присела за его столик поболтать. Дверь открылась, и в кафе ввалился Стиффи Грант.

— Иди сюда, Стиффи, — позвал его Нортон. — Садись, я тебя завтраком угощу.

— Как это благородно с твоей стороны, — сказал Стиффи. — Если не возражаешь, я тебя послушаюсь. Я ходил в лес смотреть наших пришельцев. Далековато, конечно, к тому же я пошел туда до рассвета, чтобы успеть до прихода туристов. А то они так мешают. Я хотел поглядеть, может, пришельцы начали почки выпускать, как тот, первый.

— Ну и как? — спросила Салли.

— Пока нет. По-моему, у них это займет немножко больше времени, чем у того. Но со дня на день могут начать. Они уже много понаделали тюков с этой белой дрянью. Не могу вспомнить, как она называется.

— Целлюлоза, — подсказал Нортон.

— Верно, — согласился Стиффи. — Так она и называется.

— С каких это пор тебя пришельцы заинтересовали? — спросила Салли.

— Не знаю, — ответил Стиффи. — Наверное, с самого начала, когда еще первый прилетел. Можно сказать, оказался замешан в это дело. Там была девчонка-журналист из Миннеаполиса, и в первую ночь я дежурил у телефона, чтобы она могла поговорить со своим шефом, когда вернется из лесу. Потом я же ей сказал, когда второй прилетел. Я как раз глаза продрал — поддатый был, — гляжу, летят. Прилетели и сели. Ну, подумал я, надо ей рассказать. Правда, боялся будить среди ночи, старый негодяй. Думал, попрет она меня. Но все-таки пошел. Ничего, обошлось, не поперла... А потом даже десять долларов дала. Они и тот парень с фотоаппаратом — хорошие были ребята.

— Хорошие, — согласилась Салли. — Да они все хорошие были. Жаль, что уехали. Конечно, и сейчас многие приезжают на малышей посмотреть. Иногда и к тем новым ходят... Но они не такие, как репортеры. Просто зеваки, бездельники. Иногда зайдут — кофе с пончиком или бутерброд, вот и все. Обедать не приходят и сдачу никогда не оставляют. Наверное, им кажется, что в таком тихом месте это ни к чему, тем более что покупают мало.

— Поначалу я каждый день ходил смотреть на пришельцев, — сказал Стиффи, — потому что, если бы у них что-нибудь произошло, я бы тотчас пошел девчонке рассказать. Наблюдать, значит, ходил. Так мне тогда казалось. А теперь я думаю, что дело было вовсе не в этом. Не это главное. Мне просто нравится на них смотреть. Я раньше думал, что это чужие твари и нечего им тут делать. А теперь не думаю. Они ведь как люди. Я их больше не боюсь, как поначалу. Я прямо подхожу к ним и кладу руку на бок — а шкура теплая, живая...

— Если ты собираешься завтракать, — перебил его Нортон, — то скажи Салли, чего тебе принести. Я уже тебя обогнал.

— Ты сказал, что заплатишь?

— Сказал.

— Фрэнк, а с чего это вдруг...

— Считай, что это был внезапный порыв, о котором я уже пожалел. Так что если не поторопишься...

— Ну тогда много оладий, к ним глазунью из пары яиц, — сказал Стиффи. — И, если есть, пару сосисок. И, пожалуй, еще несколько кусочков бекона и пару кусочков масла...

Глава 28

ГДЕ-ТО В ШТАТЕ ЮТА

— Если эти ученые засранцы не поторопятся со своими дурацкими инструментами и не успеют поставить все как надо — солнце зайдет, и ни фиги с их экспериментом не получится, — сказал сержант.

— Они хотят сделать все как надо, — ответил полковник. — Им нельзя ошибиться. Надо, чтобы получилось с первого раза, второй попытки не будет. Может быть, вам так не кажется, сержант, но это задание чрезвычайной важности. Из самого Вашингтона. Поэтому все должно быть тип-топ.

— Но, сэр, вы только посмотрите, что они делают! Нацелят свои камеры, поглядят в них, снова нацелят... И так уже несколько часов! Словно старые девы на прогулке. Нарисовали мелом крест у пришельца на заднице, прицелились... Я же сам это ружье наводил и знаю, что прицел точный. Пришелец ни разу не шевельнулся — чего ж тут еще проверять? И почему ружье? Почему не попробовать что-нибудь посерьезнее? Вряд ли будет толк, если кинуть пулю тридцатого калибра такой дуре. Это ж ей, как укус комара!

— Если честно, сержант, — сказал полковник, — я сам удивляюсь. Но в приказе именно так. Даже точнее: тридцатый калибр со ста ярдов. Только это — и больше ничего. Должно быть ружье тридцатого калиб-

ра, сто ярдов, и чтобы все камеры и приборы стояли так, как хочется этим джентльменам...

Он прервал разговор, увидев, что к ним подходит один из ученых, до сих пор возившийся с камерами.

— Можете начинать, полковник, — сказал он, подойдя ближе. — Только перед выстрелом проследите, пожалуйста, чтобы в радиусе по крайней мере двухсот ярдов никого из людей не было. Не исключено, что будет серьезный ответный удар.

— Надеюсь, ваш электронный прибор сработает? — спросил сержант. — Ружье выстрелит?

— Несомненно, — невозмутимо ответил ученый.

— Давайте, сержант, убирайте людей, — распорядился полковник. — Надо поскорее кончать с этим делом.

Сержант пошел, на ходу выкрикивая команды.

— Камеры готовы? — спросил ученый техника-оператора.

— Закрутятся по той же команде, по которой выстрелит ружье, — ответил оператор. — Чертову прорву пленки намотал. Эти камеры ее просто-таки жрут.

— Полковник, — сказал ученый, — нам тоже пора уходить.

Пришелец стоял неподвижно, как простоял уже много часов, на песке, согретом осенним солнцем. Крест, начерченный мелом, ясно выделялся на черной шкуре.

— Меня просто поражает, — сказал полковник, — как спокойно он стоял все время, пока мы тут вертелись, подготавливая выстрел. Он вообще знает о нашем присутствии?

— Я уверен, что знает, — ответил ученый. — Но у меня такое чувство, что это его совершенно не волнует. Он испытывает к нам что-то вроде пренебрежения.

Ученый повернулся лицом к пришельцу. Полковник последовал его примеру и крикнул:

— Сержант! Люди в укрытии?

— Так точно, сэр!

Сержант подал знак человеку из Вашингтона, тот поднял крошечный приборчик, зажатый в руке, и нажал кнопку.

Ружье выстрелило — и пришелец ответил ослепительной вспышкой, поглотившей ружье на треноге. Полковник прикрыл глаза ладонью — таким ярким был

этот свет. Опустив руку, он увидел, что и ружье, и тренога раскались добела. Вся конструкция медленно оседала на землю, а куст полыни возле нее рассыпался в пепел.

Полковник взглянул на пришельца. Тот стоял все так же, будто ничего не случилось, — только белого креста больше не было.

Глава 29

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Сенатор Дэйвенпорт расхаживал по комнате со стаканом в руке.

— Черт возьми, Дейв, — сказал он Портеру, — вы же там должны что-нибудь предпринять! Нельзя же сидеть и смотреть, как эти твари лезут нам на голову!

— Но, папа, — вмешалась Элис, — они вовсе не лезут на голову. Собственно, они вообще ничего еще не сделали.

Сенатор остановился, разглядывая дочь, потом рявкнул:

— Ничего не сделали!.. Они истребляют наши леса, они глотают лесные склады, они уже до автомобилей добрались...

— Ну да, — сказала Элис. — Старый, подержанный хлам, который какой-то торгош собирался всучить не подозревающей подвоха публике...

— Этот торгош заплатил за них немалые деньги, — перебил ее отец. — Он брал их для дела. Он освободил для них место на своей стоянке. Он, может быть, уже знал, кому их продаст, и рассчитывал на прибыль... Он честно заработал эту прибыль... А теперь?!

— Вы говорите, администрация должна что-то предпринять, — сказал Портер. — Но что, по-вашему, мы должны делать?

— Откуда я знаю, черт возьми! — заревел сенатор. — Я не президент, и не советник президента. Если бы у меня и был для него совет, он бы меня все равно слушать не стал. Но я же не знаю, что происходит. И никто не знает. Вот ты пресс-секретарь — почему ты мне не говоришь, что происходит? Сколько информации ты придерживаешь?

— Нет у меня никакой информации, — возразил Портер. — Мне просто нечего сказать.

— А этот ваш советник по науке? Сколько у него людей, сколько миллионов он уже утробил на свои исследования!.. Как же это получается, что он до сих пор так ничего и не узнал? Я слышал, что сегодня армия проводила какой-то эксперимент с оружием. Ты мне можешь сказать, что из этого получилось?

— Я не знаю, — сказал Портер.

— Дейв, ну а если бы знал, — хоть я уверен, что ты и в самом деле знаешь, — если бы знал — сказал бы?

— Может быть, и нет, — ответил Портер.

Сенатор повернулся к Элис.

— Вот видишь! Чего еще ждать от этой банды в Белом доме!

— Но Дейв сказал, что не знает, — возразила Элис.

— Он сказал, что если бы и знал — все равно не сказал бы!

— Ты должен похвалить его за откровенность, папа.

— Откровенность! Какая это, к чертям собачьим, откровенность?! Это наплевательское отношение, вот что это такое! И самонадеянность!

— Мне очень жаль, что я показался вам самонадеянным, сенатор, — сказал Портер. — И жаль, что мне на самом деле нечего сказать. Постарайтесь простить меня. Дело в том, что вы сами знаете столько же, сколько и я. А что касается каких-то действий, которые надо предпринять, — Элис права. Эти твари, как вы выразились, не сделали пока ничего такого, что потребовало бы ответных действий. А если бы и сделали — что мы можем предпринять? Они, знаете ли, крупноваты для того, чтобы с ними ссориться. У меня есть подозрение, что попытка выгнать их может оказаться опасным предприятием, даже если бы и понадобилось их выгонять.

— Они разоряют страну, — пробурчал сенатор. — Эти пришельцы уже достаточно себя показали. Они

пожирают наши лучшие леса, и строительная промышленность очень скоро это почувствует. Множество лесопромышленных складов уже истреблено, и это только начало. Пиломатериалы и так достаточно дороги, а теперь станут еще дороже. Новые дома станут расти в цене, а они и так уже не по карману большинству семей. Если пришельцы не прекратят пасти самолеты, авиакомпании начнут сокращать рейсы. Некоторые из них уже поговаривают об этом. Слишком велика вероятность аварий, страховые компании это понимают и собираются повысить стоимость страховки. А авиаторы уже вопят, что страховые сборы их разоряют, поэтому нового повышения они попросту не выдержат.

— Скорее всего ситуация выправится, — сказал Портер. — В ближайшее время все образуется. В данный момент все это выглядит особенно страшно, публика взбудоражена и склонна преувеличивать возможные последствия. Дайте время...

— Я сомневаюсь, что со временем что-нибудь улучшится, — перебил его сенатор. — Ты думаешь, публика успокоится, — а я в этом не уверен. Скорее наоборот. Эти новые культы, эти пророки на каждом углу... Черт с ними, с культами — хоть это штука достаточно скверная, но мы их переживем: большинство понимает, что это психи, и знает, чего от них можно ожидать. Настоящая опасность — возрождение эвангелизма, возврат к средневековому мышлению. Из истории известно, что в те времена бывали всплески религиозного помешательства. Крестьянин бросал землю, ремесленник бросал мастерскую — и уходили: у них, видите ли, духовное пиршество. То же самое начинается и теперь. Бизнес и промышленность уже страдают от массовых прогулов, а кто на месте — тот работает кое-как. Это дорого обходится.

— Ну вот, приехали, — сказала Элис. — В итоге все свелось к доллару. Наши бизнесмены и промышленники теряют деньги. Или бояться, что потеряют.

— А что в этом плохого? — спросил сенатор. — Деньги — основа нашего экономического строя. И хоть ты можешь думать иначе — нашего общественного строя тоже... Я тебе говорю, страна начинает скатываться в пропасть. А чудачки в Белом доме даже не понимают этого.

— Мы понимаем больше, чем вам кажется, сенатор, — возразил Портер. — Но мы настроены не так пессимистично, это верно. Кроме того, есть другие дела, требующие внимания в первую очередь.

— Какие другие?

— Ну, например...

— Стой! — торжествующе закричал сенатор. — Я знаю! Я же все время чувствовал, что ты что-то не договариваешь. Ты что-то скрываешь.

— Сенатор, уверяю вас...

— Но ты же что-то скрываешь, верно? Вы что-то скрываете! Вы узнали о пришельцах нечто такое, чего нельзя обнаружить.

— Мне ничего об этом неизвестно, — заявил Портер.

Сенатор сел в кресло и проглотил остаток своего коктейля.

— Ну и не говори, — сказал он. — Я и не хочу ничего знать, пока не придет время. Пока не будут знать все. Вы что-то прячете. Это хорошо. Не распространяете, бережете... Я знаю, наш прекраснодушный госсекретарь мечтает поделиться нашими открытиями с кем угодно, включая Ивана. Мы не можем себе позволить делиться...

— Сенатор, вы ошибаетесь. Жестоко ошибаетесь. Мы ни черта не знаем.

— Молодец, — обрадовался сенатор. — Именно так и должен говорить настоящий джентльмен. Я знал, что в тебе это есть. Я знал, что на тебя можно рассчитывать: ты не проболтаешься. — Он посмотрел на часы. — Уже поздно. Задержал я вас своими проповедями. Вы с Элис опоздаете в ресторан.

Глава 30

ЛОУН-ПАЙН

Один из пришельцев отстал от остальных. Он стоял неподвижно и ничего не делал. Остальные, по обе стороны от него, продолжали валить лес, оставляя за собой ровные ряды целлюлозных тюков.

Выйдя из-за деревьев на просеку и увидев такую картину, Стиффи Грант остановился как вкопанный. Он сдвинул шляпу на затылок и вытер пот со лба.

— Что за чертовщина?

Ответа не было.

Он с трудом сфокусировал глаза. Стоит... Он полез в задний карман брюк, достал бутылку, отвинтил колпачок и приложил ее к губам, запрокинув голову. Отхлебнув, он внимательно посмотрел, сколько осталось. Грустно: раза на два, не больше. Конечно, это не Бог весть что — самое дешевое пойло, какое только можно купить, — но когда кончается, все равно грустно, и Стиффи огорчился. Он аккуратно завинтил колпачок, сунул бутылку обратно в карман и похлопал по ней, чтобы убедиться: бутылка в безопасности.

Потом, стараясь не упасть (упадешь — бутылку разобьешь), он пошел выяснять в чем дело. «Может, он устал?» — подумал Стиффи. Хотя за все время, что Стиффи видел пришельцев, ни один из них ни разу не

остановился отдохнуть и не проявил никаких признаков усталости.

Сегодня Нортон заплатил за его завтрак — это значит, что у него хватит денег на такую же бутылку. Это хорошо. Приятно знать, что впереди тебя ждет что-то хорошее. Нет, что бы вы ни говорили, Нортон хороший парень, свой.

Пришелец, который стоял на месте, оказался гораздо дальше, чем показалось Стиффи сначала, но Стиффи упорно пробирался к нему по просеке, осторожно обходя белые тюки, и наконец добрался.

— Ну, что с тобой, дружище? — спросил он, пойдя и положив ладонь на шкуру пришельца.

Чтобы удержать равновесие, Стиффи сильнее оперся о пришельца — и почувствовал что-то неладное. Что-то было не так, как всегда, и Стиффи не сразу понял, что именно.

Потом понял: пришелец был холодный. Не было того приятного, дружеского тепла, которое Стиффи всегда ощущал, прикасаясь к любому из них. Он изумленно покачал головой и убрал руку. Прошел с десятков шагов — метра три — и снова коснулся пришельца. Шкура была холодной, тепло не ощущалось.

Он поковылял дальше, время от времени прикладывая ладонь к шкуре. Везде все тот же каменный холод. Он прислонился к пришельцу спиной и сполз на землю.

Холодный и неподвижный. И не висит над поверхностью, а стоит на земле.

«Может быть, это смерть? — подумал Стиффи. — Может ли пришелец умереть? Холодный и неподвижный — это похоже на смерть. Если он умер — то почему? Что с ним случилось? И еще: если сейчас он мертвый, значит, раньше был живой...» Впрочем, тут ничего нового для Стиффи не было. Ему всегда казалось, что пришельцы живые. Не только живые, но и друзья. Когда он задумывался об этом, то удивлялся: у него уже давно не было друзей. «Странно, — думал он, — что я нашел себе друга среди чужого народа».

Притулившись к холодному пришельцу, Стиффи не закрывал лица и не вытирал слез, стекавших по небритым щекам. Сидел и горько плакал: оплакивал ушедшего друга.

Глава 31

МИННЕАПОЛИС

Эл Лэтроп, главный редактор, сидел за столом совещаний на месте председательствующего, лениво постукивая карандашом. «С чего это нас сюда позвали?» — удивилась Кэти. Их было трое: она, Джей и Джонни. То, что Джонни здесь, — естественно, но остальным-то что тут делать? За все время работы в «Трибьюн» ее никогда не приглашали в этот кабинет. Здесь заведующие разных редакций собирались на ежедневные летучки, обсуждали материалы и решали, что с ними делать. Но совещания всегда проводились в конце рабочего дня, а сейчас было едва за полдень.

— Я пригласил вас, — начал Лэтроп, — чтобы поговорить о пришельцах. Нам надо выработать долгосрочный план освещения этой проблемы. С тех пор как она появилась, вы поработали, прямо скажем, неплохо. Взвешенно, объективно — хорошо поработали, молодцы. Я полагаю, так и надо продолжать. Но сейчас пора подумать, не стоит ли давать материал более развернуто. Джонни, ты был связан с этим с самого начала, с тех пор, как в Лоун-Пайне появился первый пришелец. У тебя нет каких-нибудь идей по поводу дальнейшей работы?

— Знаешь, Эл, может, следует не торопиться, а продолжать свою линию? То есть пока не пытаться выходить за рамки строгого репортажа: только факты, какие нам удастся установить, — сказал Гаррисон. — Сначала мы имели дело с такой информацией, которая сама по себе была сенсационной. Естественно, что наша установка состояла в том, чтобы не выходить за пределы точного репортажа. Сами новости, простое их изложение, уже имели достаточный заряд. По-моему — наверное, и остальные так думают, — не надо было разводить такую писанину, чтобы этот заряд увеличивать. В этом не было никакой нужды. Джей написал несколько обзорных статей, но и он не вдавался в рассуждения сверх того, что уже писалось раньше, до появления пришельцев. Его статьи были направлены только на то, чтобы как можно мягче напомнить читателям, что старые концепции могут оказаться кстати. Но кроме этого — мы твердо держались в границах чистого репортажа.

— Но сейчас, — сказал Лэтроп, — публика в основном ситуацию освоила. Многим вся эта история не нравится, многим ее трудно принять. Но почти все уже понимают, что от этого никуда не денешься — пришельцы здесь и здесь останутся, по крайней мере какое-то время. И, по-моему, пора приняться за более серьезную работу. Скажем, представить вероятные последствия...

— Чтобы дать нашим читателям пищу для размышлений, — добавил Гаррисон.

— Вот именно. Подбросить им несколько вопросов, над которыми стоит подумать.

— То, что ты говоришь, Эл, — сказал Гаррисон, — вполне логично. И время для этого придет. Но мне все-таки кажется, что пока рано за это приниматься. Такие вещи можно писать только после долгого и тщательного размышления. Без хорошей подготовки начинать нельзя. Надо иметь какую-то информацию, хотя бы какой-то намек на информацию, прежде чем начать писать что-либо в этом роде. Конечно, информация не обязательно должна быть стопроцентно достоверной, как факты, идущие в репортаж, — согласен, — но нельзя брать ее с потолка. Иначе мы можем такого насочинять... А потом окажется, что мы не угадали.

— А я и не сказал, что надо начинать тотчас же. Я вовсе не имел в виду, что вы приметесь писать, едва выйдете отсюда, и станете высасывать материал из пальца. Но об этом надо подумать, надо заранее представить себе, какие материалы нам могут понадобиться в ближайшее время. У нас в газете масса народу, потратившего уйму времени на наблюдение за пришельцами и писание о них. И кое у кого должно было сложиться впечатление о том, с чем мы имеем дело. Кэти, вы с Джемом, вероятно, знаете больше, чем все остальные из нашей газеты. У вас есть какие-нибудь соображения по поводу сложившейся ситуации? Прежде всего скажите, как вы относитесь к пришельцам? Какие чувства они у вас вызывают?

— Они мне симпатичны, — ответила Кэти.

— Вот как? Это несколько неожиданно, честно вам скажу. Но продолжайте, пожалуйста. Расскажите, чем они вам так симпатичны.

— Хотя бы тем, что они нам не докучают, — сказала Кэти. — Конечно, кое-где они натворили дел, но ничего плохого не сделали. По-настоящему плохого.

— В Лоун-Пайне был убит человек.

— Он напал первым. Он выстрелил в пришельца. А с тех пор ни одного подобного случая не было. Пришельцы оказались порядочными людьми.

— Людьями?!

— Конечно! Они на самом деле люди. Только не такие, как мы. Они разумны. И по-моему — у них есть нравственное чувство.

— Может быть, ты права, — сказал Джей, — но мне кажется, что нас они за людей не считают. Они нас игнорируют. И не демонстративно — они попросту уверены, что мы не заслуживаем их внимания. Иногда кажется, что они нас даже не видят.

Кэти открыла было рот, но вовремя спохватилась. «Если бы только можно было сказать им! — подумала она. — Но нет, нельзя. Не только о Джерри, но даже и о рукопожатии, которое мне довелось испытать. Хотя это было гораздо больше, чем рукопожатие: в простом рукопожатии не бывает столько понимания и тепла».

— Вы хотели что-то сказать? — спросил Лэтроп.

Она покачала головой.

— Только то, что мне они кажутся людьми. Мне хотелось бы объяснить это, но я не могу. Не могу точно определить, что именно чувствую.

— А я вот о чем думаю, — сказал Джей. — Эти создания прилетели из дальнего космоса. Почти очевидно, что целлюлоза им необходима для того, чтобы кормить молодняк, а потому они едят деревья. Вероятно, какую-то часть целлюлозы они усваивают сами, но этого мы не знаем. Однако я о другом. Скорее всего они не из Солнечной системы. Ни на одной планете нашей системы нет деревьев и ничего похожего тоже нет. Это значит, что они прилетели из другой системы; с планеты, которая кормила их целлюлозой. Если так — им пришлось лететь несколько световых лет, а может быть, очень много световых лет: ведь маловероятно, что в каждой системе есть планета, которая могла бы обеспечить их целлюлозой, которую они искали. Такая планета должна была чем-то напоминать Землю, хоть сходство могло быть и не полным...

— Джей, — перебил его Гаррисон, — короче. Ты о чем?

— О многом, — сказал Джей. — Но самое главное, что меня занимает, — время. Они должны были лететь очень долго. Физики утверждают, что ни одно тело не может двигаться со скоростью, большей скорости света, и скорее всего не может к ней даже приблизиться. А это значит, что наши пришельцы летели к нам много тысяч лет. Пока они добрались до Земли...

— Чтобы решиться на такое путешествие, они должны были попасть в отчаянное положение, — сказала Кэти. — Что-то должно было заставить их броситься в космос на поиски другой планеты, хотя они не знали, где ее искать, а может быть, и вообще не надеялись найти. Но им нужна была целлюлоза, чтобы кормить малышей. Не будет целлюлозы — не будет потомства. Они стояли перед угрозой вымирания.

— Вы выступаете, как защитник на процессе, — пошутил Лэтроп.

— Может быть, она права, — сказал Джей. — Сценарий, который она набросала, может оказаться близким к истине. Быть может, им пришлось исследовать несколько звездных систем, прежде чем они нашли такую, где есть планета, которая их устраивает. И если

это так, то наши пришельцы — раса долгожителей. Они живут невероятно долго.

— Ты говорил, что надо развивать тему, — обратился Гаррисон к Лэтропу. — Кэти и Джей подали идею, которая может лечь в основу такой статьи. Может, пусть сами и напишут?

Лэтроп пожал плечами.

— Не вижу смысла. Это же сплошная теория, никаких фактов. Будет отдавать сенсационностью.

— Согласен, — сказал Гаррисон. — Но то же самое можно сказать обо всем, что мы могли бы написать. Все было бы основано исключительно на предположениях. У нас нет ничего, на что можно опереться. Поэтому самое лучшее — писать только о том, что можно увидеть. Если мы начнем теоретизировать, то сразу обнаружим, что наши теории не к чему привязать. Мы не можем претендовать на понимание происходящего, поскольку имеем дело с формой жизни, настолько не похожей на нашу, что у нас нет никакой основы для понимания. Кэти уверена, что пришельцам пришлось искать такое место, где они смогут выкармливать малышей. Вполне логично — но с нашей точки зрения. А какова точка зрения самих пришельцев? Может быть, их концепции не имеют ничего общего с нашими. Их интеллект, их мировоззрение, их стиль жизни — если позволить себе использовать эти термины — могут быть совершенно непостижимы для нас. Скорее всего, так оно и есть.

— Возможно, ты прав, — сказал Лэтроп. — Единственное, чего я хочу, — чтобы все мы были осматривательны. Мы не можем позволить себе ни капли сенсационности. Кстати, Мэттьюс из вашингтонского бюро сегодня утром сказал мне, что ходят слухи о каком-то эксперименте, который военные якобы проводили с одним из пришельцев. Что-то с оружием. Есть что-нибудь об этом? Хоть что-нибудь?

Гаррисон покачал головой.

— Мэттьюс звонил полчаса назад. Сегодня этот вопрос был задан на брифинге в Белом доме, и Портер ответил, что ничего не знает.

— Ему можно верить?

— Трудно сказать. До сих пор казалось, что он честен. Говорят, что в Белом доме идет отчаянная война: Портер настаивает, чтобы вся информация о пришель-

цах была открыта, но несколько человек требуют ее придержать. Если эксперимент с оружием был, то проводили его военные. Не исключено, что результаты будут засекречены. Поэтому Портер вынужден молчать.

— А что еще?

— Не много. Ничего, кроме обычных новостей о пришельцах. Несколько дней назад один появился на ферме в восточной Айове и начал летать взад-вперед над свежевспаханном полем, словно засеивал его. Потом уселся рядом на лугу и теперь никого к полю не подпускает. Отгоняет всех, кто пытается подойти. Похоже, это наш старый приятель.

— Что вы имеете в виду? Какой приятель?

— На нем номер зеленой краской: сто один.

Кэти вздрогнула и выпрямилась в кресле.

— Так это же она, та, что первой прилетела в Лоун-Пайн! Один из наблюдателей написал на ней номер. Это у нее родились малыши.

— Она?

— Ну детишки-то были, верно? Не «он» же их рожал! Так что в моей книжке это «она». Но как я пропустила этот материал?

— Его не было в газете, — сказал Гаррисон. — Завалился и попал в мусорную корзину, а я нашел и вытащил. Сегодня вечером мы его дадим в набор. Не знаю, как это случилось.

— Ну нельзя же допускать таких вещей! — возмутился Лэтроп. — Это же отличный материал, мы должны были его использовать...

— Все бывает, Эл. Не часто — но бывает. Это как раз такой случай. Но я вот подумал, не слетать ли Кэти в Айову. Ознакомиться с ситуацией. Быть может, пришелец ее запомнил.

— Но это же смешно, — возразил Лэтроп. — Ни один из них ни разу не обратил внимания на людей.

— А откуда это известно? — спросил Гаррисон. — Конечно, ни один не подошел и не поздоровался, но это вовсе не значит, что они не замечают людей. Кэти провела в Лоун-Пайне несколько дней, так что...

— Ну а если «сто первый» ее запомнил — что толку? Едва ли у него можно взять интервью. Нет никакой возможности получить от них информацию. Никакой.

— Я знаю, — сказал завредакцией репортажа. — Но у меня предчувствие. Я думаю, что идея неплохая.

— Ну что ж, давайте. Репортаж — ваша епархия. Если у вас предчувствие...

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвался Джим Гоулд.

— Джонни! — закричал он, — Фрэнк Нортон на проводе! Стиффи Грант только что нашел мертвого.

— Какого мертвого?

— Мертвого пришельца.

Глава 32

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Портер взял трубку.

— Дейв, — сказал президент, — ты можешь ко мне зайти? Я хочу, чтобы ты тоже послушал.

— Сию минуту, — ответил Портер.

Он положил трубку и поднялся с кресла. Маршия Лэнгли, его помощница, подняла голову от стола и вопросительно взглянула на шефа.

— Не знаю, — сказал Портер. — Скорее всего, какая-нибудь неприятность.

Войдя в приемную, он показал на дверь президентского кабинета.

— Кто там у него?

— Генерал Уайтсайд, — ответила Грейс.

— Только Уайтсайд?

— Только Уайтсайд. Пару минут назад зашел.

Портер постучался и открыл дверь. Президент стоял, опершись на угол стола, Уайтсайд сидел в кресле у стены.

— Заходи, Дейв, — сказал президент. — Тащи сюда кресло. У генерала чрезвычайно интересные новости для нас.

— Благодарю вас, сэр.

Президент обошел стол и уселся за него.

— Я слышал, тебе сегодня трудно пришлось с прес-сой, — обратился он к Портеру.

— Они хотели узнать об эксперименте с оружием. Я сказал, что ничего об этом не знаю.

Президент кивнул.

— Правильно. И как у тебя прошла эта ложь во спасение? Совесть не мучает?

— Сэр, — сказал Портер, — говорить можно и нужно почти обо всем. Но я полагал, что эксперимент в любом случае секретен, даже если речь не идет о безопасности страны...

— Хорошо, что вы об этом подумали, — буркнул Уайтсайд.

— Ну а раз так, я решил, что сказать об этом можно будет не скоро.

— Потому я тебя и позвал, — сказал президент. — Я тебя уважаю и не хочу, чтобы тебе приходилось работать в вакууме. Когда ты услышишь, что расскажет Генри, у тебя не останется возражений относительно секретности этой информации.

Он повернулся к Уайтсайду.

— Генри, вы не откажетесь рассказать еще раз?

Генерал устроился в кресле поудобнее и начал:

— Я думаю, вы оба знаете, в чем состоял эксперимент. Мы установили ружье тридцатого калибра и снимали траекторию пули, тысячи кадров в секунду.

— Да, знаем, — кивнул президент.

— Это было невероятно, — сказал Уайтсайд.

— О'кей, Генри. Продолжайте.

— Когда пуля ударилась в прищельца, шкура его вогнулась. Но пуля ее не пробила. Только ямку сделала. Как кулаком стукнуть в подушку. Как пальцем щеку надавить. Почти в тот же момент ямка выровнялась, и в том месте, где она была, возник ослепительный луч. Он попал в ружье и расплавил его. Забавно, что сама пуля назад не полетела, а отскочила, как мячик от стенки, и упала. Мы потом нашли ее на земле.

Генерал замолчал, переводя дыхание.

— Наши люди говорят — то есть наши ученые говорят, — что прищелец превращает кинетическую энергию снаряда в потенциальную. И делает это таким образом, что потом может ее использовать. Не совсем понятно, как это происходит, но впечатление такое, будто прищелец поглотил потенциальную энергию, под-

верг ее анализу и ответил более сильной вспышкой энергии — потому ружье и расплавилось. Он попал точно в ружье. Ученые говорят, это произошло потому, что вмятина имела параболическую форму, а ось параболоида совпала с траекторией снаряда. Вмятина тут же выровнялась, но форма ее была настолько точной, что он выбросил эту энергию в какой-то новой форме точно туда, откуда вылетел снаряд. Они что-то говорили о волновом импульсе, об отраженной волне — тут я ничего не понял. Но самое главное в том, что пришелец возвращает энергию снаряда — или больше энергии снаряда — оружию, из которого он вылетел. И при этом возврат энергии происходит по траектории снаряда. Даже если бы траектория была навесной, — если, например, стреляли из мортиры, — ответный импульс энергии все равно в точности следовал бы траектории снаряда.

Он умолк, снова переводя дыхание и глядя то на одного слушателя, то на другого.

— Вы понимаете, что это означает?

— Идеальная защитная система, — сказал президент. — Ты кидаешь другому то, что он кинул в тебя.

Уайтсайд кивнул.

— И притом в другой форме. Вероятно, здесь имеют место разные формы энергии. Во всяком случае, так думают ребята из лаборатории. Это совсем не обязательно тепловой удар. Это может быть и какое-то излучение, например гамма-лучи. Пришелец умеет превращать кинетическую энергию в потенциальную, и у него широкий выбор дальнейших превращений.

— Кто кроме нас троих знает об этом? — спросил президент.

— Эксперимент видели многие. Техники, охрана и так далее. О том, что я вам сейчас рассказал, знают только трое, больше никто.

— Вашим людям можно доверять?

— Можно. Они не болтливы.

— Я думаю, что в целях безопасности, — сказал президент, — нам не следует распространяться об этом. Эксперимента не было! Будем твердо стоять на своем: его не было. Ты сможешь выдержать, Дейв? Я знаю, как ты себя чувствуешь, когда приходится лгать...

— Хотя это мне и не нравится, — сказал Портер, — придется с вами согласиться. Но нам трудно будет

избежать огласки. Кто-нибудь обязательно проболтается: не солдаты, так технический персонал. Нельзя ли поступить как-то по-другому? Например, сказать: да, такой эксперимент был, но результаты его неясны...

— Мой вам совет, — произнес Уайтсайд, — похороните это дело.

— Дейв, — сказал президент, — я никогда не просил тебя покрывать нас. А сейчас прошу. Был, конечно, случай, когда «рой» на орбите начал разваливаться. Вероятно, тогда я ошибся. Ты хотел полной открытости... Конечно, лучше было тогда дать слово тебе, а не ограничиться заявлением НАСА. Моя вина. Но сейчас другое дело.

— У нас могло бы появиться преимущество, — сказал Уайтсайд. — То самое, которого сейчас нет. Если мы сможем понять, как он это делает...

— Можно обратиться к Аллену...

— Господин президент, — сказал Уайтсайд. — Мне бы не хотелось. Может быть, в конце концов он и помог бы нам получить ответ. Конечно, было бы хорошо, если бы при этом он не знал всех подробностей. Но еще лучше вообще не говорить ему ничего. Сейчас об эксперименте знают шесть человек. Это уже много, но тут ничего не попишешь. Давайте ограничимся этой шестеркой. Аллен тряпка и болтун. Он помешан на мысли, что всякое научное знание должно быть всеобщим. Люди, которых он собрал для своих исследований, работают без контроля со стороны спецслужб и...

— Не надо ничего объяснять, — перебил его президент. — Вы совершенно правы. Аллена будем держать в стороне.

— Мои люди считают, — сказал генерал, — что пришельцы вообще не представляют собой опасности. То есть не являются противником. Они считают, что пришельцы поглощают энергию из всевозможных радиационных излучений, из мельчайших частиц вещества, или из крупных частиц, которые могут столкнуться с ними... В этом случае они превращают кинетическую энергию частиц в потенциальную, часть ее поглощают — сколько им нужно, — а лишнюю выбрасывают. Нечто вроде предохранительного клапана для сброса избыточной энергии.

— Вы использовали пулю тридцатого калибра, — сказал президент. — Ваши люди пробовали выяснить, снаряд какой мощности мог бы выдержать пришелец?

— Я думаю, ядерный заряд мог бы его уничтожить, — ответил генерал. — Похоже, что ничем иным его не взять. Вмятина от пули была совсем крошечной. При более тяжелом снаряде вмятина будет глубже, но и отдача окажется гораздо большей. Пришелец, с которым мы работали, по-видимому, вообще не заметил выстрела. Когда пуля ударила его, он даже не вздрогнул. Перед выстрелом он просто стоял и ничего не делал. Во всяком случае, ничего такого, что могли бы заметить. И после выстрела стоял точно так же. Мне бы хотелось попробовать что-нибудь потяжелее: постепенно наращивать калибр оружия.

— Этого делать нельзя, — предостерег Портер. — От вашей секретности ничего не останется. Сейчас у нас еще есть возможность откреститься от одного эксперимента. Но если их станет больше — у нас никаких шансов не останется.

— Это верно, — сказал президент. — Пока придется удовлетвориться тем, что есть. Главное сейчас — выяснить, что представляют собой пришельцы. Как они устроены. Как они действуют, если так можно сказать. Быть может, Аллен в ближайшее время обнаружит что-нибудь, что сможет пролить свет на эту тайну.

— Ему же не с чем работать, — сказал Портер. — Все, что могут его люди, — стоять рядом и наблюдать.

На президентском столе загудел телефон внутренней связи. Президент нахмурился и нажал кнопку.

— Грейс, я, кажется, предупреждал...

— Простите, сэр. Я подумала, что, может быть, вы захотите знать. Здесь доктор Аллен. Говорит, что должен немедленно вас видеть. Кажется, в Миннесоте кто-то обнаружил мертвого пришельца.

Глава 33

МИННЕАПОЛИС

Потолок и стены словно давили на него — странное ощущение. Никогда прежде он не испытывал подобного. Впервые за все время, что он прожил здесь, — долгие два года — он заметил, как мала его комнатка, как убога и какой в ней кавардак. Заметил и грязные окна, и потеки на стенах.

Он отпихнул бумаги на угол стола и подошел к окну. Ребятишки играли в какую-то игру, состоявшую из крика и беготни и не имевшую никакого смысла ни для кого, кроме них... Какая-то старуха ковыляла по разбитому тротуару, волоча большущую сумку... На ступенях соседнего ветхого дома сидел ленивый пес... На обычном месте, прижавшись к бордюру, стояла старая колымага с помятыми крыльями...

«Что за чертовщина творится со мной?» — подумал Джерри. Но, задавая этот вопрос, он уже знал в чем дело.

Все эта история с пришельцем. Она не давала ему покоя с тех самых пор, как произошла. С тех самых пор он постоянно чувствовал себя не в своей тарелке. Постоянная тревога не давала ему заниматься, изводила с утра до ночи. Он был сам не свой. Он не мог сосредоточиться на диссертации, а ее надо писать... Он просто обязан ее написать!

Может быть, лучше решиться и рассказать о случившемся соответствующим властям? Рассказать — и избавиться от всего... Может быть, тогда он освободится от наваждения, сможет оттородиться от воспоминаний, сможет работать... Но это было невозможно. Он убеждал себя, что отказывается от этого потому, что не хочет показаться смешным. Но, возможно, существовала и другая причина. Хотя он и не мог понять, в чем она состоит. Раньше он думал, что ему станет легче, если он расскажет обо всем Барру. Не помогло. Экзобиолог и не думал потешаться над ним, но все равно не помогло. А он рассказал все-все, без утайки, как на исповеди, — все равно не помогло.

А теперь об этом просто невозможно рассказать. Теперь, когда прошло уже столько времени, — уж он точно окажется в числе придурков, которые утверждают, что пришелец забирал их к себе. С тех пор как появились пришельцы, таких стало полным-полно... Нет. Раньше рассказать о происшедшем было трудно, а теперь — и вовсе невозможно.

Хотя, по всей вероятности, ему все равно это предстоит. Ведь рано или поздно следователи, забравшие его машину, определят номерной знак или номер мотора и найдут его. Быть может, уже определили. Он не сделал ничего, чтобы отыскать машину, а, наверное, надо было. Наверное, надо было, но он не мог ни на что решиться. Надо было обратиться в страховую компанию. Но что бы он им сказал? Одно время он хотел заявить, что машину украли, но не поддался искушению. И правильно сделал, а то могло бы быть хуже.

Он отошел от окна и вернулся к столу. Сел, придвинул к себе бумаги. Как бы там ни было, но сегодня он должен что-то сделать. Хотя бы немного. Часов в шесть пойдет Кэти, и они пойдут куда-нибудь обедать.

«Кэти...» — подумал он. Интересно, что бы он без нее сейчас делал? Это ее сила и спокойствие, преданность, любовь и забота помогли ему прожить последние дни.

Зазвонил телефон, он взял трубку.

— Извини меня, Джерри, — сказала Кэти. — Я не приду к тебе сегодня. Я уезжаю. Снова в Лоун-Пайн.

— О черт! А я сижу и мечтаю, как увижу тебя вечером... Что там опять стряслось?

— Они нашли мертвого пришельца. Наверное, опять исследователи из Вашингтона набегут... Надо было кого-то послать, и Джонни выбрал меня.

— Мертвый пришелец? Что с ним случилось?

— Никто не знает. Его уже нашли мертвым. Стиффи Грант нашел. Ты его должен помнить, я вас знакомила.

— Конечно, помню. А как Стиффи определил, что пришелец мертв?

— Он холодный. Они всегда были теплые, а этот холодный. И не висит над землей, а стоит на грунте.

— И теперь они собираются разрезать его на куски и посмотреть, как он устроен.

— Наверное, что-то в этом роде, — согласилась Кэти.

— Мне это противно.

— Мне тоже. Но это логично.

— Когда ты вернешься?

— Не знаю. Наверное, через день-два... Я сразу же дам тебе знать.

— Я так надеялся, что мы сегодня увидимся.

— Я тоже, Джерри. Очень надеялась. И мне очень жаль.

— Ничего не поделаешь! У тебя работа... У меня, кстати, тоже. Надо что-нибудь написать, а то диссертация стоит. Попробую.

— И еще, Джерри. Нашу «сто первую» нашли.

— Сто первую?

— Ну да! Ты что, не помнишь? Я тебе рассказывала, как один из вашингтонцев написал зеленой краской номер на самом первом пришельце. Сто один.

— Да, рассказывала. Так, значит, его нашли? Где?

— На ферме возле маленького городка в Айове. Дейвис Корнерс. Фермер думает, что она что-то посадила или посеяла у него на поле и теперь караулит его. Когда фермер подходит к полю, она его отгоняет.

— Что же он там мог посеять?

— Может быть, и ничего. Но фермер так думает. Джонни собирался послать меня туда, но тут появилось это дело в Лоун-Пайне.

— А зачем он собирался тебя туда послать? Что ты смогла бы там сделать?

— У Джонни бывают предчувствия. Он руководит редакцией по наитию. И иногда его предчувствия сбываются. Знаешь, есть такое, что можно назвать интуицией журналиста. Это действительно предчувствие. Но

мне пора. Самолет уже ждет, а Чет стоит рядом и переминается с ноги на ногу.

— Ты мне нужна, Кэти.

— Ты мне тоже. Давай работай. Чтобы к моему возвращению много-много сделал.

— Я постараюсь. Спасибо, что позвонила, Кэти.

Он положил трубку. И остался сидеть у стола; просто сидел и ничего не делал. Комната снова стала давить. И снова полезли в глаза грязные окна и потеки на стенах.

«"Сто первый", — думал он. — Сидит где-то в Айове и караулит поле. А с какой стати в Айове? В Айове же нет деревьев — во всяком случае их там немного. Это не Миннесота, там нет лесов. Фермер подумал, что "сто первый" что-то посадил или посеял у него на поле. А что он мог посадить?» Джерри помотал головой. Нет, наверное, фермер ошибся.

Он встал из-за стола и принялся ходить по комнате из угла в угол, с пугающей отчетливостью вспоминая те часы (или минуты?), что провел внутри «сто первого». Перед глазами снова возникли светящиеся диски, бледный голубой свет, странное мерцание... «Там было что-то, — думал он, — что я должен был понять. И понял бы, если бы пробыл там чуть подольше».

Если бы он пробыл там подольше, если бы мог снова с ним заговорить...

«Стоп! — сказал он себе. — А не дурак ли я? Называть это разговором просто идиотство. Я ведь с ним не разговаривал. Это он мне внушал, навевал какие-то впечатления, и только. Ощущение дома, ощущение чего-то, связанного с деревьями... И нет никакой уверенности, что это на самом деле исходило от «сто первого», а не возникло у меня в голове... Почему возникло?..»

Он снова сел за стол, подвинул к себе бумаги, взял ручку — но работать не мог. Из-под пера вместо букв лезли какие-то непонятные закорючки и спирали. Он стал всматриваться в них, пытаясь разобраться, что они означают, но не сумел. Это было так непонятно и неприятно, что он разозлился... В голове была полная каша.

«А может быть, — подумал он, — ответ как раз там, на ферме в Айове?» Но это же чистейшее безумие! Ну поедет он в Айову, придет на поле, — а пришелец прогонит его так же, как фермера... Он фантазировал

и прекрасно понимал это, — но такое понимание не помогало: фантазия не отпускала его. Он должен попасть в Айову. Да, теперь он был уверен: надо ехать в Айову! Хотя у него не было ни малейшего понятия, что он будет там делать.

Он снова поднялся из-за стола и зашагал по комнате, стараясь избавиться от наваждения. Но оно не проходило, оно стучало в мозгу молотом. Ему надо понять, а это единственная возможность, какую он мог себе представить. Только так он может получить ответ. Конечно, может ничего и не получиться, но нельзя упускать такой шанс. Надо попробовать. Надо подчиниться предчувствию. Кэти сказала, что Джонни Гаррисон работает по интуиции и иногда его предчувствия оправдываются...

Он боролся с этой мыслью до самого вечера, но так и не смог одолеть ее. Ему надо ехать в Айову... Он хочет ехать в Айову, но ведь у него нет машины. Но если попросить у Чарли, тот, наверное, даст. Не может же он не позволить взять его машину на день-два!..

Вытерев со лба внезапно выступивший пот, он поднял трубку и начал набирать номер Чарли.

Глава 34

ЛОУН-ПАЙН

Через бинокль было видно, что на том берегу возле мертвого пришельца копошится кучка людей. Что они там делали, Кэти разобрать не могла. Единственное, что ей удалось рассмотреть, — они каким-то образом (пилами, что ли? — удивилась она) отрезали куски от мертвого тела. Наверное, брали образцы, чтобы отвезти в Вашингтон или еще куда-нибудь на исследование. Они возились с каким-то оборудованием, но на таком расстоянии невозможно было рассмотреть, что именно они делали. Кэти пыталась найти кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить, но это ей не удалось. Меры безопасности были приняты строгие. Мост, построенный армейскими инженерами, перекрыли гвардейцы. Кроме того, гвардейцы патрулировали берега, задерживая всякого, кто пытался перебраться через реку.

Остальные пришельцы не обращали никакого внимания на то, что происходило возле их мертвого собрата. Они продолжали валить деревья и выплевывать целлюлозные тюки. Некоторые из них почковались, и уже около дюжины малышей носились вокруг, жуя целлюлозу.

Кэти опустила бинокль и положила его на колени.
— Видно что-нибудь? — спросил Нортон.

— Я ничего не могу разобрать, — Кэти подала ему бинокль. — Хочешь посмотреть?

— Даже если я что-нибудь и увижу, все равно, наверное, ничего не пойму, — сказал Нортон. — Я думал, что они постараются перетащить пришельца куда-нибудь. Хотя бы в университет в Миннеаполис. Но, должно быть, эта штукавина слишком тяжела. Наверное, тонны и тонны весит.

— Может быть, когда-нибудь и перетащат... Если я не ошибаюсь, необходимо как можно быстрее получить образцы тканей — если это можно назвать тканями. То, что они там достают.

Нортон поднял бинокль к глазам и долго смотрел. Потом отдал его Кэти.

— Я никогда не видела такой секретности, — сказала Кэти. — И никогда не видела, чтобы меры принимались так быстро. Мы с Четом появились здесь всего через несколько часов после твоего звонка, но все уже было перекрыто. Обычно в таких случаях организуют хоть какую-то связь с общественностью, чтобы хоть как-то объяснять, что происходит. А здесь ничего. Даже нет никого, кто сказал бы, что никакой информации не будет. Просто заперли дверь и не пускают.

— Наверное, в Вашингтоне находят это важным. Совершенно секретно...

— Конечно, — сказала Кэти. — Ну а кроме того, еще и спешка. Кто мог ожидать, что пришелец умрет и появится такая возможность? Когда мы напишем, какие меры безопасности здесь приняли, правительство начнет возмущаться. Скажет, что мы преувеличиваем.

— Очень скоро Лоун-Пайн будет кишеть газетчиками, — сказал Нортон. — Как в прошлый раз. Может, кому-нибудь удастся что-то проведать.

— Я уже пробовала, — вздохнула Кэти. — Одни гвардейцы — морды кирпичом, — которые никого никуда не пускают. «Не положено!» — вот и весь разговор. Даже офицеров нет. Уж эти-то разговаривают, чтобы показать, какие они важные, если нет другой возможности. Хоть немножко, да скажут. Знаешь, Фрэнк, я удивляюсь, какого черта я здесь торчу. С тем же успехом могла бы сидеть у себя в редакции. Я же здесь ничего не делаю — и не сделаю. Не знаю, что я скажу Джонни, когда позвоню. Может быть, кто-то

другой смог бы раздобыть информацию. Может быть, Джей...

— А что Джей? Ты же сама говоришь, что здесь не с кем разговаривать.

— Зло берет, — сказала Кэти. — Хоть бы слухи какие-нибудь были! Когда такая секретность — всегда ходят слухи. Кто-нибудь что-нибудь услышит и начинает плести. А здесь даже этого нет. Стиффи тоже ничего не знает. Я надеялась, что хоть он что-то услышит и расскажет. Ну, присочинит, конечно... И Салли ничего не знает. Если бы знала, если бы хоть что-то услышала, — обязательно рассказала бы, я уверена.

— Тебе надо подольше побыть здесь, — сказал Нортон. — Если проторчишь здесь достаточно долго...

— А мы с Джерри собирались сегодня пойти пообедать... — вздохнула Кэти. — Оба так мечтали об этом. Мы давно уже никуда не ходили — по-настоящему, не так, чтобы пирожок укусить в какой-нибудь забегаловке. Бедняга Джерри, ему сейчас очень плохо. Шесть студенческих лет с хлеба на воду перебивался, за какую только работу ни брался, чтобы хоть какие-то денежки водились — сколько там ему нужно-то?.. И живет в какой-то конуре... Я думала, нам надо пожениться. Тогда у него по крайней мере было бы приличное жилье... Но ему этого не надо. Он не хочет, чтобы женщина его содержала. Гордость мужская. Это хорошо, что он такой, я его за это уважаю, но все равно мне его жалко... А если он узнает, что я его жалею, — это еще хуже, так что показывать нельзя... Вот я и не показываю. Мы могли бы, конечно, и так пожить, и, может быть, это было бы легче для нас обоих... Но мы не хотим. Ничего плохого в этом нет, многие так живут, но нам не хочется. Даже не знаю почему. Это не для нас. Вот мы и договорились...

— Скоро все уладится, — сказал Нортон. — Еще чуть-чуть — и он станет доктором, получит работу...

— Не знаю, зачем я тебе это рассказываю. Ведь не надо, а оно само из меня лезет... Фрэнк, для чего я это тебе рассказываю?

— Не знаю. — Нортон пожал плечами. — Но я рад, что ты со мной поделилась. Если тебе хоть немного стало легче, я рад.

Какое-то время они сидели молча. Потом Нортон сказал:

— Через пару дней, в конце недели, я возьму несколько дней отпуска. Я так делаю каждую осень, обычно пораньше. Нынче меня пришельцы задержали. Закину каноэ на крышу машины и поеду в заповедник. Остановлюсь где-нибудь у речки, в красивом месте, и поплыву. Нечто вроде прощания с осенней природой, пока погода позволяет. Просто гребу и смотрю по сторонам. Любуюсь. Не суечусь, никуда не тороплюсь... И никакой работы, разве что порыбачу иногда. Но главное — любуюсь.

— Как хорошо... — вздохнула Кэти.

— Я вот о чем подумал. Почему бы тебе не позвонить Джерри и не пригласить его сюда? Скажи Джонни, что берешь отпуск, и составите мне компанию в походе. Отключитесь от всех дел, от всех забот... И вам откроется прекрасный мир.

— Это было бы замечательно, — согласилась Кэти. — Но мы не можем. Я уже использовала весь отпуск в июне, а у Джерри диссертация горит.

— Жаль, — сказал Нортон. — Было бы чудесно поехать с вами.

— Мне тоже жаль, — отозвалась Кэти. — Спасибо тебе.

Глава 35

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Президент вошел в пресс-бюро, когда Портер уже собирался домой. Пресс-секретарь удивился.

— Как поздно вы работаете, сэр, — сказал он, поднимаясь из-за стола.

— Ты тоже, — ответил президент. — Я увидел у тебя свет и решил заглянуть.

— Я вам нужен?

— Только для того, чтобы выслушать меня, Дейв. Мне нужен человек, с которым можно отвести душу.

Президент подошел к дивану у стены, уселся, вытянул ноги и положил руки под голову.

— Дейв, — спросил он, — все это на самом деле происходит или мне снится страшный сон?

— Боюсь, что происходит, — сказал Портер. — Хотя иногда я задаю себе тот же вопрос.

— Ты представляешь себе, к чему это идет? Каким должен быть логический конец?

Портер покачал головой.

— Нет, сэр. В данный момент ничего не могу вам сказать. Но у меня такое чувство... Я верю, что в конце концов все образуется. Самые скверные ситуации улаживаются рано или поздно.

— Ко мне с утра до ночи ломится разный народ, — пожаловался президент. — Советуют, что я должен сделать. Что я, по их мнению, должен предпринять. Много всевозможных глупостей, хотя тем, кто их предлагает, они, вероятно, таковыми не кажутся. У меня целая гора писем, призывающих объявить День молитвы. Звонят люди, которых я всегда считал вполне здравомыслящими, и тоже предлагают провести день молений. Разрази меня гром, если я сделаю это! Конечно, бывало, что президенты объявляли такой день, призывали народ к совместной молитве, но только в тех случаях, когда возникала настоятельная необходимость. Сейчас я такой необходимости не вижу.

— Причина в религиозной лихорадке, которая началась с появлением пришельцев, — сказал Портер. — Когда люди не знают, что делать, они обращаются к вере. Или к тому, что им кажется верой. Это мистический отход в царство ирреальности. Попытка хоть как-то объяснить необъяснимое, то, что мы объяснить не в состоянии. Поиск какого-то символа, который смог бы увязать наши понятия с явлениями, выходящими за их пределы.

— Я все прекрасно понимаю, — сказал президент. — И даже могу посочувствовать. Но сейчас объявить День молитвы — значит еще обострить проблему, с которой и так непросто. Честно говоря, я не знаю, что делать, но мне не страшно. Может, я не прав, Дейв? Я должен испытывать страх?

— Не думаю, — покачал головой Портер. — Бояться вроде бы нечего. На самом-то деле людьми, настаивающими на дне молений, движет потребность заставить всех остальных хотя бы притвориться, что и они переживают то же самое.

— Последний час или около того, — сказал президент, — я старался просто посидеть спокойно, наедине с собой, и попытаться понять, с чем мы имеем дело. Думал, что если сумею это понять, то смогу и решить, что делать. Первое, что я себе сказал: в настоящий момент нам не угрожает ни насилие, ни принуждение. Пришельцы — надо отдать им должное — до сих пор вели себя очень порядочно. Мне кажется, что они стараются понять, что представляет собой наше общество. Хотя его многие стороны им, конечно же, постичь нелегко. Но если я прав, если они на самом деле

стараятся понять, — это должно означать, что они хотят вписаться в наше общество. Хотят действовать в рамках его, насколько им удастся. Я в этом, конечно, не уверен, но так по крайней мере все выглядит. И это меня несколько успокаивает. Конечно, в любой момент может произойти что-нибудь такое, что все изменит. В Алабаме полиция арестовала группу помешанных, которые пытались пробраться на стадион с ящиком динамита. Подозреваю, что они хотели взорвать пришельца.

— Даже если бы они и забрались на стадион, вряд ли у них что-нибудь получилось бы, — сказал Портер. — Судя по всему, чтобы потревожить пришельца, нужно что-нибудь посерьезнее, чем ящик динамита.

— Ты прав, Дейв. Если данные эксперимента у Уайтсайда точны, то ты прав, а я думаю, что они точны... Но дело в другом: это был бы обдуманый, целенаправленный агрессивный акт, который мог бы изменить отношение пришельцев к нам. Пока мы не узнаем больше, чем знаем сейчас, — мы не можем позволить себе никакого насилия. Даже ненамеренного, неумышленного. У меня такое чувство, что если пришельцы будут отвечать насилием, то дадут нам сто очков вперед. Мне совсем не хочется конфликтовать с ними.

— Нам на самом деле надо узнать о них гораздо больше, — согласился Портер. — Что там Аллен делает с мертвецом? У вас есть какие-нибудь сведения от него?

— Только то, что работа ведется. Он проводит предварительные исследования на месте. Когда закончат, может быть, удастся перевезти покойника в другое место, где можно будет работать в более благоприятных условиях.

— Его перевезти — не шутка...

— Мне сказали, что это можно сделать. Армейские инженеры обещали помочь. Они все рассчитают и готовят.

— А есть какие-нибудь данные о причине смерти?

— Забавно, что ты об этом спросил, Дейв. Этот вопрос одним из первых пришел мне в голову. Когда кто-то умирает — хочется спросить, почему это случилось. Мы все равнодушны к вопросам жизни и смерти. Я сразу вспомнил Уэлса: у него марсиане погибли, потому что оказались беззащитными перед земными микробами. Я подумал, может быть, и пришельца погу-

бил какой-нибудь вирус, бактерия, грибок... Но причина его смерти совершенно не интересует доктора Аллена. Похоже, он об этом вообще не подумал. Во всяком случае ничего не сказал. Он был в восторге, что один из них попал-таки ему в руки. В этом парне что-то есть — меня иногда мороз пробивает, когда гляжу на него. Честное слово, иногда кажется, что он вообще не человек. Слишком уж он ученый. Для него ученые — особое братство, отделенное от всего прочего человечества. Опасная установка, она меня беспокоит. Не исключено, что Аллен со своими людьми обнаружит что-нибудь такое, чего совсем не надо рекламировать. Я постарался объяснить ему это, и он вроде понял, но я не уверен. Я знаю, что ты об этом думаешь, Дейв, но...

— Если информация засекречивалась в интересах национальной безопасности, — сказал Портер, — я никогда не был против. Я возражаю против секретности ради самой секретности. Я уверен, что данные о мертвом пришельце следует рассортировать. Конечно, что-то публиковать не надо. Но часть информации вполне можно обнародовать. И, если таких сведений наберется достаточно много, средства массовой информации будут довольны. Кто-то может заподозрить, что мы сказали не все, но им не на что будет жаловаться. Кто меня беспокоит — так это люди, занятые в исследованиях. Пресса может добраться до кого-нибудь из них.

— Я предупреждал Аллена. Никого со стороны у него сейчас нет, там работают только его люди. Он клянется, что на них можно положиться. Маловероятно, что кто-нибудь сможет хотя бы подойти к ним близко, не то что заговорить. Лоун-Пайн заблокирован так, что туда и змея не проползет.

Президент встал с дивана и направился к двери, но потом вернулся и снова сел.

— Мне другое не нравится, — сказал он. — Эти чертовы Объединенные Нации. Они жмут на нас, чтобы заставить признать событие с пришельцами международным делом. Ты, разумеется, в курсе.

Портер кивнул.

— Сегодня мне на брифинге подкинули несколько острых вопросов. Был момент, когда я катался по тонкому льду.

— Собираются вынести на голосование резолюцию, — сказал президент. — И она наверняка прой-

дет, черт побери. У нас нет никакой возможности ее задержать. С нами будет поддюжины правительств, не больше. Мы, конечно, нажмем на все рычаги, но шансов почти никаких. Все наши младшие братья, за которых мы распинаемся, желая им помочь, будут голосовать против нас.

— Ну, принять резолюцию они могут. Но им трудно будет провести ее в жизнь.

— Конечно. Но вид у нас будет непрезентабельный. Престиж наш упадет, и весьма.

— Может быть, сейчас стоит наплевать на престиж. Это наше дело. Пришельцы к нам прилетели.

— Наверное, ты прав, Дейв. Но есть и другие точки зрения. Госсекретарь в ужасе от такой перспективы.

— Он всегда в ужасе.

— Знаю. Но не только он и не только резолюция ООН подпортят нам настроение. Тут еще «зеленые» поднялись на защиту наших заповедных лесов... Лесопромышленники вопят... Фермеры, у которых пришельцы сидят на полях, начинают беспокоиться... Весь деловой мир в шоке. На товарных биржах скачки сумасшедшие. Иногда я ловлю себя на мысли, что лучше бы они прилетели к кому-нибудь другому. Знаю, что не надо бы мне так думать, но все равно в голове вертится: почему мы? Почему не Европа, не Южная Америка или хотя бы, Господи прости, не Советский Союз?

— Я вас очень хорошо понимаю, — сказал Портер. — Это слишком большая...

— Если бы я мог хоть когда-нибудь чего-нибудь добиться, — перебил его президент. — Если бы не приходилось драться за каждый дюйм прогресса. Взять хотя бы энергетический проект. Вполне разумный проект, все это можно сделать. Я мог бы привести сотни инженеров высочайшего класса, которые поклянутся, что этот план осуществим. Солнечная энергетика в пустынях Юго-Запада, несколько миллионов, чтобы довести до ума системы криогенной передачи и аккумуляции... Энергии хватило бы на всю страну, а система передачи способна распределять и хранить энергию практически без потерь. Но Конгресс видит все в ином свете. Почему? А черт их знает! Да нет, я тоже знаю: половина сидит в кармане у энергетических корпораций, а другая половина такие тупицы, что можно только удивляться, как они до дома добираются из Капитолия.

— Когда-нибудь, — сказал Портер, — они все равно к этому придут. Рано или поздно, но им придется понять...

— Конечно, — сказал президент. — Когда-нибудь. Я могу тебе сказать, когда это случится. Когда бензин будет стоить пять долларов галлон, и тебе придется выстаивать полдня в очереди, чтобы получить по норме свои три галлона. Когда ты начнешь замерзать зимой, потому что не сможешь себе позволить сжечь достаточно природного газа, чтобы обогреть дом. Когда у тебя на весь дом будет единственная лампочка в двадцать пять свечей, чтобы не платить за электричество так много...

Глава 36

АЙОВА

Солнце уже село, на землю постепенно спускались сумерки, когда Джерри Конклин свернул на заправочную станцию.

— Залейте бак и масло проверьте, пожалуйста, — попросил он служащего.

Пока тот возился с машиной, Джерри вышел к дороге. Бензозаправка располагалась на окраине одного из тех маленьких поселочков, через какие он проезжал по дороге сюда. Небольшой, тихий торговый центр, обслуживающий окрестные фермы. Городок, такой же, как все другие, состоял из нескольких рядов небольших аккуратных домиков и крошечного делового квартала. В некоторых домах уже зажглись огни, движения на дороге почти не было. Поселок погрузился в вечернюю тишину, лишь изредка нарушаемую лаем собаки.

Джерри стоял возле дороги, оглядывая ее в обе стороны. Чувство боли не проходило. «Глупо, — говорил он себе, — глупо было сюда ехать». Его погнала в путь какая-то иррациональная сила, которую он сам не мог объяснить. Он должен был с самого начала знать, что из поездки ничего не выйдет. Глупо было думать, что «сто первый» его узнает — хотя, быть может, все-таки узнал?.. Но если и узнал, Джерри это ничего не дало.

...Несколько раз сбившись с дороги и отыскав ее только с помощью местных жителей, он подъехал наконец к той самой ферме.

Фермер был дома и бродил по двору с молотком и гвоздями, поправляя деревянную изгородь.

— Да-а! Так там и сидит, поле караулит, — сказал он Джерри. — Но тебе нет смысла туда идти. Можешь, конечно, попробовать, но я и так знаю, что будет. Я бы сам с тобой сходил, но у меня, видишь, работа. Чушки забор разнесли. Надо починить, а то их не удержишь — все норовят ударать.

Джерри пошел к полю. Старина «сто первый» сидел на лугу неподалеку от вспаханной полосы. Он не шевельнулся, чтобы прогнать Джерри. Просто сидел — и все. Джерри подошел к нему, обошел вокруг, глядя на него и пытаясь восстановить в памяти, как он выглядел, когда впервые опустился на мост. Воспоминание о том, как «сто первый» лежал поперек реки, как летели бревна и доски разбитого моста, было ярким и четким; но Джерри все равно трудно было узнать в этом пришельце того, прежнего. Теперь он казался как будто меньше, хотя — Господь свидетель — он был достаточно велик.

Джерри обошел вокруг него, потом подошел вплотную и положил на него ладони, ощущая приятное тепло. Потом похлопал по шкуре, легонько стукнул кулаком... Пришелец словно не замечал его.

— Скажи мне, — попросил Джерри, — скажи, что я должен узнать.

«Сто первый» не ответил. И вообще не обращал на него внимания. Но Джерри был уверен, что тот знает о его присутствии. Почему появилась такая уверенность — он сказать не мог.

Джерри провел около пришельца много времени. Разговаривал с ним, гладил, — но тот не реагировал. В конце концов Джерри медленно пошел прочь, то и дело оборачиваясь. И всякий раз он видел, что «сто первый» по-прежнему неподвижен.

«Однако он меня не прогнал, — думал Джерри. — Ведь он прогонял всех, кто приближался, а меня не тронул. Даже не попробовал. Это уже само по себе может быть свидетельством того, что он меня узнал...»

— Мистер, — сказал служащий бензозаправки, вытащив щуп, — вам нужна кварта масла.

— Хорошо, залейте, — согласился Джерри. — Этому автомобилю всегда нужна кварта масла.

Он заплатил, сел в машину, выехал на дорогу и направился в сторону городка.

Но, добравшись до делового центра, он покружил по улицам — и повернул обратно.

Он снова поехал на ферму, хотя ему было совершенно непонятно, зачем он туда направляется. «Быть может, это простое упрямство, — думал он, — отчаянное нежелание сдаться, настырная, дурацкая уверенность, что от "сто первого" все-таки удастся добиться ответа». Он повернул назад не потому, что так решил, — он ничего не взвешивал, не спорил сам с собой, он даже не знал, что едет назад, пока не обогнул деловой квартал и не увидел, что возвращается туда, откуда только что приехал. Будь что будет — он не пытался бороться с собой.

Он решил больше не заезжать на ферму. Хотя хозяин держался очень приветливо, Джерри заметил, что его слегка уязвило, когда пришелец не стал отгонять приезжего. Джерри показалось, что по лицу фермера пробежала тень мрачного подозрения.

«Собственно, — подумал он, — мне и не нужна ферма. Оставляю машину на проселочной дороге и прогуляюсь с полмили. Когда я туда приеду, будет уже темно, так что вряд ли попадусь кому-нибудь на глаза. Вечер ясный, скоро выйдет луна, так что будет достаточно светло, чтобы добраться до "сто первого"».

На пути к ферме ему несколько раз начинало казаться, что он заблудился. Однако он запомнил несколько ориентиров — ветхий железный мостик через ручей, одинокий дуб возле старого стога — и, увидев их, успокаивался. Вскоре после десяти вечера он нашел ту самую проселочную дорогу, проехал по ней примерно милю и остановился. По его расчетам, отсюда можно было добраться до пришельца, не сбившись с пути.

То ли ему повезло, то ли расчет оказался точнее, чем он думал, но очень скоро он рассмотрел в темноте и фермерский дом, и черную громаду «сто первого» на лугу. Однако он оказался дальше, чем предполагал Джерри. Конклин направился к нему, то и дело спотыкаясь на стерне. Пару раз пришлось перелезать через изгородь из колючей проволоки. В темноте это было довольно неприятно. К ночи стало прохладно. Джерри

застегнул пиджак и поднял воротник, чтобы защититься от ветра. Слева, в овраге, временами ухала сова, словно проверяла голос, а когда ветер менял направление — слышался отдаленный собачий лай.

Вокруг не было ни души, но в самой пустоте, казалось, таилась какая-то угроза. У Джерри было ощущение, что из-под земли внезапно может что-то выскочить. Хотя он совершенно не представлял себе, что бы это могло быть.

Казалось, он шел уже целую вечность. Временами ему чудилось, что он вообще никуда не шел, а шагал на одном месте. Чтобы избавиться от ужасного ощущения, он заставил себя побежать — но, несколько раз споткнувшись, снова перешел на шаг. И вдруг, неожиданно, он очутился у цели: перед ним, озаренная лунным светом, возвышалась громада «сто первого».

Он проковылял последние несколько ярдов и привалился к прищельцу, прячась от холодного северо-западного ветра. У него возникло странное желание свернуться калачиком и никуда не уходить, словно он добрался до какого-то убежища, где ему надо остаться. Но он знал, что это глупо. И остался стоять, припав к прищельцу головой и переводя дыхание.

Немного постояв так, он поднял голову и посмотрел на звезды. Их спокойное мерцание резко обрезалось кромкой черной стены. Чувство одиночества не проходило. Одиночества и потерянности. Джерри надеялся, что оно исчезнет, когда он доберется до прищельца. Но вот добрался — а все по-прежнему.

«Ну вот я снова здесь, — подумал он. — Вернулся. Повторил ту же самую глупость, которую уже совершил сегодня. Такую же глупость я сделал и дома, когда позвонил Чарли и спросил, нельзя ли взять его машину».

Но ведь он был так уверен!.. Это чувство существовало вне логики, за пределами каких-либо резонансов.

Наконец он отдышался. Потом отступил от прищельца, медленно повернулся к нему спиной и неохотно сделал первый шаг, собираясь вернуться к машине, стоявшей у проселка.

Но в тот момент, когда он сделал этот шаг, на него обрушилось нечто змееподобное, сжало ему грудь, словно железным обручем, и рвануло вверх. Он успел увидеть голые осенние поля, залитые бледным лунным

светом, извилистый ручей, блеснувший меж деревьев, и свет окон фермерского дома поодаль...

А потом он снова очутился в странной темноте, не черной, а синей, снова ощутил запах влажной затхлости в сухом, горячем воздухе. Снова вокруг быстро мерцали какие-то неясные вспышки, освещая непонятные тени, мелькавшие так быстро, что он не успевал их рассмотреть. На него опять смотрели ряды круглых глаз. «Словно я и не уходил отсюда», — подумал он.

Упав на колени, он медленно поднялся на ноги — но чуть не рухнул снова: от потока ураганных чувств, навалившихся непонятно откуда, закружилась голова. Он снова опустился на колени и уперся в них руками, чтобы не упасть ничком.

И все это время в нем бились странные чувства, грохотали в мозгу. Их было так много и они были так сильны, что он не мог от них отгородиться и был не в состоянии понять, что они несут в себе.

«Ну, успокойся, — прошептал он. — Хватит. Отпусти меня».

В голове стало тихо, и он покачнулся, словно внезапно лишился какой-то опоры.

Потом те же чувства пришли снова, но на этот раз потише, крадучись, как кошка, подбирающаяся к птице.

Глава 37

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

— Папа, — сказала Элис. — Мне не нравится то, что я слышала.

Сенатор Дэйвенпорт, развалившийся в кресле, посмотрел на нее поверх стакана с виски.

— И что же такого ты слышала, дорогая моя? — громыхнул он.

— Все эти разговоры на Холме — не громко, а так, по коридорам, — о том, что надо избавиться от пришельцев. Подлые разговоры. Что надо опрыскать деревья, которые они едят, какой-нибудь психодислептической заразой... Что стоит потратить миллионы, чтобы вывести какую-нибудь бациллу или грибок, которые были бы смертельны для них... Что гораздо полезнее истратить миллионы не на их изучение, а на то, чтобы избавиться от них и вернуть все на крути своя, словно их и не было...

— Ты знаешь, до меня доходили такие слухи, — произнес сенатор неожиданно мягко. — Это называется биологическое регулирование. Не война против них — а биологическое регулирование.

Он повернулся в кресле и посмотрел на Портера.

— Быть может, наш друг из Белого дома что-нибудь расскажет нам об этом?

— Пожалуй, я лучше воздержусь, — сказал Портер.

— Ты знаешь, — сказал сенатор, — похоже, что некоторые из ребят слегка завелись. Пока они только болтают промеж себя, но скоро могут и перейти к делу.

— По-моему, об этом рано даже задумываться, — возразил Портер. — Все разговоры о том, чтобы уничтожить пришельцев, несколько преждевременны. Говорят, что надо, мол, вывести какую-нибудь болячку, которая будет избирательно поражать только их. Но я уверен, что они только болтают. Ни у кого нет ни малейшего представления, как к этому подступить. Прежде всего надо знать, что представляют собой пришельцы и как функционируют их жизненные системы. Без такого знания невозможно подобрать ключ: совершенно непонятно, как они будут реагировать. Ну и с избирательностью тоже не просто. Кто поручится, что новая болячка окажется такой привередливой: станет кушать только пришельцев, а от нас с вами откажется? Может случиться, что человечество окажется истребленным вместе с пришельцами, а то и раньше их.

— В любом случае эта идея чудовищна, — вмешалась Элис. — Ведь пришельцы ничего плохого нам не сделали, нам не на что обижаться.

— Вот тут я не уверен, — возразил сенатор. — Поговори с любым защитником природы. Они все в панике. Они уверены, что если не будут приняты меры, то эти твари уничтожат последние заповедники. Вот тебе и жалоба. Или возьми президента какой-нибудь лесопромышленной компании, у которого побывал в гостях наш большой черный друг... Зашел этак и позавтракал: парочку складов, ням-ням — и нету... Или поговори с каким-нибудь работником авиакомпании, который посидел за последние дни: все время ждет, что его самолет столкнется в воздухе с пришельцем... Или с диспетчером аэропорта, которому некуда принимать рейсы, потому что на полосе гость сидит...

— Это все интересы меньшинства, — сказала Элис. — Отдельные группировки пытаются навязать свои интересы всем остальным.

— Странно слышать это от тебя, дочка, — сказал сенатор. — Мне всегда казалось, что ты болееешь за интересы меньшинства. Бедные, угнетенные негры, бедные, угнетенные индейцы...

— Это разные вещи, — возразила Элис. — Мои меньшинства — культурные меньшинства. А твои — экономические. Бедные, угнетенные бизнесмены, которым вдруг причинили какой-то ущерб.

— Защитники природы вовсе не бизнесмены, — не согласился сенатор. — У них нет никаких экономических интересов, одни эмоции. И они по природе бузотеры, от рождения.

— Мне начинает казаться, — сказал Портер, — что отношение к пришельцам меняется. Поначалу они вызвали взволнованное любопытство. Теперь, когда к ним уже привыкли, они начинают раздражать. Теперь они превратились просто в черные глыбы. Торчат в ландшафтах там и сям или летают над головами... И хоть по мелочам, но мешают некоторым в их повседневных делах. Через несколько месяцев — может быть, даже недель — это раздражение, пока слабое, может перерасти в неприязнь, а потом и в ненависть. И не потому, что они затрагивают чьи-то интересы, а просто есть такая штука — общественное мнение. Если такое на самом деле произойдет, будет скверно. Нам просто необходимо запастись терпением и временем, чтобы выяснить, что они собой представляют и как нам следует вести себя с ними.

— В Миннесоте работает Аллен, — сказал сенатор. — У него что-нибудь получается?

— Я ничего не знаю, сенатор. Ничего определенного. Он до сих пор не дал даже предварительного отчета, если вы это имеете в виду. Но ходят слухи, что пришельцы — растения. Во всяком случае, принадлежат к царству растений.

— Растения? Боже мой, это же совершенно невысказано!

— Совершенно с вами согласен, сенатор. Я пытался выяснить, откуда пошел такой слух, но мне не удалось.

— Говорят еще, что они умеют управлять силой тяжести, — сказал сенатор. — Это очень интересно. Этому мы могли бы найти применение.

— Эти разговоры возникли оттого, что они держатся в нескольких дюймах над землей, как бы плавают, висят, а когда перемещаются — не используют никаких движителей, — сказал Портер. — Во всяком случае, движителей в нашем понимании у них нет. На самом деле, конечно, никто ничего не знает. И потому

идея о гравитационном контроле — соломинка, за которую ухватились в попытке хоть что-то объяснить... Ведь они опровергают все законы физики, какие нам известны.

— Вы оба все время говорите о том, что мы можем получить от пришельцев, — вмешалась Элис. — А вам не приходит в голову, что и они могут думать о нас точно так же: что они могут получить от нас?

— Разумеется, — сказал отец. — Они получают целлюлозу. Не такая уж большая плата за гравитационный контроль, если мы сможем научиться у них.

— Они еще несколько автомобилей съели.

— Ну, это ерунда. Всего несколько штук и только один раз. А больше такого не было. Больше они машин не трогали.

— Интересно, — сказала Элис, — зачем им понадобились те машины? И я не понимаю тебя, папа. Сначала ты набрасывался на них: леса уничтожают, страну разоряют и все такое.

— Я пересмотрел свою позицию, — заявил сенатор. — Я начинаю видеть весьма заманчивые перспективы, если мы сумеем правильно разыграть свои карты. — Он повернулся к Портеру. — Я все время слышу разговоры о каком-то эксперименте, который якобы проводили с пришельцем наши военные. Эта история все время плавает вокруг, но ничего толком не ясно. Ты об этом что-нибудь знаешь?

— То же, что и вы, — ответил Портер. — Тоже все время слышу эту историю и тоже ничего не могу понять.

— Ничего конкретного? Никаких деталей?

— Абсолютно.

— У этих созданий должна быть какая-то защитная система, — сказал сенатор. — В космосе они наверняка подвергались опасностям, хоть я не могу себе представить, каким именно. Хотелось бы узнать, как они защищаются.

Глава 38

МИННЕАПОЛИС

Редакторы сидели на совещании в кабинете у главного. Через полуоткрытую дверь доносился стук пишущих машинок и голоса.

— У нас есть материал об индейцах в Блэк-Хилсе, Джей написал, — сказал Гаррисон. — Надо бы дать его поскорей.

— Я думал, ты его придержишь для воскресного номера, — удивился Лэтроп.

— Так оно и было. Но там уже места не осталось, а если задержать его дольше, он устареет. Есть еще энергетическая тема, Джемисон работал несколько недель. Выяснял, чем может обернуться для нас настоящий энергетический кризис. Хорошая работа. Он переговорил с массой людей. Докопался до всего. Статья длинная, но похоже, что сегодня ее можно поместить. Новостей сегодня не много, так что ее можно дать по верху первой полосы.

— О пришельцах ничего интересного нет?

Гаррисон посмотрел на Гоудда. Тот пожал плечами.

— Ничего особенного. Тема начинает приедаться.

— Это верно, — согласился Гаррисон. — Мне тоже кажется, что такого воздействия, как в первые дни, материалы о пришельцах уже не имеют. Читатель начал

от них уставать. Мы тему разрабатывали вовсю, но это имеет смысл до тех пор, пока читатель заинтересован. Но, если мы будем продолжать в том же духе, пришельцы ему поперек горла встанут.

— Что твоя Кэти? До сих пор в Лоун-Пайне торчит?

— Торчит, — подтвердил Гоулд. — Что из этого выйдет, пока не ясно. До сих пор ничего не вышло. Никто ничего не может узнать ни там, ни в Вашингтоне. Никогда не видел, чтобы так аккуратно все скрывали.

— Похоже, там происходит что-то по-настоящему серьезное, — сказал Гаррисон. — Иначе к чему вся эта секретность? Но мы, по всей вероятности, так ничего и не узнаем, пока кто-нибудь не решит заговорить.

— А что в вашингтонском бюро?

— Они тоже ничего не могут разузнать, — сказал Хэл Рассел, работавший с корреспондентскими пунктами газеты. — Пару часов назад я разговаривал с Мэттьюсом. Он говорит, ничего. Абсолютно ничего. Или никто ничего на самом деле не знает, или молчат как рыбы. Ходят какие-то слухи, но ничего такого, о чем можно написать. Если кто-то что-то знает — то, наверное, лишь несколько человек. В Вашингтоне, если хотя бы десять человек что-то знают, кто-нибудь обязательно проболтается. Утечка всегда бывает.

— Так зачем же вы держите Кэти в Лоун-Пайне? — удивился Эл Лэтроп. — Если Вашингтон молчит, есть ли у нее какие-нибудь шансы?

— Кэти чертовски хороший репортер, — сказал Гаррисон. — У нее не меньше шансов раскопать что-нибудь, чем у вашингтонского бюро.

— По-моему, надо вызвать ее сюда, — сказал Лэтроп. — С этими отпусками, если вдруг что-нибудь возникнет, у нас может оказаться слишком мало людей. Здесь от нее будет больше пользы.

— Как вам угодно, — мрачно и с неожиданной злостью сказал Гаррисон.

— Если вас по-прежнему интересует проблемная статья о пришельцах, — сказал Гоулд, — у Джея есть интересная мысль. Он на днях разговаривал с одним парнем из университета, тот работает над проблемами коренных американцев. Так вот, этот парень проводил параллель: мы и пришельцы — индейцы и белые, когда белые впервые появились в Америке. Он сказал, что

индейцы в итоге проиграли потому, что технологии белых опрокинули индейские технологии, и в результате индейцы утратили свою культуру. Поражение индейцев началось в тот день, когда первый индеец захотел поменять свой каменный томагавк на стальной топорик. И уж так ему нужен был этот стальной топорик, что он готов был продать свои природные ресурсы, несмотря на явную несправедливость сделок.

— Такой материал был бы косвенной пропагандой, — сказал Лэтроп. — Вам с Джемом следовало бы это знать.

— Джей не собирался писать его только с индейской точки зрения, — возразил Гоулд. — Он намеревался поговорить с экономистами, с историками, с другими людьми...

Лэтроп покачал головой.

— Сейчас, когда муssiруется эта история с индейцами в Блэк-Хилсе, нам лучше держаться подальше. Как бы хорошо ни было написано, при всей объективности, нас все равно обвинят в пристрастности.

— Ну ладно, — сказал Гоулд. — Это так, к слову. Просто мысль интересная.

Глава 39

АЙОВА

Волны плескались и набегали на берег. Дикс-Лэндинг, расположенный на речной террасе в нескольких футах над водой, состоял из нескольких полуразвалившихся домиков. За ними высились утесы Айовы. Ближе к другому берегу находился остров. Он отгораживал рукав реки; точнее, один из многих ее рукавов, потому что здесь Миссисипи, разбежавшись по широкой пойме, превращалась в водяные джунгли. На востоке синели скалы висконсинского берега.

Джерри стоял на берегу и смотрел, как снизу подходит небольшая гребная лодочка, чихая маленьким подвесным мотором. Лодчонка неуверенно поднималась по протоке, с трудом преодолевая сильное течение. На корме сидел человек. Один.

У причала человек направил лодку к берегу, к шатким мосткам. Пока он вылезал из лодки и привязывал ее, Джерри рассмотрел, что он старше, чем показалось сначала. Буйная шевелюра была совсем седой и плечи сутулые, но двигался он с веселой живостью, словно юноша.

Он прошел по мосткам, вышел на берег и поравнялся с Джерри.

— Вы Джимми Квин? — спросил Джерри.

— Да. А вы кто?

Джимми остановился и посмотрел на него яркими синими глазами. От глаз к вискам по загорелой коже разбегались светлые морщинки.

— Меня зовут Джерри Конклин. Мне сказали, что вы должны скоро появиться. Если я правильно понял, вы хорошо знаете эти места.

— Еще бы! Я здесь с самого младенчества лазил. Меня речной крысой прозвали — так оно и есть, наверное. С тех пор как ходить научился, я всю жизнь в этих дебрях. На самом деле дебри, доложу я вам. Озера, болота, протоки, острова... Я тут знаю все, на много миль вверх и вниз по течению. Я тут и охотился, и рыбачил, и капканы ставил — во всех уголках побывал. Ну а чем я вам могу быть полезен?

— Насколько я знаю, где-то здесь приземлились несколько пришельцев. Где-то в пойме.

— Пришельцы? Какие пришельцы? А-а, понял! Я это слово слышал. Вы о тех черных ящиках, да? Про них еще говорят, что они с неба опускаются.

— Да, я про них, — подтвердил Джерри. — Вы их видели, верно?

— На Гусином острове, — сказал Квин. — Большой остров, посреди поймы, мили четыре отсюда вниз по реке, может, пять. Там я их и видел, троих. Не знаю, может быть, там уже никого и нету. Я их видел только издали, только верхушки над лесом. Дело уже было к вечеру, так что я задерживаться не стал. Ну а если бы и не к вечеру — все равно, наверное, не стал бы. Жутковатые они, доложу я вам. Какие-то не наши. Смотришь на них — и мороз по коже. Я сначала не сообразил, что это за чудо такое. А потом вспомнил, что это, должно быть, те самые пришельцы. А вы как узнали? Я никому про них не рассказывал. Надо мной бы смеяться стали. Люди и так думают, что я ненормальный. По правде сказать, может, они и правы. Слишком долго я пробыл на реке.

— А вы бы не согласились отвезти меня к ним?

— Не сейчас, — сказал Квин. — Не сегодня. Скоро ночь, а на нашей реке ночью делать нечего. Моторишко у меня — вы сами видели; на таком моторе до Гусиного быстро не доберешься. Нас в пути темнота застанет.

— Ну так завтра... Или даже послезавтра. Есть еще один человек, который захочет поехать с нами. Мне

нужно время, чтобы найти того человека. А потом ей еще надо будет добраться сюда из Миннеаполиса.

— Женщина?

— Да, женщина.

— А чего надо женщине от этих пришельцев?

— Быть может, сегодня во всем мире нет человека, который знал бы о них больше, чем она.

— Черт побери! — удивился Квин. — Никогда не знаешь, чего можно ожидать от женщины. Ну а если я вас туда отвезу, что-нибудь мне перепадет?

— Мы вам заплатим.

— Наличными?

— Наличными.

— Так вы хотите подойти поближе к этим штуковинам? Если они еще там. Вы знаете, они ведь и улететь могли...

— Мы хотели бы подойти поближе.

— Знаете, мистер, я к ним близко не пойду. Я вас туда отвезу, а после подожду, чтобы назад отвезти. Но близко к ним подходить мне не хочется.

— Вам и не надо будет идти с нами. Только покажите их. Это все, больше от вас ничего не потребуются. И подождать, чтобы увезти нас оттуда.

— Так вы дайте мне знать, когда я вам понадобится. Я обычно на реке весь день. К вечеру возвращаюсь.

— Договорились, — сказал Джерри.

Глава 40

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

— Это только предварительный отчет, — сказал Аллен, советник президента по науке. — Скоро будут уточненные данные.

— Значит, вы кое-что выяснили, — сказал президент.

— Да, кое-что. Кое-что. Невероятно, трудно поверить... Мне нелегко было заставить себя поверить. Но вот анализы. Против фактов не попрешь. И нет никаких оснований сомневаться в полученных результатах.

— У вас не совсем здоровый вид, доктор, — сказал Уайтсайд.

— Есть от чего заболеть, — согласился Аллен. — Это опрокидывает все научные знания, которые у нас есть. Ничего подобного мы и представить себе не могли. Эти проклятые создания сделаны из целлюлозы.

— Целлюлозы? — спросил президент. — Белое волокнистое вещество?

— Когда пришельцы ее обрабатывают, она уже не белая и не волокнистая. — Аллен оглядел кабинет. — Нас здесь четверо. Кто-нибудь еще придет?

— Сейчас никого больше не будет, — сказал президент. — Попозже, когда мы будем знать больше, может быть, вам придется поговорить и с другими

людьми. Пока нас только четверо. У генерала Уайтсайда особые интересы, он должен знать о ваших открытиях. А Дейв здесь потому, что он знает почти все, что знаю я сам. Все, что вы здесь сейчас расскажете, — строго конфиденциально. Я полагаю, ваши сотрудники тоже не проболтаются.

Аллен напрягся.

— Посвящены всего четверо моих сотрудников. Они все понимают.

— Почему всего четверо? — спросил Уайтсайд. — Ведь работало гораздо больше.

— Все остальные — вспомогательный персонал: отбирали образцы на миннесотском пришелке и так далее. А в лабораторных исследованиях были заняты только четыре человека. Только они знают то, что я собираюсь вам рассказать сейчас.

— О'кей, доктор, — сказал президент. — Начинайте.

— Так вот. Это создание состоит из целлюлозы. Но целлюлоза совсем не та, которую мы знаем. Чтобы точно описать ситуацию, пришлось бы использовать сугубо специфическую терминологию.

— Мы бы ее все равно не поняли, — сказал президент. — Постарайтесь как-нибудь упростить, доктор.

— Постараюсь, как смогу. То, что я скажу, будет упрощено сверх меры, и за счет этого сверхупрощения, возможно, будут допущены кое-какие неточности. Но вы получите представление о том, что мы обнаружили.

Итак, изнутри пришелец состоит из целлюлозы, сжатой до невероятной плотности. Плотность структуры такова, что выдерживает нагрузку на сжатие до нескольких тонн на квадратный дюйм. Это кажется совершенно невозможным, но вот цифры. Как это сделано, за счет какого процесса — мы не имеем ни малейшего понятия.

— Вы говорите «изнутри», — перебил Уайтсайд. — Значит ли это, что структура поверхности отличается от внутренней структуры?

— Да, генерал, отличается. Коренным образом. Это можно назвать целлюлозно-силиконовым полимером, в котором как-то — мы не знаем как — сочетаются кремний-кислородные и гидроксильные связи, то есть связи между атомами водорода и кислорода. В целлюлозе очень много кислорода. Кремний-кислородные связи бывают разных типов, и дело еще осложняется тем,

что тут задействована смесь их обоих. В некоторых случаях доходит до тетраэдрической структуры, тут силикат сродни минералу: структура похожа на структуру полевого шпата и кварца... Трудно точно сказать, с чем мы имеем дело. Тут есть несколько связей, разного типа, и в результате получается то, что мы предварительно называли полимером.

— Если я правильно понял, шкура у этого создания должна быть твердой как камень, — сказал Портер.

— Если в обыденных терминах — я как раз об этом и говорю, — согласился Аллен. — Твердость камня может быть даже больше, но при этом она податлива, упруга и эластична. При нормальных условиях камень нельзя смять. А этот материал можно. Он может деформироваться, а потом восстановить прежнюю форму. В нем сочетаются твердость, эластичность и невероятная жаропрочность.

Мы пытались представить себе, для каких условий необходимы такие качества. Это, разумеется, только теоретические построения, но они вполне правдоподобны. Если эти создания могут существовать в обширных пределах межзвездного пространства, им необходимо получать откуда-то какую-то энергию. Высокая термостойкость означает, что они в состоянии впитывать энергию, и очень много энергии, быть может, при столкновении с частицами космической пыли. Эти частицы, как бы ни были они малы, какую-то энергию в себе несут. Но энергию кинетическую. Нам кажется, что кожа этих созданий способна преобразовывать кинетическую энергию в потенциальную. Быть может, даже преобразовывать ее в любую форму, какая нужна в данный момент. Время от времени они могут сталкиваться с более крупными частицами вещества. Такое столкновение вызывает вмятину на коже, при этом кожа вбирает в себя столько энергии, сколько может воспринять, а что не может — отражает, когда вмятина выравнивается. По сути, она таким образом отбрасывает ту энергию, которую не может усвоить. Вмятина на коже образует отраженную волну энергии, отбрасывает ее, как поверхность зеркала отбрасывает солнечный свет.

Портер украдкой посмотрел на Уайтсайда. Генерал застыл в кресле, и казалось, что у него вот-вот отвиснет челюсть.

Аллен тяжело вздохнул.

— У нас есть некоторые основания предполагать, — сказал он, — я не могу вдаваться в это так подробно, как мне хотелось бы, потому что в обыденных терминах это объяснить невозможно, — но у нас есть основания думать, что эта шкура устроена таким образом, что может изменять гравитационный поток. А из этого следует, что пришельцы, по-видимому, могут управлять силами тяготения: гравитация может не только притягивать их, но и отталкивать. Если дело обстоит так, — тогда понятно, каким образом они могут висеть над поверхностью грунта. И такой гравитационный контроль может объяснить, хотя бы частично, каким образом они путешествуют в космосе. Включившись на источник гравитации в том направлении, куда им нужно двигаться, они движутся в нужном направлении. Включившись на другой позади себя, они отталкиваются от него.

Аллен умолк и оглядел всех по очереди. Потом заговорил снова:

— Вот такие дела. Звучит совершенно безумно. И мне все время кажется, что это безумие. Мы говорим, чужаки. Это все совершенно нам чуждо. Но мне вот что спать не дает по ночам: если они настолько чужды нам в плане физическом — что в плане ментальном? Есть ли надежда, что мы сможем когда-нибудь понять их? Есть ли надежда, что они смогут когда-нибудь понять нас?

— Быть может, интеллектуальный разрыв не так велик, как физический, — сказал Портер. — Похоже, что они уже немало успели понять. Они каким-то образом усвоили очень многое из того, чего не надо делать. И до сих пор строго придерживаются основных правил человеческого поведения.

— Надеюсь, что вы правы, — сказал Аллен. — Очень надеюсь. — Он обратился к президенту: — Через пару недель мы, вероятно, будем знать больше. Может выясниться, что некоторые из наших сегодняшних представлений неверны. Может быть, нам придется изменить некоторые предположения. Может быть, мы натолкнемся на какие-то новые важные данные. Все, что нам известно сегодня, я вам в общих чертах изложил. Конечно, тут еще можно было распространяться до бесконечности, но вряд ли это имеет смысл. — Он

поднялся с кресла. Потом, чуть поколебавшись, сказал: — Есть еще одно дело. Вероятно, не особо важное, но интересное. Помогает понять пришельцев. Вы, конечно, слышали о «сто первом».

Президент кивнул.

— Самый первый, кто приземлился в Лоун-Пайне. Кажется, сейчас он в Айове.

— Совершенно верно, — подтвердил Аллен. — Стежит поле, которое фермер только что вспахал. Фермер утверждает, что пришелец летал над полем взад-вперед, словно что-то сеял. Если кто-нибудь приближается, пришелец его отгоняет. Однако одному из наших наблюдателей удалось пробраться на поле, и его не прогнали. Он обнаружил, что пришелец посадил семена сосны. Раньше он удивлялся, что в отходах, которые выбрасывают пришельцы, проглотив дерево, практически не было семян. Теперь мы знаем почему. Пришельцы отделяют семена и намерены их высаживать.

— Вырастить сосны, с самого начала... — сказал президент. — Это много времени займет. «Сто первый» надолго выйдет из игры, если будет охранять свои посадки.

— Может быть, и нет, — возразил Аллен. — Наш наблюдатель обнаружил, что некоторые семена уже проросли. Специалисты-лесники говорят, что так быстро это произойти не могло. Мы полагаем, что «сто первый» каким-то образом обработал семена, чтобы ускорить процесс прорастания, а может быть, и последующего роста.

— Это ставит перед нами новую проблему, — сказал Уайтсайд. — Сотни, может быть, тысячи пришельцев начнут захватывать поля, засеивать их и сгонять законных владельцев. Фермеры этого не потерпят.

— Вы знаете, — сказал президент, — поначалу у меня пришельцы вызывали какую-то тошноту, вроде морской болезни. Наверное, отчасти, а может быть, и целиком это потому, что я, по сути, сугубо политическое животное. Так устроен. Все мои нервные окончания функционируют политически. Я вздрагиваю при каждой угрозе. Я и сейчас чувствую, что стоит мне допустить какую-нибудь ошибку — и история с пришельцами политически меня убьет. Но чем дальше — тем больше мне кажется, что мы с ними, с пришельцами, можем ужиться. Кажется, что они мыслят, как мы.

Если бы только нам удалось войти в контакт с ними, я уверен, можно было бы достичь взаимопонимания. И тот факт, что «сто первый» сажает сосны, подтверждает мое впечатление. Раз он сеет, значит, они одобряют сельское хозяйство и сохранение ресурсов. В этом плане их мышление тоже параллельно нашему.

Аллен хотел что-то сказать, но заколебался.

— Вы хотели что-то сказать, — заметил президент.

— Верно, — согласился Аллен. — Но я подумал, стоит ли, однако не нашел причин, почему бы не стоило. Быть может, это и несущественно, но меня заинтриговало. Вы помните, что первый пришелец, опустившись в Лоун-Пайне, сел на машину и раздавил ее?

— Помню. Слава Богу, в машине никого не было. Мы думали, что стало с хозяином, почему он, или она, не объявился?

— Совершенно верно, — подтвердил Аллен. — Если помните, мы забрали машину.

— И это помню, — сказал президент.

— Ну так теперь мы знаем хозяина. По номерному знаку. Хозяин машины — молодой человек, студент лесоустроительного факультета Миннесотского университета. Его зовут Джерри Конклин. Через несколько дней после инцидента он снова появился в Миннесоте. Насколько нам известно, он никому не сказал о потере машины. Он даже заявления не подал в страховую компанию. Какое-то время он вел себя обычно, насколько нам известно, но теперь, когда мы узнали о нем, он исчез. ФБР его разыскивает.

— Что вы надеетесь узнать, когда найдете его? — спросил Уайтсайд.

— Понятия не имею. Но согласитесь, его реакция кажется несколько странной. Должна быть какая-то причина, почему он ничего не сказал. И странно, что он не заполнил страховое заявление. Он даже не поинтересовался, кто забрал его машину. Я не могу избавиться от ощущения, что он может знать нечто такое, что было бы нам полезно.

— Когда найдете его, — сказал президент, — а я не сомневаюсь, что найдете, — вы с ним полегче. Помоему, то, что он не хотел рассказывать, — не преступление.

Глава 41

МИННЕАПОЛИС

Телефон разрывался. Не успев закрыть за собой дверь квартиры, Кэти с порога бросилась к нему.

— Джерри, это ты? Ты где? Ты так взволнован — или расстроен... Что с тобой? В чем дело?

— Я ищу тебя уже сто лет! — сказал Джерри. — Домой звонил, на работу звонил... В редакции мне сказали, что ты в Лоун-Пайне, я давай туда звонить, там говорят, что уже уехала...

— Я только что вернулась. Прямо сейчас из аэропорта. Ты в городе? Тебя плохо слышно, и какой-то шум на линии.

— Я в Айове. В местечке под названием «Дикс-Лэндинг». Это на Миссисипи, напротив так называемых Уиннишикских долин. Слыхала когда-нибудь?

— Дикс-Лэндинг точно не слыхала. Уиннишик — вроде когда-то попадалось на слух, кто-то говорил. Но что ты там...

— Кэти, я был на той ферме в Айове. Я разговаривал со «сто первым». Он снова меня забирал внутрь...

— Она тебя запомнила?

— Наверное. Мы по-настоящему не разговаривали. Но он мне сказал. Показал. И у меня было впечатление, что это важно. Но для кого важно — для нас или для

«сто первого» и остальных пришельцев — тут я не уверен, не знаю.

— А при чем тут Дикс-Лэндинг? И Уиннишик?

— Он сказал мне, где это. Показал, куда надо ехать. Я не знаю, что здесь. То есть на самом деле, конечно, знаю, хотя бы частично. Здесь есть такое место — Гусиный остров. Там на острове три пришельца. Но я не знаю, почему это важно. Знаю только, что важно. Это мне «сто первый» внушил. Что я должен попасть туда. Я хочу, чтобы ты была со мной, Кэти. Если здесь что-то важное, надо, чтобы ты была в курсе с самого начала. Ты же с самого начала во всей этой истории с пришельцами.

— О'кей, — сказала Кэти. — Я выезжаю тотчас же. Расскажи, как добираться до этого Дикого Лэндинга. Я буду через несколько часов.

Глава 42

МИННЕАПОЛИС

Четверо суток они просидели на полосе, и наконец бдение кончилось. «Любящие» — те, что прорвались на летное поле, когда туда приземлился пришелец, — стояли молча, потрясенные, и смотрели, как он медленно поднимается и уплывает в небо.

— Ничего у нас не вышло, — сказал один из них, худой юноша с длинными волосами и лицом аскета.

— Нет, получилось, — возразила тоненькая девушка, стоявшая рядом с ним. — Он почувствовал нашу любовь. Я знаю, он почувствовал.

— Но он не подал никакого знака. Он нас не взял. Других брали...

Охранник, один из тех, кто стоял в оцеплении вокруг пришельца, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Все, ребята. Давайте расходиться, все кончилось. Почему бы вам не пойти по домам?

— Потому что мы и так дома, — торжественно ответил юный аскет. — Земля — наш дом. Вселенная — наш дом.

— Не понимаю я этих чудаков, — сказал охранник своему товарищу. — А ты понимаешь? Это ж надо — просидеть здесь столько дней с дурацкими мордами!..

— Нет, — ответил другой. — Я тоже не понимаю. Да и не старался понять.

— Ну ладно, братцы, давайте расходиться, — обратился первый к компании «Любящих». — Спектакль окончен, ребята. Вам тут больше делать нечего.

Толпа начала понемногу рассасываться, люди медленно брели к выходу с летного поля.

— Не надо было их сюда пускать, — сказал второй охранник. — Это против всех правил. Кого-нибудь и убить могло.

— Да нет, никакой опасности не было, — ответил первый. — Полоса была закрыта. А если бы их не пустили, нам пришлось бы с ними воевать все эти дни. Мы бы их отсюда, а они сюда. Комиссия правильно решила: так оно спокойнее. Надо отдать должное этим чужакам: как только их сюда пустили, они вели себя очень пристойно. Никаких хлопот с ними не было.

— Они были заняты, — сказал второй. — Они ж его любили, понимаешь ты это? Демонстрировали ему свою любовь. Ты когда-нибудь видал такую дурость?

Тем временем пришелец превратился уже в крошечную точку на западном горизонте...

В редакции новостей «Трибьюн» Гоулд положил телефонную трубку.

— Тот, что на 12-й автостраде, тоже снялся, — сказал он Гаррисону. — Поднялся и улетел примерно в то же самое время, что и тот, из аэропорта.

— Как по сигналу, — усмехнулся Гаррисон. — Интересно, что они затеяли.

— Начинается вторая фаза, — сказал Гоулд.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, первая фаза была, когда они прилетели и начали с нами знакомиться. Теперь это уже позади. Теперь будет что-нибудь новенькое.

— С чего ты взял?

— Не знаю, Джонни. Так, размышляю...

— А может быть, они закончили здесь свои дела и собираются куда-нибудь дальше? Может, поднимаются в космос, снова строятся и собираются лететь в дальние края? И мы их никогда больше не увидим.

В редакцию, шаркая, зашел Хэл Рассел.

— Свежие новости с телетайпа. Они улетают отовсюду. Не только от нас.

— Позвони-ка в Лоун-Пайн, — велел Гаррисон Гоулду. — Узнай, что там у них творится.

Гоулд принялся крутить телефонный диск.

— А что еще хорошего? — спросил Гаррисон у Рассела. — Какие-нибудь соображения? Намеки?

— Ничего. Только то, что они улетают. Все улетают. Отовсюду.

— Черт побери! — воскликнул Гаррисон. — И что прикажете с таким материалом делать? Здесь репортаж... Репортаж!.. Кто-то должен это раскопать, и я хотел бы, чтобы это были мы. Я знаю, что материал отличный, но как к нему подобраться?!

— Джей и Кэти, — подсказал Рассел. — Они знают о пришельцах больше всех. У них могут быть какие-нибудь идеи.

— Кэти нет. Уехала на какую-то охоту, дикие гуси. Звонила мне вчера вечером. Сказала, у нее что-то наклевывается, из чего может получиться отличный материал. Что именно, говорить не захотела. Сказала, что я должен ей верить. Эл наизнанку вывернется, когда узнает. Он практически приказал мне вызвать ее из Лоун-Пайна. А она опять исчезла.

Он оглядел редакцию.

— Где Джей, черт побери? Его нет на месте. Кто-нибудь знает, куда подевался Джей? Энни, ты не знаешь? Секретарша покачала головой.

— Он не отметился. Понятия не имею.

— Мало ли, может, в туалет вышел, — предположил Рассел.

Гоулд положил трубку.

— В Лоун-Пайне пришельцев тоже не осталось. Только малыши бегают, тюки подъедают.

— Что думает Нортон по этому поводу?

— Нортон нет, я со Стиффи разговаривал. А Нортон сегодня утром поехал в заповедник кататься на каноэ. Своя рука владыка, сам у себя отпуск взял.

Глава 43

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Портер подождал, пока журналисты рассядутся, и сказал:

— Никакого заявления я сделать не могу. Полагаю, большинство из вас знает, что пришельцы исчезли. Вероятно, большая часть ваших вопросов будет касаться этой темы. Я, конечно, постараюсь ответить, но сомневаюсь, что смогу хоть как-то удовлетворить вас.

— Мистер Портер, — начал представитель «Нью-Йорк таймс», — один из вероятных ответов состоит в том, что пришельцы ушли обратно в космос. Такой ответ, наверное, каждому приходил в голову. Возможно, они собираются лететь дальше. Вы не могли бы дать нам какие-либо сведения, подтверждающие такую вероятность?

— Нет, мистер Смит, — сказал Портер. — Та же мысль появилась и у нас. НАСА непрерывно отслеживает ситуацию, но пока никаких сведений нет, ни о чем. Наша орбитальная станция работает круглосуточно, вероятно, советская тоже, но от них нет никаких вестей. Однако надо иметь в виду, что у них под контролем громадное пространство. Единственная возможность что-либо увидеть появится только в случае, если пришельцы снова соберутся в компактную массу, как это было при их появлении.

— А если советская станция что-нибудь обнаружит, они сообщат нам?

— Уверенности у меня, конечно, нет, но я думаю, сообщат.

— Дейв, — вступил в разговор корреспондент «Вашингтон пост», — вопрос может показаться каверзным, но я надеюсь...

— «Пост» никогда не задает каверзных вопросов, — сказал Портер.

Взрыв хохота заглушил недосказанный вопрос. Портер поднял руку, призывая к тишине.

— Продолжайте, пожалуйста. Я заранее заявляю, что вопрос не каверзный.

— Так я вот что хотел спросить. Я думаю, ни для кого не секрет, что появление пришельцев поставило перед правительством целый ряд неприятных проблем, политических и иных. Скажите, пожалуйста, их исчезновение облегчит вам жизнь?

— Я ошибся, — вздохнул Портер, — вопрос действительно каверзный. Однако я постараюсь ответить как можно откровеннее. Мне кажется, что исчезновение пришельцев вовсе не означает, что мы их никогда больше не увидим. Такое предположение явно преждевременно. Вероятно, они попросту перенесли базы своих операций в более удаленные и безлюдные места. Что до того, вздохнет ли администрация с облегчением, узнав, что они улетели, — тут я вам ничего сказать не могу. Не стану отрицать, что пришельцы доставили нам немало волнений. На нас свалилась проблема, с которой никто никогда не сталкивался. Прецедента, который мог бы помочь, как вы знаете, не существует. Мы не знали, как вести себя с ними... Мы испытывали некоторые затруднения в оценке того, как они повлияют на разные слои населения... Временами, позволю себе признаться, мы были в полной растерянности. Но в общем и целом, мне кажется, мы справлялись с ситуацией не самым худшим образом. Это первая часть моего ответа. А вторая состоит в том, что в течение последних дней мы пришли к достаточно твердому убеждению, что наш народ смог бы ужиться с пришельцами и что они могли бы принести нам кое-какую пользу. Если пришельцы на самом деле нас покинули — я лично буду считать, что мы стали беднее. Быть может, мы могли бы многому у них научиться.

— Вы сказали, мы могли бы многому у них научиться, — сказал журналист «Канзас-Сити стар». — Вы не разъясните, что имеете в виду?

— Только то, — ответил Портер, — что в их лице мы имели дело с неизвестной расой, которая могла бы научить нас новым для нас технологиям, открыть какие-то новые, свежие перспективы, могла бы, возможно, продемонстрировать новые подходы, новый способ мышления, о котором мы и понятия не имеем.

— А вы не могли бы поконкретнее? Доктор Аллен уже несколько дней работает с мертвым пришельцем. Может быть, он уже получил какую-нибудь конкретную информацию, которая будет нам полезна?

— Ничего достоверного у него пока нет, — сказал Портер. — Я уже рассказывал вам несколько дней назад, что структура этих созданий основана на целлюлозе, но в такой форме, которой мы не знаем и, по всей вероятности, в ближайшее время не узнаем. Если нам удастся разгадать секрет этой целлюлозы, если удастся воспроизвести тот процесс, посредством которого она образуется в организме пришельцев, — мы могли бы использовать целлюлозу в качестве заменителя многих невозстановимых сырьевых ресурсов.

— Чуть раньше вы предположили, что пришельцы, может быть, переместились в более удаленные районы. Вы имеете в виду, что они попрятались? — спросили из «Чикаго трибьюн».

— Этого я не говорил, Гарри. Вы же знаете, что не говорил.

— Но по-другому это понять невозможно. Как вы думаете, с какой стати они стали бы прятаться?

— Прежде всего, я не говорил, что они прячутся. Но если они на самом деле прячутся, то мой ответ — понятия не имею.

— Мистер Портер, — сказал корреспондент «Нью-Йорк таймс», — кажется — по крайней мере, на первый взгляд — вполне вероятным, что пришельцы перешли ко второй фазе своей операции. Сначала они посвятили какое-то время изучению нас. Теперь они сделали следующий ход, исчезли и, быть может, готовятся к...

— Мистер Смит, вы хотите, чтобы я теоретизировал по поводу теорий? — перебил его Портер. — Вы же прекрасно знаете, что на такие вопросы я не отвечаю. Действительно, ваша теория кажется вполне правдоподобной, — во всяком случае, на первый взгляд, как вы

сами сказали, — но у меня нет никакой информации, которая давала бы мне право ответить на ваш вопрос.

— Благодарю вас, сэр. Я полагал, что этот вопрос задать нужно.

— Я рад, что вы его задали, — ответил Портер.

— Дейв, по-моему, нам не надо уходить от данного вопроса, — сказал представитель «Милуоки джорнэл». — Вопрос хороший. Я собирался задать такой же. Эти твари нас изучили. Быть может, гораздо лучше, чем мы можем себе представить. Может быть, у них уже достаточно информации, чтобы решить, каким должен быть их следующий шаг.

— Я не ставил под сомнение ценность подобного вопроса, и мистер Смит это прекрасно знает, — ответил Портер. — Я согласен, что такое предположение мы должны иметь в виду. Но я не считаю себя вправе пытаться отвечать на него, поскольку не имею необходимой информации. И кроме того, у меня есть одно возражение. Такая точка зрения предполагает, что пришельцы что-то замышляют против нас, что у них есть какие-то враждебные намерения и они разрабатывают стратегию проведения их в жизнь. До сих пор они никакой враждебности не проявляли.

— Но мы же не знаем, в чем состоят их намерения.

— Совершенно верно. Не знаем.

— Меня заинтриговали ваши слова — «более удаленные районы», — сказал журналист «Лос-Анджелес таймс». — Вы полагаете, господин секретарь, в Соединенных Штатах так уж много удаленных районов?

— Вы знаете, я уже жалею, что употребил эти слова, — сказал Портер. — Мне кажется, все вы слишком близко приняли их к сердцу. Я хотел сказать только то, что пришельцы могли покинуть наиболее заселенные районы. Может быть, они сейчас появляются где-то в других местах, но мы об этом пока не знаем. Что до вашего вопроса по поводу удаленных мест — я полагаю, их еще вполне достаточно. Еще существуют обширные лесные массивы в Новой Англии, в северной Миннесоте, в Висконсине и Мичигане... Такие же районы есть и в других штатах... Немало удаленных районов в горах, например в Скалистых, да и пустыни на юго-западе тоже забывать не стоит.

— Мне кажется, вы убеждены, что они на самом деле не исчезли, не улетели в космос, — сказал кор-

респондент «Вашингтон пост». — Почему вы так уверены в этом?

— Я не думал, что мое личное отношение проявилось так отчетливо, — сказал Портер. — Это не официальная позиция, и я прошу вас четко это оговорить, если вы будете ссылаться на меня. Мне лично кажется, что пришельцы вряд ли так скоро покинули бы планету, где они нашли естественные ресурсы, которые им, очевидно, нужны. По всей вероятности, во Вселенной не так уж много планет, на которых они могли бы найти столь богатый источник целлюлозы, как наши леса.

— Так вы полагаете, что, обнаружив такую планету, они должны побыть на ней подольше?

— Это моя личная точка зрения. Она может и не совпадать с точкой зрения администрации.

— Все эти дни администрация проявляла спокойствие и, пожалуй, даже оптимизм. Надо полагать, временами приходилось очень нелегко, но тем не менее нотка оптимизма сохранялась. Скажите, пожалуйста, если можно, этот оптимизм не был показным?

— Вы хотите спросить, было ли это политической игрой или мы на самом деле испытывали оптимизм, не так ли?

— Спасибо, Дейв, вы очень верно уточнили мой вопрос.

— Я думаю, — сказал Портер, — что при любых обстоятельствах мы постарались бы сохранить оптимистическую ноту по сугубо политическим соображениям. Но могу сказать вам совершенно честно, что ситуация на самом деле не казалась нам чрезмерно угрожающей. Так что оптимизм не был наигранным. Пришельцы никакой враждебности не проявляли. Нам казалось, что они стараются определить, как им себя вести по отношению к нам. Они почти не нарушали наших основных правил поведения. Казалось, они стараются вести себя достойно. По-моему, в Белом доме сложилось впечатление, что они не стали бы умышленно вредить нам. Конечно, не исключено, что какой-то вред мог быть нанесен и неумышленно.

— Ваши слова звучат так, словно вы считаете это маловероятным.

— Да, — сказал Портер. — Я считаю это маловероятным.

Глава 44

АЙОВА

Уже больше получаса они продирались сквозь заболоченные заросли: деревья, лианы и кустарник. Местность была коварной: сухие участки то и дело перемежались открытой водой и пятнами трясины. До сих пор не было никаких признаков травянистой степи, приподнятой над низменным периметром острова, о которой говорил им Квин. Он сказал, что как только они преодолеют заболоченный лес — увидят степь.

Иногда, когда деревья вокруг чуть-чуть расступались, становились видны неподвижные силуэты пришельцев. В первый раз путешественники увидели их, когда подъезжали к острову.

— Они еще там, — сказал Квин. — Я думал, может, уже улетели. Сегодня говорили по радио, что они отовсюду улетают.

Наконец начался пологий подъем. Идти стало легче. Под ногами больше не хлюпало и кустарник стал пореже, хотя деревья вокруг по-прежнему стояли стеной.

— Похоже, мы почти пришли, — сказал Джерри.

И на самом деле, они наконец пришли. Перед ними расстиралось пространство, поросшее травой. Выйдя из леса, оба остановились в изумлении.

На широкой поляне, на некотором расстоянии друг от друга стояли три пришельца — но не они привлекли внимание людей.

Между пришельцами аккуратными ровными рядами стояли автомобили или то, что было похоже на автомобили. У них были двери и сиденья, и рулевые колеса, и у каждого впереди горела фара — почему-то только одна... Но вот колес не было.

— Машины... — изумилась Кэти. — Джерри, это действительно машины, только у них нет колес.

— Что бы это ни было, — ответил Джерри, — они продолжают их делать. Делать, строить, рожать — называй, как хочешь.

Длинные, ровные ряды автомобилей настолько захватили внимание Кэти, что она не успела присмотреться к самим пришельцам. Теперь, посмотрев на них, она увидела, что все три покрыты буграми, которые по форме отличались от тех, какие она видела, когда пришельцы рожали малышей. Эти были продолговатые и покрупнее.

На пришельце, стоявшем ближе к ним, один из бугров лопнул, и из него показалась очередная штукovina, похожая на автомобиль. Несколько секунд она сверкала влажным блеском, но вскоре высохла и оказалась желтой. Яркой, сияющей желтизны.

— Эта желтая, — сказал Джерри. — Ты заметила, что машины разных цветов? Красные, зеленые, серые — какие хочешь, на выбор.

Желтый автомобиль медленно вылез и упал вниз. Сначала он завис в нескольких дюймах над землей, потом развернулся и быстро заскользил к ближайшему ряду. Поравнявшись с ним, он встал в общий строй по соседству с зеленой машиной.

— Здорово! — восхитилась Кэти. — Погляди-ка, они разных цветов!

— Я тебе только что об этом сказал, — буркнул Джерри. — Ты не слышала.

— Это не могут быть машины, — сказала Кэти. — Я знаю, они выглядят как машины, но не может же быть, чтобы это были настоящие машины. Зачем пришельцам машины?

— Не знаю, — сказал Джерри. — Но выглядят как машины. Машины будущего. Голубая мечта автоконструктора, желающего привлечь внимание публики. У

них, конечно, нет колес, но им они и не нужны — они ведь плавают, парят. Эти машины — если это на самом деле машины — должны работать на том же принципе, что и сами пришельцы. Ведь они дети пришельцев, хоть и несколько другой формы.

— А с какой стати они взялись рожать детей в форме машин? Зачем им машинообразные малыши?

— Быть может, — сказал Джерри, — это на самом деле машины, и предназначены они для нас.

— Для нас?

— Подумай, Кэти. Подумай как следует. Пришельцы прилетели сюда и нашли то, что искали. Они нашли деревья, из которых могут получать целлюлозу. Может быть, эти машины — плата за деревья?

— Но это же нелепо. С какой стати нам платить? Они пришли, нашли деревья и взяли. И могли бы продолжать в том же духе. А если они для нас, как ты говоришь, — зачем нам так много машин? Мы их за всю жизнь не используем. Здесь их, наверное, сотня, а то и больше.

— Так речь и не идет о нас с тобой. Я обо всех. О всей стране.

— Но они не могут сделать столько, чтобы всем хватило.

— Не скажи. Здесь всего три пришельца, и они здесь никак не больше недели. И за это время уже наплодили больше сотни машин. А если тысяча пришельцев, или десять тысяч, поработают с полгода...

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Кэти. — Они могут понаделать массу машин. А ведь это «сто первая» велела тебе ехать сюда. Она знала, что ты здесь увидишь. Она хотела, чтобы ты нашел эти машины.

— Может быть, не только «сто первая». Пришельцы хотели, чтобы мы их нашли. И «сто первая» говорила от имени всех. Скорее всего, каждое из этих созданий знает, что делают остальные. Что-то вроде способа общения пчел. Когда «сто первая» впервые приземлилась, она стала посылать сигналы остальным. Они разговаривают друг с другом.

— Ты думаешь, пришельцы хотят, чтобы мы рассказали об этом?

— Нас используют, — сказал Джерри. — Очень может быть, что нас используют как рекламных агентов. Ну а еще мы можем быть для них командой

испытателей. Я не знаю. Может быть, они хотят, чтобы мы посмотрели, можно ли использовать эти машины. Может, они сами не уверены. Они знают о нас очень много, но, может быть, не уверены, что достаточно. Когда на автозаводе выпускают новую модель, ее обязательно испытывают...

— И они выбрали тебя, потому что ты для них особенный, — предположила Кэти. — Ты самым первым побывал внутри одного из них, а может, и единственным. Все эти истории о других, которых брали...

— Но «сто первая» тебе руку пожимала, не забудь.

— Да, конечно. Но откуда она могла знать, что я буду здесь с тобой?

— Может, и не знала. А может быть...

— Что?

— Кэти, эти создания могут оказаться гораздо умнее, чем мы в состоянии представить себе. Быть может, они нас читают, как книгу.

— Ты знаешь, мне вдруг страшно стало, — сказала Кэти. — Все внутри дрожит. Раньше я никогда их не боялась, а теперь страшно. У меня такое чувство, что это ловушка. Какая-то волчья яма, в которую мы падаем, — и сами не знаем, что падаем.

— Может быть, и ловушка, — согласился Джерри. — Но машины они делают для нас. Машины, которые парят над землей, а может быть, даже летают. Дороги не нужны, поезжай куда хочешь. Бензин не нужен. Они будут вечными, никаких ремонтов... И пришельцы дают их нам в уплату за деревья. В уплату за целлюлозу, которая дала им возможность снова иметь малышей и избавила от угрозы вымирания. Если бы тебе угрожало такое — ты не стала бы делать машины — или что-нибудь еще — для того, кто тебя спас?

— Я не могу за тобой угнаться, — сказала Кэти. — Никак не могу поверить, что это на самом деле машины и что они на самом деле для нас. Ты говоришь так, будто совершенно уверен в этом. Почему?

— Может быть, потому, что «сто первая» мне это внушила. В тот момент я просто не понял, а сейчас до меня доходит. Знаешь, похоже на правду. Получается вполне резонно. Они на нас посмотрели. И увидели, что нам нужно, чего мы хотим. Они нас читают, как книгу, Кэти. Они знают, что мы собой представляем. Знают,

чем нас купить. Они знают, за что мы готовы душу продать, и...

— Жестокие слова, Джерри.

— Нет. Просто я понимаю, что происходит. И понимаю, что мы не в силах остановить процесс. Если мы сейчас повернемся и уйдем — это ничего не изменит. Кто-нибудь другой все равно обнаружит машины. А может быть, надо, чтобы их обнаружили? Может быть, в конце концов это к лучшему? Но уж больно они ловкие... Все человечество, по сути, торгаши, но тут мы нашли отличную для себя пару.

— Мы тут стоим болтаем, — сказала Кэти, — стараемся уговорить себя поверить в эту сказку. А я все равно не могу поверить, что это машины. Вот не верю, и все тут.

— Пойдем посмотрим, — сказал Джерри. — Посмотрим, что это такое.

Глава 45

МИННЕАПОЛИС

У Гоулда сегодня был выходной, поэтому Джей, вернувшись с обеда, подошел к его столу и уселся в его кресло. Гаррисон бесцельно рисовал какие-то закорючки на старой газете. Энни сидела в углу и чистила апельсин. Бутерброд она уже съела и теперь свяшенно действовала с апельсином, превращая его кожуру в произведение искусства.

— Что-нибудь интересное есть? — спросил Джей у Гаррисона.

Гаррисон покачал головой.

— У нас ничего. И, наверное, нигде ничего. Хэл сказал, сообщений о пришельцах никаких. Кто-то их вроде видел — в Техасе и Монтане, — но данные не проверены.

— Подождем, — сказал Джей. — А что еще остается? Мы сделали все, что могли. Обзвонили дюжину разных людей в штате. Просили, чтобы нам дали знать, если что-нибудь появится. Редакторы еженедельников, шерифы, бизнесмены, мэры... Друзья. Если они что-нибудь услышат, то сообщат нам.

— А я все время стараюсь придумать что-нибудь, — сказал Гаррисон. — Должно же быть что-то, чего мы не сделали. Могли, но не сделали, не догадались.

— Это не твоя проблема, Джонни. Не только твоя.

— Да знаю!.. Но, черт побери, я хотел бы быть тем человеком, который найдет ответ. Какой-нибудь маленький ключик: куда они подевались?

— И почему?

— Ну да, конечно. Но это могло бы и подождать. Прежде всего мы должны их найти. Что-нибудь на первую полосу. Мне кажется, это может быть северная Миннесота, там леса дикие. Они могли там спрятаться...

— Или в Канаде. Или на тихоокеанском побережье, на севере, — сказал Джей. — Таких мест, где они могли бы зарыться, очень много.

Зазвенел телефон. Энни отложила апельсин и подняла трубку.

— Джонни, это тебя. Кэти.

Гаррисон схватил трубку, сделав знак Джею, чтобы тот взял трубку Гоулда.

— Кэти! Где ты, черт побери? Что у тебя?

— Я в Айове. Место называется Дикс-Лэндинг. На Миссисипи. Я тут с Джерри.

— Какой еще Джерри?

— Да ты должен помнить! Большой ребенок, с которым я собиралась на концерт, ты еще билеты у меня купил.

— А-а! Вспомнил. И что же ты делаешь в Айове?

— Мы нашли трех пришельцев, Джонни. На Гусином острове...

— К черту все остальное, давай про пришельцев. Что они делают?

— Автомобили.

— Кэти, брось дурацкие шутки. При чем тут автомобили? Я тебя серьезно спрашиваю. У меня и так день сумасшедший, мне не до шуток. Давай рассказывай серьезно.

— Совершенно серьезно, Джонни. Они делают автомобили. Мы взяли два. Прилетели на них с Гусиного острова. У меня желтый, у Джерри красный. Ими очень просто управлять...

— Ты сказала «прилетели»? Вы что, на автомобилях прилетели?

— На них можно летать. Колес у них нету. Они парят, как пришельцы. На них ездить не трудно, надо только чуть-чуть привыкнуть. Мы с Джерри потратили не больше часа, чтобы освоить их. Там такие штучки нажимаешь, и все. Ничего сложного. И летишь, как на

самолете. И совершенно безопасно. Если вздумаешь воткнуться во что-нибудь, они сами поворачивают. Ты ничего не делаешь, они сами...

— Кэти, — сказал Гаррисон, — скажи мне правду, Бога ради, у вас на самом деле есть эти машины?

— Кэти, это Джей, — сказал Джей в свою трубку. — Я на линии вместе с Джонни. Ты ведь не шутишь, правда? У вас на самом деле есть эти машины?

— Вы как всегда правы. Они у нас на самом деле есть.

— Кэти, возьми себя в руки, — попросил Гаррисон. — Сама подумай, что ты городишь. Для чего им автомобили?

— Этого мы не знаем, — сказала Кэти. — То есть наверняка не знаем, не уверены. Но нам кажется, что в уплату за лес, который они берут. Но мы не уверены, только предполагаем. Кажется, они не имели ничего против, когда мы улетели на этих двух.

— И теперь, когда они у вас...

— Мы летим к вам. Часа через три-четыре будем. Может быть, даже раньше. Мы еще не знаем, насколько они быстроходны. Дорога нам не нужна, мы полетим вдоль реки на север.

— О Боже, Кэти, но ведь этого не может быть! Ты говоришь, они делают машины...

— Ну, может быть, это и не машины. Я не знаю, правильно ли их называть машинами...

— Кэти, не клади трубку, подожди, — сказал Джей. Он положил трубку на стол и прикрыл ее ладонью, глядя на Гаррисона.

— Джонни, Кэти чертовски хороший репортер, — сказал он.

— Я знаю, — Гаррисон тоже прикрыл трубку ладонью. — Но Боже мой, у меня в голове не укладывается! А что если окажется, что все не так?

— У нас еще пять часов до верстки. К тому времени она уже будет здесь и напишет материал. Мы вызовем фотографа и сделаем снимки. Мы успеем.

Гаррисон кивнул. Он убрал ладонь с трубки и заговорил снова:

— Хорошо, Кэти, мы тебя ждем. Мы ничего не станем предпринимать, пока ты не появишься. Фотографы будут готовы. Вы сможете посадить эти штуковины на крышу?

— Не знаю. Наверное, сможем. Ими очень легко управлять.

— Кэти, а на чем они работают? — вмешался Джей. — Бензин вам нужен? Или что-то другое?

— Ничего. Их сделали пришельцы. Машины летают так же, как и они. Непонятно как. Джерри думает, что на самом деле они тоже пришельцы, только в форме машин. Там сейчас около сотни таких, может, больше. Мы взяли только две. Они их быстро рожают. Три пришельца пробыли на острове всего неделю и нарожали больше сотни машин. Может, даже меньше, чем за неделю.

— Хорошо, — сказал Гаррисон. — Мы пока это придержим. Пока материал исключительно наш. Посмотрим, что будет дальше. Будьте осторожны. Не рискуйте. Ты нам тут нужна целой и невредимой.

— До скорого, — сказала Кэти.

Гаррисон положил трубку и ошалело посмотрел на Джея.

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Думаю, что мы только что купили первый стальной топорик. Вместо каменного томагавка.

Гаррисон проворчал что-то невнятное, потом сказал:

— Да, помню. Помню, как ты говорил об этом. Нам надо было дать тот материал, когда ты его предложил.

— Я и сейчас могу его написать.

— Нет, — сказал Гаррисон. — Нет, черт побери! Теперь все будут писать что-нибудь в этом роде. Сейчас надо писать о другом. Что будет с автомобильной промышленностью, если пришельцы не утомнятся и понаделают своих автомобилей столько, что их хватит на каждого человека в стране? Что будет со всеми теми, кто потеряет работу в Детройте и на других заводах? Что будет с нефтяной промышленностью, когда никому не станет нужен бензин? Что будет с автосервисом, с людьми на заправочных станциях? Что будет, когда нам станет не нужно строить дороги? Что будет с финансовыми компаниями, которые живут за счет автомобиля и всего остального, что с ним связано? И что будет, когда пришельцы, понаделав достаточно автомобилей, чтобы хватило каждому, примутся плодить холодильники, кондиционеры, духовки? Как будут регистрировать эти бесплатные автомобили? Как будут за них брать налоги? И самое скверное то, что пришельцы делают все это

не для того, чтобы нам навредить. Никакой враждебности к нам у них нет, только благодарность... Если бы они взялись работать с правительством, пошли бы по правительственным каналам...

— Скорей всего, — перебил его Джей, — они даже не подозревают о существовании правительства. Они могут вообще не знать, что такое правительство. По всей вероятности, у них нет политических понятий. Они посмотрели на нас и поняли, как наилучшим образом могут заплатить нам за съеденные деревья. Но они смотрели на людей, а не на правительство. Надо думать, они не представляют себе, что они с нами делают, потому что ничего не знают о сложной экономической структуре, которую мы создали у себя. Может быть, они не представляют себе иной экономической системы, кроме простого бартера. Ты даешь мне что-нибудь, я дам тебе что-нибудь взамен. И самое скверное — люди купятся на это. Как только люди узнают о бесплатных машинах, как только они начнут их получать, никто — ни в правительстве, ни где бы то ни было — не посмеет ни пальцем пошевелить, ни слово сказать против пришельцев.

— Теперь ясно, почему они попрятались, — сказал Гаррисон. — Они делают машины, и никто им не мешает. Иначе их осаждали бы толпы страждущих поскорее ухватить машину. А теперь тысячи пришельцев плодят автомобили в глухих местах. Как ты думаешь, сколько времени им может понадобиться, чтобы обеспечить нас машинами?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Джей. — Я даже не уверен, что ты угадал, догадка, впрочем, хорошая... Но я очень надеюсь, что это будут только автомобили. Быть может, мы сумеем это пережить, если они ограничатся автомобилями.

Глава 46

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

— Дейв, мы можем быть абсолютно убеждены в достоверности последних новостей? — спросил президент. — Это настолько фантастично... Просто невозможно поверить. То есть... сами факты, в отрыве от контекста.

— Я был в таком же состоянии, когда поступили первые сведения, — сказал Портер. — Так что я начал искать источник информации. Позвонил в «Трибьюн» в Миннеаполис, говорил с редакцией репортажа. Редактор Гаррисон мне все рассказал. Мне неловко было звонить ему — словно покушаюсь на неприкосновенность газеты. Но я чувствовал, что обязан это сделать. Гаррисон воспринял мой звонок спокойно.

— Так сведения верны?

— В принципе, да. Гаррисон рассказал, что поначалу сам не мог поверить — пока не приземлились те две машины. После того как позвонил его репортер, он сидел долго пораженный и повторял себе снова и снова, что этого не может быть, что там какая-то ошибка, что он что-то неправильно понял...

— Но теперь он больше не сомневается? Уверен?

— Теперь он уверен. У него есть те машины. У него есть фотографии.

— Ты видел фотографии?

— «Трибьюн» пошла в набор меньше получаса назад. Материал застал врасплох всех, включая их собственную службу новостей. Пока фотографии придут из «Трибьюн», пройдет какое-то время, их же еще надо передать... Но скоро они будут у нас.

— Но эти машины... — сказал президент. — Почему именно машины? Почему не что-нибудь фантастическое? Почему не бриллиантовые ожерелья? Не ящики шампанского? Не меховые шубы?

— Пришельцы хорошие наблюдатели, сэр. Они изучали нас несколько дней...

— И увидели массу машин. Почти у каждого. А у кого ее нет, тот о ней мечтает. У кого есть, но старая, тот мечтает о новой. Старые машины. Побитые машины. Изношенные машины. Аварии на дорогах — машины разбиваются, и люди гибнут. Пришельцы все это увидели. И вот они дарят нам машины, которые никогда не выйдут из строя, которым не нужен бензин, не нужны дороги, которые никогда не попадут в аварию, потому что сами сворачивают при опасности столкновения... Ни техобслуживания, ни ремонтов, ни покраски...

— Это еще не факт, сэр, а только предположение.

— Автомобиль для каждого?

— Это тоже еще не факт. Так кажется Гаррисону. Так кажется его репортеру. Однако, насколько я понял, публикация в «Трибьюн» старательно обходит эту тему, хотя та и напрашивается из контекста.

— Дейв, мы погибли. Если у каждого будет машина — это взорвет экономику ко всем чертям. Раз ты говоришь, что это напрашивается из контекста, я собираюсь объявить мораторий на всю финансовую деятельность. Устроим этакие каникулы: биржи закрыты, банки закрыты, все финансовые учреждения закрыты — чтобы вообще никаких сделок, никакого движения. Что ты об этом думаешь?

— Мы выиграем немного времени... Но, может быть, больше ничего. Да и то всего несколько дней. Вы же не можете продержаться такой мораторий больше нескольких дней.

— Но если завтра утром биржи откроются...

— Вы правы. Необходимо что-то предпринять. Быть может, вам стоит поговорить с министром юстиции, с директором Резервного фонда, еще с кем-нибудь...

— Кроме отсрочки это нам ничего не даст, — сказал президент, — я с тобой полностью согласен. Но нам нужна отсрочка, нужно какое-то время, чтобы дух перевести. Чтобы дать людям время переварить новости. Чтобы поговорить между собой. Пару дней назад я сказал тебе, что у меня такое чувство — нет оснований для страха. Помнишь? Но черт возьми, Дейв, теперь я близок к панике!..

— Глядя на вас, этого не скажешь.

— Паника — такая вещь, которую мы не можем себе позволить. Я имею в виду ее внешние проявления. Политика — хорошая тренировка собственных чувств. У меня сейчас все кишки переворачиваются, но я не могу допустить, чтобы это было заметно. А мы скоро окажемся на кресте. Конгресс, пресса, деловой мир, профсоюзные лидеры — все будут кричать, что мы должны были предвидеть такую ситуацию и предотвратить ее.

— Страна это переживет, сэр.

— Страна-то переживет, а вот я не переживу. Скверно все обернулось. До сих пор я надеялся, что смогу претендовать на следующий срок.

— Вы и сможете.

— Для этого нужно чудо.

— Прекрасно. Мы сотворим это чудо.

— Вряд ли, Дейв. Постараться, конечно, надо. Прежде всего следует разобраться, что происходит. Скоро придут Аллен и Уайтсайд. Грейс пытается найти Хэммонда. Надо, чтобы он тоже принял участие. Он очень здравый человек, Хэммонд. Он может справиться с этими финансовыми каникулами. С Маркусом поговорим попозже, он тоже будет нужен. И другие тоже подключатся. Господь свидетель, мне сейчас нужен каждый человек, который может хоть что-нибудь посоветовать. И ты тоже, пожалуйста, держись поблизости.

— Мне скоро придется брифинг провести. Мои ребята уже стучатся в двери.

— Задержись немного, — попросил президент. — Быть может, через пару часов у нас уже будет что им сказать. Если сейчас выйдешь к ним с пустыми руками, они тебя до смерти заклюют.

— Они меня в любом случае заклюют. Но это хорошая мысль: подождать немного. Я совсем не рвусь на эту встречу.

На президентском столе загудел селектор. Раздался голос Грейс:

— Генерал Уайтсайд и доктор Аллен.

— Пусть заходят, — сказал президент.

Указав вошедшим на кресла, он тут же спросил:

— Вы уже слышали? Когда я разговаривал с вами, все было еще слишком запутанно, потому я не мог рассказать.

Оба кивнули.

— У меня радио в машине, — сказал Аллен.

— А я, — сказал генерал, — включил телевизор после вашего звонка.

— Стив, что вы об этом думаете? — спросил президент. — Похоже, нет уже никаких сомнений, что пришельцы делают автомобили. Что это за автомобили, по-вашему?

— Насколько я понял, — ответил советник по науке, — с помощью почкования. Таким образом они создают своих младенцев, придавая им собственную форму. Но, вероятно, им ничто не мешает повторять форму автомобилей.

— Кто-то из них съел несколько автомобилей, — напомнил генерал. — В Сент-Луисе, вроде.

— Я не уверен, что это как-то связано, — сказал Аллен. — Конечно, они могли проанализировать, исследовать те автомобили, раз уж переварили их; но новые, которые они делают, похожи на съеденные, очевидно, только внешне.

— Тогда зачем же они проглотили те, в Сент-Луисе? — спросил генерал.

— Не берусь объяснять, — сказал Аллен. — Все, что я знаю, — автомобили, которые создают пришельцы, — тоже пришельцы. На самом деле это не автомобили, а пришельцы в форме автомобилей. Вероятно, их можно использовать в качестве автомобилей, но это дела не меняет. Это биологические, а не механические средства передвижения.

— Репортер, обнаруживший эти машины, — сказал президент, — по-видимому, считает, что их делают из благодарности. Добровольное пожертвование, дар народу планеты, которая дала им целлюлозу.

— Тут я ничего не могу сказать, — ответил Аллен. — Вы говорите так, будто знаете, как мыслят эти чертовы твари. Я бы не рискнул рассуждать подобным

образом. Мы уже сколько времени возимся с мертвым — и до сих пор понятия не имеем о его анатомии, о том, как он функционировал. Даже в физическом плане, не говоря уж о ментальном. В таком же положении был бы человек из средневековья, пытающийся понять, как и почему работает сложный компьютер. У них нет ни одного органа, который можно было бы сопоставить с человеческим. Мы совершенно сбиты с толку, не за что ухватиться. Я надеялся, что нам удастся установить, от чего он умер. Это тоже не получилось. Пока мы не узнаем, как функционировал организм, нет никакой надежды установить ни причину смерти, ни что-либо еще.

— Значит, по-вашему, нет шансов установить с ними контакт? — спросил президент. — Если бы нам удалось поговорить с ними, хотя бы жестами, хотя бы...

— Шансов никаких, — твердо сказал Аллен. — Абсолютно никаких.

— Вот если бы пришельцы обратились к нам, — сказал президент. — И попробовали бы дать нам понять, что им нужно...

— Вы имеете в виду правительство? — спросил Аллен.

Президент кивнул.

— Никто не может осознать, — сказал Аллен, — подлинной, абсолютной чужеродности этих созданий. Они настолько не похожи на нас, что мы просто не в состоянии постичь эту разницу. По моим представлениям, все они — единый организм, как в улье или в муравейнике, в котором все знают — или видят, или ощущают — все, что знает-видит-ощущает любой другой, все они. Такому сообществу правительство не нужно. У них никогда и мысли о правительстве не возникало. Вероятно, они вообще не знают, что такое правительство, потому что у них никогда не было необходимости в таком образовании.

— Надо что-то делать! — воскликнул генерал. — Мы должны защищаться! Мы должны как-то действовать.

— Забудьте об этом, — сказал президент. — Здесь в кабинете несколько дней назад вы сказали мне, что пришельцы способны выдержать все, кроме ядерного взрыва. Так получалось по вашим расчетам. Но мы же не можем использовать атомные...

Аллен напряженно выпрямился в кресле.

— Так значит, эксперимент все-таки был, — сказал он. — Я все время что-то слышал об этом, но полагал, что если бы это было правдой — меня бы поставили в известность. Объясните, пожалуйста, почему меня не поставили в известность? Ваши открытия могли бы пролить свет...

— Потому что эксперимент — не ваше дело, — отрезал генерал. — Потому что он засекречен.

— Пусть так, — возразил Аллен, — но это может оказаться важным, вы должны были...

— Успокойтесь, джентльмены, — сказал президент. — Приношу вам свои извинения. Моя вина, проболтался. — Он посмотрел на Аллена. — Но вы ничего не слышали, разумеется.

— Конечно, господин президент. Я никогда не слышал того, что вы только что сказали.

— Но факт остается фактом, — продолжил президент, — мы не можем использовать атомные...

— Если бы мы могли собрать всех пришельцев вместе, — перебил его генерал, — то, может быть...

— Но этого мы сделать не можем, — возразил президент. — Мы даже не знаем, где они, кроме нескольких. Скорее всего, они рассеялись по всей стране и плодят проклятые автомобили...

— Это не известно, сэр.

— Разумеется. Но предположение вполне правдоподобное, — сказал президент, — что, впрочем, вполне понятно. Не могут же они сидеть у всех на виду и лепить свои машины. Люди бросились бы за машинами и затоптали бы их.

— А может быть, — сказал Уайтсайд с надеждой, — может быть, им не хватит леса, а? Ведь сколько леса надо съесть, чтобы понаделать автомобилей!

— Маловероятно, — ответил Аллен. — В Северной Америке очень много лесов. Ну а если они вдруг начнут испытывать недостаток в древесине, то остается еще весь остальной мир, включая экваториальные джунгли. И еще не забывайте, что они возобновляют леса: взамен съеденных сажают новые. Номер «сто первый» уже засадил участок в Айове.

— Меня другое волнует, — сказал президент. — Если они начнут использовать пахотные земли под лесопосадки, то мы можем столкнуться с продовольст-

венным кризисом. Конечно, у нас громадные запасы зерна, но они быстро кончатся, если так пойдет.

— Здесь есть и другая опасность, — добавил Аллен. — Может случиться, что если возникнет продовольственный кризис, то пришельцы станут делать продовольствие. И мы все окажемся фактически на пособии.

— Разговор у нас получается очень интересный и, может быть, даже по существу, — сказал президент, — но мы так ни до чего и не договорились. А надо решать, что предпринять прямо сейчас.

— Я вот о чем подумал, — сказал Портер. — Когда я разговаривал с Гаррисоном, он назвал одно имя. Джерри Конклин, если не ошибаюсь. Этот Конклин первым узнал о машинах, но он просил его не раскрывать, потому его имя в репортаже не упомянуто. Мне кажется, я это имя уже слышал. Мне кажется, оно как-то связано с пришельцами.

Аллен насторожился.

— Конечно, связано, — подтвердил он. — Это тот самый человек, чья машина была раздавлена, когда первый пришелец приземлился в Лоун-Пайне. Тот самый, который исчез, когда мы пытались его найти. И тут он опять объявился. Все это очень странно.

— Наверное, стоит пригласить его сюда и поговорить с ним, — предложил Уайтсайд. — Возможно, парнишка знает что-нибудь такое...

— Минутку, — перебил его Аллен. — Мы выяснили кое-что еще. Конклин — друг, кажется, близкий друг, сотрудницы «Трибьюн». По-моему, ее зовут Кэти.

— Кэти Фостер, — сказал Портер. — Это она нашла машины, она писала репортаж.

— Наверное, надо позвать сюда обоих, — сказал Уайтсайд. — Пусть ФБР их доставит.

— Только не ФБР, — покачал головой президент. — Нам ни к чему такая неучтивость. Мы их пригласим в качестве гостей Белого дома. Пошлем за ними самолет.

— Но, сэр, — запротестовал генерал, — этот человек уже исчезал. Он может опять исчезнуть.

— Мы примем меры. Дейв, ты сделаешь приглашение?

— С удовольствием, — ответил Портер.

Глава 47

МИННЕАПОЛИС

Паренек из типографии сгибался от груза бумаг, зажатых под мышкой. Он кинул на стол Гаррисону оттиск и заторопился дальше.

Гаррисон развернул газету на первой полосе и быстро просмотрел ее. Она была почти такой же, как при первом наборе, только теперь на ней красовался новый материал. Он положил газету на стол и залюбовался им. Материал состоял из двух колонок и сопровождался рисунком с изображением пульта управления пришельца-автомобиля. Гаррисон начал читать первый абзац:

«Если вы окажетесь в числе тех счастливых, кто вскоре получит автомобиль-пришельца — не ломайте голову над его устройством. Управлять им весьма легко. Чтобы включить его, вы нажимаете первую кнопку справа. (Кнопка «А» на рисунке.) Чтобы двинуться с места, нажимаете кнопку «Б». Скорость регулируется поворотом диска на пульте управления: по часовой стрелке быстрее, против часовой стрелки медленнее. Против часовой стрелки до упора — остановка. Подъем регулируется рычажком справа от панели. Хотите подняться — поднимите рычажок кверху. Хотите опуститься — опустите рычажок. Кнопки, диск и рычажок подъема никак не обозначены и не градуированы. Вы должны просто запомнить, для чего служит каждый из

них. Но их так мало, что управление не составляет ни малейшего труда...»

Гаррисон пропустил середину и остановился на последнем абзаце:

«Быть может, вам стоит вырезать эту заметку вместе с рисунком. И положить ее в бумажник или кошелек. И тогда, если в одно прекрасное утро вы обнаружите один из этих автомобилей припаркованным возле вашего дома...»

— Это была отличная идея, — сказал Гаррисон Гоулду. — Это напрямую связывает читателя с машиной. Такое каждый прочтет. Здорово ты придумал.

— Конечно, черт возьми, — засмеялся Гоулд. — Пора мне отрабатывать зарплату.

По проходу между столами прошаркал Хэл Рассел. Остановился и сказал Гаррисону:

— Еще пришельцы нашлись. Одна группа в Айдахо и еще одна в Мэне.

— И все лепят машины, — сказал Гоулд.

— И все лепят машины, — подтвердил Рассел.

— Они начинают проявляться, — сказал Гаррисон. — Завтра обнаружится, наверное, очень много.

— Дело в том, что люди кинулись их искать, — сказал Рассел.

— Еще бы! — сказал Гоулд. — Представляете себе, у каждого в гараже новая машина...

— Следующий материал у нас может быть про распределение машин, — предположил Гаррисон. — Люди просыпаются, а у них под окном автомобиля стоят новехонькие.

Гоулд покачал головой.

— Может быть и иначе. Будем жребий тянуть. Что-то вроде национальной лотереи. Или они просто выкинут машины куда-нибудь на поле или на городские пустыри — и мы будем за них драться. Автомобиль-пришелец — приз самому быстрому, самому сильному, самому подлому.

— У тебя чертовски странные идеи возникают, — вставил Гаррисон.

— Для себя я хочу голубую, — продолжал Гоулд. — Жена никогда не позволяла мне голубую. У нас всегда были только красные машины, она любит красное.

— А может быть, их будет столько, — предположил Рассел, — что вам обоим хватит: тебе голубую, а ей красную.

— В таком случае у нас будет две красные. Она ни за что не даст мне взять голубую. Этот цвет кажется ей слюнявым.

— Кто-нибудь из вас пробовал прикинуть? — спросил Гаррисон. — Могут ли пришельцы на самом деле изготовить столько машин? У нас когда-нибудь была достоверная цифра, сколько их может быть на Земле?

— Насчет достоверной цифры я не знаю, — сказал Рассел, — но несколько тысяч, по-видимому, есть. Кэти сказала, что три пришельца за неделю, даже меньше, сделали больше сотни машин. Ну, пусть неделя, пусть будет ровно сто. Больше тридцати в неделю получается на одного. Умножь на пять тысяч пришельцев — получается сто пятьдесят тысяч машин в неделю. Может оказаться даже больше, но и так полмиллиона в месяц набегит.

— У нас населения двести пятьдесят миллионов, — сказал Гаррисон.

— Так не каждому же нужна машина. Из двухсот пятидесяти миллионов младенцев сколько? И несовершеннолетних? Им никто машин не даст. А еще не забывая малышей-пришельцев, что подрастают у нас. Через год, а может, и через полгода, они тоже смогут делать машины. Насколько я помню, ребятишек пришельцы рожали пачками. Скажем, у каждого пришельца в среднем по десять ребятишек. Где-то через год они станут выдавать по несколько миллионов машин в месяц.

— Верно, — сказал Гаррисон. — Верно. Похоже, что это на самом деле может получиться.

— А потом, — сказал Гоулд, — они начнут делать пиво. С пивом им будет проще, чем с автомобилями. Скажем, по ящику в неделю на каждого взрослого мужского пола. Мне бы ящика в неделю хватило, пожалуй.

— А еще жареные сосиски и соленое печенье, — добавил Рассел. — Если уж пиво, то придется им и закуску делать. Иначе какое же пиво...

Зазвонил телефон, Энни подняла трубку.

— Джонни, это тебя. Ко второму аппарату.

Гаррисон нажал кнопку и взял трубку.

— Гаррисон. Редакция репортажа.

— Это Портер вас тревожит. Из Белого дома. Я уже звонил вам сегодня.

— Да, я помню. Чем могу быть полезен?

— Мисс Фостер случайно нет поблизости?

— Сейчас посмотрю.

Он поднялся и увидел Кэти за столом. Он помахал трубкой над головой и рявкнул:

— Кэти! Тебя! Возьми вторую трубку!

Глава 48

ЛЕС

Нортон притормозил каноэ несколькими ударами весла, глядя на картину, открывшуюся за поворотом. Там, прямо перед ним, над густой сочной зеленью сосен вздымались пять прямоугольных черных башен.

«Пришельцы», — сказал он себе. Но что делать пришельцам в этом медвежьем углу? Однако, чуть подумав, он сообразил, что это вовсе не так уж и странно. Наверное, немало больших черных ящиков приземлилось в таких местах, где их трудно найти.

Он рассмеялся про себя и направил каноэ к берегу, сильными резкими гребками. Солнце уже садилось, и он искал место для ночлега. «Это место ничуть не хуже любого другого», — подумал он. Сейчас он вытащит каноэ на берег и пойдет посмотреть на пришельцев. А потом разведет костер и устроится на ночь... Он с удивлением обнаружил, что присутствие пришельцев его радует. «Что-то в них есть симпатичное, — подумал он, — словно добрых соседей встретил, которых не рассчитывал застать».

Он вытащил каноэ на пологий галечный берег и направился через лес в сторону пришельцев. Теперь он думал о том, что не удивительно найти их в таком уединенном месте — удивительно другое. Удивительно, что нет никакого шума. Они явно не валили и не

глотали деревья. Скорее всего уже насытились целлюлозой, наделали малышей и теперь попросту отдыхают, закончив все дела.

Он вышел на открытое место, расчищенное пришельцами, и резко остановился в изумлении. Прямо перед ним стоял дом. Какой-то очень странный дом — кособокий, пьяно валившийся на одну сторону, — как будто строитель схалтурил и бросил его не доделав. Сразу за ним стоял еще один. У этого углы были ровные, но все равно что-то было не в порядке. Нортон не сразу сообразил в чем дело, потом понял: окон не было.

А позади домов стояли пришельцы, так близко друг к другу, что производили впечатление группы зданий в деловом центре какого-нибудь города.

Нортон стоял в замешательстве. Ни один нормальный человек не стал бы забираться в такую глушь, чтобы построить два дома, а потом бросить их и уйти. Ни один строитель не стал бы лепить один дом кособоким, а другой без окон. Но даже если бы нашелся такой чудак, — здесь же не было дороги, чтобы возить материалы на эту площадку!

Сосны тихо перешептывались на ветру. По ту сторону открытого пространства, на котором стояли эти странные домики и группа пришельцев, промелькнула на фоне густых зеленых крон небольшая, яркая птица. Кроме ветра, шумевшего в соснах, и этой мгновенной яркой вспышки — птицы — ничто не нарушало окружающего безмолвия и покоя. Тишина и гнетущая торжественность девственного леса подавляли все чувства, даже удивление по поводу присутствия пришельцев и этих непонятных домов.

Нортон с трудом заставил себя двигаться — и пошел к первому из домов, к кособокому. Передняя дверь была открыта, но он не сразу решился войти. Ему почудилось, что строение может рухнуть, стоит ему перешагнуть через порог. Но в конце концов он рискнул — и оказался в холле, откуда можно было пройти на кухню и в комнату, которая, по-видимому, должна была бы служить гостиной. Он пошел в кухню. Ступал очень-очень осторожно: боялся, что из-за любого резкого движения все может обвалиться. Хоть дом был чудной, кухня оказалась обычной. Возле одной стены стояли электрическая печь и холодильник. Вдоль другой были расставлены и развешаны кухонные шкафы с

ящиками и отделениями для посуды, кухонный стол. Все было на месте, вплоть до мойки и раковины.

Нортон включил плиту и подержал руку над конфоркой. Конфорка быстро нагрелась, он ее выключил. Потом отвернул кран над раковиной. Оттуда побежала тоненькая струйка, но почти тотчас прекратилась. Он открыл кран посильнее. В трубе захлопало, забулькало, потом хлынула вода, но снова перестала. Он закрыл кран.

Он прошел в гостиную. Там все было в порядке, только окна как-то не на месте. Дальше располагались три спальни, и в них тоже все было обыкновенно, если не считать каких-то несообразностей в размерах, которые его удивили. Он попытался сообразить, что не так, но не сумел определить эту странность.

Выйдя из дома, он испытал облегчение. И по дороге к следующему — тому, что без окон, — все пытался понять, что же не так в этом доме, что ему показалось таким странным. Окна косые, и спальни какие-то необычные, и кран на кухне не работает — это все не то. Должно быть еще что-то важное. И вдруг вспомнил: там ванны нет. В этом кривом доме нет ванны! Он остановился и стал вспоминать каждый свой шаг. Не может ли быть, что он ошибся? Совершенно невероятно, чтобы кто-то построил дом без ванной комнаты. Но нет, так оно и было. Он осмотрел дом очень внимательно, не мог он не заметить ванной комнаты. Если бы она была — он бы ее увидел.

Дверь второго дома была закрыта, но отворилась мягко и бесшумно, стоило ему повернуть ручку. Из-за отсутствия окон внутри было темно, но не настолько, чтобы нельзя было осмотреться. Он быстро осмотрел дом. В нем были четыре спальни, небольшой кабинет, кухня, гостиная и столовая — и две ванн-ные комнаты, одна из них возле хозяйской спальни. В первом доме полы были деревянные, а здесь покрыты коврами. На стенах, там, где должны быть окна, висели гардины. Он проверил оборудование кухни. Все работало. Плита сразу нагрелась, едва он включил конфорки; вода из крана текла; когда он открыл холодильник, в лицо ему дохнуло морозом. В обеих ванн-ных краны тоже работали, и унитазы ополаскивались.

Все было в идеальном порядке. Но почему кто-то построил идеальный дом без окон? Кому это нужно? Забыл, что ли?

И вообще, кто его строил?

Строил ли его кто-нибудь вообще?

А что если пришельцы...

При этой мысли он похолодел, дыхание перехватило.

Если это пришельцы — все становится на свои места. Ни один человек не стал бы строить два дома посреди дремучего леса. Да это и невозможно практически.

Но пришельцы? Зачем пришельцам строить дома? Или учиться строить дома? Ведь было совершенно ясно, что дома странные, что их строил кто-то такой, кто не вполне знает, как это делается. Наверное, тот кривой дом был первой попыткой. Этот, где он находится сейчас, — уже вторая. Здесь все гораздо лучше получилось, только что окон нет.

Он стоял посреди кухни, потрясенный, боясь поверить, все еще сомневаясь. Действительно, единственный разумный ответ состоял в том — как бы ни трудно было принять его, — единственное объяснение состояло в том, что домики сделали пришельцы. Но отсюда следовал другой вопрос, на который ответить было еще труднее. Зачем пришельцам строить дома?

Он на ощупь пробрался через гостиную в холл и вышел наружу. На поляну легли длинные тени. Верхушки сосен, словно зубья пилы, врезались в багровое вечернее солнце. Нортон поежился от подступившего холода.

Он провел ладонью по стене — ощущение было неожиданное. Присмотревшись, он увидел, что это не сруб: тут не было отдельных брусьев, вся стена казалась единым, монолитным куском, словно из пластмассы.

Он начал медленно отходить от дома, не отворачиваясь от него. Внешне, если не считать отсутствия окон, дом был в полном порядке. Это была почти точная копия тех домов, каких полно в любом пригороде.

Он внимательно рассматривал дом от крыши до фундамента — фундамента не было. С самого начала он этого не заметил; никакого фундамента вовсе не было. Дом висел над землей на высоте в полфута.

«Висит, — сказал себе Нортон. — Висит, в точности как пришельцы. Теперь уже не осталось никаких сомнений в происхождении этих домов».

Он зашел за угол дома. Вон они стоят, пришельцы, словно группа затемненных зданий на центральной пло-

щади какого-то футуристического города; нижняя часть погрузилась в сумеречную тень леса, верхняя освещена слабеющими лучами заходящего солнца.

И от них приближался еще один дом, паря примерно в футе над землей, призрачно белея в наступавших сумерках.

Нортон испуганно подался назад, готовый броситься бежать. Дом подплыл и остановился, словно подыскивая место для себя. Потом медленно, величественно придвинулся к двум уже стоящим и замер. Теперь они, все три, стояли в ряд; чуть ближе друг к другу, чем на обычной улице, но очень похоже на улицу.

Нортон медленно шагнул по направлению к третьему дому, и в этот момент в нем зажегся свет. Через окно он увидел внутри стол в столовой, уставленный посудой. Там было стекло и фарфор; и два подсвечника со свечами: подходи и зажигай. В гостиной мерцал экран телевизора, а напротив стояла тахта; по комнате расставлено множество стульев, а возле стены — антикварный шкаф с изящными фигурками под стеклом.

Изумленный, он хотел отвернуться — и в этот момент заметил тени на занавесках кухонного окна. Слово там кто-то двигался, словно кто-то собирал обед, чтобы отнести в столовую, к накрытому столу.

Вскрикнув от ужаса, он бросился бежать к реке, к своему каноэ.

Глава 49

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Когда Портер позвонил, дверь открыла Элис. Она схватила его за руку, втащила внутрь и закрыла за ним.

— Я знаю, — сказал он, — что время совсем не подходящее, и мне некогда, но мне очень хотелось тебя увидеть, а увидеть сенатора я просто обязан.

— Папа уже и стаканы наполнил, — сообщила Элис. — Он тебя ждет. Дрожит от нетерпения, хочет узнать, что тебя заставило выскочить к нам посреди ночи. Ты ведь, наверное, по горло в делах государственной важности.

— Дел на самом деле много, — ответил Портер. — Разговоров много. А что из этого получается, честно говоря, не знаю. Ты слышала о моратории на деловую деятельность?

— В последних новостях по телевизору. Папа возмущен.

Но сенатор, когда он вошел к нему в комнату, вовсе не казался возмущенным и встретил его весело и радужно, протянул стакан и сказал:

— Вот видите, молодой человек, мне даже спрашивать не надо. Я уже успел изучить ваши вкусы относительно выпивки.

— Благодарю вас, сенатор. Это мне сейчас очень кстати, — сказал Портер, принимая стакан.

— У тебя было время поужинать? — спросила Элис. Он посмотрел на нее, словно удивился вопросу.

— Ну так как же? Ужинал?

— Ты знаешь, забыл, — сказал Портер. — Мне было не до того. Из кухни что-то приносили наверх, но в тот момент я был занят с прессой, а когда вернулся, все уже съели.

— Так я и думала, — вздохнула Элис. — Как только ты позвонил, я сразу сэндвичей приготовила и кофе сварила. Сейчас что-нибудь принесу.

— Садись, Дейв, — сказал сенатор. — Сядь и расскажи, что у тебя на душе. Неужели я чем-то могу помочь Белому дому?

— Вероятно, можете, — сказал Портер. — Но это вам решать. Заставлять вас никто не намерен. Захотите или нет — вам решать, это дело вашей совести.

— Вам, наверное, нелегко пришлось, — предположил сенатор. — Да и сейчас несладко. Не скажу, что согласен с президентским мораторием, но что-то делать надо, я понимаю.

— Мы не очень представляли себе, какова может быть мгновенная реакция, и побаивались ее, — сказал Портер. — Эта передышка даст здравомыслящим людям время подумать, чтобы не впадать в панику.

— Доллар полетит к чертям на всех иностранных биржах, — произнес сенатор. — К завтрашнему вечеру он может превратиться в бумажку, что бы мы тут ни предпринимали.

— С этим мы ничего поделать не можем, — сказал Портер. — Но если у нас будет шанс выиграть пару раундов здесь, дома, то доллар снова пойдет вверх. Так что настоящая опасность не на заморских биржах, а у нас: Конгресс, пресса и общественное мнение.

— И вы хотите с ними управиться, — добавил сенатор. — По-моему, здесь годится только один способ. Не отступать. Не поддаваться.

— А мы и не собираемся, — упрямо сказал Портер. — Мы не намерены жалеть, что неправильно себя вели. И никаких извинений не будет.

— Это мне нравится, — кивнул сенатор. — Я могу не одобрять многое из того, что у вас происходит, но такое проявление мужества — это хорошо. В том по-

ложении, в котором мы очутились, правительству нужна крепкая сердцевина.

Элис принесла тарелку с сэндвичами и чашку кофе, поставила их на стол перед Портером.

— Ешь. Даже не пытайся разговаривать. Разговорами займемся мы с папой. Их у нас много.

— Особенно у моей дочери, — уточнил сенатор. — Из нее так и сыплется. Для нее подобное положение дел вовсе не бедствие, не то что для нас. Ей кажется, что в этом шанс для нового начала. Вряд ли надо говорить, что я с ней совершенно не согласен.

— Ты ошибаешься, — сказала она отцу. — А ты, — обратилась она к Портеру, — наверное, думаешь так же? Вы оба ошибаетесь! Быть может, это самое лучшее из всего, что когда-либо случалось с нами. Это может нас встряхнуть. Влить струю здравого смысла в наше национальное сознание. Избавить нас от технологического синдрома, который управляет нашей жизнью вот уже больше ста лет. Покажет нам, что наша экономическая система слишком чувствительна, слишком неустойчива, потому что основана на фундаменте, который с самого начала никуда не годился. Что есть и другие ценности, кроме бесперебойной работы машин...

— Ну, допустим, это нас перевернет, — перебил сенатор, — допустим, освободит от того, что ты называешь тиранией технологии, даст тебе шанс нового начала — и что ты будешь делать с этим шансом?

— Мы бы перестали быть крысами, — сказала она. — Ведь социально и экономически мы крысы, крысиная раса. И стали бы людьми и смогли бы работать ради общих целей. Мы бы положили конец бешеной конкуренции, которая нас убивает. Без возможности персонального успеха, к которому толкает наша технология и построенная на ней экономическая система, нет повода резать другому глотку, чтобы продвинуться самому. Вот что сейчас делает наш президент, вводя мораторий, хотя сам, быть может, и не знает об этом. Он дает деловому миру и вообще всем людям страны передышку, за время которой можно нащупать дорогу назад к здравому смыслу. Хоть шаг назад к здравому смыслу. А если бы времени было побольше...

— Давай отложим этот спор, — перебил ее сенатор. — Мы все обсудим как-нибудь попозже. Я тебе все объясню.

— Со своим обычным помпезным изяществом, да? Со всегдашней убежденностью в собственной правоте...

— Дейв должен возвращаться, — сказал сенатор. — Он нужен в Белом доме. И у него какой-то груз на душе.

— Извини, дорогой, — обратилась она к Портеру. — Мне не надо было вмешиваться. Мне можно услышать то, что ты собираешься сказать сенатору?

— Ты никогда не мешаешь. — Портер прикончил второй сандвич. — И, конечно, я хотел бы, чтобы ты услышала, что я скажу сенатору. Только ты возненавидишь меня за это. Не надо, ладно? Я буду говорить откровенно. Белый дом хочет использовать сенатора.

— Звучит как-то гнусно, — поморщился сенатор. — Мне не хочется, чтобы меня использовали, хотя это, конечно, составная часть политики: чтобы ты других использовал, и чтобы использовали тебя. Ну а конкретно?

— Мы продержимся, — сказал Портер, — во всяком случае думаем, что продержимся, если нам удастся хоть на время избавиться от Холма. Время — единственное, что нам нужно. И не так уж много — всего несколько дней.

— У вас же там свои люди, — удивился сенатор. — С какой стати вы пришли ко мне? Вы же знаете, что я не очень расположен к вам.

— Наши люди сделают, что смогут, — сказал Портер. — Но как раз это дело им поручить нельзя. Если оно будет связано с ними, то станет припахивать грязной политикой. Если вы возьметесь — не станет.

— А скажите на милость, с какой стати я должен вам помогать? Я сопротивлялся почти всем законопроектам, какие вы вносили в сенат. Бывали времена, когда Белый дом говорил обо мне в очень неприятных тонах. Я просто не вижу, какие у нас могут быть общие интересы.

— Надо думать об интересах страны, — сказал Портер. — Один из результатов сегодняшнего происшествия будет состоять в том, что на нас снова надавят, еще сильнее, чем прежде, требуя, чтобы мы обратились за помощью со стороны. На том основании, что ситуация касается не только нас, что она международная, что все прочие государства должны быть привлечены и должны работать вместе с нами. ООН кричит об этом с самого начала...

— Я знаю, — сказал сенатор. — И не согласен с ООН. Это не их собачье дело.

— У нас слишком много поставлено на карту, — продолжал Портер, — чтобы позволить этому произойти. Я должен затронуть тему сугубо конфиденциальную, совершенно секретную. Вы хотите это услышать?

— Не уверен. А почему вы хотите, чтобы я услышал?

— Нам нужно, чтобы пошел слух.

— По-моему, это низко, — вмешалась Элис.

— Я не стал бы реагировать так резко, как моя дочь, — сказал сенатор, — но ощущение у меня примерно такое же. Правда, тебя лично я не обвиняю, Дейв. Вероятно, ты говоришь не от своего имени.

— Вы же знаете, что это действительно так, — согласился Портер. — Во всяком случае, не только от своего. Хотя я бы...

— Так вы хотите сообщить мне что-то такое, что я потом должен распространить, верно? Вы полагаете, что я смогу организовать как раз такую утечку информации, какая вам нужна: в нужных местах и нужным людям, чтобы от нее было как можно больше пользы. Не так ли?

— Ну, вы это изложили несколько грубовато... — начал Портер.

— Дейв, весь наш разговор в принципе грубоват.

— Я не имею ничего против слов, к которым вы прибегли, — сказал Портер. — Я не хочу их смягчать и не хотел бы, чтобы вы смягчали. Если вы скажете «нет» — я поднимусь и уйду. Ни спорить, ни убеждать не стану. И потом не буду иметь никаких претензий к вам. Мне было специально поручено не настаивать, не требовать от вас каких-либо действий. У нас нет никаких возможностей давить на вас, а если бы и были — к ним не стали бы прибегать.

— Папа, — сказала Элис, — хоть это и низко, но он очень честен с тобой. Он разыгрывает свою грязную политику очень откровенно.

— Пару дней назад мы говорили о преимуществах, которые могли бы дать нам пришельцы. Меня увлекла тогда идея гравитационного контроля. Я сказал, что если бы мы могли овладеть им...

Портер покачал головой.

— Нет, сенатор, дело не в этом. Я не хочу вводить вас в заблуждение. Я хочу быть с вами совершенно

честным. Я уже сказал, что мы хотим использовать вас для утечки информации. Чтобы вы нечаянно обронили словечко на Холме определенным людям. Случайное словечко — и все...

— Ты называешь это случайным словечком?

— Именно так, сенатор. И все. Чтобы слышали два-три человека — разумеется, не кто попало. Называть имена мы не хотим. Вы сами знаете, кого выбрать.

— Пожалуй, знаю, — согласился сенатор. — Вам не надо ничего мне говорить. Но ответь мне на один вопрос.

— Да, конечно.

— Был эксперимент с оружием?

— Был. Результаты засекречены.

— Значит, нам надо сохранить контроль над пришельцами.

— Я полагаю, сэр.

— Ну что ж, — сказал сенатор. — По здравом размышлении мне кажется, что совесть у меня вполне чиста. И задача моя совершенно ясна. Ты мне, естественно, ничего не говорил. Просто проговорился нечаянно, я даже и внимания не обратил поначалу.

Глава 50

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

В одном доме, за завтраком, шел такой разговор:

— Слушай, Герб, я ведь всегда тебе говорила, что пришельцы могут что-нибудь хорошее сделать. Я тебе всегда говорила, а ты не соглашался. А вот теперь они будут нам бесплатные машины давать!

— Бесплатного ничего не бывает. В нашем мире ничего не бывает бесплатно. Так или иначе — все равно придется платить.

— Но в газете так написано!

— Ничего не знает твоя газета. Она так только думает. В статье написано, что, может быть, это так. Может быть... И я не стану рассчитывать ни на какую бесплатную машину, пока не увижу, что она стоит под окном.

— И бензин ей не нужен... Даже дорога не нужна. Можешь летать на ней, если захочешь.

— Там обязательно будут какие-нибудь недоделки. Подожди, увидишь. Во всех новых моделях всегда так бывает. А тут еще летать... Только попробуй — шею свернешь.

— Ты никогда ничему не веришь. Ничему хорошему. Ты просто циник. Ты веришь только плохому. А в газете написано, что пришельцы делают это из благодарности.

— Но скажи, Лиза, что я такого сделал для пришельцев? С какой стати они должны быть мне благодарны? Я ради них и пальцем не пошевелил.

— Они не тебе благодарны, Герб. Не тебе лично. Да если бы ты вдруг кому-нибудь помог — тот бы от изумления сразу околочурился. Никто и не ждет от тебя никакой помощи. От тебя дождешься... Легче подохнуть... Пришельцы благодарны всем нам. Потому что мы живем на этой планете, просто потому, что мы здесь. Они хотят что-нибудь сделать для нас. Не для тебя, а для всех людей.

...А на улице негритянского квартала был разговор таким:

— Эй, послушай, ты слышал про машины?

— Какие машины?

— Те, что пришельцы собираются нам раздать.

— Никто никаких машин нам раздавать не собирается.

— А в газете написано.

— Это не про нас, друг. Быть может, кому другому они и достанутся. А нам ни фига. Нас, как всегда, надуют.

— А вдруг на сей раз получится? Эти-то, пришельцы, они же другой народ. Может, они нас облапошивать не станут.

— Послушай, дорогой, выкинь это из головы. Нас всегда облапошивают.

...В Детройте, в семье сборщика автомобилей:

— Джо, ты думаешь, это правда? Я про машины...

— Не знаю. Откуда мне знать? Так в газете написано, но она может и ошибаться.

— Ну а если не ошиблась? Что если машины на самом деле появятся?

— Боже мой, Джейн, ну откуда мне знать?!

— Да ты же работу потеряешь. Масса людей работу потеряет. Форд и Крайслер, и другие компании не смогут работать, если появятся бесплатные машины.

— Да может, машины-пришельцы никуда не годятся. Чуть проедут и остановятся, а уж если остановятся, то их и с места не сдвинешь. Как ты их чинить станешь? Скорее всего, это просто треп, рекламная выдумка. Сомневаюсь, чтобы их делали пришельцы. Их кто-то другой мастерит, а ребята из рекламы состряпали эту историю, чтобы привлечь внимание. Иногда рекламную

братию так заносит... Быть может, это как раз такой случай.

— Тебе нельзя терять работу, Джо. Мы не можем себе этого позволить. Надо платить за дом, за машину, и ребятишкам нужна одежда на зиму...

— Да не расстраивайся ты так, Джейн. Сколько уже было модных иностранных машин, а конвейер все крутится.

— Но они не иностранные. И к тому же бесплатные.

— Ничего бесплатного не бывает, — сказал Джо.

...На биржах, в банках, в деловых конторах царил паника. На иностранных валютных рынках доллар заметно упал в цене. Правительства Англии и Франции проводили срочные консультации. Западная Германия официально призвала страны мира оказать Соединенным Штатам общую поддержку. Что происходило за стенами Кремля — было неизвестно; иностранные корреспонденты, даже те, кто проработал в Москве уже много лет, не имели ни малейшего понятия, что там происходит.

...На Капитолийском холме в Вашингтоне, среди всеобщей сумятицы, начало формироваться мнение, что следует провести закон, который запрещал бы гражданам страны принимать какие-либо подарки от внеземных субъектов. И расходились слухи.

— Что вы знаете о слухах по поводу какого-то эксперимента? — спросил сенатор Нокс сенатора Дэйвенпорта, когда они встретились за пределами палаты. — Как будто военные стреляли в пришельца...

— Очень мало, — ответил Дэйвенпорт. — До меня тоже только слухи дошли.

— Интересно, каким образом информация просочилась? — сказал Нокс. — Такие вещи должны быть строго секретными.

— Быть может, за этим ничего и нет, — предположил Дэйвенпорт.

— Мне что-то трудно поверить, — возразил Нокс. — Скорее, эксперимент на самом деле проводился. Я начинаю склоняться к мысли, что нам следует поддерживать правительство в вопросе о пришельцах. Независимо от того, что в других вопросах мы его не поддерживаем. Если мы хоть что-то от пришельцев получили...

— Пожалуй, вы правы, — сказал Дэйвенпорт. — Мне тоже кажется, что надо поддержать. Хотя я и не уверен, что слухам можно доверять.

— Но если есть хоть малейшая вероятность, что они не безосновательны, — сказал Нокс, — этого достаточно, чтобы сделать все, что в наших силах. Нельзя подводить страну, когда речь идет о национальной безопасности.

...А на маленькой речке в дремучих лесах Миннесоты Фрэнк Нортон изо всех сил гнал свое каноэ. Он торопился к мосту, возле которого оставил машину.

Глава 51

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

— Мистер Конклин, вы рассказали нам невероятную историю, — сказал советник по науке.

— Я пришел сюда с этой историей не по своей воле, — ответил Джерри. — Если бы не Кэти и не Гаррисон из «Трибьюн», я бы отказался. Они убедили меня, что приехать к вам — мой гражданский долг. Потому я приехал и рассказал все, что мог, а верите вы мне или нет — ваше дело.

— Мистер Конклин, — сказал президент, — никто из присутствующих не проявил к вам недоверия. Что до меня, я готов поверить всему, каждому вашему слову.

— Я хотел бы заметить, что история гораздо больше, чем просто невероятная, — сказал Портер. — По-моему, доктор Аллен, вы чрезвычайно неудачно выбрали слово. То, что рассказал нам мистер Конклин, объясняет, каким образом он смог попасть именно в то место, где пришельцы делают автомобили. Никто другой этого не знал и рассказать ему не мог. Та старая речная крыса знала, что пришельцы приземлились на Гусином острове, но он не знал, что они там делают. И ни за какие деньги не согласился бы пойти туда и разузнать. Он их боится до смерти.

— Я не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, будто я вам не верю, — сказал Аллен Конклин.

— Но мне показалось, что не верите, — ответил Джерри.

— Вы знаете, молодой человек, — обратился к Джерри Уайтсайд, — я бы сказал, нужна изрядная смелость, чтобы вот так сидеть и рассказывать, как вы нам. Вы собирались держать язык за зубами, и я вас очень хорошо понимаю. Думаю, я на вашем месте вел бы себя так же.

— Самое главное, о чем он нам рассказал, — заговорил президент, — возможность какого-то контакта с пришельцами. Коммуникация возможна, но это односторонний разговор, и на условиях пришельца. Пришелец — когда у него возникает необходимость — может говорить с нами. Мы с ним заговорить не можем.

— Я просил «сто первого» что-нибудь мне сказать, — возразил Джерри. — И, по-видимому, он меня понял.

— А вы не пробовали говорить с ним и дальше? — спросил президент.

— Конечно, пробовал, сэр. Я спрашивал, почему он показал мне, куда идти, что я там найду, почему он хочет, чтобы я туда пошел...

— И он вам не ответил?

— Не только не ответил, но еще и выкинул меня. Правда, на этот раз не так грубо, как в первый, когда я упал на дерево. На сей раз он опустил меня на землю достаточно мягко.

— Наверное, на этот раз он хотел быть уверен, что вы сможете пойти туда, куда он вас послал.

— Вероятно, так, господин президент, — сказал Джерри, — но я думаю, что здесь есть и другая причина. В первый раз я был просто чуждым организмом, одним из многих, с которыми он хотел ознакомиться. Во второй раз я был — чуть было не сказал «другом», но это, конечно, не так. Скорее, знакомым, что ли. Он меня уже знал. И мог использовать.

— И сможет использовать в будущем.

— В этом я не уверен. Твердо могу вам сказать — я не намерен еще раз охотиться за «сто первым».

— А если мы вас попросим?

— А на кой черт это нужно? — вмешался Уайтсайд. — Он же нам рассказал, как обстоят дела. Мы пришельца ни о чем не спрашиваем, он сам нам говорит,

что хочет. При таких условиях разговора получиться не может. Он говорит с нами — если это можно назвать разговором, — а мы с ним вообще не говорим.

— Рассказывали, — сказал президент, — что и других людей пришельцы поднимали к себе.

— Я думаю, эти рассказы можно в расчет не принимать, — возразил Аллен. — Уже много лет ходят легенды о людях, которые побывали на НЛО. Насколько мы можем судить, в основном это было связано с различными культами, и все служило саморекламе. То, что им говорили на НЛО, — по их словам, — такая немыслимая, невообразимая чепуха, настолько пропитано сугубо человеческим мышлением — хоть и не здоровым, но совершенно человеческим, — что сразу становится ясно, что все это выдумка. При действительном контакте с внеземным разумом результат не может быть ориентирован только на людей. Концепции такого разговора — если не все, то многие — должны ставить нас в тупик. Это еще недостаточно сильное слово. Значительную часть услышанного мы должны просто не понимать.

— Так вы полагаете, что все нынешние рассказы о контактах с пришельцами либо религиозные фантазии, либо откровенная ложь? — спросил Портер.

— Определенно, — подтвердил Аллен. — Я уверен, что мистер Конклин — единственный, кого на самом деле брали внутрь. То, что он нам рассказывает, вполне соответствует нашим представлениям о таких контактах. — Он повернулся к Джерри. — Слов не было, не так ли? Я понял, что слов не было.

— Совершенно верно, — сказал Джерри. — Только картины в мозгу. Иногда отдельные мысли. Но я не могу сказать, чьи они были: мои или чьи-то еще.

— Ну хорошо. Предположим, что вы снова пошли к «сто первому». Вы сказали, что не пойдете, и я не думаю, что пойдете, — но предположим. Как вы полагаете, он стал бы брать вас к себе снова?

— Только в том случае, если бы ему было что мне сказать. Только если бы у него была работа для меня.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я очень четко ощущаю, что он меня использовал.

— Но мисс Фостер рассказывала о рукопожатии со «сто первым».

— Это было больше, чем рукопожатие, — сказала Кэти. — Более интимно. Скорее, поцелуй. В тот момент я не поняла, что это было. Я сразу подумала о рукопожатии, потому что так это было проще описать. Рукопожатие благодарности, признательности, быть может, одобрения... Чтобы дать мне почувствовать, что она знает о моем существовании, знает, что я присутствую там... Но теперь я считаю, что это было нечто большее. Я уверена, что это был знак настоящей любви. И мое впечатление усилилось, когда они стали делать машины. Они не хвастаются. Не стараются напугать нас, произвести на нас впечатление... Не угрожают демонстрацией своей мощи. И даже не платят нам за то, что мы позволили им есть деревья. Это проявление их глубокой любви к нам. Ну, вроде Деда Мороза. Вроде того, как мы делаем подарок ко дню рождения близкому другу. Как молодой человек покупает розы своей девушке.

— Вы произнесли прекрасную речь в их защиту, — сказал президент. — Но если так будет продолжаться, они нас погубят.

— Но, господин президент, ведь покупают же любящие матери конфеты своим детишкам, не зная, что конфеты портят зубы. Им не сказали — они и не знают. И с пришельцами то же самое. Это только незнание, ничего больше. Они стараются нас порадовать, не представляя себе, чего это нам будет стоить.

— Быть может, вы и правы, мисс, — промолвил Уайтсайд. — Но они меня путают. Я по-прежнему думаю, что если хорошо разместить несколько...

— Генри, — резко одернул его президент, — не здесь, пожалуйста. Позже, если вы настаиваете, мы поговорим об этом, но не здесь, не сейчас.

— Давайте вернемся к вопросу о контакте, — продолжил Аллен. — По-видимому, чтобы говорить с человеком, пришелец должен поднять его к себе. Мистер Конклин, можете вы себе представить какой-либо способ, чтобы побудить пришельца поднять к себе меня или, скажем, президента?

— Они не станут вас поднимать, — ответил Джерри. — Они просто проигнорируют вас. Что бы вы ни делали, они не обратят на вас внимания.

— Боюсь, что вы правы, — сказал Аллен. — Это у них очень хорошо получается. Они нас игнорируют с

самого первого дня. Я не раз пытался представить себе, как они нас воспринимают. Иногда мне кажется, что мы для них не то симпатичные зверюшки, не то маленькие несчастные создания, с которыми надо быть поосторожнее и не наступить ненароком. Но на самом деле, вероятно, и то, и другое неверно. Мисс Фостер, очевидно, думает, что они нас очень любят. В конце концов, мы позволили им опуститься на планету, где есть целлюлоза, спасающая их от полного исчезновения. Целлюлоза позволила им иметь потомство, а без потомства их раса в конечном итоге должна была вымереть. Если предположить, что они обладают человеческими эмоциями, — в чем я сомневаюсь, — то они должны испытывать признательность. При всем моем уважении к мнению мисс Фостер мне не кажется, что они так уж благодарны. Дело в том, что у нас нет возможности помешать им съедать деревья. Я склонен думать, что ими движет не признательность, а непреодолимая деловая этика, хотя они могут и не считать ее таковой. Я знаю, что изложил свое мнение очень неуклюже. Мне кажется, они одержимы потребностью честно и сполна платить за все, что взяли. Мне кажется, именно так они и делают.

— Так к чему же мы пришли? — задумался президент. — По-видимому, существует объективная вероятность, что со временем мы смогли бы заговорить с нашими пришельцами. Но, очевидно, это потребует много времени, очень много, и гораздо больше терпения, чем у нас есть сейчас. Единственное, чего нам не хватает, — время. Что скажут остальные? По-вашему, это правильная оценка?

— Я подписываюсь, — сказал Уайтсайд. — В том-то и дело, что у нас нет времени. Все наше время вышло.

— Мы сможем это перенести, — сказал президент, словно разговаривая сам с собой. — Мы должны это перенести. Если больше ничего не произойдет, если не будет ничего, кроме автомобилей, то мы выкарабкаемся. Мне звонили сегодня несколько человек. Деловой мир нас поддержит, и даже Конгресс намерен сотрудничать с нами в гораздо большей степени, чем я предполагал. — Он повернулся к Портеру. — Из того, что я слышал, можно заключить, что ты разговаривал с Дэйвенпортом. Верно?

— Разговаривал, — ответил Портер. — Дружеский обмен мнениями.

— Ну что ж, — сказал президент. — Кажется, все. Разве что, — он повернулся к Кэти и Джерри, — вы захотите что-нибудь добавить.

— Ничего, господин президент, — сказал Джерри. Кэти покачала головой в знак согласия.

— Мы вам благодарны за то, что приехали к нам, — сказал президент. — Вы нам очень помогли. Теперь проблемы, стоящие перед нами, стали гораздо яснее. Вы можете быть уверены, что все рассказанное вами останется внутри этих стен.

— Я вам очень признателен, — сказал Джерри.

— Самолет ждет вас. Вас отвезут на аэродром в любое время, как только захотите. Если вам захочется побыть в Вашингтоне день-два...

— Господин президент, нам надо возвращаться, — сказала Кэти. — У меня работа, у Джерри диссертация.

Глава 52

МИННЕАПОЛИС

— У нас тут словно на поминках, — сказал Гоулд. — Мы тонем в новостях чрезвычайного значения. Весь чертов мир летит в тартарары. Доллар уже почти ничего не стоит. Иностранные правительства вопят о катастрофе. Дипломаты молчат как рыбы. Весь деловой мир побледнел от ужаса. Ведь это наша пища, хлеб наш насущный — где же радость газетчиков, переполненных новостями, где ликование?..

— Слушай, ты бы заткнулся, — попросил Гаррисон.

— Белый дом выражает уверенность, — не унимался Гоулд. — Говорит, что мы выдержим. Молодцы ребята! Отличный образец художественного свиста...

Гаррисон повернулся к Энни.

— Ты имеешь какое-нибудь представление, когда могут появиться Кэти и Джерри?

— Через пару часов. Они, наверное, как раз сейчас вылетают. Но у Кэти ничего для нас не будет. Она звонила и сказала, что никакого материала не привезет.

— Так я и думал, — вздохнул Гаррисон. — Все равно, конечно, надеялся...

— Ты кровопийца, — сказал ему Гоулд. — Ты высасываешь своих людей до последней капли.

— Все выходит не так, как надо, — сказала Энни.

— Ты о чем? — спросил Гаррисон.

— О пришельцах. Все совсем не так, как в кино.

— Да. В кино все получается как надо. И главное — вовремя. Когда все потеряли всякую надежду, и кажется, что никаких шансов уже не осталось. А ты не думаешь, что теперь как раз вовремя...

— На это не надейся, — перебил его Гоулд.

— Посмотри, — сказал Гаррисон, — это реальность. Это все действительно происходит. Это не какая-нибудь фантазия, сочиненная каким-нибудь дураком продюсером, в глубине души уверенным, что счастье свято...

— Хотя бы они с нами заговорили! — сказала Энни.

— Хотя бы они улетели ко всем чертям! — возразил Гоулд.

Зазвонил телефон.

Энни взяла трубку, послушала пару секунд и положила ее на стол.

— Это Лоун-Пайн, мистер Нортона. На третьем проводе. Он говорит что-то странное. Что-то у них там не в порядке.

Гаррисон схватил трубку.

— Фрэнк, что у вас там? Что случилось?

Голос Нортона был почти неузнаваем:

— Джонни, я только что вернулся из похода. И увидел газеты на столе. Неужели это правда? Про автомобили?

— Боюсь, что правда, Фрэнк. Но ты не отчаивайся. Что тебя так взволновало?

— Джонни, там не только автомобили.

— Не только? Что ты имеешь в виду?

— Они делают дома. Учатся делать дома. Пробуют.

— Ты имеешь в виду дома, в которых могут жить люди?

— Именно. Вроде того, в каком живешь ты. В каких живет масса людей.

— Где они этим занимаются?

— В заповеднике. Посреди леса. Спрятались — решили, наверное, что там их никто не увидит.

— Слушай, Фрэнк, переведи дух и расскажи с самого начала. Все, что видел.

— Хорошо, — сказал Нортона. — Так вот: я пошел на каноэ вверх по реке...

Гаррисон внимательно слушал. Гоулд неподвижно сидел напротив и не сводил с него глаз. Энни достала из ящика стола пилку и принялась шлифовать ногти. Так продолжалось некоторое время, потом Гаррисон сказал:

— Постой, Фрэнк. Это слишком хороший материал, чтобы его мог написать кто-нибудь другой с твоих слов. Там все слишком личное. Я бы хотел, чтобы ты сам его написал для нас. С очень личной точки зрения, точь-в-точь как ты мне сейчас рассказывал. От первого лица — от начала до конца. Я видел, я сделал, я подумал. Можешь ты это сделать? Хочешь ты это сделать? И как твоя собственная газета?

— Моя газета выйдет не раньше, чем через три дня, — сказал Нортон. — Да черт с ней, я могу и пропустить неделю. Меня тут не было, так объявлений и не набралось. У меня есть еще пара банок фасоли на полке, так что если и пропущу неделю — с голоду не умру.

— Тогда садись и пиши, — сказал Гаррисон. — Три или четыре колонки. Если не хватит — пиши больше, сколько надо. Как только закончишь — хватай трубку и звони в редакцию репортажа. Продиктуешь свой материал. У меня тут есть люди, которые смогут записать стенографически. И вот еще, Фрэнк...

— Да?

— Ты не стесняйся. Расправь крылья!

— Но, Джонни, я тебе не все сказал. Я подходил к ним поближе. Понимаешь, в последнем доме, в котором горел свет и вся обстановка...

— Ну? Что с этим домом?

— Понимаешь, дом только что подъехал. Пришельцы его только-только закончили. Но когда я посмотрел на него, увидел тени на кухне. И тени двигались. Понимаешь, так, будто кто-то ходит по кухне и готовит обед. Я клянусь тебе, Джонни, на кухне были люди! Боже мой, неужели они и людей делают?

Глава 53

ДЕ СОТО, ВИСКОНСИН

Пятьсот с лишним миль — кусок порядочный. А уж если боишься поддать газу своей развалюхе, если она дребезжит и скрипит, чихает и кашляет, и каждый ее хрип может оказаться последним — тем более. Человек из Южной Дакоты, проделавший как раз такой путь, добрался наконец до городка Де Сото, зажатого между нагорьем и рекой. Он попытался найти место, где поставить машину, но во всем городе его не оказалось. Единственная длинная улица была сплошь забита автомобилями и людьми, вокруг толчея, беготня, ругань... И у него возникло ужасное подозрение, что все эти люди тоже приехали сюда за новыми машинами.

В конце концов ему удалось выбраться на какую-то грувированную дорогу, уходившую за город, на восток, вверх по узкой долине. Здесь тоже стояло немало машин: пришлось проехать не меньше полумили от последнего дома на окраине городка, пока он не нашел место, чтобы припарковаться. Он вылез из машины и потянулся, пытаясь расслабить болевшие мышцы. Не только мышцы болели — он устал до полусмерти, до полного изнеможения. И есть хотелось страшно, и спать... Но это все потом. Прежде всего он должен получить свою машину. Когда будет машина — можно будет позволить себе и поспать, и поесть.

Но что надо делать, чтобы получить машину, он не имел ни малейшего представления. Все, что он знал, — что на реке неподалеку от городка находится какой-то остров, на котором есть машины. «Наверное, — подумал он, — надо было ехать в Дикс-Лэндинг в Айове». Но на карте дороги, ведущие туда, показались слишком ненадежными. Потому он и решил, что проще будет добраться до этого городка в Висконсине, лежащего прямо напротив Дикс-Лэндинга. Он знал, что надо как-то перебраться через реку, чтобы попасть на остров. Быть может, удастся нанять лодку? Он размышлял, сколько может стоить такое удовольствие, и надеялся, что сумма будет не слишком астрономической. Денег у него было не много. Впрочем, он ведь может и переплыть реку... Хотя теперь он в этом сомневался. Он был отменным пловцом, но сейчас, по дороге, посмотрелся на Миссисипи. Очень широкая река, и течение сильное.

Он плелся по дороге, обходя рытвины; под ногами хрустел сыпучий гравий. Впереди шли еще несколько человек, но он не старался их догнать, не пытался поравняться с ними, потому что, с тех пор как попал сюда, чувствовал странное замешательство. Быть может, не стоило сюда приезжать? Но когда он собирался, идея казалась безупречной. Господь свидетель, машина нужна ему позарез, а это единственный способ ее приобрести. Ему ни на мгновение не пришла в голову мысль, что и другие могут помчаться сюда с теми же намерениями. Он, конечно, не знал, но ему казалось, что так оно и есть, что все эти люди в городе именно с тем сюда и приехали. Правда, оставалось единственное утешение: машин должно быть много. По телевизору рассказывали, что когда пришельцев с автомобилями обнаружили, они уже успели понаделать больше сотни. Вполне разумно было предположить, что после того сообщения они продолжали делать машины, так что теперь их должно быть гораздо больше сотни. Может, уже штук двести. А может, и еще больше... Правда, в городке народу много, но все равно, если там стоят и ждут больше двухсот машин, то должно хватить и ему. Самая большая проблема — перебраться через реку, но, когда придет время, он что-нибудь придумает.

Он дошел до окраины городка и потащился дальше, к деловому кварталу, выходившему на реку. Быть может, там он найдет кого-нибудь, кто скажет ему, что

делать. К этому времени должны уже были разработать какую-то процедуру получения машин.

На тротуаре перед баром стояла кучка людей, и он подошел к ним. Рядом, на проезжей части улицы стояли три пустые машины дорожной полиции. А на железно-дорожной насыпи, проходящей вдоль берега, толпились люди. Они стояли, повернувшись спиной к городу, словно рассматривали что-то на реке.

Извинившись, дакотец тронул за рукав одного из стоявших на тротуаре.

— Авария была, что ли? — спросил он, показав на патрульные машины.

— Не было никакой аварии, — ответил тот. — То есть утром была, но в последние несколько часов ничего не было.

— Ну а чего ж тогда полиция здесь делает?

— Ты, наверное, только что подъехал? — спросил местный.

— Это верно. Из Южной Dakоты. Рэпид-Сити знаешь? Ну, я не совсем из Рэпид-Сити — наш городок поблизости, чуть к востоку. Зараз всю дорогу проехал, остановился только бензина залить.

— Куда ж ты так торопишься?

— Знаешь, я хотел успеть сюда, пока машины не кончились.

— Ни одной еще не забрали. Они все там, на острове.

— Значит, успел.

— Куда успел?

— Успел. Значит, получу машину.

— Да ничего ты не получишь. И никто не получит. Видишь, прислали полицию штата — они реку перекрыли. Говорят, еще и гвардейцы появятся. Они на катерах реку патрулируют, чтобы ни сверху, ни снизу никто не подъехал.

— Но почему? По телевизору говорили...

— Что говорили по телевизору, мы знаем. И про газеты тоже знаем. Бесплатные машины каждому. Но через реку на остров ты не доберешься.

— А остров там?

— Где-то там. Я точно не знаю. Там островов полно.

— Но что случилось? Почему полиция...

— Банда каких-то идиотов залезла в лодку. Набилась больше, чем лодка могла вместить, а они все лезли.

А лодка-то возьми да перевернись посреди реки... Так идиоты проклятые почти все и потопли.

— Но кто-то же мог бы организовать переправу и...

— Вообще-то, конечно, могли бы, — сказал местный, — но только что ты тут ни делай — все без толку. Тут же ни одного нормального человека нет, все с ума посходили. Каждому вынь да положь новую машину. Нет, полиция правильно делает. К реке никого подпускать нельзя. Если бы не они, тут трупов было бы гораздо больше.

— А тебе машина не нужна?

— Конечно, нужна. Но сейчас никаких шансов нет ее получить. Может, попозже...

— А мне машина нужна сейчас, — сказал человек из Южной Дакоты. — Позарез нужна. Ведь я же на своем драндулете до дома не доеду.

Он перебежал через дорогу, поднялся на железнодорожную насыпь и, растолкав людей, пробрался сквозь толпу. Внезапно он остушился, упал — и покатился вниз. Почти у кромки воды он остановился. Открыв глаза, он увидел над собой огромного человека в полицейской форме.

— И куда же ты собрался, сынок? — участливо осведомился тот.

— Мне нужна машина, — сказал дакотец.

Полицейский покачал головой.

— Я умею плавать, — забормотал дакотец. — Я запросто переплыву эту реку. Дайте мне попробовать. Дайте мне...

Полицейский подхватил его и поставил на ноги.

— Слушай, сынок. Слушай внимательно. Я тебе дам уйти подобру-поздорову. Давай-ка, забирайся обратно наверх. Но если ты мне еще раз на глаза попадешься, я тебя в клетку запру.

Дакотец стал торопливо карабкаться на насыпь под беззлобные шутки толпы.

Глава 54

МИННЕАПОЛИС

— Насколько мы можем верить Нортону? — спросил Эл Лэтроп. — Он ведь не из наших сотрудников.

— Я за него ручаюсь, как за себя, — ответил Гаррисон. — Мы с Фрэнком давние друзья. Еще в школе вместе учились, и с тех пор не расставались надолго. Он прирожденный газетчик. И оттого, что забрался в Лоун-Пайн, он хуже не стал. Мы здесь работаем каждый по своей специальности: кто-то пишет, кто-то редактирует, кто-то верстает, кто-то материалы подбирает. У каждого своя задача. Фрэнк все делает сам. Каждую неделю он начинает с нуля. Он собирает новости, и достает рекламные объявления, и пишет, и редактирует, и верстает. Если нужна большая редакционная статья, то он ее сочиняет сам — и не только это...

— Не продолжай, Джонни, — прервал его Лэтроп. — Я только хотел узнать твое отношение к нему

— Если Фрэнк говорит, что видел, как пришельцы делают дома, значит, пришельцы делают дома. И его репортаж очень убедителен, в нем масса подробностей.

— Мне кажется невероятным, — произнес Лэтроп, — что у нас снова эксклюзивный материал. Получается два подряд. Только что были автомобили, а теперь дома — и снова мы.

— Как раз об этом я хотел с вами поговорить, — сказал Гаррисон. — Я думаю, прежде чем давать его в печать, нам надо поставить в известность Белый дом. Я

разговаривал с пресс-секретарем. Похоже, что он очень приличный человек. Я мог бы с ним связаться.

— То есть ты хочешь их предупредить? — испуганно спросил Лэтроп. — Рассказать им об этих домах? Но зачем, Джонни? Какого черта...

— Быть может, я ошибаюсь, — сказал Гаррисон, — но мне кажется, администрация сейчас в очень трудном положении и...

— Это им на пользу, — перебил Лэтроп. — Так им и надо, ублюдкам. Не в пришельцах дело — тут они вели себя вполне грамотно, — но почти во всем остальном они действовали заведомо неправильно, с тупостью и упрямством. Немного смирения пойдет им на пользу. Мне совсем не хочется их прикрывать.

Гаррисон помолчал минуту, подыскивая слова, потом сказал:

— Дело не в администрации, а в интересах страны. Белый дом настроен решительно: они намерены преодолеть кризис. Может быть, они в состоянии это сделать. То есть были в состоянии. Пока не появились дома; у них был какой-то шанс. Но дома их погубят. Автомобили — уже достаточно скверно, но дома...

— Понимаю, — перебил Лэтроп. — Ты имеешь в виду, что сначала рухнула автомобильная промышленность, а теперь рухнет и строительная. Доллар обесценится напрочь, финансы полетят окончательно, и так далее. Но мы все равно должны опубликовать этот материал. Даже если бы мы хотели его скрыть — а мы не хотим, — это нечто такое, что скрыть не удастся.

— Так ведь я не публикацию ставлю под вопрос, — возразил Гаррисон. — Разумеется, мы должны напечатать репортаж. Вопрос в другом: дадим ли мы правительству возможность подготовиться? Или бьем информацией меж глаз, внезапно? Ведь если они будут знать заранее, то, может быть, сумеют воспользоваться временем, чтобы как-то поменять свои установки; чтобы крепче стоять на ногах, когда все станет известно всем.

— Общая идея, — сказал Лэтроп, — состоит в том, что нам надо отказаться от монополии на пришельцев и привлечь к этому делу весь мир. Я не считаю ее правильной. В конце концов, на нас пришелся удар вторжения, мы больше всех пострадали. И если от вторжения могут возникнуть какие-то преимущества — они тоже должны принадлежать нам. Пришельцы сами нас вы-

брали, мы их не приглашали и не заманивали к себе. Почему они выбрали нас, не знаю. Я не знаю, почему они не сели где-нибудь в Европе или в Африке. Но ООН с самого начала вопит...

— Мне тоже было бы обидно, если бы пришлось вмешивать другие страны, — сказал Гаррисон. — Но как бы дело ни обернулось — я считаю, что мы должны дать правительству хотя бы несколько часов, чтобы они могли обдумать новую ситуацию. Они смогут сориентироваться, если их предупредить. Быть может, они ничего и не станут менять. Я не знаю. Да и не наше дело это решать. Наша проблема в другом. Мы постоянно говорим об ответственности в обращении с информацией. Мы считаем себя институтом, служащим интересам общества. Мы не делаем умышленно ничего такого, что может повредить системе нашего общества или разрушить ее. Мы постоянно твердим о том, что наша задача — искать правду и доносить ее до людей... Это совсем не так трудно, кстати, если только удастся установить, в чем же она состоит. Но существует нечто такое, что выходит за пределы голой правды, самой по себе. Это нечто — наша власть, наша сила... И мы обязаны использовать свою силу мудро и осмотрительно. Если бы мы придерживали наши новости ради очередной сенсации...

— Черт побери, Джонни, я хочу очередную сенсацию! — воскликнул Лэтроп. — Я обожаю сенсации. Я в них купаюсь, кувыркаюсь — и наслаждаюсь этим купаньем-кувырканием. Послушай, откуда мы знаем, что в Белом доме не случится утечки? В Вашингтоне не существует понятия тайны, если только кто-нибудь не налепит на нее специальную печать.

— Вряд ли им самим желательна такая утечка, — возразил Гаррисон. — Они постараются, чтобы все было тихо, пока сами не просчитают, что делать, как себя вести, какие принять меры. Ведь как только все станет известно — на них обрушится такая гора новых проблем!.. Так что они заинтересованы в тайне еще больше, чем мы. Им дорога будет каждая минута из того времени, что мы им дадим.

— Ну, не знаю, — сказал Лэтроп. — Право, не знаю, стоит ли впутывать Вашингтон. Мне надо подумать. И поговорить с издателем.

Глава 55

БОРТ САМОЛЕТА, НА ПУТИ К МИННЕАПОЛИСУ

— Все будто сговорились считать их людоедами, — сказала Кэти. — Мерзкие, гнусные чудовища спустились с неба, чтобы всячески нам вредить. Но я-то знаю, что это не так. Я прикоснулась к «сто первой». Не только к шкуре ее, но и к душе. К живой душе. Это ведь было не просто прикосновение, это был настоящий контакт. Когда я рассказала об этом президенту, он сказал: очень интересно. Врет он, ничуть ему не интересно. И никому из них не интересно. Единственное, о чем они способны думать, — их драгоценная экономика. Конечно, им хочется знать, есть ли какой-нибудь способ заговорить с пришельцами. Но они хотят заговорить только для того, чтобы убедить их не делать то, за что они принялись.

— Но ты же должна и президента понять, — возразил Джерри. — Ты должна понять, что у администрации...

— Слушай, а тебе никогда не приходило в голову, что президент может быть не прав? Что все мы не правы? И то, как мы живем, неправильно, и уже давным-давно...

— Ну конечно, — сказал Джерри. — Все мы делаем ошибки.

— Да я другое имела в виду. Я не о том, что мы сейчас делаем что-то неправильно. Мы живем неправильно с давних-давних времен. Может быть, если бы можно было вернуться далеко назад, мы сумели бы обнаружить, в какой момент начали жить не так, как надо. Я слишком плохо знаю историю, потому не могу даже предположить, когда это случилось. Но где-то, давным-давно, мы свернули на неправильную дорогу и пошли по ней, и уже не было пути назад.

Совсем недавно, пару недель назад, я интервьюировала в университете компанию странных ребят. Прямо помешанные какие-то — они себя называют «Любящие». Они мне сказали, что любовь — это все, начало и конец всего сущего, что все остальное — вообще ни к чему. Смотрели на меня большими, круглыми, невинными глазами... И в глазах светились невинные души — а мне было худо. Я чувствовала себя такой же обнаженной, как их души. Мне их было и жалко, и злилась я на них. Пришла я к себе, начала писать материал — и чем дальше писала, тем хуже и хуже мне становилось. Потому что они были не правы, ужасно не правы. Они в стороне от общей дороги, так далеко, что кажется — потерялись они, заблудились... Но, может быть, они ошибаются ничуть не больше, чем все остальные? Дело в том, что мы настолько привыкли к нашей неправоте, что считаем ее истиной. Быть может, их любовь с большой буквы тоже неправильна. А деньги с большой буквы, алчность — лучше, что ли?.. Послушай, Джерри...

— Так ты думаешь, что пришельцы пытаются вернуть нас на правильный путь?

— Нет, не думаю. Мне это и в голову не приходило. Они не могут знать, что с нами творится. А если бы и знали, могли бы не принять близко к сердцу, могли бы решить, что это наше личное дело и их не касается... Они и сами могут быть не правы в том, что делают. Скорее всего, так оно и есть. Но то, что они делают, верно или нет, может показать нам нашу неправоту.

— По-моему, — сказал Джерри, — ни в одном случае, ни при каких обстоятельствах нельзя однозначно определить, что правильно, а что нет. Мы с пришельцами очень далеки друг от друга. Они прилетели Бог знает откуда. Их стандарты поведения — а у них, конечно же, должны быть стандарты — не могут быть такими же, как у нас. А когда сталкиваются лбами два обще-

ства с разными стандартами, то одно из них — а может быть, и оба — испытывает раздражение. При самых лучших намерениях с обеих сторон какие-то трения неизбежны.

— Бедные создания, — сказала Кэти. — Они прилетели из такого далека. Они столько вытерпели. Они так рисковали. Нам надо было подружиться с ними, а мы кончим тем, что возненавидим их.

— Ну, не знаю, — сказал Джерри. — Кое-кто, может быть. Люди, обладающие какой-то властью, любого сорта, возненавидят их за то, что они отбирают эту власть. Но за автомобили, а может, и еще за что-нибудь народ, безликая масса, будет плясать для них на улицах.

— Ну да, какое-то время попляшут. А потом тоже возненавидят.

Глава 56

ВАШИНГТОН, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛУМБИЯ

— В соответствии с новой информацией, — сказал Маркус Уайт, госсекретарь, — я полагаю, нам пора пересмотреть нашу позицию.

— Насколько надежна эта информация? — спросил Портера Джон Хэммонд, глава канцелярии Белого дома. — Нам не надо ее проверить?

— Мне кажется, мы могли бы ее проверить, — ответил Портер.

Президент беспокойно шевельнулся в кресле.

— Дейв прав, — сказал он. — Мы ее уже проверяем. Мы послали людей в Лоун-Пайн. Нортон их проводит. Национальная гвардия предоставила вертолет, чтобы доставить группу на место. Все держится в тайне. Гвардейцы даже не знают, зачем они туда летят. Скоро мы узнаем, что там происходит.

— Я думаю, можно считать, что информация вполне надежна, — сказал Портер. — Я разговаривал с Гаррисоном в Миннеаполисе. Его трудно заподозрить в легкомыслии. Обратите внимание, он вовсе не обязан был нас предупреждать. У него был эксклюзивный материал, он мог бы придержать его до публикации.

— Так почему же он этого не сделал? — спросил Уайтсайд.

— Он хотел дать нам шанс. Сказал — ему кажется, что он должен предупредить нас, что нам может понадобиться какое-то время, чтобы освоиться с ситуацией, прежде чем он опубликует материал.

— Он просил вас соблюдать тайну? — спросил Уайтсайд.

— Особо не распространялся об этом. Сказал только, что надеется, мы его прикроем. Я пообещал. И полагаю, так мы и сделаем. Нам это нужно не меньше, чем ему. К тому моменту, как разразится эта история, мы должны знать, что собираемся говорить и делать. Нам очень кстати время, которое он нам подарил.

— Не нравится мне это, — сказал Уайтсайд. — Ну совершенно не нравится.

— А кому же нравится, Генри? Никому из нас не нравится, — сказал президент.

— Я не это имел в виду, — сказал Уайтсайд.

— Я знаю, что ты имел в виду. Просто истолковал твои слова помягче.

— По-моему, — сказал Аллен, советник по науке, — мы можем считать сообщение из Лоун-Пайна чистой правдой. На первый взгляд оно может показаться не вполне правдоподобным, но если вдуматься — вовсе нет. Если пришельцы могут делать автомобили, то они могут делать и дома. Это, конечно, несколько сложнее, но принципиальной разницы тут нет. Я лично считаю, что они вполне способны на это.

— Но дома! — воскликнул Уайтсайд. — Автомобили — одно дело, дома — другое. Автомобили они могут раздать. Как они собираются раздавать дома? Начнут строить новые жилые районы, занимая под них сельскохозяйственные земли и промышленные окраины? Или станут сносить уже готовые жилища и заменять их своими?

— Да какая, к чертям, разница, как они собираются это делать? — спросил Хэммонд. — Что бы они ни делали — угроза налицо. В нашей стране строительной индустрии больше делать нечего.

— Я говорил, — сказал президент, — что уничтожение автомобильной промышленности мы сумеем пережить. Теперь не знаю, переживем ли еще и это. Беда в том, что растет всеобщий страх, он разъедает всю экономику, словно раковая опухоль. Если друг за дру-

гом рушатся автомобильная и строительная промышленности — кто может чувствовать себя в безопасности?

— А что происходит с автомобилями на Миссисипи? — спросил Хэммонд.

— Дела скверные, — ответил Портер. — Все пути к Гусиному острову мы перекрыли, но собираются толпы. Рано или поздно неизбежны инциденты. Десятка полтора людей уже погибло. Лодка, переполненная страждущими получить машину, перевернулась. Я уверен, что такие случаи будут повторяться. Невозможно удержать людей, которые рвутся к бесплатной машине. Эти жадные ублюдки принесут нам немало хлопот.

— Это единичная ситуация, — напомнил Уайт. — Нам нельзя тратить время на подобные случаи. Мы должны выработать политику! Когда новости распространятся, у нас уже должно быть хотя бы начало какой-то политики. Мы обязаны объяснить стране и всему миру, что мы намерены делать.

— Нам трудно будет терять положение в мире, — сказал президент. — Что бы мы ни делали, трудно придется. Мы всегда были гордым народом. Мы не привыкли отступать.

— Какой-то чертов идиот распустил на Холме слух, что мы провели эксперимент с оружием и теперь скрываем результаты, — сказал Уайтсайд. — Что у нас что-то намечилось. Очень скоро это дойдет до Ивана. А стоит ему слегка разволноваться — одно нажатие кнопки...

— Этот слух, — сказал президент, — откуда бы он ни исходил, помог нам получить поддержку Конгресса. Если бы не слух, никто не знает, что бы они натворили.

— Все уже позади, — настойчиво перебил Уайт. — Об этом пора забыть. Что сделано — то сделано, тут уж ничем не поможешь, с этим придется жить. Но я говорил вам с самого начала, что мы сами не справимся. Если мы поведем себя разумным образом, то нас поддержит весь мир. Мы не успели зайти настолько далеко, чтобы потерять его расположение.

— Даже России? — спросил президент.

— Я не знаю, что они сделают, чтобы помочь нам. Может быть, гораздо больше, чем мы можем рассчитывать. Если мы будем вести себя разумно, они по край-

ней мере уберут палец с кнопки, о которой говорил Генри.

— Ну и что дальше? Говорите все, что думаете. Каким вам представляется выход из положения?

— Я убежден, что мы должны признать, в принципе, что пришельцы представляют собой международную проблему, что мы должны обсудить обстановку, сложившуюся у нас, с другими государствами. Я думаю, большинство крупных государств понимает, что ни одна нация, будь то мы или кто другой, не может удержать такую ситуацию в пределах своей территории, что в конечном итоге она перешагнет любые границы и в конце концов превратится в международную. Я полагаю, что нам пора обратиться за помощью ко всему миру, ко всем, кто готов оказать нам какую бы то ни было поддержку.

— Маркус, вы уже говорили с кем-нибудь из этих людей?

— Неофициально. В основном говорили они, я больше слушал. Те, с кем я разговаривал, убеждены, что все происходящее сейчас у нас в ближайшем будущем ожидает и их, если только проблему — или проблемы — не удастся решить.

— Какого рода сотрудничество вы имеете в виду? Это нам надо знать. Если мы собираемся обращаться за помощью — мы должны знать, на что можем рассчитывать.

— Франция и Британия готовы принять любое участие. Любым возможным способом. В частности они обещали всеми средствами поддержать доллар. Япония то же самое. Скандинавы ждут только нашего слова. Западная Германия уже подготовила валютную помощь на случай необходимости.

— Иностранная валютная помощь? Для нас?

— Именно так, сэр. Что в этом страшного? Мы долгие годы тащили на себе полмира. Мы восстановили Европу после второй мировой войны. Это всего лишь возврат долга. Они в такой же опасности, как и мы, и они это знают. Мир не может допустить, чтобы мы рухнули. Нас поддержат даже страны ОПЕК.

Президент оглядел сидящих вокруг стола, осунувшееся лицо казалось лицом больного.

— Боже мой! — простонал он.

— И речь идет не только о том, чтобы спасти нас от гибели, — продолжал госсекретарь. — Речь идет о том, чтобы выработать совершенно новую систему, какой никогда прежде не существовало. Новые политические схемы, новые финансовые концепции, быть может, полная реорганизация всей экономической структуры. Не только для Соединенных Штатов, но и для всего мира. Пришельцы подошли вплотную к тому, чтобы разрушить нашу страну. Но в то же время они изменили обстановку во всем мире, и мы должны найти какой-то способ справиться с новой ситуацией. Поймите, ничего того, что было еще вчера, — никогда уже больше не будет. Вероятно, самое первое, что нам предстоит, — и может быть, самое трудное — честно проанализировать все происшедшее. Прежде чем приниматься за оценку последствий, мы должны осознать, что произошло.

— Вы весьма красноречивы, Маркус, — сказал Хэммонд. — А другие нации — люди, с которыми вы говорили так неформально и неофициально, — осознают все факторы, какие вы сейчас обрисовали нам?

— По всей видимости, да, — сказал госсекретарь. — Во всяком случае, они мыслят в том же направлении.

— Но эксперимент наш! — воскликнул Уайтсайд. — Ведь мы же на пороге... Неужели теперь от всего отказаться? Быть может, мы как-то сможем придержать свои открытия?

— Не думаю, Генри, — тихо сказал президент. — Ты же слышал, что сказал этот человек: новый мир и новый уклад, новые правила жизни в этом мире. Для таких старых, покрытых шрамами волков, как мы с тобой, привыкнуть к такому миру — трудная задача. Но в его словах есть логика. Наверное, кое-кто из нас — а может быть, и большинство — уже думали о чем-то подобном, только не могли заставить себя признаться вслух.

— Но как мы со всем этим справимся, — сказал Хэммонд, — ума не приложу.

— Не только мы, — поправил госсекретарь. — Весь мир. Это не только наше дело, оно касается всех. Если мир сейчас не объединится, то нам конец. Всем.

Глава 57

МИННЕАПОЛИС

Гоулд читал рукопись Нортон. Подняв голову, он посмотрел через стол на Гаррисона.

— Последний абзац.

— Что с последним абзацем?

— Где он рассказывает, как увидел на кухне тени, будто люди ходят. И он думает: «Боже мой! Неужели они и людей делают?»

— Замечательный абзац! В нем же вся соль, ты пойми. От него же мороз по коже.

— А ты Лэтропу показывал? Именно этот абзац?

— Кажется, нет — не помню. Там было много другого...

— А Портеру сказал?

— Портеру не сказал. Он бы со страху из штанов выскочил.

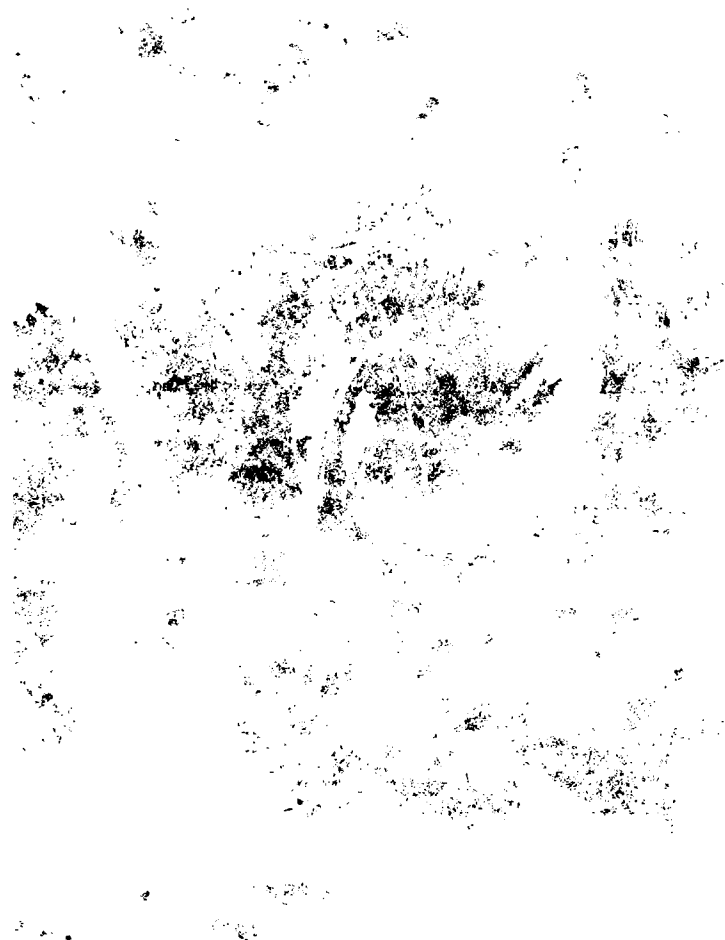
— Нортону могло и показаться. Людей он не видел. То, что он видел — или думает, что видел, — всего лишь тени на занавесках. Впрочем, тени тоже могли померещиться.

— Дай-ка, — сказал Гаррисон, протянув руку. Гоулд передал ему лист.

Гаррисон внимательно прочитал абзац, перечитал еще раз, потом взял толстый черный редакторский карандаш и старательно его подчеркнул.

НАСЛЕДИЕ ЗВЕЗД

Глава 1

«Одним из любопытнейших обычаев, порожденных Крушением, явилось складывание пирамид из мозговых кожухов роботов — точно так же некоторые варварские азиатские племена в память о той или иной битве складывали пирамиды из человеческих голов, превращавшихся позднее в голые черепа. Такой обычай был распространен не повсеместно, однако в рассказах путешественников содержится достаточно свидетельств того, что ему следовали многие оседлые племена. Кочевые народы, возможно, тоже собирают мозговые кожухи, но пирамиды из них складывают только во время отправления обрядов. Обычно же их хранят в священных сундуках, которым во время похода отводится почетное место на повозках в голове колонны.

Обычно полагают, что такой интерес к мозговым кожухам роботов знаменует собой торжество человека над машинами. Но этому нет неопровержимых доказательств. Возможно, симметричное строение кожухов имеет, помимо другого действительного или выдуманного значения, еще и эстетическое. А может быть, их сохранение — неосознанная реакция на их символическую долговечность, поскольку из всего созданного человеком технологической эры они — нечто наиболее прочное и долговечное, ибо сделаны из волшебного металла, которому не страшны ни время, ни непогода».

Из «Истории конца цивилизации» Уилсона

Глава 2

Томас Кашинг весь день рыхлил мотыгой картофельную грядку на узкой полоске берега между рекой и стеной. Грядка была хорошая. Если ее вдруг не поразит какая-нибудь немочь и не стрясется никакой другой беды, то потом удастся накопать немало мешков картошки. Томас в поте лица трудился ради этого урожая. Он ползал на четвереньках меж рядов, сбивая маленькой палкой с ботвы картофельных жучков и подхватывая их на лету берестяным кузовком, который держал в другой руке. Он ловил их на земле, чтобы снова не влезали на картошку и не лакомились листьями. Ползая на карачках, он чувствовал, как ноют натруженные мышцы, как немилосердное солнце молотит его лучами, и ему казалось, что он тащится сквозь ядовитую удушливую дымку поднятой им же пыли, наполнявшей неподвижный знойный воздух. Время от времени, когда берестяной кузовок наполнялся копошащимися жучками, растерянными и обиженными, Томас втыкал в землю палочку, отметив то место на грядке, где он остановился, и шел к реке. Там он садился на корточки и тщательно вытряхивал кузовок в поток как можно дальше от берега, отправляя жучков в путешествие, в котором выживут немногие, и оставшиеся в живых окажутся далеко от его картофельной грядки.

Иногда он мысленно разговаривал с жучками. «Я не желаю вам зла, — говорил он им, — я делаю это не

из вредности, а чтобы защитить себя и себе подобных. Иначе вы сожжете ту пищу, на которую мы рассчитываем. Вот я вас и убираю». Он просил у них прощения и оправдывался, чтобы смирить их гнев, как древние охотники просили прощения у медведей, которых убивали для своих пиров.

Даже в постели, прежде чем уснуть, он снова думал о них, снова видел их — полосатую золотистую пену, подхваченную водным потоком и быстро уносимую навстречу непонятной судьбе, неизвестно как и почему постигшей их, бессильных и отвести ее, и избежать.

В конце лета, когда наступала засуха и из синего котла безоблачного неба лились палящие солнечные лучи, Томас носил воду из реки ведрами на коромысле. Носил, чтобы напоить жаждущие растения. Целыми днями он карабкался по крутому склону от реки к полоске земли, таща воду своим росткам. Потом опять спускался вниз, чтобы набрать очередные два ведра. И так — без конца, чтобы кусты росли и становились пышными, чтобы можно было запасти картошки на зиму.

Мы платим за свое существование дорогую цену, думал Томас, мы ведем бесконечную и тяжелую борьбу за выживание. Не то что в старые времена, давным-давно описанные Уилсоном, попытавшимся нащупать и воссоздать прошлое, которое кончилось за много веков до того, как он взялся за перо. Он вынужден был экономить бумагу, отчего писал на обеих сторонах листов, мелко и убористо. И этот его микроскопический, страдальческий почерк, благодаря которому он пытался втиснуть на бумагу все слова, которыми кишел его разум... Вновь и вновь он настырно повторял, что его «История» основывается скорее на мифах и легендах, нежели на фактах. Это неизбежно, поскольку фактов почти не осталось. Однако он был убежден в необходимости написать свою «Историю», прежде чем немногие оставшиеся факты забудутся совсем, а мифы и легенды пополнятся новыми небылицами. Ему казалось необходимым оценить эти мифы и легенды. Он снова и снова задавался мучительными вопросами: о чем писать? Что обойти вниманием? Ибо он упоминал не обо всем. Миф о Звездном Городе, к примеру, Уилсон из своей «Истории» исключил.

Но довольно об Уилсоне, сказал себе Кашинг. Пора снова браться за мотыгу. Сорняки и жучки — враги. Сушь — враг. Слишком жаркое солнце — враг. И так думал не только Кашинг, но и другие земледельцы, растившие кукурузу и картофель на таких же полянках выше и ниже по течению, достаточно близко к стенам, чтобы иметь какую-то защиту от случавшихся время от времени набегов из-за реки.

Том весь день промахал мотыгой, и теперь, когда солнце наконец ушло за маячившие на западе крутые берега реки, он присел у воды и стал смотреть на противоположный берег. Выше по течению, примерно в миле, стояли каменные быки разрушенного моста. Части пролетов еще были целыми, но для переправы мост не годился. Еще дальше торчали две огромные башни, где некогда жили люди. В старых книгах они назывались «высотками». Существовало два вида таких строений: обычные высотки и высотки для пожилых людей, и Том удивился, зачем нужно было такое разделение по возрасту. Сегодня ничего подобного не было. Не существовало различий между стариками и молодежью. Они жили вместе и нуждались друг в друге. Молодые были источником силы, старики — мудрости, и все вместе трудились на общую пользу.

Он увидел это, впервые придя в университет, и почувствовал на себе, когда его взяли под покровительство Монти и Нэнси Монтроуз. Это покровительство со временем стало чем-то большим, нежели простая формальность, потому что Том жил с ними и по сути дела стал их сыном. Университет — и больше всех Монти и Нэнси — дали ему ощущение добра и равенства. За последние пять лет он превратился в неотъемлемую частицу университета, словно тут и родился, и познал ту особую радость, которая была неведома ему в годы странствий. Сейчас, сидя на речном берегу, он признался себе, что эта радость смешана с чувством вины и досады, что его держит здесь любовная преданность этой пожилой чете, принявшей его в дом и сделавшей частичкой самих себя. Пять лет, прожитые здесь, дали ему немало: он научился читать и писать; он познакомился с некоторыми книгами, что рядами стояли на полках в библиотеке; он стал лучше понимать, что такое мир, чем он был когда-то и чем стал. Здесь, под защитой стен, у него появилось время на раздумья и выводы. Но,

хотя он много размышлял, ему по-прежнему было не совсем понятно, чего он хочет от себя и для себя.

Он снова вспомнил тот дождливый день ранней весной, когда сидел за столом у библиотечных стеллажей. Он уже забыл, что делал там. Возможно, просто читал книжку, которую в должное время снова поставит на полку. Но теперь ему с пугающей ясностью вспомнилось, как в какой-то праздный миг он выдвинул ящик стола и нашел в нем тонкую стопку вырванных из книг титульных листов с записями, сделанными мелким неразборчивым почерком. Он вспомнил, как сидел, застыв от изумления, ибо этот корявый убогий почерк нельзя было спутать ни с каким другим. Он перечитывал «Историю» Уилсона много раз, он был странно зачарован ею и теперь не сомневался, что это и есть записки Уилсона, оставленные тут, в ящике, ждущие, когда их найдут — спустя тысячу лет после того, как были написаны.

Дрожащими руками Том извлек их из ящика и с благоговением разложил на столе. При тусклом свете дождливого дня он медленно читал записки, находя в них много знакомого материала, который в конце концов пробился в «Историю». Но тут была и страничка с замечаниями (точнее, полторы странички), которая не пошла в свое время в дело. Это был миф, настолько мятежный, что Уилсон, должно быть, решил в конце концов не включать его в свой труд. Миф, о котором Кашинг никогда не слышал, о котором, как он выяснил в ходе последующих осторожных расспросов, никто никогда не слышал.

В записках говорилось о Звездном Городе, расположенном где-то на западе. Просто «на западе», без дальнейших уточнений его местонахождения. О нем говорилось очень туманно, и было похоже скорее на миф, чем на быль. Это слишком ошеломяло, чтобы быть правдой. Но с того дождливого дня именно мятежностью своей миф неотступно и непрестанно преследовал Кашинга, не желая оставить его в покое.

На противоположном берегу широкой бурной реки над водой круто поднимались утесы, увенчанные густыми рощами. Река, клочка, стремилась вперед; торопливый поток бурлил и с мощным ревом сметал все на своем пути. Река — штука сильная, и она словно осознает и ревниво оберегает свою силу, хватая и увлекая

все, что может достать, — кусок плавника, листик, картофельных жучков или человеческое существо, если оно попадется. Глядя на нее, Кашинг трепетал, чувствуя какую-то угрозу, хотя вряд ли именно он должен был ее чувствовать. На реке, как и в лесу, он был дома. И понимал, что ощущение угрозы порождено его нынешней мимолетной слабостью, проистекающей из нерешительности и замешательства.

Уилсон, подумал Кашинг. Не будь этих полутора страничек, он бы сейчас ничего не чувствовал. Или чувствовал? Только ли в записках Уилсона дело? Или в стремлении бежать от этих стен, обратно в леса с их ничем не ограниченной свободой?

Этот Уилсон, немного сердито сказал себе Кашинг, превращается в наваждение. С тех пор, как он впервые прочел «Историю», этот человек прочно занял место в его мыслях и никогда надолго не покидал их.

Что же чувствовал Уилсон, думал Кашинг, в тот день, почти тысячу лет назад, когда впервые сел за стол, чтобы начать свою «Историю», когда его неотступно терзали мысли о ее неточности? Шептались ли тогда на ветру листья за окном? Оплывала ли свеча (ибо, как он считал, писали всегда при свечах)? Ухала ли на улице сова, словно высмеивая труд, за который взялся этот человек?

Какой она была, та давняя ночь Уилсона?

Глава 3

Я должен писать четко и ясно, сказал себе Хайрэм Уилсон, чтобы в грядущие годы всякий желающий мог прочитать мои письма. Надо все четко составить и аккуратно изложить. И самое главное, писать надобно помельче, потому что у меня мало бумаги. Жаль, мне почти не от чего оттолкнуться, думал он. Слишком мало действительных фактов и слишком много мифов. Надо утешаться тем, что историки прошлого тоже опирались на мифы и что, хотя мифы, должно быть, романтизированы в ущерб правде, они могли иметь в основе забытые события.

Пламя свечи вспыхнуло под порывом ветра, влетевшего в окно. Маленькая облезлая сова-сипуха, сидевшая на дереве, издала леденящий кровь крик. Уилсон обмакнул перо в чернильницу и написал в самом верху страницы: «Повествование о бедах и тяготах, которые погубили первую человеческую цивилизацию (с надеждой, что будет вторая, ибо то, что мы имеем ныне, есть не цивилизация, а анархия). Писано Хайрэмом Уилсоном в Миннесотском университете на берегах реки Миссисипи. Начато в первый день октября 2952 года».

Он положил перо и перечитал написанное. Остался недоволен и добавил: «Составлено по фактам, взятым из еще существующих книг, писанных встарь; по сведениям, передаваемым изустно со времен Бед; по древним мифам и фольклору, тщательно просеянным в поисках возможных зерен истины».

Ну вот, подумал он, это по крайней мере честно. Читатель будет начеку, зная, что возможны ошибки, но поймет: я сделал все возможное, чтобы написать правду.

Он снова взял перо и принялся писать:

«Несомненно, что когда-то, возможно, 500 лет назад, Земля принадлежала некой разветвленной и высокоразвитой технологической цивилизации. От нее ныне не осталось никаких следов. Машины и технология уничтожены, вероятно, в течение нескольких месяцев. Кроме того (по крайней мере, в этом университете, да и в других местах, предположительно, тоже), уничтожены все или почти все письменные упоминания о технологии. Здесь изъяты все технологические тексты, а также ссылки на технологию в других книгах. Последние отредактированы путем простого выдирання страниц. Сохранившиеся печатные материалы о технике и науке имеют лишь общий характер и относятся к технологиям, которые уже во времена разрушения считались настолько устаревшими, что никто не видел в них опасности. Из оставшихся ссылок можно получить представление о существовавшем положении, но нельзя понять подлинных масштабов старой технологии и степени ее влияния на общество. Старые планы университетского городка показывают, что некогда здесь было несколько зданий, отведенных для изучения технологии и инженерного дела. Теперь их нет. По преданию, камни, из которых были сложены эти здания, пошли на сооружение защитной стены, ныне опоясывающей университетский городок.

Степень разрушения и очевидная тщательность, с которой оно осуществлялось, свидетельствуют о беспричинной ярости и о ярко выраженном фанатизме. В поисках причин справедливее всего заключить, что ярость порождена ненавистью к тому, что принесла людям технология: истощение невозполнимых ресурсов, загрязнение окружающей среды, потеря рабочих мест и массовая безработица. Однако при ближайшем рассмотрении этот набор причин представляется слишком упрощенным. Подумав, можно прийти к выводу, что напряжение, из-за которого началось разрушение, коренилось, должно быть, в порожденных технологией общественных, политических и экономических системах.

Технологическое общество, для того чтобы приносить максимум пользы, должно состоять из крупных

структур — в сфере производства, управления, финансов и услуг. Крупномасштабность — пока она управляема — дает много преимуществ, однако, достигнув известной величины, структуры становятся неуправляемыми. Приблизительно на том этапе, когда начинается неуправляемость, в обществе развиваются силы инерции, и в результате оно еще больше выходит из-под контроля. А выйдя из-под контроля, начинает давать сбои и совершать ошибки, исправить которые почти невозможно. Постепенно ошибки и сбои становятся хроническими и начинают находить пищу в самих себе, порождая более значительные сбои и еще более крупные ошибки. Это происходит не только с самими машинами, но и с чрезмерно громоздкими правительственными и финансовыми структурами. Вероятно, руководители понимали, что происходит, но были бессильны перед лицом событий. Машины к этому времени, должно быть, совсем отбились от рук, а вместе с ними — и сложные общественные и экономические структуры, существование которых эти же машины сделали не только возможным, но и необходимым.

Задолго до окончательного Крушения, когда системы не сработали, в стране начало нарастать негодование. А когда катастрофа наконец разразилась, негодование вызвало оргию разрушения, своего рода ответный удар, призванный смести с лица Земли все не оправдавшие себя системы и технологии, чтобы их уже никогда нельзя было пустить в ход и таким образом избежать новых возможных провалов. Когда же ярость поутихла, уничтоженными оказались не только машины, но и вся технологическая концепция. Несомненно, что разрушительная деятельность была направлена не туда, куда надо, но необходимо помнить: ее осуществляли фанатики. А одной из характеристик фанатика следует считать непрременное наличие объекта для его гнева. Технология, или, по меньшей мере, ее внешние проявления, — нечто бросающееся в глаза. Кроме того, обрушиться на все это можно безнаказанно. Машина все стерпит: она не способна ответить ударом на удар.

То, что вместе с машинами были уничтожены и письменные источники (впрочем, лишь те книги, в которых говорилось о технологии), показывает, что единственным объектом была технология, и погромщики не имели ничего против собственно книг и учения. Можно

даже биться об заклад, что они относились с большим уважением к книгам, ибо даже на вершине ярости не причинили вреда тем из них, в которых не говорилось о технологии. С содроганием думаешь об ужасном гневе, достигшем такой степени, что стало возможным все вышеупомянутое. Упадок и неразбериху, ставших итогом намеренного уничтожения образа жизни, созданного человечеством за века кропотливого труда, невозможно постигнуть умом. Тысячи людей, должно быть, пали жертвами насилия, которым сопровождалось разрушение. И тысячи умерли потом, уже не насильственной смертью.

Все, на что опиралось и надеялось человечество, погибло. Анархия пришла на смену закону и порядку. Линии связи были уничтожены, и в городах вряд ли знали, что происходит у соседей. Сложная система распределения оцепенела, и начался голод. Энергетические системы и электросеть подверглись разрушению, и мир погрузился во мрак. Был нанесен ущерб медицине, и по Земле пронеслись эпидемии. Можно лишь гадать о том, что произошло, поскольку никаких письменных источников не сохранилось.

Сейчас, спустя годы, даже самое мрачное воображение не способно отразить тот всеобщий ужас. С нашей нынешней точки зрения происшедшее выглядит скорее как результат безумия, нежели простой ярости, но мы должны понять, что причина этого безумия, явная или кажущаяся, наверняка существовала. Когда положение стабилизировалось (если можно представить себе стабильность после такой катастрофы), глазам наблюдателя предстала картина, о которой сейчас мы можем лишь гадать. У нас почти нет свидетельств о прошлом. Мы имеем возможность окинуть взглядом широкие пространства — но и только.

Кое-где группы фермеров создали коммуны, с оружием в руках защищая свои поля и скот от посягательств голодных грабителей. Города превратились в джунгли, где шайки мародеров дрались меж собой за право на добычу. Вероятно, тогда, как и сейчас, удельные помещики пытались добиться верховенства, дрались с другими помещиками и так же, как ныне, гибли один за другим. В таком мире (и это верно не только для тех времен, но и для нашей эпохи) ни один человек или

группа людей не могли достигнуть могущества, которое позволило бы создать полноценное правительство.

В наших местах лишь этот университет, насколько мы знаем, в какой-то степени приближается к учреждению, способному обеспечить длительный и прочный порядок. Нам в точности не известно, как на нескольких акрах земли возник этот центр относительного порядка. То, что мы выжили, установив этот порядок, объясняется нашей сугубо оборонительной направленностью. Мы никогда не стремились к расширению своих владений или навязыванию кому-либо нашей воли; мы всегда оставляли в покое тех, кто так же поступал и с нами.

Возможно, многие из живущих за стенами ненавидят нас, другие презирают как трусов, забившихся в нору. Но я уверен, что кое для кого университет стал загадкой, а возможно, и чудом. Может быть, именно поэтому последние сто с лишним лет нас никто не тревожит.

Характер общин и их интеллектуальная среда определяют реакцию на уничтожение технологического общества. Большинство выражает в ответ гнев, отчаяние и страх, объясняющиеся узостью взгляда на положение дел. Немногие (возможно, очень немногие) склонны заглянуть чуть дальше. В университетской общине преобладает широкий взгляд, направленный не столько на современные условия, сколько на те последствия, которые будут иметь место через десяток или, возможно, сотню лет.

Университетская община, или колледж, в условиях, существовавших до Крушения, представляла собой совокупность группировок со слабыми связями, хотя, вероятно, связи эти были сильнее, чем согласились бы признать многие из членов группировок. Все они считали себя яркими индивидуалистами, но как только запахло жареным, большинство поняло, что под покровом надуманного индивидуализма лежит общность мыслей. Вместо того чтобы бежать и прятаться, как сделали бы приверженцы современных взглядов, члены университетской общины очень скоро поняли, что лучше всего сидеть на месте и попытаться создать в море хаоса относительный общественный порядок, основанный, насколько возможно, на традиционных ценностях, годами проповедуемых учебными заведениями. Маленькие пятки разума и безопасности, напоминали себе эти люди, существовали в истории во все смутные времена. Поразмыслив, многие из них вспомнили монастыри,

островки покоя в средневековой Европе. Естественно, нашлись и такие, кто говорил громкие слова о необходимости воздуть выше факел знания, когда остальное человечество погрузилось во мрак. И среди них даже могли оказаться люди, искренне верившие в то, что говорят. Но в конце концов все свелось к решению, которое обеспечило бы простое выживание, — к выбору пути, способного привести к выживанию.

Даже здесь, должно быть, какое-то время царило смятение и напряженность. Вероятно, это имело место в первые годы, когда силы разрушения стирали с лица Земли научные и технологические центры университетского городка и «редактировали» книги в библиотеке, искореняя все значительные упоминания о технологии. Возможно, в утаре разрушения некоторые сотрудники факультетов, олицетворявшие ненавистные машины, принимали смерть от рук погромщиков. В голову приходит даже мысль о том, что кое-кто из факультетских работников мог участвовать в разгроме. Как ни противно, но надо учесть, что старые факультеты состояли из самоотверженных и преданных делу сотрудников и сотрудниц, которые могли враждовать между собой на почве различий в убеждениях и принципах, углубляемых порой личной неприязнью.

Но когда все было разрушено, университетская община, или то, что от нее осталось, должно быть, сплотилась опять, похоронив старые разногласия и начав создавать обособленный мирок, чтобы сохранить хоть частицу человеческого разума. Много лет над ними довлела угроза извне, о чем свидетельствует защитная стена вокруг маленького университетского городка. Ее постройка была делом долгим и нудным, но, очевидно, в городке появилось достаточно сильное руководство, которое обеспечило завершение работ. Вероятно, все это время университет был объектом для стихийных набегов, хотя усердное разграбление города на том берегу реки и еще одного, расположенного восточнее, должно быть, частично облегчало положение университетского городка. Вероятно, города были куда привлекательнее, чем имущество университета.

Поскольку у нас нет связи с внешним миром, а новости мы можем почерпнуть лишь в рассказах случайных странников, то нам неизвестно, что творится в других местах. Возможно, происходит много событий, о которых мы понятия не имеем. Но в маленьком округе, о

котором мы либо знаем все, либо располагаем отрывочными сведениями, высшего уровня общественной организации достигли племена, или сельскохозяйственные коммуны, с одной из которых мы наладили элементарную торговлю. К востоку и западу от нас, в некогда светлых и красивых городах, ныне почти целиком разрушенных, обретается несколько племен, прозябающих на подножном корму и иногда воюющих друг с другом из-за каких-то воображаемых обид или ради захвата чужих земель (один Бог, впрочем, знает, почему эти земли «чужие»), а порой просто в стремлении к некой обманчивой славе, которой можно покрыть себя в бою. К северу от нас находится крестьянская община примерно из дюжины семей, с которой мы тоже торгуем. Ее продукция служит дополнением к тому, что мы выращиваем в огороде и на картофельных грядках. Расплачиваемся мы всякими безделушками — бисером, примитивными украшениями, изделиями из кожи, которые они в простоте душевной стремятся заполучить, чтобы принарядиться. Вот как низко мы пали: некогда гордый храм науки вынужден заниматься изготовлением и продажей безделок, дабы прокормить своих обитателей!

Когда-то группы людей могли обитать в собственных маленьких жилищах, обособленных от мира. В большинстве своем эти жилища прекратили существование. Их либо смели с лица Земли, либо жители были вынуждены, ища защиты, вливаться в более крупные племена, способные ее предоставить. Кроме того, существуют еще и кочевники, бродячие банды разбойников, путешествующие на большие расстояния вместе с лошадьми и скотом, иногда посылающие вооруженные отряды с целью грабежа, хотя грабить уже почти нечего. Таков мир, который мы знаем; таково наше положение и, как ни горько мне это говорить, но в определенном отношении мы живем куда лучше многих других.

До какой-то степени мы сберегли свет учения. Наши дети учатся читать, писать и считать. Желающие могут получить дополнительные знания, да и книг для чтения у нас целые тонны. И многие читающие члены общины имеют хорошее образование. Чтение и письмо — искусство, доступное ныне немногим, да и оно может быть утрачено из-за недостатка учителей. Иногда к нам приходят люди, желающие получить то куцее образование, которое мы можем им предоставить, но их немно-

го, поскольку престиж образования, очевидно, невысок. Некоторые из пришельцев остаются с нами, обновляя наш генетический фонд, в чем мы очень нуждаемся. Возможно, кто-то приходит для того, чтобы оказаться под защитой стен, убежав от грубого правосудия своих сотоварищей. Против этого мы ничего не имеем и принимаем беглецов. Пока они приходят с миром и ведут себя у нас смирно — добро пожаловать.

Однако любой, если он не совсем слеп, заметит, что как учебное заведение мы растеряли почти все наше значение. Мы можем дать начальные знания, но уже во втором поколении обитателей нашего замкнутого мирка не было ни одного человека, способного подготовить специалистов с высшим образованием или чем-то похожим на таковое. У нас нет преподавателей физики, химии, философии, психологии, медицины и многих других предметов. Даже найдись они, вряд ли в них возникла бы большая нужда. Кому в таких условиях надобна физика или химия? Что проку в медицине, когда лекарств не достать? Когда нет оборудования ни для терапии, ни для хирургии?

Мы в своем кругу частенько предаемся праздным размышлениям, гадая, есть ли на свете другие колледжи или университеты, жизнь в которых похожа на нашу? Резонно предположить, что есть, но мы никогда о них не слышали. С другой стороны, мы ни разу не попытались выяснить это, поскольку не считаем нужным без необходимости афишировать свое существование.

В прочитанных мною книгах содержится немало взвешенных и логических предсказаний той катастрофы, которая постигла нас. Однако в качестве ее причины неизменно называлась война. Вооруженные несметным числом средств разрушения, крупнейшие державы древних эпох были способны уничтожить друг друга (да и весь мир) без следа всего за несколько часов. Но этого не случилось. Нет ни свидетельств ужасов войны, ни легенд, в которых речь идет о такой войне.

Все, чем мы сегодня располагаем, указывает на то, что причина упадка цивилизации заключается во взрыве ярости, охватившей значительную часть населения и направленной против мира, созданного технологией, хотя ярость эта во многих случаях могла быть направлена не туда, куда надо...»

Глава 4

Дуайт Кливленд Монтроуз был гибким сухощавым мужчиной с обветренным и загорелым лицом, багровый цвет которого подчеркивали белоснежные волосы, блестящие седые усы, густые, похожие на восклицательные знаки брови над яркими бледно-голубыми глазами. Он выпрямился на стуле, оттолкнув вылизанную до блеска тарелку, вытер салфеткой усы и отодвинулся от стола.

— Ну, как сегодня наша картошка? — спросил он.

— Я закончил прополку, — ответил Кашинг. — Думаю, это последняя. Можно оставить ее в покое. Теперь засуха ей не очень страшна.

— Ты слишком много вкалываешь, — сказала Нэнси. — Нельзя так.

Она была броской миниатюрной женщиной, похожей на птичку; годы иссушили ее, превратив в милую старушенцию. При свете свечи она влюбленными глазами смотрела на Кашинга.

— А мне работа в охотку, — сказал он ей. — Мне нравится. Я, наверное, даже немного горжусь ею. Всяк человек в своем деле мастер. Я, например, выращиваю хорошую картошку.

— А теперь, — резковато сказал Монти, поглаживая усы, — ты, наверное, уйдешь?

— Уйду?

— Том, — проговорил он, — сколько ты уже с нами? Шесть лет, правильно?

— Пять, — ответил Кашинг. — В прошлом месяце исполнилось.

— Пять лет, — повторил Монти. — Пять лет. Достаточно, чтобы узнать тебя. При том, как мы все были близки. А последние месяцы ты нервничал, как кошка. Я никогда не спрашивал тебя почему. Мы с Нэнси никогда не спрашивали почему. Что бы ни происходило.

— Да, никогда, — согласился Кашинг. — Хотя порой со мной, наверное, было трудно...

— Никогда, — оборвал его Монти. — Никогда, сэр. Вы знаете, у нас был сын...

— Недолго, — вмешалась Нэнси. — Шесть лет всего. Будь он жив, вы сейчас были бы ровесниками.

— Корь, — произнес Монти. — Корь, будь она неладна. В прежние времена люди знали, как бороться с корью и предотвращать ее. Раньше о кори, бывало, и не слышал никто.

— Еще шестнадцать человек умерло, — сказала Нэнси, вспоминая. — Семнадцать, считая Джона. И все от кори. Это была жуткая зима. Самая страшная на нашей памяти.

— Мне очень жаль, — сказал Кашинг.

— Время скорби прошло, — ответил Монти. — Точнее, ее внешних проявлений. Внутри-то у нас она останется на всю жизнь. Мы очень редко говорим об этом, потому что не хотим, чтобы ты думал, будто мы любим в тебе его.

— Мы любим тебя, потому что ты — Томас Кашинг, — сказала Нэнси. — Томас Кашинг и никто другой. Ты, наверное, смягчаешь наше горе. Часть былой скорби улетучилась благодаря тебе. Том, мы не можем выразить, как обязаны тебе.

— Мы обязаны тебе достаточно многим, чтобы говорить то, что мы говорим, — заявил Монти. — Немного странные речи, право. Но это становится невыносимым. Ты молчал, потому что боялся натолкнуться на наше непонимание, держался нас из чувства ложной преданности. По твоим поступкам мы поняли, что у тебя на уме, и тем не менее ничего не говорили: по нашему мнению, нам не следовало заводить разговор о твоих мыслях. Мы боялись заводить об этом речь, поскольку ты мог подумать, что мы хотим, чтобы ты ушел, а ведь

ты знаешь: мы никогда не желали этого. Но эта глупость зашла слишком далеко, и теперь, думается, настала пора сказать тебе, что мы любим тебя достаточно сильно, чтобы отпустить, если ты чувствуешь, что должен идти или просто хочешь уйти. Если ты должен покинуть нас, уходи без чувства вины, не думай, что ты нас бросаешь. Мы наблюдали за тобой последние несколько месяцев. Ты хотел нам сказать, но робел и не мог. И нервничал, будто кошка. Рвался на волю.

— Нет, тут совсем не то, — сказал Кашинг. — Я не рвался на волю.

— Это все Звездный Город, — проговорил Монти. — Видимо, в нем дело. Я бы, наверное, тоже туда пошел, будь я помоложе. Хотя не уверен, что смог бы заставить себя. Думаю, века превратили жителей университета в психов, боящихся открытых пространств. Мы столько просидели в этом городке скопом, что никто уже и не думает никуда уходить.

— Могу ли я понять из ваших слов, — спросил Кашинг, — что в записках Уилсона, по вашему мнению, что-то есть? Что Звездный Город действительно может существовать?

— Не знаю, — сказал Монти. — Не буду даже гадать. С тех пор как ты показал мне записки и сообщил, как нашел их, я ломаю над этим голову. Не просто какие-нибудь романтические размышления о том, как было бы здорово, будь на свете такой город. Я пытался взвесить все «за» и «против». Мы знаем, что люди выбрались в Солнечную систему, были на Луне и Марсе. В свете этого следует задаться вопросом: могли ли они удовлетвориться Луной и Марсом? Не думаю. При возможности они покинули бы Солнечную систему. А располагая временем, можно добиться такой возможности. Мы не знаем, добились ли они ее, поскольку последние столетия перед Крушением скрыты от нас. Именно упоминания об этих столетиях изъяты из книг Люди, совершившие погром, хотели вытравить их из нашей памяти, и мы не знаем, что произошло за этот длинный отрезок времени. Но, судя по развитию человечества в известные нам периоды — в те, о которых мы можем прочитать, — я почти уверен, что люди умели проникать в глубокий космос.

— Мы так надеялись, что ты останешься с нами, — сказала Нэнси. — Думали, это у тебя просто блажь,

которая со временем пройдет. Мы с Монти говорили об этом, и не раз. И в конце концов убедились, что есть какая-то причина, вынуждающая тебя уйти.

— Меня беспокоит одна вещь, — проговорил Кашинг — Вы правы: я пытался набраться храбрости и сказать вам. Я гнал все эти мысли прочь, но всякий раз, решив не уходить, слышал какой-то внутренний зов, повелевавший мне идти. Меня беспокоит то, что я не понимаю — почему. Я говорю себе, что дело в Звездном Городе, а потом задаюсь вопросом — нет ли тут какой-то еще, более глубинной причины? Может быть, во мне по-прежнему бурлит волчья кровь? Ведь прежде чем постучать в ворота университета, я три года был лесным бродягой. Кажется, я вам про это рассказывал.

— Да, — ответил Монти. — Да, рассказывал.

— Но это и все. Вы никогда не расспрашивали меня. Не понимаю, почему я ничего не говорил вам.

— Ты и не должен нам ничего говорить, — сказала Нэнси. — Нам незачем знать.

— Но мне хочется рассказать, — ответил Кашинг. — Это короткая история. Нас было трое: моя мать, дедушка — отец матери — и я. Был и мой отец, но я его не помню. Разве что совсем чуть-чуть. Здоровяк с черными бакенбардами, которые кололись, когда он целовал меня...

Он уже много лет не думал об этом, заставлял себя не думать, но тут вдруг воспоминание ожило в нем яркой как день вспышкой... Маленький глубокий овраг у Миссисипи, бегущей через нагромождение холмов, которые лежали на юге, на расстоянии недельного перехода. Узкий и мелкий ручей с песчаным дном, текущий по пастбищам, стиснутым меж отвесными утесами, питаемый сильным источником, который бил из песчаника в начале оврага, где его сжимали горы. Возле источника стоял дом — маленький, посеревший от старости деревянный дом, сливавшийся с тенью холмов и деревьев так, что его нельзя было заметить, не налетев на стену, если не знаешь, что он тут. Неподалеку стояли еще две серые хибарки, такие же неприметные, — ветхий сарай, дававший приют двум воронам клячам, трем коровам и быку, и курятник, который уже развалился. За домом был сад и картофельная делянка, а в небольшой долине, ответвлении оврага, — маленькое кукурузное поле.

Здесь он прожил первые шестнадцать лет и мог припомнить за все это время не больше десятка людей, приходивших в гости. Близких соседей у них не было: дом стоял поодаль от троп, по которым шли через долину кочевые племена. Устье оврага было похоже на устья точно таких же многочисленных оврагов, только еще меньше, и вряд ли могло привлечь внимание тех, кто проходил мимо. Это было тихое место, погруженное в многолетнюю спячку, но живописное; тут росли дикие яблони и сливы, цвели вишни, каждую весну окутывая дом мягкой шубкой. А по осени дубы и клены полыхали неистовым желто-красным огнем. Иногда холмы покрывались фиалками, ландышами, гвоздиками. В ручье можно было рыбачить, и на реке тоже, если только не полениться пойти в такую даль. Но в основном в ручье, где можно было без особого труда выловить мелкую вкусную форель. Вокруг водились белки и кролики, а если уметь бесшумно подкрасться и метко пустить стрелу, то можно было добыть тетерева и даже перепелку, хотя перепелки слишком шустры и мелковаты для охоты с луком. И все же Томас Кашинг иногда приносил домой перепелов. Он взялся за лук и стрелы, едва научившись ходить, а обучал стрельбе его дед, настоящий дока в этом деле. По осени с холмов спускались еноты, чтобы обобрать кукурузное поле, и хотя им удавалось сожрать часть урожая, они дорого платили за это. Мясо и шкурки были куда ценнее съеденной кукурузы. В хижине всегда были собаки — иногда одна или две, иногда много. И когда приходили еноты, Том с дедом брали собак и шли на охоту. Псы либо ловили енотов, либо загоняли их на деревья, и тогда Том взлезал на дерево, держа в руке лук, а в зубах — две стрелы. Он лез медленно, выискивая енотов, которые прятались в ветвях где-то наверху. Карбкаться и стрелять было трудно, приходилось держаться за ствол. Иногда енот уносил ноги, иногда нет.

Дед, как казалось Тому, запомнился ему лучше всех. Седовласый, белобородый, остроносый старикан с бегающими подленькими глазками. Он был подленьким человеком, но с Томом не поддичал никогда. Старый, суровый, коварный мужик, знавший леса, горы и реку. Неграмотный, грязно ругавшийся из-за боли в суставах, клявший свою старость, не терпевший глупости и чванства ни в ком, кроме себя самого. Фанатик во всем, что

имело отношение к орудиям труда, оружию и домашним животным. Он мог без умолку бранить лошадь, но никогда не бил ее кнутом и не оставлял без ухода, поскольку найти ей замену было нелегко. Конечно, лошадь можно было купить, если знаешь где. Или украсть. Причем украсть бывало легче, чем купить. Но и то и другое требовало уймы времени и трудов. И было небезопасно. Нечего зря бряцать оружием. Нечего без пользы пулять стрелами. Стрелять можно только в мишень, чтобы отточить свое искусство. И еще в одном случае — когда надо убивать. Нужно учиться как следует пользоваться ножом и ухаживать за ним, ибо раздобыть нож трудно. То же касалось инвентаря. Закончил пахоту — вычисти, отполируй и смажь плуг, а потом положи на чердак в сарае, ибо плуг должно беречь от ржавчины: он послужит не одному поколению. Конская упряжь всегда была смазана, подлатана и содержалась в исправности. Кончил тяпать — вымой и высуши тяпку, прежде чем спрятать ее. Накосил сена — отчисти, наточи и смажь косу, а уж потом вешай на место. Никакой небрежности и забывчивости. Это — образ жизни. Обходись тем, что есть, извлекай пользу, берегай имущество, используй по назначению, чтобы ничему не принести вреда.

Отца Том помнил очень смутно. Он привык считать отца исчезнувшим, потому что именно так ему сказали, когда он вырос и начал что-то понимать. Однако никто, похоже, не знал, что именно случилось с отцом. Однажды весенним утром он, как говорят, отправился к реке с острогой и мешком на плече. Было время нереста карпа, и рыба шла в пойму реки, в болота и озера, чтобы отложить и оплодотворить икру. В разгар нереста карп ничего не боится и становится легкой добычей. Каждый год отец Тома отправлялся к реке. Возможно, не раз. Домой он приходил, согнувшись в три погибели под тяжестью мешка, набитого карпами, опираясь на острогу, перевернутую наконечником кверху. Дома карпа чистили, потрошили и коптили, чтобы почти все лето не беспокоиться о пропитании.

Но однажды он не вернулся. К вечеру мать Тома и его старый дед отправились на поиски. Дед нес Тома на плече. Вернулись они поздно ночью, так никого и не найдя. На другой день дед опять пошел искать и на этот раз обнаружил острогу возле мелкого озера, в кото-

ром еще играл карп. Неподалеку валялся мешок. Отец Тома исчез, и непонятно было, что с ним случилось. Он пропал без следа, и с тех пор о нем больше не слыхали.

Жизнь потекла, в общем-то, так же, как прежде. Немного тяжелее, поскольку земледельцев стало меньше. И все равно они неплохо управлялись. Всегда была еда, всегда были дрова и шкуры. Их дубили и шили одежду и обувь. Одна лошадь околела от старости, и дед ушел. Его не было десять дней, а вернувшись, он привел с собой двух лошадей. Он не сказал, как добыл их, да никто его и не спрашивал. Должно быть, украл, поскольку, уходя, не взял с собой ничего такого, на что мог бы их купить. Они были молодые и сильные, и хорошо, что их оказалось две, потому что вскоре сдохла вторая старая кляча, а для пахоты требовалась пара лошадей, как и для доставки дров и сена. Том уже вырос и стал помощником. Ему было около десяти лет. Он очень ясно помнил, как помогал деду свежевать двух дохлых лошадей. При этом он ревел и прятал слезы от деда. А потом, уже один, горько расплакался, потому что любил лошадей. Но не снять с них шкуры было бы расточительством, а при такой жизни расточительство недопустимо.

Когда Тому исполнилось четырнадцать, заболела мать. Была страшная суровая зима, с глубоким снегом, с нескончаемыми буранами, ревущими в горах. Мать слегла, она задыхалась и хрипела. Том с дедом ухаживали за ней; хитрый сварливый старик превратился в образец нежности. Они смазывали ей горло гусиным жиром, склянка которого хранилась в шкафу на всякий случай; обертывали ее шею драгоценным байковым шарфом, чтобы гусиный жир лучше действовал. В ноги клали горячие камни, стараясь держать ее в тепле, а дед варил в печи луковый отвар и хранил его там же, чтобы не остывал. Однажды ночью Том, утомленный дежурством, задремал. Дед разбудил его. «Мальчик, — сказал он, — твоей матери больше нет», С этими словами старик отвернулся, чтобы Том не видел его слез.

Ранним серым утром они вышли из дома и разгребли лопатами снег под старым дубом, где мать любила сидеть и смотреть на овраг. Они развели костер, чтобы земля оттаяла и можно было выкопать могилу. По весне они с трудом привезли на лодке три больших валуна, и дед водрузил их над могилой, чтобы отметить место и

уберечь останки от волков, которые могли попытаться выкопать их из оттаявшей земли.

И опять жизнь пошла своим чередом, хотя Тому казалось, что дед уже не тот. Он по-прежнему бранился, но без былого пыла. Все больше времени он проводил в качалке на крыльце, а главную работу теперь делал Том. Казалось, деду хотелось поболтать, будто разговорами можно заполнить пустоту, вдруг воцарившуюся в его жизни. Они с Томом часами сидели на крыльце и разговаривали, а холодными зимними ночами устраивались у пылающего очага. Говорил в основном дед. Ему было почти восемьдесят, и он знал много страшных историй. Наверное, иной раз он и привирал, но каждый случай, похоже, имел в основе своей действительное событие, которое и само по себе, без всяких прикрас, было достаточно интересно. История про то, как дед пошел бродить на западе и убил ножом подраненного стрелой гризли; о том, как его надули при покупке лошади; о громадной рыбине, с которой он бился три часа, прежде чем смог вытащить на берег; о том, как во время странствий он стал участником короткой войны между двумя племенами, враждовавшими без всякой на то причины, просто так. И, наконец, история об университете (что это такое — «университет»?), расположенном далеко на севере, окруженном стеной и населенном странным народцем, который пренебрежительно звали «яйцеголовые». Том рискнул предположить, что люди, употреблявшие это слово, тоже не понимали его смысла, а просто пускали в ход презрительное прозвище, доставшееся им от дремучего прошлого. Слушая деда долгими днями и вечерами, Том начинал мысленно видеть другого человека, гораздо более молодого, который вдруг выглядывал из телесной оболочки старого хитреца. Может быть, он видел, что подленькие бегающие глазки — всего лишь маска, призванная облегчить существование в старости, в которой он видел последнее большое унижение, выпадающее на долю человека.

Но так продолжалось недолго. Тем летом, когда Тому исполнилось шестнадцать, он вернулся с кукурузного поля и увидел старика распростертым на крыльце возле кресла-качалки. Тот не испытывал больше никаких унижений, кроме унижения смерти — если ее можно считать таковым. Том выкопал могилку и похо-

ронил деда под тем же дубом, что и мать. Он натаскал валунов, на этот раз меньшего размера, потому что ему приходилось управляться с ними в одиночку, и сложил из них надгробие...

— Ты быстро повзрослел, — сказал Монти.

— Да, наверное, — ответил Кашинг.

— А потом ты ушел в леса?

— Не сразу, — сказал Кашинг. — Оставалась ферма и скотина. Я не мог бросить скотину. Она во всем зависит от человека, так что нельзя просто взять и уйти. На крыже в десятке миль от нас жила одна семья, я слышал о ней. Им было туго. По весне, если было мало снега, они ходили за водой за целую милю. Земля у них была скудная и каменистая — плотная глина, которую трудно обрабатывать. Они жили там из-за дома, который давал тепло и кров, но больше там почти ничего не было. Дом стоял прямо на крыже, продуваемый всеми ветрами; урожаи были скудными, да и любая бродячая шайка могла разрушить дом, ведь тот был как на ладони. Вот я и пошел к этой семье, и мы заключили сделку. Они забрали мою ферму и скотину, а я выговорил себе половину прироста урожая, если будет какой-то прирост и если я когда-нибудь приду и потребую свое. Они перешли к оврагу, а я отбыл. Я просто не мог остаться: слишком мучили воспоминания. Видения и голоса стольких людей... Мне нужно было какое-то занятие. Я мог остаться на ферме, конечно, и работа там нашлась бы, но недостаточно много, чтобы избавить меня от размышлений. И воспоминаний. И созерцания этих двух могил. Не думаю, что тогда я все это осознавал. Я просто знал, что надо уйти, но прежде хотел убедиться, что за скотиной присмотрят. Можно было попросту отпустить животных на волю, но это было бы неправильно. Они стали бы гадать, что стряслось. Они привыкли к людям и надеются на них. Без людей они пропадут.

Да и о том, чем заняться после ухода с фермы, я тоже не задумывался. Просто отправился в леса. Я знал лес и реку, я там вырос. Это была дикая вольная жизнь, но поначалу я следил за собой, привыкал. Я был готов на все, лишь бы уйти за много миль и заняться делом. Но в конце концов я успокоился и побрел куда глаза глядят. Я ни за что не отвечал, мог идти, куда хочу, делать все, что хочу. К концу первого года я сошелся с

двумя другими лесными бродягами, такими же молодыми парнями, как и я. Команда получилась что надо. Мы ушли далеко на юг, поболтались там и вернулись. Провели часть весны и лета возле Огайо. Там хорошие места. Но со временем мы разошлись. Я хотел на север, а они — нет. Мне в голову лезла эта дедова история про университет, и меня разбирало любопытство. Судя по обрывкам слухов, там можно было выучиться грамоте, и я подумал, что это здорово. Не просто долдонить Библию и проповеди, а уметь читать.

— Наверное, ты был доволен своей жизнью, — сказал Монти. — Она тебе нравилась. И помогала избавиться от воспоминаний. В какой-то степени загоняла их под спуд, может быть, смягчала...

— Да, — Кашинг кивнул, — житуха была что надо. Я и сейчас вспоминаю, причем только хорошее. Ведь не все было гладко.

— А теперь тебе, наверное, хочется вернуться к ней, чтобы наконец оценить, насколько она была хороша. Так ли хороша, как твои воспоминания о ней. Ну и Звездный Город, разумеется.

— Звездный Город не дает мне покоя с тех пор, как я отыскал записки Уилсона, — ответил Кашинг. — Все время спрашиваю себя: а что если такое место и правда есть, и никто его не ищет?

— Значит, ты уходишь?

— Да, пожалуй. Но я вернусь. Я не навсегда. Только найду Город. Или выясню, что его невозможно найти.

— Твой путь лежит на запад. Ты бывал на западе? Кашинг покачал головой.

— Там совсем не то, что в лесах, — сказал Монти. — Пройдя около ста миль, ты окажешься в открытой прерии. Там придется смотреть в оба. Не забудь, нам говорили, будто бы там что-то творится. Какой-то помещик собирает племена и уходит в набеги. Они, должно быть, отправятся на восток, хотя как знать, что взбредет в голову кочевнику.

— Я буду смотреть в оба, — пообещал Кашинг.

Глава 5

Приятели катились по бульвару; как это бывало каждое утро. Это было время размышлений, усвоения и классификации всего того, что они узнали, почувствовали или получили каким-то другим путем вчера.

Небо было ясное, ни облачка, а как только взойдет звезда, начнется новое пекло. Кроме птиц, неумолчно щебетавших в кронах пожухлых деревьев, да маленьких грызунов, шаставших в траве, все было неподвижно. Буйная трава и сорняки пробивались сквозь трещины мостовой. Ветхие от времени статуи прятались в запущенных зарослях. Над ними на фоне неба маячили громады зданий.

— Я много думал о ситуации, — сказал №1, — и по-прежнему не понимаю логики Высокочтимого Старца. Зачем ему делать вид, будто он на что-то надеется? По всем критериям, выработанным нами за тысячелетия изучения галактики, господствующая раса этой планеты исчезла и не возродится. Эта раса пережила в основном тот же процесс, который мы наблюдали в других местах. Они построили свою цивилизацию, не понимая присутствующего ей изъяна, который и привел их к гибели. И все же Высокочтимый Старец утверждает, что случившееся — лишь временный провал. Он говорит, что в истории расы было немало таких временных провалов, но всякий раз она одерживала победу и возрождалась в блеске еще большего величия, чем прежде. Я иногда спрашиваю себя — а не объясняется ли его образ мысли преданностью этой самой драгоценной расе? Конечно, его безграничную

веру в этих созданий можно понять, но все свидетельствует о том, что объект веры избран им неправильно. Либо он неосознанно лукавит, либо наивен в большей степени, чем мы от него ожидали.

Глазевший на небо №2 перевел взгляд пучка глаз на собственное гладкое шарообразное туловище, потом с недоверием уставился на своего спутника.

— Дивлюсь я тебе, — сказал он. — Ты либо шутишь, либо пребываешь в большем напряжении, чем я думал. В.С. не наивен и не лукавит. Учитывая то, что нам известно, мы обязаны отдать ему должное: он совершенно искренен. Более вероятно другое: он может обладать знаниями, которыми счел за лучшее не делиться с нами. Возможно, какими-то подсознательными знаниями, которые мы не могли обрести, несмотря на все наши исследования, пробы и ошибки. Мы могли ошибиться в оценке расы...

— По-моему, — перебил №1, — это крайне маловероятно. Здешняя обстановка соответствует многократно виденной нами классической модели. Согласен, кое-какие обстоятельства не укладываются в нее, но все же модель налицо, и ее ни с чем не спутаешь. Нам доподлинно известно, что раса на этой планете погибла классическим образом, в результате создавшегося классического положения. Она переживает свой последний упадок, и ей уже не подняться...

— Я бы согласился с тобой, — сказал №2, — если б не некоторые сомнения. Я склонен думать, что здесь присутствуют скрытые факторы, которые мы не заметили или, того хуже, заметили, но обошли вниманием, сочтя второстепенными.

— Однако ответ мы получили, — упрямо ответил №1, — и нам уже давно пора бы убраться отсюда. Мы попусту тратим время. Здешняя история почти не отличается от множества уже известных нам. Так что же тебя беспокоит?

— Ну, например, роботы, — ответил №2. — Сумели ли мы уделить им то внимание, которого они заслуживают, или слишком быстро бросили изучать их? Если так, то мы могли не понять всего их значения и влияния, которое они оказывали — или все еще оказывают — на создавшееся положение. Поскольку они — суть продолжение расы, их создавшей. Возможно, важное продолжение. Они могли и не играть заранее запрограм-

мированных и ныне бессмысленных ролей, в чем мы убедили себя. Расспросы ничего нам не дали, но...

— А мы в каком-то смысле слова и не расспрашивали их, — заметил №1. — Они не давали нам проходу, и каждый норовил поведать какие-то бессмысленные истории. В том, что они говорят, нет рационального зерна. Мы не знаем, чему верить, и верить ли вообще. Все это какая-то тарабарщина. Кроме того, надо понимать, что роботы — всего лишь роботы и ничего более. Это машины, причем порой до ужаса неуклюжие. И, будучи машинами, они только олицетворяют собой симптомы упадка, свойственного всем технологическим обществам. Они глупы. Мало того, они чванливы. Нет ничего хуже тупости в сочетании с гонором. И главная беда в том, что они питаются друг другом.

— Ты слишком обобщаешь, — возразил №2. — Многие из сказанного тобой, быть может, и верно, но ведь не все же. Высокочитимый Старец, к примеру, не туп и не чванлив, он куда утонченнее иных, и тем не менее он — робот.

— Я согласен, что В.С. не туп и не чванлив, — сказал №1. — Он — воспитанный и великолепный джентльмен. Во всех отношениях. И тем не менее, как я говорил, он бывает бестолков. Он позволяет себе мыслить, основываясь на слабой надежде, а не на фактах. На надежде, опровергаемой этими фактами. Мы — подготовленные наблюдатели с долгим опытом работы. Мы существуем куда дольше, чем В.С., и все время боремся за строгую объективность, которая чужда В.С., болтающему о вере и надежде.

— По моему разумению, пора кончать наш спор, — сказал №2. — Мы начали пререкаться, и это никуда нас не приведет. Меня удивляет и огорчает, что мы, столько проработав вместе, еще способны впадать в такое состояние. Я воспринимаю это как предостережение: в нашей работе здесь что-то не так. Стало быть, мы не смогли достичь того совершенства, с которым всегда пытаемся работать, причиной чему в данном случае, должно быть, истины, ускользнувшие от нашего сознания, но не дающие нам покоя на подсознательном уровне.

— Я совершенно не согласен с тобой, — сказал №1, — однако ты прав, говоря о бесплодности нашего спора. А посему давай выжмем из нашей утренней прогулки максимум удовольствия.

Глава 6

Кашинг переправился через реку, уцепившись за наспех связанный бревенчатый плот, на котором лежали лук и колчан. Плыть так было легче. Он вошел в реку под стенами университета и отдался на волю быстрого течения, которое снесло его вниз. Том вычислил, что его прибьет к противоположному берегу там, где ручей прорезал крутые стены утеса. Тогда ему не придется карабкаться вверх: по берегу ручья легко выбраться на южную окраину города. Прежде он не бывал в этих местах и гадал, что там увидит, хотя и понимал, что южная окраина вряд ли отличается от других: те же ряды ветхих домов, либо падающих друг на друга, либо уже рухнувших; едва заметные тропы, убегающие в разные стороны, остатки древних улиц, где и по сей день твердые мостовые не заросли густой травой.

Позже взойдет луна, но сейчас землю окутывал мрак. Рябь на реке крошечными радугами отражала слабый звездный блеск, но здесь, под сенью деревьев, в месте впадения ручья в реку, уже не было видно отражения звезд.

Взяв с плота колчан, Кашинг перекинул его через плечо, потом сунул руку в лямку маленького дорожного мешка, поднял лук и осторожно оттолкнул плот ногой подальше от берега. Склонившись над водой, он следил за плотом, пока тот не исчез в темноте. Течением ручья плот отнесет на стремнину, и тогда уже никак не

догадаться, что кто-то переправлялся через реку под покровом ночи.

Плот исчез, но Кашинг все сидел, вслушиваясь и глядявываясь. Где-то на севере лаяла собака, настырно и упрямо, но вяло и бессмысленно — так, словно лай — ее главная обязанность. На том берегу ручья в кустах послышалась возня, осторожная, но деловитая. Животное, определил Кашинг. Явно не человек. Скорее всего, енот пришел полакомиться ракушками. Над головой жужжали москиты, но Кашинг не обращал на них внимания. Там, на картофельной делянке, он за много дней привык к москитам и их укусам. Их противный писк только немного раздражал, не более того.

Убедившись, что никто не видел, как он переправился, Том поднялся и зашагал по узкому берегу. Потом вошел в ручей и двинулся вверх по колено в воде, осторожно ступая, чтобы не угодить в яму. Глаза уже привыкли к темноте, и он различал черные деревья, слабый блеск бегущей воды. Том не торопился; ощупью отыскивая дорогу, он шел совсем бесшумно. Ветки низко склонились над водой, и он либо подныривал под них, либо отводил в сторону.

Пройдя с милю, он приблизился к развалинам старого каменного моста, вышел из воды и полез по склону на улицу, которая некогда вела к этому мосту. Он чувствовал под подошвами мокасин неровную твердь мостовой, поросшей травой и опутанной корнями. Собака на севере все лаяла, но теперь к ней присоединились другие, на юге и западе. Справа в кустах тревожно заверещала птица, вспугнутая каким-то своим, птичьим, страхом. На востоке за кронами деревьев мелькнул первый лунный свет.

Кашинг шел на север до перекрестка, потом свернул на запад. Он не был уверен, что до рассвета выберется из города, но хотел уйти как можно дальше. Еще до восхода солнца надо будет найти укрытие и пересидеть в нем день.

Он удивился своему странному возбуждению. Свобода, подумал он. Неужели это она приносит такую радость после долгих лет, проведенных взаперти? Интересно, так ли чувствовали себя древние американские охотники, отряхнув с ног пыль восточных поселений? Так ли чувствовали себя горные жители, о которых, как и об охотниках, рассказывали мифы, выходя к бобро-

вой запруде? Так ли чувствовали себя астронавты, устремлявшие свои корабли к далеким звездам? Если они, разумеется, вообще отправлялись к звездам...

Иногда меж деревьями мелькали черные громадины. Когда луна взошла высоко, Том разглядел, что громадины эти — руины зданий. Некоторые из них сохранили очертания домов, другие превратились в груды обломков, но еще не стали курганами и не провалились в свои котлованы. Том знал, что идет по жилым кварталам, и пытался представить себе, как они выглядели в прошлом, эти улицы, которые были обсажены деревьями, эти дома, новенькие и блестящие, окруженные зеленою лужаек. И люди в них. Вон там жил врач. Напротив — юрист. Чуть дальше по улице — владелец магазина компьютеров. Дети играли на лужайках с собаками, совершал обходы почтальон, у тротуара стояла машина. Том пожал плечами и спросил себя, верна ли представленная им картина и не очень ли он ее романтизирует. В подшивках старых журналов встречались фотоснимки таких улиц. Но, может быть, эти улицы тщательно отбирали для съемок, и по ним нельзя судить обо всей картине в целом?

Луна светила ярче, и Том видел, что мостовая, по которой он шел, покрыта низкими кустами и опутана корнями, между которыми была протоптана узкая извилистая тропинка, огибавшая самые густые заросли. Оленья тропа? Или же по ней ходили в основном люди? Если люди, то надо с нее сойти. Однако в конце концов Том решил остаться на тропинке. Только по ней можно было двигаться дальше, потому что по сторонам путь преграждали заросли и бурелом, старые дома и, что еще хуже, предательские подвалы, зиявшие ямами.

Том зацепился за что-то ногой, потерял равновесие и упал, оцарапав щеку. Сзади послышался тяжелый глухой удар. Кое-как поднявшись, Том увидел оперенную стрелу, которая вонзилась в ствол дерева у тропинки. Западня, подумал он. Господи, западня, и он едва не попался. Еще пара дюймов, и стрела вонзилась бы в плечо, а то и в горло. Он почувствовал холодный страх и ярость. Зачем тут западня? Кого она подстерегает — оленей или людей? Надо бы спрятаться и подождать до утра, когда охотник придет взглянуть на свою добычу. А потом пустить в него стрелу, чтобы он уже никогда

не устраивал таких ловушек. Но на это нет времени: к утру надо убраться подальше отсюда.

Он вылез из хитросплетения корней и устремился в кусты, прочь от этой улицы. Идти стало труднее: лунный свет не пробивался сквозь густую листву, и Кашинг без конца спотыкался.

Внезапно он услышал звук, заставивший его остановиться. Замерев с поднятой ногой, он весь обратился в слух. Сердце стукнуло один или два раза — звук раздался снова. Теперь Кашинг узнал его: это был глухой бой барабана. Том ждал. Звук повторился, уже громче и раскатистее. Потом барабан смолк, но вскоре забил опять — еще громче и настойчивее. Теперь звучало несколько барабанов, зычное буханье самого большого из них отбивало ритм.

Том растерялся. Он пробирался к южной окраине и считал, что здесь он не наткнется на племенные стоянки. Ну и дурак, что считал. Никто не мог бы сказать, где именно разбит лагерь. Племена, не выходя за границы города, бродили по нему во всех направлениях. Если окрестности лагеря становились небезопасными, племя снималось и уходило дальше по улице.

Барабаны звучали все громче. Том определил, что они где-то впереди. Может быть, чуть севернее. Наверное, какое-нибудь празднество — годовщина племени или что-то еще. Том опять двинулся вперед. Надо было убираться отсюда и идти дальше, не обращая внимания на барабаны. Их бой нарастал. Теперь в нем слышалось нечто свирепое и кровожадное, нечто такое, чего он поначалу не заметил. Кашинг с содроганием прислушивался к этим звукам, в которых было что-то завораживающее. Иногда в промежутках между ударами слышались крики и лай собак. Впереди, примерно на расстоянии мили, Кашинг заметил пламя костров, отражавшееся от небосвода на северо-западе.

Том остановился, чтобы обмозговать ситуацию. Что творится там, за гребнем холма справа? Гораздо ближе, чем он думал поначалу. Может быть, свернуть к югу, подальше от греха? Возможно, племя выставило дозорных, и нет смысла искушать судьбу, рискуя нарваться на них.

Том не двигался. Он стоял, прижавшись спиной к дереву, и смотрел на холм, прислушиваясь к барабанам и крикам. Может быть, стоило бы узнать, что там

делается? Это почти не займет времени. Он тихонько заберется наверх, поглядит и опять двинется в путь. Никто его не заметит. Надо только остерегаться дозоров. Конечно, светит луна, но сюда, под сень густой листвы, ее свет почти не проникает.

Он не сразу осознал, что лезет вверх, на холм. Кашинг двигался, согнувшись в три погибели, иногда полз на четвереньках, отыскивая тень погуще, примечая любой шорох; ветви бесшумно скользили по его кожаной одежде.

Монти предупреждал его о какой-то опасности. На западе. Одну из банд кочевников вдруг обуяла жажда завоеваний, и она, возможно, движется на восток. Может быть, городские племена засекли эти перемещения и теперь вгоняют себя в воинственный раж?

У гребня холма Том стал еще осторожнее. Между перебежками он осматривался и только после этого делал следующий шаг. Гвалт за холмом нарастал: барабаны гремели, крики не смолкали. Собаки продолжали возбужденно лаять.

Наконец Кашинг добрался до вершины и увидел внизу, в котлообразном углублении, кольцо из костров и вопящих танцоров. Посередине стояла поблескивающая пирамида, отражавшая сполохи буйного пламени.

Пирамида из черепов, подумал Кашинг, из отшлифованных человеческих черепов. Но тут он кое-что вспомнил и понял, что ошибся. Он смотрел на пирамиду не из человеческих черепов, а из мозговых кожухов давно погибших роботов. Отполированные, сверкающие мозговые кожухи роботов, чьи корпуса проржавели и рассыпались много веков назад.

Уилсон писал об этих пирамидах, вспомнил Кашинг, и размышлял о мистическом или символическом значении таких вот собраний, выставляемых на всеобщее обозрение.

Том приник к земле, чувствуя, что дрожит все сильнее. Эта дрожь наполняла его страхом давно минувших веков, догоняла и хватала своими ледяными пальцами. Он почти не обращал внимания на скачущих горлопанов, во все глаза глядя на пирамиду. В ней было что-то варварское, нечто такое, от чего Том почувствовал холодок и слабость и начал осторожно пятиться назад, вниз по склону. Он двигался так же опасно, как и прежде, но теперь был охвачен липким страхом.

У подножия холма он поднялся и пошел на юго-запад, по-прежнему осторожно, но уже быстрее. Бой барабанов и крики за спиной утихали и вскоре превратились в невнятный отдаленный гул. Но Кашинг продолжал подгонять себя. Вперед, вперед...

Небо на востоке чуть побледнело, когда он отыскал укрытие, в котором можно было пересидеть день. Похоже, это был какой-то старый дом, стоявший над озером и окруженный еще сохранившейся металлической изгородью. Посмотрев на восток, через озеро, он попытался отыскать то место, где отплясывало племя, но не увидел ничего, кроме тонкой струйки дыма. Дом был сложен из камней и кирпичей и так хорошо укрыт за деревьями, что Том заметил его, лишь когда пролез в пролом изгороди и почти налетел на стену. На крыше у торцевых стен торчали печные трубы, вдоль фасада тянулся полуразвалившийся портик. За домом стояло несколько кирпичных построек поменьше, наполовину утонувших в зарослях. Трава была высокая, но кое-где еще сохранились клумбы, и на некоторых цвели многолетние цветы, неподвластные векам, прошедшим с тех пор, как дом был покинут его обитателями.

На рассвете Том произвел разведку. Судя по всему, в последнее время тут никого не было. Ни тропинок, ни следов, ни примятой травы. Много веков назад этот дом, должно быть, подвергся разграблению, и теперь сюда просто незачем было возвращаться.

Кашинг не подходил к дому, удовлетворившись тем, что хорошенько рассмотрел его из своего укрытия среди деревьев. Убедившись, что дом покинут, он поискал укромный уголок, чтобы спрятаться, и нашел его в густой купе сирени, росшей на довольно обширном участке. Опустившись на четвереньки, Том пролез в самую чащу и нашел местечко, где можно было лечь.

Он поднялся и привалился спиной к переплетенным стволам сирени. Зелень поглотила его, и ни один прохожий не заметит, что здесь кто-то есть. Том отстегнул колчан и положил вместе с луком рядом с собой, потом снял с плеча мешок и развязал его. Достав кусок вяленого мяса, он ножом отрезал ломтик. Мясо было жесткое и почти не сохранило запаха, но в пути такая пища очень удобна. Она не портится, почти ничего не весит и хорошо поддерживает жизненные силы — эта добрая и славная говядина, высушенная до такой степе-

ни, что в ней не осталось почти никаких соков. Том сидел и жевал, чувствуя, как уходит напряжение. Казалось, оно стекает из тела в землю, сменяясь усталой расслабленностью. Тут можно найти убежище и покой. Худшее позади. Он пересек город и добрался до западной окраины, избегнув всех опасностей, живым и невредимым.

Однако он понимал, что обманывает себя, думая так. Собственно, опасностей или угроз даже не было. Лично ему ничто не угрожало: западня — случайность. И сооружена была, скорее всего, для оленя или медведя, а Том попросту напоролся на нее. Опасность породила его собственная беспечность. Во враждебной или незнакомой стране нельзя идти по тропам. Надо держаться от них подальше, в самом крайнем случае идти параллельно им, обратившись в зрение и слух. Он научился этому за три года лесного бродяжничества, и ему следовало бы лучше помнить уроки. Он дал себе приказ впредь не зевать. Жизнь в университете убавляла, внушала чувство ложной безопасности, и в итоге весь его образ мыслей изменился. Если он намерен пробраться на запад, надо вспомнить об осторожности.

Глупо было лезть на холм и пялиться на этот праздник, или что-то там еще. Беспечность и ничего больше. Внушая себе мысль о необходимости узнать, что происходит, он попросту дурачил себя. На самом деле он поддался порыву, чего никогда не должен делать одинокий путник. И что он, собственно, обнаружил? Племя, или несколько племен, отмечавших какой-то неведомый праздник. Да еще подтверждение правоты Уилсона, писавшего о пирамидах из мозговых кожухов роботов.

Мысль об этих кожухах заставила его содрогнуться. Даже сейчас это воспоминание нагоняло на него безотчетный и неотвязный страх. Почему? Почему мозговые кожухи роботов вызывают у людей такие чувства?

Немногочисленные птицы запели свои утренние песни. Легкий ночной ветерок на рассвете вовсе утих, и листья были совершенно неподвижны. Том доел кусок, сложил остатки вяленого мяса обратно в мешок, потом потянулся и улегся спать.

Глава 7

Когда он вылез из кустов сирени, она уже поджидала его. День был в самом разгаре. Она стояла прямо против лаза, проделанного им в кустах, и он понял, что тут кто-то есть, увидев пару босых ног в траве. Ноги были грязные, облепленные ошметками земли, с полomанными и неухоженными ногтями. Том застыл, увидев их, потом перевел взгляд повыше, на оборванный, выцветший и заляпанный халат, ниспадавший до лодыжек. Еще выше. Вот халат кончился, и Том увидел ее лицо, наполовину скрытое копной спутанных седых волос, из-под которой выглядывали холодные как сталь глазки, а в них поблескивали смешинки. В уголках глаз обозначились веселые морщинки, похожие на вороньи лапки. Тонкий искривленный рот, сжатые губы. Казалось, она пытается сдержать ликующий возглас. Том до боли выгнул шею и глупо посмотрел на нее.

Она хихикнула и выкинула коленце джиги.

— Ну, паренек, попался! — заорала она. — Попался! Лежишь на брюхе у моих ног, только и осталось, что облобызывать их! Я за тобой весь день слежу, поджидаю. Не бужу. Позорище. Да ты меченый!

Он быстро оглядел ее и почувствовал стыд оттого, что эта скандальная крикливая старуха поймала его. Она была одна. Вокруг больше никого.

— Ладно, вылезай, — велела она. — Подымайся и дай мне посмотреть на это чудо. Не часто старой Мэг удастся поймать такую птичку!

Он выкинул из лаза лук, колчан и мешок, потом поднялся и оказался лицом к лицу со старухой.

— Вы только взгляните на него! — ликующе воскликнула она. — Ну чем вам не прекрасный образчик? А ты, парень, обмишурился. Решил, что никто не узнал о твоей маленькой шалости. Ты, небось, думал, что никто не заметил твоего прихода на рассвете? Как бы не так! Хотя, надо признать, ты оказался ловчее других: все осмотрел, только потом полез. Но даже тогда я уже знала, что на тебе отметина.

— Хватит болтать, — грубо оборвал ее Том. — О какой это отметине ты говоришь? И как ты меня приметила? Почуяла, что ли?

— А он не дурак, — сказала она. — И говорит как по-писаному. «Почуяла», я думаю, как раз то самое слово. Я тебя впервые вижу, но я знала, что ты здесь и куда шел. И следила за тобой, пока ты дрых тут целый день. Как ни крути, а старушенцию не проведешь.

— Отметина, — пробормотал Том. — Что за отметина? У меня нет никаких отметин.

— Печать величия, дорогуша. Какая же еще может быть отметина? Эдакий здоровяк, ищущий великих приключений.

Том нагнулся, поднял мешок и сердитым жестом перебросил его через плечо.

— Ладно, посмеялась, и будет, — сказал он. — Я пошел.

Она положила руку ему на плечо.

— Не спеши, мой хвастунишка. Ты разговариваешь с Мэг, ведьмой с холма. Я могу тебе помочь, если захочу. А я, наверное, захочу, потому что ты симпатяга и сердце у тебя доброе. Я чувую, что тебе нужно помочь, и надеюсь, что ты не такой уж гордец и в случае чего попросишь о помощи. Хотя молодежь всегда страдает гордыней. Может, мои способности и невелики, а порой я даже сомневаюсь, что я — ведьма. Но слыть ведьмой почти так же славно, как и быть ею на самом деле. А поскольку меня считают ведьмой, я заламываю хорошую цену за свои услуги. Ибо, если попросить мало, все будут думать, что я — плохая ведьма. Но с тебя, маль-

чик, я ничего не возьму, потому что ты беднее церковной мыши, и тебе все равно платить нечем.

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказал Кашинг. — Особенно если учесть, что я не просил вас о помощи.

— Вы только послушайте! Сколько в нем гордыни и надменности, — воскликнула Мэг. — Он не знает, чем ему может помочь такой старый мешок с костями. Но я не старый мешок, парень, а только пожилой. Не то, что раньше, конечно, но еще и не совсем дряхлый. А молодым всегда есть чему поучиться у старших и опытных. Но тебе, я чувствую, мое искусство ни к чему.

— Вообще-то...

— Ну ладно. Чайник вскипел, и ты окажешь Мэг любезность, если присядешь к ее столу. Коли тебе надо идти, так лучше уж с полным желудком. Я чувствую в тебе какое-то величие. Мне бы хотелось побольше узнать о нем.

— Нет во мне никакого величия, — возразил Том. — Я просто лесной бродяга.

— И все же я чувствую величие, — сказала Мэг. — Или стремление к величию. Я это всегда распознаю. Утром сразу почувствовала. Что-то такое у тебя в черепушке. Какое-то в тебе бурлит возбуждение.

— Послушай, — с отчаянием проговорил он, — я просто лесной бродяга. А теперь, если ты не против...

Она крепче ухватила его за плечо.

— Теперь ты не можешь убежать. Как только я тебя почувствовала...

— Не понимаю, как ты могла меня почувствовать. Ты вынюхала меня или прочитала мои мысли? Люди не умеют читать мысли. Ан нет, стой, пожалуй, могут. Я видел какую-то книжку...

— Парнишка, да ты никак грамотный?

— Разумеется.

— Тогда ты, должно быть, из университета. Ведь за его пределами мало кто может разобрать хоть строчку. Что же случилось, бедняжка мой? Они тебя выкинули?

— Нет, — уже еле сдерживаясь, ответил он, — не выкинули.

— Тогда, сынок, дело куда интереснее, чем я думала. Хотя мне следовало бы знать. Ты так взволнован. Университетские не выбирают в мир по пустякам. Они сидят в укрытии и боятся собственной тени...

— Я был лесным бродягой, прежде чем пришел в университет, — сказал Кашинг. — Я провел в лесу пять лет, а теперь снова взялся за старое. Замучился картошку тяпать.

— О, какая бравада! — воскликнула Мэг. — Он меняет тяпку на лук и идет на запад, чтобы дать отпор наступающей орде. Или цель твоих поисков настолько важна, что тебе наплевать на набеги захватчиков?

— То, что я ищу, возможно, не более чем легенда, пустой шепот веков. Но ты говоришь, на нас наступает какая-то орда?

— Тебе-то, конечно, откуда знать? Забились там за свои стены и бормочете о прошлом, а что вокруг творится — знать не желаете.

— Там, в университете, мы слышали разговоры о захватчиках, которые, возможно, уже выступили в поход.

— И даже более того, — добавила Мэг. — Орда мчится сюда и растет на ходу. Их цель — этот город. Иначе с чего там вчера ночью били в барабаны?

— Я тоже думал об этом, — сказал Кашинг. — Но, разумеется, ничего не знал точно.

— А я их караулила, — сообщила Мэг. — Чтобы отправиться в путь при первом признаке их приближения. Потому что если они поймают старую Мэг, то повесят ее. Или сожгут. Или подвергнут это хрупкое тело другим пыткам и издевательствам. Они не любят ведьм, а мое имя им известно, хоть у меня и скромные способности.

— Но есть же городские жители, — сказал Кашинг. — Они пользовались твоей помощью. Сколько лет ты верой и правдой им служила. Тебе надо просто пойти к ним. Они защитят тебя.

Мэг сплюнула.

— Твое простодушие приводит меня в ужас, — сказала она. — Они сунут мне нож под ребра. Они меня не любят. Они меня ненавидят. Когда их охватывает слишком сильный страх, или жадность, или еще какое-нибудь чувство, непосильное для них, они приходят ко мне, умоляя о помощи. Но приходят лишь тогда, когда им больше некуда податься, поскольку считают, что могут замараться, имея дело с ведьмой. Они боятся меня, а потому ненавидят. Ненавидят, даже принимая мою помощь.

— Тогда тебе уже давно следовало бы убраться отсюда.

— Что-то меня не отпускало, — ответила она. — Несмотря на то что я знала: надо уходить. Даже понимая, что делаю глупость, я все равно осталась. Словно в ожидании чего-то. Я все размышляла, а теперь поняла. Возможно, мои способности больше, чем мне казалось. Я ждала, когда появится защитник, — и вот он появился.

— Да уж, черт возьми.

Она вздернула подбородок.

— Я пойду с тобой. Можешь говорить что угодно, но я иду с тобой.

— Я отправляюсь на запад, — сказал Кашинг. — И ты со мной не пойдешь.

— Сначала мы двинемся на юг, — невозмутимо ответила Мэг. — Я знаю дорогу. Я покажу тебе, куда идти. На юг до реки, а потом — вверх по течению. Так мы будем в безопасности. Орда станет держаться холмов, потому что по речной долине идти трудно.

— Я пойду очень быстро, — предупредил Кашинг. — И ночью.

— У Мэг есть чары, — сказала она, — и способности, которые можно пустить в дело. Она умеет чувствовать чужие мысли.

Том покачал головой.

— У меня есть лошадь, — заявила она. — Не благородных кровей, конечно, но умная и добрая. Она может везти все наши пожитки.

— Я ношу свои пожитки за спиной.

— Я возьму в дорогу ветчину, шмат сала, муку, соль, одеяла и подозрную трубу.

— Что значит «подозрная труба»?

— Зрительная труба с двумя окулярами.

— Ты имеешь в виду бинокль?

— Он очень старый. Один человек пришел ко мне за помощью и расплатился этим биноклем.

— Бинокль бы пригодился, — признался Кашинг.

— Ну вот видишь. Я не буду тебя задерживать в пути. Я быстроногая. Впрочем, Энди — доходяга. Но пойдет так, что мы его и замечать не будем. Да и не оставишь ты, благородный искатель легенд, беспомощную женщину...

— Беспомощную! — фыркнул Кашинг.

— Парень, ты не можешь не понимать, что мы пригодимся друг другу. Ты с твоей удалю, да старая Мэг с ее способностями...

— Нет, — отрезал он.

— Пойдем в дом, — предложила она. — Там найдется пшеничная мука для оладий, кувшинчик сорго, а то и ломтик ветчины. За едой расскажешь мне, что ты ищешь, и мы помозгуем, как быть дальше.

— Ладно, отвечаю твоих оладий, — сказал Том. — Но это ничего тебе не даст. Я не возьму тебя с собой.

Глава 8

Они выступили в путь, едва вошла луна. Кашинг шагал впереди, удивляясь, как это он согласился взять с собой Мэг. Он твердил «нет», она долдонила «да» — и в результате они вместе. «Может, это колдовство?» — спрашивал он себя. Если так — что в конце концов возможно, — то ее присутствие могло бы пойти на пользу. Если она умеет околдовывать других так же, как его, это может пригодиться.

И все-таки это обременительно, говорил он себе. В одиночку можно шнырять по лесу, думая только о себе, можно идти, как хочется. А когда вас двое, да еще лошадь, это невозможно. Особенно из-за лошади. Он должен был заявить: «Ладно, пошли, только пусть лошадь останется». Но в присутствии Энди у него не хватило духу так сказать. Он не мог бросить Энди, точно так же, как несколько лет назад не смог бросить скотину на своей ферме.

Мэг говорила, что Энди — доходяга, но Кашинг, едва взглянув на него, понял, что это ласковая и доверчивая лошадь. И неуклюжая. Энди знал, что он — не скакун благородных кровей. Терпеливое животное, он рассчитывал на людскую доброту и заботу. Это был мешок с костями, умудравшийся несмотря ни на что выглядеть деловитым и опытным конягой.

Кашинг направился на юго-восток, к долине реки Миннесота, как и предлагала Мэг. Миннесота представ-

ляла собой узкую извилистую речушку, бежавшую среди низких утесов и впадающую в Миссисипи чуть дальше к югу. Вчера вечером Том переправлялся через более широкую и полноводную реку. Долина густо поросла лесом и могла быть удобным укрытием, хотя ее многочисленные изгибы на много миль удлинляли себе путь на запад.

«Куда мы идем?» — думал он. Куда-то на запад — это все, что он знал. Это все, что знал Уилсон. Но как далеко на запад? В какую сторону? Где это? На ближайшем плоскогорье или у подножия Скалистых гор? Или в великих юго-западных пустынях? Я иду вслепую, размышлял он. Это безумие, если подумать.

Когда он рассказал Мэг о Городе, она вспомнила, что где-то слышала такую легенду, но не могла сказать, когда и от кого. Старуха была так рада возможности убраться из города, что даже не стала зубоскалить по этому поводу. Возможно, по пути им удастся узнать еще что-либо. Вдруг они встретят кого-нибудь, кто слышал об этом побольше? Если об этом вообще может быть известно больше. Если Звездный Город действительно существует.

А если он есть, чего они добьются, обнаружив его? Даже найдя город и доказав, что человек когда-то летал к звездам, смогут ли они что-то изменить? Прекратят ли кочевники грабежи и набеги? Создадут ли городские племена справедливое правительство? Потянутся ли люди в университет? Начнется ли возрождение? Выберется ли человечество из животного состояния, в которое само себя ввергло?

Ничего этого не произойдет. Будет лишь удовлетворение, что когда-то, больше тысячи лет назад, человек мог покидать Солнечную систему и летать в космос. Этим можно будет гордиться, но гордость сама по себе мало чего стоит в нынешнем мире.

И все же пути назад нет, сказал себе Том. Он отправился на поиски, быть может, поддавшись порыву, скорее под влиянием чувств, а не разума. И он должен оставаться верным своей цели, даже если ее достижение не принесет ему никакой прибыли. Даже если эта вера глупа, надо как-то поддерживать ее. «Почему?» — спросил он себя и не нашел ответа.

Луна уже стояла высоко на востоке. Город остался за спиной. Путешественники шли по дальнему пред-

местью. Справа торчала покосившаяся водонапорная башня — еще несколько лет, и она с грохотом рухнет.

Кашинг остановился и дождал оставших. Энди мягко ткнулся мордой ему в грудь и ласково засопел. Кашинг тихонько погладил его гривастую голову, подергал за уши.

— Ты ему нравишься, — сказала Мэг, — а он не каждого любит. Эта лошадь разборчивая. А почему бы ему не любить тебя? Ведь он, как и я, видит, что ты меченый.

— Давай забудем об этом, — сказал Кашинг. — Обо всяких там отметинах. Нет на мне никакой печати. Что ты знаешь об этих местах? И что нам делать — идти, как идем, или повернуть на юг?

— На юг, — ответила она. — Чем быстрее мы доберемся до долины, тем скорее окажемся в безопасности.

— Эта орда, о которой ты говорила, — далеко?

— День пути, может, два. Неделю назад городские разведчики засекли ее в ста милях к западу. Кочевники собирали силы и готовились к походу. Скорее всего, они пойдут не спеша, поскольку торопиться им, похоже, незачем. Город здесь, к их услугам, к тому же они не знают, что их заметили.

— И пойдут точно с запада?

— Паренек, да не знаю я! Думаю, что так.

— Значит, у нас есть немного времени?

— Но только немного, — предупредила она. — И нет смысла его терять. В долине можно будет вздохнуть свободнее.

Кашинг снова зашагал вперед. Мэг и Энди последовали за ним. Пустое безжизненное место. Лишь иногда выскакивал из укрытия кролик и мчался прочь, или сонно щебетала вспугнутая птица. Один раз из долины реки донесся крик енота.

Услышав храп Энди, Кашинг остановился. Лошадь что-то увидела или уловила какой-то звук, и лучше внять ее предупреждению.

Мэг бесшумно подошла к Тому.

— Что там такое, парень? Энди что-то почуял. Ты видишь что-нибудь?

— Не двигайся. Пригнись к земле и замри, — велел он.

Похоже, ничего. Кучи мусора на месте домов, густые кусты, длинные вереницы деревьев вдоль бывших бульваров. Энди притих за спиной.

Прямо перед ними, посреди некогда пролежавшей тут улицы, торчал камень. Небольшой, высотой примерно по пояс. Странно, откуда камню взяться здесь, посреди улицы?

Мэг протянула руку и стукнула Кашинга по ноге.

— Том, там кто-то есть, — заметила она. — Я их чую, но слабо: слишком далеко.

— Как далеко?

— Не знаю. Сигнал слабый и идет издалека.

— Откуда?

— Прямо перед нами.

Они ждали. Энди разок ударил копытом о землю и притих.

— Страшно, — сказала Мэг. — В дрожь бросает. Они не такие, как мы.

— Мы?

— Мы люди. А они нет.

В долине снова закричал енот. Кашинг напряженно вглядывался, пытаясь заметить малейшее движение, малейший признак чьего-то присутствия.

— Это камень, — шепнула Мэг.

— За ним кто-то прячется?

— Никто не прячется. Это сам камень.

Они подождали.

— Странное место для камня, — рассудил Кашинг. — Прямо посреди улицы. Кто его сюда притащил? И зачем?

— Этот камень живой, — сказала Мэг. — Он мог сам сюда приползти.

— Камни не умеют двигаться. Кто-то должен их передвигать.

Мэг промолчала.

— Оставайся на месте, — велел Том.

Он бросил лук, выхватил из-за пояса топорик и подбежал к валуну. Ничего не случилось. Он обошел камень кругом. За ним было пусто. Том протянул руку и потрогал его. Валун был теплый — теплее, чем должен быть камень. Солнце уже давно зашло, и камни должны остыть. Но этот теплый. Теплый и гладкий, скользкий на ощупь. Как будто его специально шлифовали.

Энди и Мэг двинулись вперед.

— Он теплый, — сказал Кашинг.

— Он живой, — ответила Мэг. — Запиши это, удалец. Живой камень, или нечто, похожее на камень.

— Мне это не нравится, — сказал Кашинг. — Попадает колдовством.

— Никакого колдовства, — заявила Мэг. — Это что-то совсем другое. Что-то ужасное. Что-то, чего быть не должно. Это не похоже на человека, вообще ни на что не похоже. Застывшие воспоминания. Вот что я чувствую. Застывшие от времени воспоминания. Но их не прочтешь. Какое-то безразличие. Холодное безразличие.

Кашинг огляделся. Все спокойно. Деревья на фоне белесого лунного света. Мягкое звездное небо. Кашинг попытался подавить шевельнувшийся в нем ужас, горьким комком подступивший к горлу.

— Ты никогда не слыхала ни о чем таком? — спросил он.

— Никогда, парень. Никогда в жизни.

— Давай-ка мотать отсюда, — сказал Том.

Глава 9

Когда-то по долине пронесся ураган и проделал узкую просеку, повалив деревья, росшие между берегом и вершиной утеса. Лесные исполины рухнули, сложенные или вырванные с корнем, и образовали громадный завал. Пожухлые сухие листья еще висели кое-где на ветвях.

— Здесь мы будем в безопасности, — сказал Кашинг. — Всем, кто двинется с запада, придется огибать эти деревья.

Отводя ветви в сторону, они помогли Энди пробраться на полянку, достаточно большую, чтобы он мог прилечь, и достаточно травянистую, чтобы попастьись.

Кашинг показал на поваленный черный дуб, корни которого нависали над ямой в том месте, где прежде росло дерево.

— Сюда, — сказал он. — Тут нас никто не заметит.

— Я сварганю завтрак, парень, — предложила Мэг. — Чего ты хочешь? Может, горячего хлеба с салом?

— Пока не надо. Поосторожнее с огнем. Только самое сухое дерево, чтобы не дымило, и костерок должен быть поменьше. Я займусь этим, когда вернусь. Не делай ничего сама, костер я беру на себя. Если кто-нибудь унюхает дым, начнут искать.

— Когда ты вернешься? Куда ты намылился, сынок?

— На утес. Хочу оглядеться, нет ли кого поблизости.

— Тогда захвати подозрную трубу.

С вершины утеса Кашинг окинул взглядом раздолье буйной прерии, где лишь изредка попадались купы деревьев. Далеко на севере виднелось несколько домов в маленькой роще — бывшая ферма. От построек мало что осталось. Кашинг разглядел в бинокль остов сарая — очевидно, капитального строения. Часть крыши обвалилась, но стены еще были целы. За сараем виднелся холмик на месте меньшего и не такого прочного строения. Сохранился и кусок частокола.

Спрятавшись в кустах, Кашинг терпеливо и тщательно обозревал прерию, переводя бинокль с запада на восток.

На востоке паслось стадо оленей. Потом на глаза попался барсук возле своей норы. На склоне пологого холма сидела на камне красная лисица и высматривала легкую добычу.

Кашинг продолжал наблюдать. Никакой небрежности, приказал он себе. Надо наверняка убедиться, что в прерии нет никого, кроме животных. Он снова посмотрел на запад и медленно повел бинокль к востоку. Олени были на месте, но барсук исчез. Скорее всего, забился в нору. Лиса исчезла тоже.

Вдруг Том заметил какое-то движение. Медленно переводя бинокль, он присмотрелся получше. Вдалеке что-то быстро двигалось. Потом он разглядел приближавшуюся кавалькаду. Кашинг попытался сосчитать всадников, но они были слишком далеко. Направлялись они не прямо в его сторону, а на юго-восток. Он следил за ними, будто зачарованный. Наконец-то можно их сосчитать. Девятнадцать или двадцать. Одетые в кожу и шкуры, они держали в руках щиты и копья. Их низкорослые коротконогие лошади скакали ровным галопом.

Значит, Мэг была права: орда выступила в поход. Это, должно быть, фланговый отряд, а главные силы дальше к северу.

Он следил за всадниками, пока те не скрылись из виду, потом оглядел прерию в поисках новых отрядов. Больше никто не появился, и Том, удовлетворившись итогами разведки, сунул бинокль в футляр и начал спускаться с утеса. Возможно, появятся и другие небольшие отряды, но нет смысла их дожидаться. Вероятно, Мэг права, и они не пойдут по прерии к долине реки.

Дойдя до середины спуска, Том вдруг услышал голос, раздавшийся из кучи бурелома.

— Друг, — произнес кто-то негромко, но отчетливо.

Том замер с поднятой ногой и быстро огляделся.

— Друг, — снова раздался голос, — есть ли в твоём сердце сострадание к несчастнейшему из несчастных?

«Ловушка!» — подумал Кашинг и проворно выдернул из колчана стрелу.

— Нет нужды страшиться меня, — снова зазвучал тот же голос. — Даже будь у меня желание, я не смог бы причинить тебе вреда. Меня придавило деревом, и я был бы благодарен за любую помощь, которую ты сможешь мне оказать.

Кашинг заколебался.

— Где ты? — спросил он.

— Справа от тебя, — ответил голос. — На краю завала из деревьев. Я вижу тебя с того места, где лежу. Если ты пригнешься, то наверняка заметишь меня.

Кашинг сунул стрелу в колчан, пригнулся и заглянул в лабиринт веток. На него смотрело лицо, при виде которого Том ахнул от изумления. Он никогда прежде не встречал таких лиц, похожих на голый череп, сделанный из твердых пластин, которые блестели в лучах солнца, пробивающихся сквозь ветки.

— Ты кто? — спросил он.

— Я — робот Ролло.

— Ролло? Робот? Не может быть. Роботов больше нет.

— А я — есть, — отвечал Ролло. — Не удивлюсь, если я — последний из роботов.

— Но что ты делаешь тут, робот?

— Я тебе говорю, помнишь? Меня придавило деревом. К счастью, небольшим, но из-под него невозможно выбраться. Мне жало ногу, и я пытался высвободить ее, но это невозможно. Я пробовал копать землю, чтобы освободиться, но это тоже невозможно. Под ногой твердый камень, на ноге — дерево. Я не могу изогнуться и приподнять дерево. Я все испробовал, но ничего не могу поделать.

Кашинг полез под нависшие ветви. Протиснувшись вперед, он добрался до упавшего робота, присел на корточки и огляделся.

Он помнил изображения роботов в библиотечных журналах, сделанные еще до того, как появились первые настоящие роботы. На рисунках были громадные,

неуклюжие, стальные, двуногие существа, которые, несомненно, передвигались бы с громким лязгом. Ролло был совершенно на них не похож. Это было стройное создание, почти худое. Массивные широкие плечи, голова чуть больше, чем надо. Затем корпус сужался, переходя в тонкую талию, чуть расширяясь в тазе, чтобы было куда вставить шарниры ног, стройных и аккуратненьких, при взгляде на которые Кашингу вспомнились ноги оленя. Одну из них придавило тяжелым суком дерева, отвалившимся от исполинского клена, когда тот рухнул на землю. Сук имел больше фута в диаметре.

Ролло заметил, что Кашинг разглядывает сук.

— Я мог бы поднять его и вытащить ногу, но не в состоянии изогнуться, чтобы ухватиться за него.

— Сейчас посмотрим, что можно сделать, — сказал Кашинг.

Он пополз вперед на четвереньках и сунул руку под сук. Попытавшись приподнять его, он понял, что сможет лишь чуть-чуть его сдвинуть.

— Попробую поднять, — сказал он. — Я подам знак, а ты выдергивай ногу.

Кашинг подобрался поближе, удобнее расставил колени, наклонился и просунул под сук обе руки.

— Давай! — проговорил он, поднатужился и чуть-чуть приподнял сук. Он снова потянул его вверх.

— Я свободен, — сообщил Ролло. — Тебе почти не пришлось сдвигать его.

Кашинг осторожно отпустил сук, и тот упал на землю. Ролло ползал по земле. Он вытащил из-под кучи листьев кожаную торбу, поискал еще и нашел копье с железным наконечником.

— Прежде я не мог до них дотянуться, — объяснил он. — Когда этот сук упал на меня, я их выронил.

— Как ты? — спросил Кашинг.

— Разумеется, в исправности, — ответил робот. Он сел, обхватил пострадавшую ногу руками и осмотрел ее.

— Ни вмятины. Прочный металл.

— Может, расскажешь, как ты угодил в такой переплет?

— С удовольствием. Я шел, когда началась буря. Я не очень беспокоился: небольшой дождь не повредил бы мне. Но потом ударил торнадо. Я услышал его приближение и попытался убежать. Но, наверное, по-

пал в самый центр урагана. Вокруг трещали деревья. Меня начало поднимать ветром, потом снова бросило наземь. Я упал, растянулся. Тут-то меня и придавило. Сук отломился и прижал меня. А потом все кончилось, буря прошла, но я не мог двинуться. Поначалу я подумал, что это лишь маленькое неудобство. Я был уверен, что сумею освободиться. Но, как видишь, это оказалось невозможно.

— Давно это случилось?

— Могу сказать абсолютно точно. Я считал. Восемьдесят семь дней назад. Что меня беспокоило, так это ржавчина. В торбе у меня было немного медвежьего жира...

— Медвежьего жира?

— Да, медвежьего жира. Сперва убиваешь медведя, потом разводишь костер и вытапливаешь жир. Вообще-то любой жир годится, но медвежий лучше всего. Где еще достать жир, если не у животных? Когда-то мы пользовались продуктами переработки нефти, но их нет уже много столетий. Животный жир — дрянь, но за неимением лучшего... О таком теле, как у меня, надо заботиться. Нельзя допускать, чтобы оно начало ржаветь. Металл хороший, но ржавчина все равно может появиться. Восемьдесят семь дней — чепуха, но я попал бы в беду, если б ты не проходил мимо. Я решил, что когда-нибудь дерево сгниет, и я освобожусь. Но на это могло понадобиться несколько лет. Не знаю, сколько уж. Да и скучно было лежать: все время перед глазами одно и то же. Поговорить не с кем. У меня была Трепещущая Змейка, она годами вокруг меня вилась. Ничего не делала, ни на что не годилась, конечно, только крутилась вокруг и наскакивала, словно играя. Но когда меня зажало под деревом, моя трепещущая старуха исчезла, и больше я ее не видел. Останься она со мной, была бы какая-никакая компания. Хоть было бы на что посмотреть. И я мог бы говорить с нею. Она никогда не отвечала, но я много с ней разговаривал. А едва меня прищемило, она погасла, и поминай как звали.

— Если не секрет, что такое Трепещущая Змейка?

— Я не знаю, — ответил Ролло. — Я только одно и видел. И никогда не слышал, чтобы кто-нибудь видел их прежде. Так, пустячок. Просто сияние. Она не ходила, не бегала, а только сияла в воздухе, все время поблескивая искорками. На солнце блеск был плохо

виден, но ночью это смотрелось красиво. Никакой формы, ничего такого. Просто сияние, танцующее в воздухе.

— И ты понятия не имеешь, что она такое и откуда явилась? И почему была с тобой?

— Иногда я думал, что она — мой друг, — ответил Ролло, — и это меня радовало, поскольку, как я уже говорил, мистер, я, возможно, последний из роботов, и нельзя сказать, что у меня друзей полно. Большинство людей видит во мне лишь возможность пополнить коллекцию мозговых кожухов. Роботы, да будет тебе известно, настроены так, чтобы никого не убивать и не применять никакого насилия. Это заложено в нас. Вот почему роботов не осталось. Они позволяли загонять и убивать себя, даже пальцем не шевельнув, чтобы защититься. Или же они прятались и начинали ржаветь. Если даже им удавалось достать какую-нибудь смазку, запаса хватало ненадолго, и тогда они ржавели, и им приходил конец. Только мозговые кожухи не ржавели. И через много лет какой-нибудь прохожий находил их.

Ну вот, значит, когда мой небольшой запас смазки весь вышел, я посоветовался с собой и сказал себе, что это глупое непротивление роботов, возможно, годилось при старых порядках, но при новых — не имеет смысла. Я рассудил, что смогу достать животный жир, если только сумею заставить себя убить. Перед лицом гибели я решил, что нарушу запрет и буду убивать ради жира. И что убивать надо именно медведей, потому что у них полно жира. Но это было непросто, скажу я тебе. Я смастерил копье и упражнялся с ним, пока не научился пользоваться, потом отправился убивать медведя. Как ты, вероятно, догадываешься, я потерпел неудачу, ибо просто не смог сделать этого. Все, вроде, готово, но внутри какая-то вялость. Может, сам я никогда и не набрался бы храбрости. К тому времени я уже изрядно пал духом. У меня появилось несколько ржавых пятен, и я понял, что это — начало конца. В один прекрасный день я уж совсем было сдался, но тут меня заметил в горах большой гризли. Не знаю, что с ним случилось. Он был какой-то психованный и, должно быть, неспроста. Я часто думал, в чем дело. Может, у него зубы болели или заноза в лапе торчала. Теперь-то уж не узнать. Возможно, мой вид напомнил ему о чем-то неприятном. Так или иначе, не успел я оглянуться, как

он напал на меня. Взъерошился весь, пасть разинул, заревел и давай когтищи выставлять. Наверное, будь у меня время, я бы повернулся и убежал. Но времени не было, да и бежать оказалось некуда. А потом, когда он уже почти сидел на мне, мой страх вдруг сменился яростью. И когда он набросился на меня, я подумал: «Ах ты, сукин сын. Может, ты даже покалечишь и сломаешь меня. Но я тоже покалечу и сломаю тебя». Я это хорошо помню. И еще я хорошо помню, как я в ярости поднял копьё и бросился ему навстречу. Что было потом, почти ничего не помню. Все было размытым, как в тумане. Когда у меня в голове прояснилось, я стоял на ногах, весь залитый кровью, с окровавленным ножом в руке, а медведь лежал, и в глотке у него торчало мое копьё.

Так я сломал запрет. Убив однажды, я стал способен убивать еще и еще. Я вытопил жир этого гризли, нашел ручей с песчаным дном и несколько дней оттирал песком ржавчину и смазывал себя хорошенько. С тех пор я всегда тщательно смазывался. У меня никогда не кончалась смазка. Медведей много.

Но что-то я все о себе болтаю, а про тебя так и не спросил. Кто ты? Конечно, если ты хочешь мне это рассказать. Многие люди не говорят, кто они такие. Но ты пришел и выручил меня, а я не знаю, кто ты. Не знаю, кого благодарить.

— Я — Том Кашинг. И не надо меня благодарить. Пошли. Мой лагерь в двух шагах отсюда. Ты собрал свои вещи?

— У меня только торба да копьё. Все мое богатство. Еще у меня есть нож в ножнах.

— Теперь ты свободен, — сказал Кашинг. — Что собираешься делать?

— Никаких планов у меня нет, — ответил Ролло. — Я никогда не строю планов. Просто иду куда глаза глядят. Не знаю, сколько лет я бродил без всякой цели. Одно время отсутствие цели тревожило меня, а теперь уже нет. Хотя, наверное, я с благодарностью согласился бы идти к цели, укажи мне ее кто-нибудь. Нет ли у тебя, друг, какой-нибудь цели, которая могла бы стать нашей общей? Ведь я кое-чем тебе обязан.

— Ничем ты мне не обязан, — сказал Кашинг. — Но цель у меня есть, и мы можем поговорить о ней.

Глава 10

Деревья опоясывали огромный холм. Они стояли на страже всю ночь, они стояли на страже веками, в стужу и зной, в ливень и засуху, в полдень и в полночь, под солнцем и под тучами. Солнце встало на востоке, и когда его лучи осветили и согрели Деревья, те приветствовали его со священным ликованием и благодарностью, как в самый первый раз, когда они еще были маленькими саженцами, воткнутыми в землю, чтобы служить той цели, которой они служили долгие годы. Их чувствительность и отзывчивость не притупились со временем.

Они впитывали свет и тепло и пускали их в дело. Они чувствовали утренний бриз и наслаждались им, шелестя листьями в ответ на его прикосновение. Они настраивались, готовились к зною, чтобы и его обратить себе на пользу; они полностью использовали ту влагу, до которой могли дотянуться корнями, сохраняли ее, брали только самое необходимое, поскольку местность была засушливая, и влагу следовало использовать с умом. И они наблюдали, наблюдали без конца. Примечали все происходящее. Они видели лису, которая забивалась в нору на рассвете; сову, возвращающуюся в дупло наполовину ослепшей от утреннего света; мышку, которая с писком неслась в траве, убежав и от лисы, и от совы; неуклюжего гризли, вперевалку бредущего по равнине — великого владыку всей земли, которому не страш-

на никакая другая живность, даже эти странные двуногие создания, иногда попадавшие в поле зрения Деревьев. Видели далекие стада диких коров, пасшихся на сочных лугах и готовых бежать, едва гризли направится в их сторону. Видели огромную птицу, парящую высоко в небе и обозревающую свои обширные владения. Сейчас птица была голодная, но она знала, что задолго до конца дня найдет околевшее или околевающее животное и наестся падали.

Деревья знали, как устроена снежинка, каков химический состав капли дождя, как рождается ветер. Они понимали родственные узы трав, деревьев и кустов, знали весенний блеск полевых цветов, которые цвели всяк в свое время. Они дружили с птицами, вившими гнезда на их ветках, знали муравьев, пчел и бабочек.

Они упивались солнцем и знали все, что происходит вокруг. Они переговаривались не ради обмена информацией (хотя при нужде и могли это делать), а для того, чтобы быть услышанными, чтобы сказать, что все в порядке. Ради дружеского единения и чтобы знать, что все хорошо.

На холме над ними стояли старинные дома. Они выделялись на фоне бледно-голубого безоблачного неба, озаренного восходящим солнцем, выскобленного дочиста летним зноем.

Глава 11

Костерок совсем не дымил. Мэг стояла возле него на коленях и пекла лепешку. В сторонке сидел Ролло, сосредоточенно отправляя обряд «самопомазания». Он лил вонючую жидкость из бутылки, которую смастерил из тыквы. Энди топтался и обмахивался хвостом, отгоняя мух, но от его внимания не ускользали сочные пучки травы, торчавшие там и сям. Недалеко журчала невидимая река, плескавшаяся меж берегами. Солнце стояло высоко на востоке, скоро станет жарче, но здесь, в укрытии из поваленных деревьев, сохранялась приятная прохлада.

— Так ты говоришь, паренек, что в той банде было всего двадцать человек? — спросила Мэг.

— Около того. Точно не знаю. Наверное, не больше двадцати.

— Скорее всего, разведывательный отряд. Послали прощупать город, это несомненно. Узнать, где стоят племена. Нам, верно, лучше немного побыть тут. Хорошее убежище, его так просто не найдешь.

Кашинг покачал головой.

— Нет, ночью двинемся дальше. Если мы идем на запад, а орда на восток, мы с ней скоро разминемся.

Мэг кивнула на робота.

— А с этим что делать?

— Пусть идет с нами, если хочет. Я еще не говорил с ним об этом.

— Я чувствую, что у этого предприятия достойная и животрепещущая важная цель, — сказал Ролло. — Даже не зная, в чем она состоит, я хотел бы присоединить-

ся к нему. Я с гордостью думаю, что могу принести небольшую пользу. Не нуждаясь во сне, я мог бы нести караул, пока другие спят. У меня острое зрение, я ловок и могу ходить на разведку. Я хорошо знаком с дикими местами, поскольку был вынужден жить в таких местах, избегая травли со стороны человека. Я не употребляю никаких припасов, питаюсь только солнечной энергией. Несколько солнечных дней — и я заряжен на месяц или больше. Да и весело со мной, потому что я не устаю от разговоров.

— Это уж точно, — сказал Кашинг. — С тех пор как я его нашел, он не умолкал ни на минуту.

— Много раз был я вынужден ограничиваться беседами с самим собой, — сообщил Ролло. — Это неплохо, если больше не с кем поговорить. Беседуя с собой, находишь много пунктов, по которым можно достичь полного согласия. И нет нужды говорить на неприятные темы.

Самый счастливый год я провел давным-давно в глубине Скалистых гор. Я случайно повстречал старого горного жителя, который нуждался в помощи. Этот древний старик страдал странным недугом. У него затвердевали мускулы и болели суставы, и, не столкнувшись я с ним случайно, он бы не пережил зиму, поскольку в холода не смог бы добывать мясо охотой и носить дрова для обогрева своей хижины. Я остался с ним и добывал дичь, и таскал дрова, а поскольку он не меньше моего изголодался по общению, мы проговорили всю зиму. Он рассказывал о великих делах, в которых участвовал или которым был свидетелем; и иным рассказам, возможно, недоставало правдивости, хотя я никогда не подвергал их сомнению, ибо по мне общение важнее истины. И я тоже рассказывал ему чуть приукрашенные истории о том, как я жил после Эпохи Бед. А в начале следующего лета, когда боль стихла, старик отправился на так называемую сходку — место летней встречи таких же, как он. Он просил меня пойти с ним, но я отказался, потому что, честно говоря, больше не люблю людей. За исключением присутствующих. У вас, кажется, добрые намерения. А так я ничего хорошего от людей не видел в тех редких случаях, когда сталкивался с ними.

— Значит, ты помнишь Эпоху Бед? — спросил Кашинг. — Ты пережил ее и сохранил все в памяти?

— О, сохранить-то сохранил, — отвечал Ролло. — Я помню события, но бесполезно расспрашивать меня

об их смысле и значении, поскольку тогда я ничего не понимал, хотя много думал об этом. Видите ли, я был лишь роботом на побегушках, поденщиком. Я умел выполнять только простые задания, хотя, как я понимаю, многие мои собратья были обучены особо и стали искусными техниками, да и вообще... Воспоминания у меня в основном неприятные, хотя за последние столетия я научился мириться с положением и не роптать на жизнь. Меня создавали не как одиночный механизм, но я был вынужден стать им. Волею злых обстоятельств я научился жить сам по себе, хотя это и не приносит подлинного счастья. Вот почему я с такой готовностью предложил вам свое участие в вашем предприятии.

— Даже не зная, в чем оно состоит? — спросила Мэг.

— Если впоследствии мне не понравится запах этого дела, я просто повернусь и уйду.

— Это не дурное дело, — сказал Кашинг. — Простой поиск. Мы ищем Звездный Город.

Ролло глубокомысленно кивнул.

— Я слышал о нем. Немного. И случайно, с промежутками во много лет. Он расположен, насколько мне удалось определить, на возвышенности, или утесе, где-то на западе. Этот холм, или утес, окружен густыми рощами Деревьев, которые, по легенде, охраняют Город и никого туда не пропускают. И есть еще, говорят, другие охранные приспособления, хотя верными и определенными знаниями о данных приспособлениях я не располагаю.

— Значит, такой город существует?

Ролло развел руками.

— Кто знает? Есть много историй о всяких странных местах, странных штуковинах и странных людях. Старик, с которым я зимовал, как-то упоминал о нем. По-моему, только однажды. Но он рассказывал много историй, и не все они были правдивыми. Он говорил, это место называется «Громовый Утес».

— Громовый Утес, — повторил Кашинг. — А ты, случайно, не знаешь, где он может быть, этот Громовый Утес?

Ролло покачал головой.

— Где-то на Великих Равнинах. Это все, что мне известно. Где-то на великой Миссури.

Глава 12

Отрывок из «Истории» Уилсона:

«Одним из самых удивительных последствий Крушения стало развитие у человека некоторых особых качеств и способностей. Существует много рассказов о людях, обладающих такими способностями, порой совершенно невероятными. Однако никто не может подтвердить правдивость этих рассказов.

В библиотеке университета есть обширная литература о паранормальных способностях и даже описания случаев применения таких способностей. Справедливости ради надо отметить, что в подавляющем большинстве это чисто теоретическая литература и источники иногда изобилуют противоречиями. После внимательно-го изучения литературы, созданной до Крушения (это, разумеется, единственное, что у нас есть), можно, наверное, заключить, что действительно имел место целый ряд убедительных примеров психических и паранормальных явлений, придававших некоторые основания вере в правильность этих теорий.

После Крушения (хотя у нас не было документов, на основе которых можно составить суждение), похоже, наблюдалось гораздо большее количество паранормальных и психических явлений, чем до него. Надо, конечно, понимать, что ни одно из сообщений о них не может быть подвергнуто критическому изучению и разбору, как это было в прошлом. А поскольку ни один из отчетов не был отброшен как несостоятельный, может создаться впечатление, что сообщения поступали чаще,

чем мы думаем. Каждый случай, если о нем становилось известно, превращался в чудесную и удивительную историю, и мало кого заботило, правдива она или нет. Но даже с учетом всего этого создается впечатление, что явление действительно набирает силу.

В этом университете есть люди, считающие, что рост явления, по крайней мере отчасти, объясняется разрушением научных и технологических шаблонов, по которым до Крушения жило все человечество. Если мужчина (или женщина), как утверждают мои коллеги, часто слышит, что та или иная вещь невозможна, или, хуже того, что она представляет собой глупость, у него (у нее) наблюдается ослабление готовности верить в нее или отстаивать ее существование. Это может означать, что до Крушения люди, имевшие склонность к психическим и паранормальным проявлениям, могли подавлять свои способности или (с той же целью) разуверять всех в своих способностях (ибо кто согласится принимать участие в дурачествах?), а в итоге прогресс в этих областях был мизерным. В конце концов целая отрасль человеческого знания, целый разряд человеческих способностей был, вероятно, обойден вниманием, если не уничтожен вовсе, благодаря технократам, утверждавшим, что все это — либо глупость, либо нечто совершенно невозможное.

Сегодня подобного диктата больше не существует. Технологическое мышление по меньшей мере дискредитировано, если не искоренено, машины уничтожены, общественные системы разрушены. Это спустя одно-два столетия дало человечеству возможность свободно заниматься глупостями, на которые прежде смотрели косо. Возможно, нынешнее положение создало благоприятные условия и среду, в которой нетехнологическое мышление и подход к решению человеческих проблем могли получить шанс на развитие. Думая об этом, задаешься вопросом, каким был бы наш мир, если б человечество не занималось почти исключительно физикой и биологией и если бы технология не стала главным звеном. Лучше всего, разумеется, было бы уравнивать все науки и идеи, дабы они могли взаимообогащать друг друга. Но вышло так, что один образ мысли задушил все остальные...»

Глава 13

Они шли вверх по реке. Теперь уже в дневное время, поскольку наблюдать за прерией могли двое. То Ролло, то Кашинг забирались на верхушки утесов и высматривали отряды воинов и другие опасности. За первые несколько дней они засекли два-три отряда; ни один из них не интересовался речной долиной, и все двигались на восток. Наблюдая за ними, Кашинг чувствовал тревогу за университет, но убедил себя, что вряд ли они на него нападут. А если и нападут, высокие стены остановят любого супостата, кроме тех, кто проявит большую настойчивость, нежели простая банда кочевников.

Река Миннесота, вдоль которой они шли, была куда более спокойным потоком, чем Миссисипи. Она текла по своей лесистой долине со скоростью ленивого пешехода. Это была узкая речка, хотя иногда разливалась вширь в низинах, и им приходилось огибать такие места.

Прежде всего Кашинга раздражало то, что они идут слишком медленно. В одиночку он мог бы двигаться вчетверо быстрее. Но по мере того как шли дни, а новые банды кочевников все не появлялись, срочность отошла на второй план. В конце концов, дошло до него, никто ведь не устанавливает сроков.

Подавив раздражение, он попытался наслаждаться путешествием. За годы в университете он как-то позабыл о радостях вольного житья. Туманные промозглые

рассветы, солнце, встающее на востоке, шум ветра в кронах, V-образный след на воде, оставленный проплывшей ондатрой, неожиданная лужайка, украшенная цветами, крик совы в сумерках над рекой, вой волков на утесах. Приходилось жить тем, что давала природа: речная рыба, белки и яблоки, толстые жареные кролики, иногда куропатка.

— Эта снедь будет лучше, чем та дрянь, которую ты таскаешь в мешке, паренек, — сказала Мэг.

Том сверкнул глазами.

— Могут настать такие времена, что ты будешь рада и этой дряни.

Это была самая легкая часть путешествия. Жирные времена. Как только они покинут долину реки и пойдут на запад через равнины, станет труднее.

Через несколько дней к Ролло вернулась его Трепещущая Змейка и принялась танцевать вокруг него. Это была какая-то нелепая неуловимая штуковина, тонкая ленточка звездной пыли, сверкающая на солнце, испускающая странное свечение во мраке ночи.

— Когда-то я считал ее своим другом, — сказал Ролло. — Несколько странно смотреть на огонек как на друга, но если ты одинок и веками не имел друзей, то и такой пустячок, как искорка на солнце, может показаться другом. Однако, как выяснилось, она — дружок только на погожий денек. Когда меня прижало деревом, она бросила меня и только теперь вернулась. А ведь она пригодилась бы мне в те дни: будь она со мной, я мог бы говорить себе, что я не один. Не спрашивайте меня, что она такое, ибо я понятия не имею. Я по многу часов ломал голову, пытаюсь до чего-то додуматься и как-то это объяснить. Но объяснения не нашлось. И не спрашивайте меня, когда она впервые привязалась ко мне, поскольку это случилось так давно, что меня так и подмывает сказать, что она была всегда. Хотя это было бы неправильно, потому что я все-таки могу вспомнить время, когда ее со мной не было.

Робот болтал без умолку, будто за годы одиночества в нем набралось целое море слов, которое теперь надо выплеснуть наружу.

— Я могу вспомнить то, что вы называете Эпохой Бед, — сказал он своим спутникам, сидя возле маленького костра, хорошо укрытого и почти не отбрасыва-

ющего света, — но не в состоянии ощутимо помочь понять ее, поскольку мне не полагалось разбираться в обстановке. Я был дворовым роботом в огромном доме, который стоял высоко на холме над могучей рекой, хотя это не была река, называемая вами Миссисипи, а какая-то другая на востоке. Не уверен, что знаю ее имя или имена хозяев дома, ибо от дворового робота не требовалось таких познаний, и ему просто не сообщали подобных сведений. Но спустя какое-то время, вероятно, после того как это началось, до меня и других роботов дошел слух, что люди разбивают машины. Этого мы понять не могли. В конце концов, нам было известно, что все очень надеялись и полагались на машины. Я помню, что мы говорили об этом, задавались вопросами и не находили ответов. Не думаю, чтобы мы действительно искали какие-то ответы. К тому времени обитатели дома уже сбежали, и мы не знали, почему и куда. Вы должны понимать, что никто никогда ничего нам не сообщал. Нам говорили, что делать, и это все, что требовалось знать. Мы продолжали исполнять свои привычные обязанности, хотя никто уже не говорил нам, что делать, и не имело значения, исполняем мы наши обязанности или нет.

А потом однажды — я это хорошо помню, потому что был потрясен — один робот сказал нам, что поразмыслил и пришел к выводу, что мы — тоже машины и, если разрушение машин будет продолжаться, настанет час, когда и нас уничтожат. Разрушители, сказал он, еще не добрались до нас, потому что есть более важные машины, с которыми надо расправиться. Наш час настанет, когда они покончат с другими, сказал он. Как вы понимаете, это стало причиной больших страхов и породило немало споров. Среди нас были такие, которые сразу поняли, что мы действительно машины, но столь же многие из нас были убеждены, что это не так. Я, помнится, какое-то время прислушивался к спорам, но в конце концов, тайком посоветовавшись с собой, пришел к выводу, что мы все-таки машины. А придя к такому заключению, я не стал тратить время на причитания, а призадумался. Что мне делать, чтобы защитить себя? В конце концов я счел за лучшее найти такое местечко, где разрушители не стали бы меня искать. Я не навязывал такой образ действия моим сотоварищам, ибо кто я такой, чтобы распоряжаться ими? И, навер-

ное, я понимал, что одинокий робот имеет больше шансов избежать гнева разрушителей, чем группа роботов, привлекающая внимание. Ведь одиночка может более успешно избежать обнаружения.

И я ушел, так тихо и незаметно, как только мог, и прятался во многих местах, ибо какого-то одного совершенно безопасного места не было. В конце концов я получил от других беглых роботов подтверждение тому, что разрушители, уничтожив самые важные машины, начали охоту на роботов. И, заметьте, не потому, что мы представляли для них большую угрозу, а лишь потому, что мы были машинами, а они, очевидно, вознамерились избавиться от всех машин, пусть и самых незначительных. Хуже того, они охотились за нами не по злобе и не из-за фанатизма, побудившего их уничтожить все другие машины. Охота на нас была для них спортом, чем-то вроде охоты на лис или енотов. Будь это иначе, было бы лучше. Мы хотя бы не утратили собственного достоинства, зная, что представляем для них опасность. Но унижительно, когда на тебя охотятся, как собака на кролика. В довершение всех унижений я узнал, что нас травят и потом портят, а мозговые кожухи забирают как охотничьи трофеи. Думаю, это была последняя капля, переполнившая чашу нашего всеобщего страха и горя. Самым ужасным было то, что мы могли только бежать и скрываться, поскольку у нас существовал запрет на любое насилие. Мы не могли постоять за себя, только бежать. Лично я нарушил этот запрет, но гораздо позднее и скорее случайно, чем по иной причине. Не напади на меня тот полоумный гризли, я и сейчас был бы связан этим запретом. Но я не совсем справедлив: не напади он на меня, я бы не смог добыть смазку, которая защищает меня от ржавчины, и сейчас лежал бы, весь ржавый, и ждал, пока кто-нибудь не подберет мой мозговой кожух и не отнесет домой в качестве сувенира.

— Не совсем в качестве сувенира, — возразил Кашинг. — Здесь нечто большее. С мозговыми кожухами твоих собратьев связывается некий символизм, смысл которого непонятен. Тысячу лет назад один человек в университете написал историю Эпохи Бед и рассуждал в ней об обряде сбора мозговых кожухов и их символическом значении. Однако он не пришел ни к какому выводу. Я не знал об этом обычае, пока не прочел его

«Историю». Я три года был лесным бродягой, большей частью слоняясь на юге, и никогда об этом не слышал. Вероятно, потому, что держался подальше от людей. Это — хорошее правило для одинокого лесного бродяги. Я обходил племена стороной и держался подальше ото всех, если не считать случайных встреч.

Ролло взял свою торбу и порылся в ней.

— Здесь я ношу мозговой кожух моего неизвестного собрата. Ношу уже много лет. Вероятно, из сентиментальных побуждений, а может, и в знак верности или как талисман. Не знаю. Я нашел его много лет назад в старом покинутом поселении, бывшем некогда городом. Я увидел, как он блестит на солнце. Не весь, а лишь та часть, что была видна. Он валялся в куче ржавого металла, когда-то бывшего черепом и лицом робота. Покопавшись, я обнаружил контур туловища, съеденного ржавчиной. Его можно было заметить только по чуть изменившемуся цвету почвы. Вот что случилось с большинством из нас. Вероятно, со всеми нами, за исключением меня, ускользнувшего от охотников. Как только у нас кончалась смазка, мы начинали ржаветь, и это распространялось, как болезнь, которую мы не могли сдержать. Ржавчина въедалась все глубже, до тех пор, пока в один несчастный день мы не теряли способности двигаться. Мы оставались лежать там, где падали, искалеченные ржавчиной, и с годами коррозия проникала все глубже. Наконец мы превращались в кучки ржавых хлопьев, напоминавшие очертаниями наши корпуса. Их засыпало листьями, их покрывала плесень в лесах и прериях, листья и травы гнили, укрывая нас от глаз. Ветер заносил нас пылью, а сквозь нас прорастали всякие растения, более буйные, чем где-либо, поскольку они питались железом, составлявшим наши тела. Но мозговой кожух, сделанный из какого-то сверхпрочного металла, которому сегодня нет имени, оставался в целости. Вот я и подобрал этот кожух и сунул в мешок, опередив человека, который мог бы его подобрать, проходя мимо. Лучше уж он будет под моей защитой, чем в руках какого-нибудь человека...

— Ты ненавидишь людей? — спросила Мэг.

— Нет, никогда не испытывал я к ним ненависти. Боялся их? Да, боялся. Держался от них подальше. Но некоторых я не боялся. Старого охотника, с которым провел почти год. Вас двоих. Вы вызволили меня из-под

дерева. — Он протянул мозговой кожух. — Вот, взгляните. Вы когда-нибудь видели такой?

— Я — ни разу, — сказала Мэг.

Она сидела и вертела его в руках, красные сполохи огня играли на поверхности металла. Наконец она вернула кожух Ролло, и тот положил его обратно в торбу.

...Наутро, когда Ролло отправился на разведку, Мэг сказала Кашингу:

— Этот мозговой кожух, парень. Ну тот, который Ролло дал мне посмотреть. Он живой. Я это чувствовала кончиками пальцев. Он холодный, но живой и разумный. И темный и одинокий. Настолько одинокий, что в каком-то смысле он даже не одинок. Он ничего не ждет, но и не утратил надежду. Как будто холод и тьма — образ жизни. И он живой. Я знаю, что он живой.

Кашинг резко вдохнул.

— Значит...

— Ты прав. Если жив этот, стало быть, живы и остальные — те, которые собраны, и те, что лежат незнамо где.

— Без каких-либо внешних сенсорных приспособлений, — сказал Кашинг. — Без зрения, без слуха, без связи со всем живым. Человек сошел бы с ума...

— Человек — да. Но эти штуковины — не люди, мальчик мой. Они — отголосок иных времен. Мы проносим слово «роботы», но не знаем, что это такое. Мы говорим «мозговые кожухи роботов», но никто, кроме нас двоих, не подозревает, что они живые. Мы думали, что роботы исчезли. Они окружены легендарным ореолом древности, как драконы. И вдруг тыходишь в лагерь в обществе робота. Скажи, ты просил его остаться с нами? Или он сам напросился?

— Ни то ни другое. Он просто остался, и все. Так же, как оставался на год со старым охотником. Но я рад, что он здесь. Хороший помощник. Наверное, не надо говорить ему то, что ты сказала мне.

— Никогда! Для него это будет тяжело. Он не сможет избавиться от этих мыслей. Пусть лучше считает их мертвыми.

— А может, он знает.

— Не думаю, — сказала Мэг. Она сложила ладонь чашечкой, будто все еще держала мозговой кожух. — Паренек, я могла бы оплакать их. Всех этих потерянных

бедняг, запертых во мраке. Но мне думается, что им не нужны мои слезы. Может, у них есть что-то другое.

— Постоянство, — ответил Кашинг. — Они выдерживают состояние, которое свело бы человека с ума. Возможно, какая-то своя философия, нашедшая некий внутренний фактор, который делает ненужной связь с внешним миром. Ты не пробовала пообщаться с ним, пробиться к нему?

— Неужели я так жестока? Я хотела, было желание. Дать ему знать, что он не один, утешить как-нибудь. А потом я поняла, что это было бы жестоко. Подавать надежду, когда ее нет. Будоражить его после того, как он черт те сколько времени привыкал к темноте и одиночеству.

— Наверное, ты права. Мы ничего не можем для него сделать.

— Уже дважды за очень короткое время я соприкоснулась с разными разумами, — сказала Мэг. — С этим мозговым кожухом и с живым камнем, с тем валуном, который мы нашли. Я говорила тебе, что мои способности весьма скромны, но встреча с этими двумя формами жизни заставляет меня чуть ли не жалеть, что я вообще обладаю какими-то способностями. Лучше бы не знать ничего. Эта штука в кожухе наполняет меня печалью, а камень — страхом. — Она содрогнулась. — Этот камень — он был старый, очень старый, заскорузлый и циничный. Хотя «циничный» — не то слово. Безразличный. Может, так будет правильней. Штуковина, полная таких древних воспоминаний, что они как бы остекленели.словно это воспоминания о каком-то другом месте. Такие воспоминания не могли зародиться на Земле. Они откуда-то извне. Откуда-то, где вечная ночь, где никогда не светило солнце и где нет такого понятия, как радость...

Как-то раз путешественники встретили одного человека — грязного старика, который жил в землянке, выкопанной в склоне холма над рекой. Землянка была выложена деревом, и тут можно было спать, не боясь непогоды. Две сонные собаки залаяли на пришельцев безо всякого воодушевления и тявкали, пока старик не усмирил их. Они улеглись возле него и снова заснули. Их шкуры подрагивали, отгоняя садившихся на них мух. Старик улыбнулся, показав гнилые зубы.

— Бездари, — сказал он, кивнув на собак. — Самые никчемные псы, каких я когда-либо имел. Раньше они неплохо брали енота, но теперь загоняют на деревья демонов. Никогда не думал, что в этих краях столько демонов. Конечно, демоны сами виноваты, дразнят собак. Но вообще с ума можно сойти. Всю ночь пробегаешь в поисках енота, а найдешь демона на дереве. А чего их убивать? Только время зря тратить. Что с ними делать, с демонами? Они жесткие, не угрызешь, сколько ни вари. А вкус у них вовсе блевотный. Вы, ребята, знаете, что воины вышли искать добычу? В основном они держатся подальше от прерии — что им тут делать, когда и там есть вода? Какому-то крупному вождю шлея под хвост попала, вот он и пошел грабить. Наверняка направился в города. Ну, там ему намнут бока. Городские племена — подленькие племена, это я вам точно говорю. Вечно всякие грязные проделки устраивают. Никогда честно не бьются. Главное для них победить, а как — им без разницы. Да оно и ладно, хотя от этого дурно пахнет. Последнюю неделю или около того кочевники все идут и идут. Теперь меньше, через пару недель увидите, как они потянутся назад, заматавая следы поджатыми хвостами. — Старик сплюнул в пыль. — Что это у вас? — спросил он. — Гляжу и не пойму ничего. Похоже, один из роботов, о которых давным-давно ходят слухи. Помню, моя бабка рассказывала про роботов много разного. Все время болтала. Но даже в детстве я знал, что это всего лишь сказки. Мало что из того, о чем она рассказывала, существовало на самом деле. Не было никаких роботов. Я спрашивал ее, где она всего этого наслушалась, и она отвечала, что от бабки, а та, верно, от своей бабки. Удивительно, как живучи старые истории. По идее, со временем они должны умирать. Куда там, когда на свете столько болтливых бабок!.. Как вы, ребята, смотрите на то, чтобы преломить хлеб со мной? — предложил он. — Уже есть пора, и я с радостью приму вас. У меня целый мешок рыбы и спинка енота, еще совсем свежая.

— Нет, сэр, спасибо, — сказал Кашинг. — Мы торопимся. Надо идти.

...Спустя два дня, перед самым заходом солнца, Кашинг шел вдоль реки с Мэг и Энди. Посмотрев на верхушку утеса, он увидел Ролло, спешно спускающе-

гося вниз. Он торопился, металлическое туловище блестело в лучах заката.

— Что-то случилось, — сказал Кашинг. — Какая-то неприятность.

Он огляделся. За последние дни река сделалась уже, а утесы по берегам — менее крутыми. Вдоль кромки воды по-прежнему росла полоска деревьев, но не таких высоких, как ниже по течению. Посреди реки торчал островок, покрытый густым ивняком.

— Мэг, — сказал Кашинг, — возьми Энди и перебирайся на остров. Забейся поглубже в ивы и сиди тихо. И Энди пусть замрет. Не давай ему шуметь, зажми ноздри, чтобы не храпел.

— Но, парень...

— Шевелись, черт возьми, не стой. Перебирайся на остров. До него меньше ста ярдов.

— Но я не умею плавать, — захныкала Мэг.

— Тут мелко, — прошипел Том. — Можно вброд перейти. Вода будет не выше пояса. Держись покрепче за Энди, в случае чего он тебя перетащит.

— Но...

— Двигай! — вскричал он, подтолкнув ее.

Ролло слез с утеса и вихрем помчался к реке, вздымая ногами сухие листья.

— Отряд! — закричал он. — Совсем рядом. Двигается быстро.

— Они тебя видели?

— Не думаю.

— Тогда пошли. Держись за мой пояс, дно илистое. Постарайся не упасть.

Он видел, что Мэг и Энди добрались до острова и скрылись в ивах. Бросившись в воду, Том почувствовал, как течение тянет его.

— Я держусь, — сообщил Ролло. — Даже если я упаду, все равно смогу переползти по дну. Я не утону. Мне не надо дышать.

Посреди реки Кашинг оглянулся. На утесе никого не было. Еще несколько минут, подумал он. Это все, что мне нужно.

Они достигли острова и, взобравшись на пологий берег, бросились в заросли.

— Теперь тихо, — сказал Кашинг. — Подползи к Мэг и помоги ей держать Энди. Тут будут лошади, и он может заржать.

Пригнувшись, он вернулся на берег и выглянул из укрытия среди ив. Никого. К потоку подошел черный медведь — чуть выше того места, где они переправлялись. Он стоял с глупым видом, окуная в воду то одну лапу, то другую и тщательно отряхивая их. На верхушке утеса никого не было. Из редкой рощицы вылетели две вороны и с жалобным карканьем устремились на утес.

Может быть, Ролло ошибся. Он видел банду, но мог неверно определить, в каком направлении она двигалась. Может, она свернет, не достигнув утеса. Но даже если и так, все равно надо прятаться, когда поблизости боевая дружина. Им повезло с островком. Здесь не так уж много укрытий, не то что ниже по течению. А дальше в долине укрытий будет еще меньше. Они уже забрались в прерию, и долина реки будет сужаться, а деревьев не станет. Придет время, когда они будут вынуждены вовсе покинуть долину и двинуться через равнины на запад.

Он обвел взглядом реку и увидел, что медведь ушел. Какое-то маленькое животное, крыса или ондатра, прыгнуло в воду с низкого берега острова и что было сил поплыло к другому берегу.

Когда он снова взглянул на вершину утеса, та уже не была совсем голой. На фоне неба виднелась горстка всадников, торчали пики. Всадники застыли в седлах, очевидно, оглядывая долину. Потом к ним присоединились новые. Кашинг затаил дыхание. Смогут ли они разглядеть с высоты людей, прячущихся в ивах? Насколько Том понял, их не заметили.

Спустя несколько долгих томительных минут всадники двинулись вниз по склону. В большинстве своем они были облачены в одежды из кожи, потемневшей от дождя, снега и старости. Кое у кого были меховые шапки с лисьими, волчьими или енотовыми хвостами на затылке. У некоторых такие же хвосты свисали с плеч. На других были лишь кожаные штаны, а торс оставался либо обнаженным, либо был прикрыт шкурами. У большинства были седла, но некоторые обходились без них. Опять же у большинства были копья. За спиной у всех всадников висели колчаны с оперенными стрелами.

Ехали они в гробовом молчании, не переговариваясь и не перекликаясь. Настроение у них мерзкое, подумал Кашинг, вспомнив, что говорил старик. А коли так, они поступили вдвойне мудро, спрятавшись в укрытие. В

таком настроении всадники будут рады сорвать зло на ком угодно.

Следом за всадниками тянулась вереница выючных лошадей, тащивших кожаные мешки, баулы и оленье туши.

Отряд спустился в долину и углубился в заросли вербы. Тут всадники остановились, спешили и начали разбивать лагерь. Послышался разговор, река доносила звуки голосов. Но всадники разговаривали спокойно, без криков и возгласов. Потом в ход пошли топоры, началась заготовка дров для костра. Стук топоров эхом разносился меж утесами.

Кашинг задом отполз от воды и присоединился к своим. Энди лежал и слегка шевелил головой, покоившейся на коленях Мэг.

— Он совсем ручной, — сказала она. — Я его уложила. Так безопаснее, верно?

Кашинг кивнул.

— Они разбивают лагерь выше по течению. Их человек сорок или пятьдесят. На рассвете уйдут. Придется переждать.

— Думаешь, они опасны?

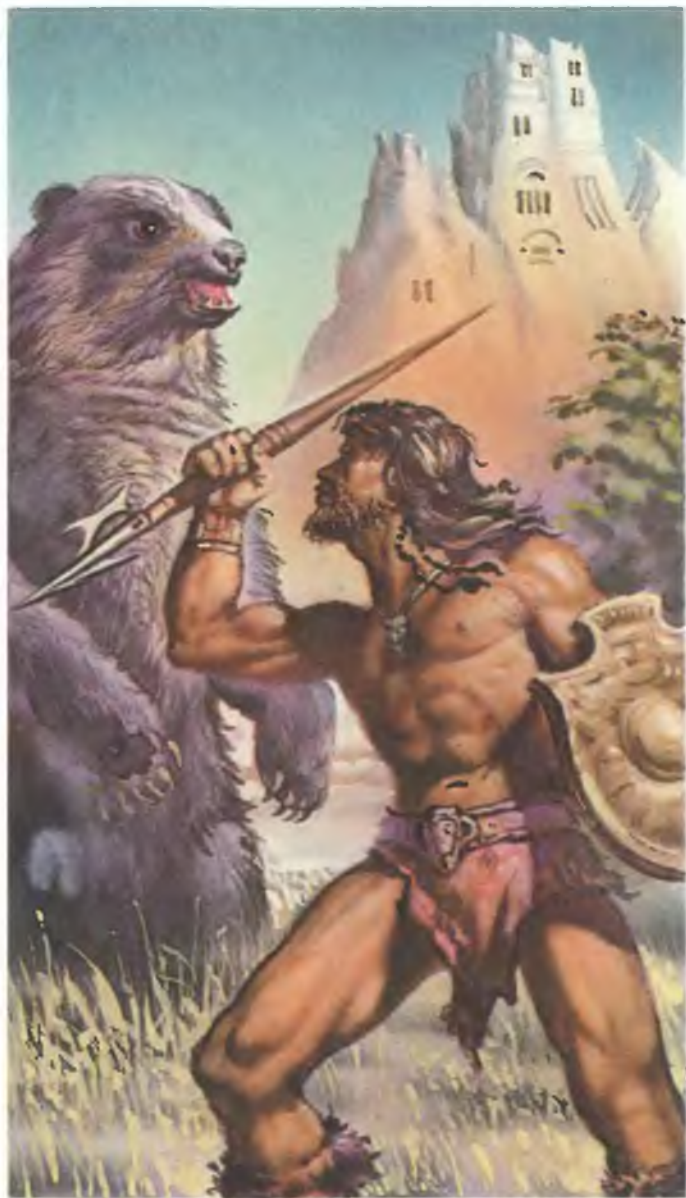
— Не знаю. Они ведут себя спокойнее, чем можно было ожидать. Не смеются, не шутят, не гадают, не хвастаются. Похоже, у них неважное настроение. Наверное, им досталось в городе. При таких обстоятельствах я бы предпочел с ними не сталкиваться.

— Ночью я мог бы переправиться и подползти к их кострам, — сказал Ролло. — Послушать, что они говорят. Мне такое не впервой. Я уже много раз подкрадывался к кострам, лежал и подслушивал. Я боялся, что меня заметят, но настолько жаждал услышать звуки голосов, что не мог удержаться. Заметить меня почти невозможно: я способен помалкивать, когда надо, и ночью вижу не хуже, чем днем.

— Ты останешься здесь, — отрезал Кашинг. — Утром они снимутся, и мы сможем пойти за ними, чтобы узнать, куда они направляются. А потом мы отправимся своей дорогой.

Он снял и развязал мешок, достал вяленое мясо и, отрезав ломоть, протянул его Мэг.

— Сегодня поужинаешь этим, — сказал он. — И чтобы я больше не слышал, как ты хулишь снеть.

На долину опустилась ночь. В темноте журчание воды слышалось отчетливее. Вдалеке заухала сова, на вершине утеса завыл койот. Где-то рядом плеснула рыбина. Сквозь ивовые ветки виднелся костер на берегу. Кашинг опять выполз к воде и стал смотреть на лагерь. Темные фигуры маячили у костров, доносился запах жареного мяса. В темноте топтались лошади, они храпели и били копытами. Кашинг просидел в кустах около часа. Убедившись, что опасности нет, он вернулся к Мэг, Ролло и Энди.

— Все в порядке? — спросил он, указывая на лошадей.

— Я с ним поговорила и все объяснила. Он будет лежать тихо.

— Никаких чар? — шутливо произнес Кашинг. — Ты не напустила на него чары?

— Разве что самую малость. Это безвредно.

— Надо поспать, — сказал Том. — Ролло, ты мог бы последить за лошадью?

Ролло протянул руку и потрепал Энди по холке.

— Он меня любит. Он меня не боится.

— А почему он должен тебя бояться? — спросила Мэг. — Он знает, что ты его друг.

— Иногда животные путаются меня, — объяснил робот. — Я похож на человека, но не человек. Спи. Мне сон не нужен. Я буду караулить. Если понадобится, я вас разбужу.

— Уж пожалуйста, — сказал Кашинг. — Если заметишь что-нибудь. Но, по-моему, все в порядке. Они там, за рекой, тоже укладываются.

Завернувшись в одеяло, он смотрел в небо сквозь ивовые ветки. Ветра не было, и листья поникли. Сквозь них проглядывали две-три звезды. Река тихо лепетала, убегая вдаль. Как хорошо, думал он. Солнце, ночь, река, земля. Никаких крепостных стен и картофельных грядок. Интересно, так ли должен жить человек? Свободно, в согласии с землей, водой и небом? Может, когда-то в прошлом человек свернул не туда, и дорога привела его к стенам, войнам и картофельным делянкам?.. Где-то ниже по реке опять ухнула сова, возможно, та же самая, что и вечером; вдали завыл одинокий койот, а звезды над ивами, казалось, покинули свою небесную юдоль и нависли прямо над ним...

Проснулся он от легкого толчка в плечо.

— Кашинг, вставай. В лагере что-то происходит.

Он увидел отблески звездного света на металлическом корпусе Ролло и выбрался из-под одеяла.

— Что такое?

— В лагере суeta. Думаю, они снимаются. А до рассвета еще далеко.

— Ладно, давай посмотрим.

Он присел у воды. Прогоревшие костры были похожи на красные глаза во мраке. Между ними торопливо сновали темные фигуры. Слышался стук копыт и скрип кожаных седел, но разговоров почти не было.

— Ты прав, — сказал Кашинг, — их что-то встревожило.

— Погоня? Отряд из города?

— Возможно, — ответил Кашинг. — Но я сомневаюсь. Если городские племена отбились, они не стали бы устраивать погоню. Довольно и того, что кочевников отогнали. Но если эти наши приятели получили по шее, они, естественно, нервничают. И боятся собственной тени. Они торопятся вернуться домой, где бы он ни был, их дом.

— Нам повезло, сэр, — сказал Ролло.

— Да, — согласился Кашинг. — Заметь они нас, пришлось бы улепетывать.

Кочевники садились на коней. Кто-то выругал свою лошадь. Потом они поехали прочь; копыта стучали, седла поскрипывали, всадники перебрасывались словами.

Том и Ролло, присев, вслушивались в удаляющийся перестук копыт, пока он вовсе не затих.

— Они постараются как можно быстрее выбраться из долины, — сказал Кашинг. — На равнине они могут двигаться куда быстрее.

— А нам что теперь делать?

— Оставаться здесь. Чуть погодя, перед рассветом, я переправлюсь через реку и разведрую. Как только убедимся, что они в прерии, тотчас пустимся в дорогу.

...Кашинг перебрался через поток, когда звезды на востоке побледнели. На месте лагеря еще дымились кострища, и в золе поблескивали угольки. Пройдя через рощу, Кашинг увидел тропинку, протоптанную копытами. Кочевники поднялись на утес. Он отыскал место, где они вышли в прерию, и осмотрел в бинокль широкое пространство волнистой равнины. Там паслось стадо одичавших коров, шел медведь, ловко перелезая с кам-

ня на камень, отыскивая муравейники, личинки и гусениц. Лиса возвращалась домой после ночной охоты. В маленьком пруду плескались утки. Были тут и другие животные, а вот людей не было. Даль уже поглотила кочевников.

Звезды исчезли, восток озарился светом. Том спустился по склону к лагерю. Он сердито фыркнул, увидев царивший тут беспорядок. Кочевники и не подумали убрать за собой. Вокруг потухших костров валялись обглоданные кости, у дерева стоял забытый топорик. Кто-то выбросил пару изношенных мокасин. Под кустом лежала кожаная торба.

Кашинг ногой выпихнул ее из-под куста, присел, развязал веревки и, перевернув, стал трясти.

Добыча. Три ножа, зеркальце с потускневшим стеклом, моток веревки, графин резного стекла, маленькая металлическая сковорода, старинные карманные часы, стоявшие, вероятно, уже много лет, ожерелье из матового бисера, красного и лилового, тонкая книжка в деревянном переплете, несколько сложенных листов бумаги. Жалкая кучка награбленного, подумал Кашинг, наклоняясь и роясь в вещах. И из-за этого рисковали быть убитыми или изувеченными! Хотя эти вещи, очевидно, прихватили попутно, вроде сувениров. Слава — вот что влекло в бой владельца этой торбы.

Кашинг взял книгу и перелистал. Старинная детская книжка со множеством цветных рисунков, изображавших места и людей, которых никогда не было. Красивая книжка. Такую можно показать, такой можно удивить у зимнего костра.

Он бросил ее на кучу добра и взял один из сложенных листков. Бумага высохла от времени и могла рассыпаться в руках. Кашинг осторожно развернул листок. При свете занимающейся зари Кашинг склонился над листом. Поначалу он не мог понять, что же это такое. Пожелтевшая от времени поверхность была испещрена бледными коричневыми линиями, изгибающимися под немыслимыми углами, и такими же коричневыми буквами. Потом он понял: это топографическая карта. Судя по контурам, карта бывшего штата Миннесота. Он повернул карту, чтобы прочитать надписи. Вот Миссисипи, вот Миннесота, хребты Месаби и Вермилион, Милл-Лакс, Северный Берег...

Кашинг бросил лист и схватил другой. Этот он разворачивал быстрее, чем первый, и не так опасно. Висконсин. Том разочарованно отбросил лист и взял третий. Оставалось еще два.

«Пусть он будет тут, — молил он. — Пусть он будет тут!»

Не успев развернуть лист, Том понял: он нашел то, что искал. За великой Миссури, говорил Ролло. Значит, в одной из Дакот. Или нет? Может, в Монтане, или в Небраске? Хотя, насколько он помнит прочитанные книги, в Небраске мало высоких утесов. По крайней мере, возле рек.

Он разложил на земле карту Южной Дакоты и, разгладив, принялся изучать ее. Том провел дрожащим пальцем вдоль извилистой линии, отмечавшей могучую реку. Вот он! К западу от реки, почти на границе Северной Дакоты: Громовый Утес. Надпись в слабом свете была едва видна, как и сходящиеся бурые линии, показывающие его очертания и протяженность. Наконец-то. Громовый Утес!

Он почувствовал приступ необузданной радости и с трудом овладел собой. Может, Ролло ошибся. Или ошибся старый охотник. А возможно (и это хуже всего), старик просто все выдумал. Очередная история. Или это не тот Громовый Утес. Их могло быть множество с таким названием.

Однако Том не мог заставить себя поддаться сомнениям. Это как раз тот Громовый Утес, который нужен. Иначе и быть не может.

Он выпрямился, схватил карту и повернулся лицом к западу. Наконец-то можно идти. Впервые с начала путешествия он точно знал, куда надо идти.

Глава 14

Целую неделю они шли на север, стараясь забраться как можно дальше. Потом Кашинг развернул карту и показал ее остальным.

— Смотрите, мы миновали озеро. Оно называется Озером Большого Камня. В нескольких милях отсюда есть еще одно озеро, его воды текут на север, соединяясь с Красной рекой. Громовый Утес расположен строго на западе от этого места, может быть, чуть-чуть к северу или югу. Двести миль или около того. Если повезет, доберемся за десять дней. А скорее всего, за две недели. Ты знаешь эти места? — спросил он Ролло.

Тот покачал головой.

— Нет. Но я знаю похожие. Там трудно идти, дороги тяжелые.

— Это верно, — согласился Кашинг. — Могут возникнуть сложности с водой. Там нет рек, вдоль которых можно идти. Несколько речушек текут на юг, и это все. Придется нести воду с собой. У меня есть куртка и штаны. Хорошая кожа. Конечно, она протекает, но немного. Сгодится в качестве мехов для воды.

— Сгодится, да не очень, — возразила Мэг. — Ты помрешь от солнечных ожогов.

— Я все лето окучивал картошку без рубахи. Я привык.

— Тогда у тебя остается одна рубаша, — сказала Мэг. — Может, мы и варвары, но я не позволю тебе прошагать двести миль в чем мать родила.

— Я могу завернуться в одеяло.

— Одеяло — не одежда, — сказал Ролло. — В нем нельзя идти по зарослям кактусов. А там встретятся кактусы. Их никак не миновать. Скоро я убью медведя, у меня кончается смазка. Когда я это сделаю, мы снимем с него шкуру и смастерим мех.

— Ниже по течению реки было много медведей, — сказал Кашинг. — Ты мог бы убить их сколько угодно.

— Это — черные медведи, — с досадой ответил Ролло, — я не убиваю черных, когда есть другие. Мы входим в страну гризли. У гризли жир лучше.

— Ты с ума сошел, — сказал Кашинг. — Жир гризли ничем не отличается от любого другого медвежьего жира. Когда-нибудь очередной гризли снесет тебе голову.

— Может, я и спятил, — заявил Ролло, — но жир гризли лучше. А убить черного медведя — пустяк. Не то что одолеть гризли.

— По-моему, ты немного задирист для работа низшего разряда, — заметил Кашинг.

— У меня есть своя гордость, — отвечал Ролло.

Путешественники шли на север, и с каждой милей местность становилась все более унылой. Казалось, плоской равнине не будет конца. Она убегала к горизонту — тонкой синей линии на фоне небесной голубизны.

Следов кочевников не было. С тех пор как боевой отряд спешно покинул лагерь у реки, друзья ни разу не встретились с бандами. Теперь стад одичавшего скота стало гораздо больше, тут и там встречались маленькие стада быков. Иногда вдали показывались табуны диких лошадей. Олени исчезли, но попадались антилопы. Птицы было в изобилии — ею и питались. То и дело попадались «собачьи города» — целые акры земли, разрытые степными собачками. Приходилось смотреть в оба, чтобы не наткнуться на гремучих змей. Здесь они были мельче, чем лесные гремучки на востоке. Энди ненавидел этих шипящих рептилий и топтал их копытами, если те оказывались в пределах досягаемости. Кроме того, Энди стал добытчиком воды, с деловым видом приводя своих спутников к жалким ручейкам или стоячим лужицам.

— Он чувствует воду, — торжествующе говорила Мэг. — Я же сказала, что он пригодится нам в походе.

Трепещущая Змейка оставалась с ними круглые сутки, вертясь возле Ролло, а иногда и возле Мэг, которая воспринимала это вполне добродушно.

— Она такая красивая, — говорила колдунья.

Здесь, в пустынных местах, их стали преследовать какие-то лиловые тени, которые плыли справа и слева и чуть сзади. Поначалу путешественники никак не могли понять, то ли это действительно тени, то ли игра воображения.

Но в конце концов они убедились, что тени существуют. Никаких форм и очертаний у них не было, их даже нельзя было разглядеть. Казалось, на фоне солнца пролетает маленькое облачко и создает тень. Но в небе не было облаков; солнце немилосердно палило, и казалось, что над головой висит медный котел.

Никто не заговаривал об этом явлении, но вот однажды вечером друзья расселись вокруг костра, разложенного возле спокойного ленивого ручейка с руслом из гольшей, под дикими сливами со спелыми плодами, и Мэг сказала:

— Они все не отстают. Их и сейчас видно в свете костра.

— О чем ты говоришь? — спросил Кашинг.

— О тенях, парень. Не притворяйся, будто не видел их. Они крадутся за нами уже два дня. Ты тоже их заметил, правда, Ролло? Скорее всего, ты знаешь, что это такое. Ты путешествовал в этих местах.

Ролло пожал плечами.

— К ним нельзя прикоснуться, они следуют за людьми, вот и все.

— Но кто они такие?

— Преследователи, — ответил Ролло.

— По-моему, мы насмотрелись чудес сверх всякой меры, — заметил Кашинг. — Живой камень, Трепещущая Змейка, а теперь вот еще Преследователи.

— Ты мог бы десять раз пройти мимо того валуна и не понять, что это такое, — сказала Мэг. — Для тебя он просто камень. Энди первым почуял его, потом уж я...

— Да, знаю, — оборвал ее Кашинг. — Я мог бы пройти мимо камня, но не мимо Змейки и Преследователей.

— Здесь пустынное место, — сказал Ролло. — И тут возникает много странных вещей.

— Так везде на западе, или только здесь? — спросил Кашинг.

— В основном тут. Про эти места много чего рассказывают.

— Это имеет какое-нибудь отношение к Звездному Городу?

— Не знаю, — отвечал Ролло. — Мне ничего не известно о Звездном Городе. Я только говорю о том, что слышал.

— Мне кажется, сэр Робот, — сказала Мэг, — что вы уклоняетесь от ответа. Вы могли бы побольше рассказать нам о Преследователях?

— Они поедают людей, — ответил Ролло.

— Поедают людей?

— Вот именно. Не плоть, конечно, поскольку им не нужна плоть. Они едят душу и разум.

— Хорошенькое дело, — воскликнула Мэг. — Стало быть, наши души и разум сожрут, а ты об этом и словом не обмолвился. Только сейчас сказал!

— Они не причинят вам вреда, — сказал Ролло. — Ваши души и разум останутся при вас. Они не заберут их. Они как бы обнюхивают их.

— Ты пыталась учуять их, Мэг? — спросил Кашинг. Она кивнула.

— Что-то непонятное. Не ухватишь. Кажется, что их больше, чем на самом деле, хотя никто не знает, сколько их в действительности, поскольку их невозможно сосчитать. Как будто толпа людей, очень много людей.

— Это верно, — сказал Ролло. — Их очень много. Они сделали частью себя всех людей, разум и душу которых попробовали на вкус. Прежде всего, надо сказать, что они пустые, у них нет ничего своего. Они — никто и ничто. Чтобы стать кем-то, возможно, множеством кого-то...

— Ролло, — перебил его Кашинг, — ты знаешь это наверное, или повторяешь то, что слышал от других?

— Только то, что слышал от других. Я же говорил, что вечерами, когда мне было одиноко, я подкрадывался к кострам и слушал разговоры.

— Да, я знаю, — проговорил Том. — Небылицы все это, байки...

В тот же вечер, когда Ролло отправился на разведку, Мэг сказала Кашингу:

— Парень, а я боюсь.

— Не обращай на Ролло внимания. Он как губка. Впитывает все, что слышит. Даже не пытается разложить все по полочкам, оценить и взвесить. Правда, выдумка — ему все едино.

— Но тут столько загадочного.

— Так ведь и ты ведьма. Перепуганная ведьма.

— Помнишь, я говорила тебе, что у меня скромные способности. Могу предчувствовать, кое-как читаю мысли. Я просто преувеличивала свои способности, чтобы обеспечить себе безопасность. Так я спасалась от городских племен. Они боялись трогать меня. Это был способ выжить, спастись, получать пищу и подарки.

...Когда они двинулись дальше, местность стала еще мрачнее. Со всех сторон — только далекий горизонт. Небо сохраняло голубовато-стальной цвет. С севера и запада дули сильные сухие ветры, и вокруг не стало ни капли влаги. Иногда у путешественников кончалась вода, и тогда либо Ролло находил ее, либо Энди чуял носом далекие источники.

Они испытывали все более острое ощущение оторванности, словно стали узниками этой сухой пустыни и потеряли всякую надежду выбраться. Бесконечное однообразие. Кактусы, выжженная солнцем трава, маленькие зверьки и птицы — все это казалось вечным и неизменным...

— Медведей нет, — посетовал Ролло как-то вечером.

— Так вот ты что делаешь, когда убегаешь от нас, — сказала Мэг. — Охотишься на медведей?

— Мне нужна смазка, — объяснил Ролло. — Мои запасы на исходе. А в этих местах водятся гризли.

— Найдешь ты своего медведя, — сказал Кашинг. — Вот переправимся через Миссури...

— Если мы еще отыщем Миссури, — подала голос Мэг.

Да, подумал Кашинг, в таких местах испытываешь ощущение, что все не на месте, все как-то сдвинулось. Тебе кажется, здесь должно что-то быть, а этого нет, и неизвестно, было ли. И единственная реальность — это пустота, которой нет конца. Они ушли со старой привычной Земли и по какой-то странной иронии судь-

бы или стечению обстоятельств очутились здесь, не на Земле, а на какой-то далекой чужой планете, одной из тех, что когда-то, возможно, посещал человек.

Трепещущая Змейка свилась в кольцо и словно нимб монотонно кружила над головой Ролло. На границе светлого круга, отбрасываемого костром, маячили густые тени Преследователей. Где-то там лежит город, который они ищут. Возможно, это не город, а просто легенда. И местность, по которой они идут, тоже может оказаться не более чем легендой. Они — человек, ведьма и робот, возможно, последний уцелевший робот. Разумеется, не последний оставшийся в живых (таких было много), но последний, сохранивший способность двигаться, работать, видеть, слышать и говорить. А они с Мэг, вероятно, единственные люди, знающие, что и другие роботы живы, но пребывают в безмолвном мраке.

Странная компания: лесной бродяга; ведьма, которая вполне может оказаться дутой ведьмой, — женщина, которая умеет бояться, которая ни разу не посетовала вслух на тяготы пути, — и пережиток прошлого, символ тех времен, когда жизнь была легче, но когда на древе жизни разрасталась раковая опухоль, жравшая эту самую жизнь до тех пор, пока жизнь эта стала никому не нужна.

А теперь, когда легкой жизни больше нет, что такое нынешняя жизнь? Почти пятнадцать веков бессмысленного жестокого варварства. И самое страшное в том, что человек даже не пытается подняться над своим варварством. Как будто, потерпев неудачу на избранном пути, человек не хочет и не может построить другую жизнь. Вероятно, не хочет даже попытаться сделать это. А может, человечество просто не сумело использовать свой шанс, а другого больше не будет?

— Парень, ты чем-то встревожен.

— Да нет. Просто размышляю. Что изменится, если мы найдем Звездный Город?

— Мы будем знать, что он есть. Будем знать, что когда-то человек летал к звездам.

— Но этого мало, — сказал Том. — Просто знать — мало.

Наутро хандра отпустила его. В этой пустыне, как ни странно, было что-то радостное, какая-то свежесть и чистота, простор, где человек ощущал себя хозяином всего, что видел. Они по-прежнему были одни, но

одиночество уже не пугало. Как будто они шли по стране, специально созданной только для них, из которой изгнаны все остальные, где видно далеко, насколько хватает глаз. Преследователи по-прежнему сопровождали их, но уже не казались опасными. Они стали чем-то вроде попутчиков, членами компаний.

На исходе дня путешественники увидели двух человек. Таких же одиноких и затерянных в огромной пустоте, как и они сами. До них, стоявших на невысоком пригорке, было с полмили. Мужчина был очень старый, с седыми волосами и бородой. Он был одет в потертые кожаные штаны и стоял прямо, как молодой дуб, глядя на запад. Неутомленный западный ветер трепал его шевелюру и бороду. Женщина, выглядевшая куда моложе, сидела за его спиной чуть сбоку, поджав ноги и наклонившись вперед; она была прикрыта халатом, давно превратившимся в лохмотья. Вокруг росли подсолнухи.

Подойдя поближе, Кашинг увидел, что старик стоит в двух неглубоких ямках. Он был босиком, пара изношенных мокасин валялась рядом. Ни он, ни женщина, похоже, не заметили их приближения. Мужчина стоял прямо и неподвижно, сложив руки на груди, запрокинув голову и прикрыв глаза. В нем ощущалась острая настороженность, как будто он прислушивался к чему-то, недоступному слуху других. Было тихо, лишь иногда шелестели подсолнухи под налетавшим ветерком.

Женщина, сидевшая в траве, скрестив ноги, не шелохнулась. Похоже, они не знали, что их уединение нарушено. Голова женщины была склонена к коленям, которые она обхватила руками. Взглянув на нее сверху вниз, Кашинг увидел, что она молода.

Ролло, Мэг и Кашинг стояли рядом, озадаченные и немного раздраженные, и ждали, когда их заметят. Энди отмахивался от мух и щипал траву. Преследователи настороженно кружили поблизости.

Нелепо, подумал Кашинг. Стоим, будто шаловливые дети, которые заигрались и залезли, куда не положено. И теперь в наказание с ними не хотят разговаривать. Но от этих двоих исходила какая-то аура, мешавшая нарушить молчание.

Пока Кашинг решал, рассердиться ему или, наоборот, смутиться, старик очнулся и пошевелился. Первым делом он медленно, величественно опустил руки, потом

голову. После чего вылез из ямок. Затем повернулся, и в этом движении была какая-то странная целеустремленность. Лицо его не было похоже на суровое твердое лицо патриарха, которое ожидал бы увидеть человек, видевший старика в трансе. Это было доброе, спокойное лицо славного человека, обретшего покой после долгих лет тягот и лишений. Над седой бородой, скрывавшей почти все лицо, сияли голубые льдинки глаз, окруженные сеточкой морщин.

— Добро пожаловать на нашу землю, незнакомцы, — сказал он. — Пусть у нас ее и немного, всего несколько футов. Не согласитесь ли вы испытать воды за здоровье моей внучки и мое собственное?

Женщина по-прежнему сидела на траве, но теперь она подняла голову, прикрывавший ее халат упал на землю. На лице у нее было выражение какой-то невинной отрешенности, от которого становилось не по себе, а взгляд казался совершенно бессмысленным. Этакая миловидная кукла, будто не в своем уме.

— На тот случай, если вы не заметили, скажу, что моя внучка дважды блаженная, — проговорил старик. — Она не от мира сего и неприкосновенна для этого мира. Обращайтесь к ней ласково, пожалуйста, — или вовсе не замечайте ее. Она — нежное создание, и вам нечего бояться. Она счастливее меня, счастливее любого из нас. И прошу вас не жалеть ее. Напротив, это она с полным правом может пожалеть всех нас.

Мэг сделала шаг вперед и протянула старику чашку с водой, но тот отвел ее руку.

— Сначала Илейн. Она всегда первая. Возможно, вам хочется знать, чем я занимался, стоя в этих ямках и отрешившись от окружающего. Я был менее отрешен, чем вы, возможно, думаете. Я беседовал с цветами. Эти цветы так красивы, так чувствительны и учтивы... Я чуть было не сказал «умны», а это не совсем верно, ибо их ум, если его можно так назвать, не похож на наш, хотя, возможно, в некотором смысле он лучше нашего. Со всем другой ум, но если поразмыслить, то слово «ум», вероятно, тут не подходит.

— Это у вас недавно? — немного недоверчиво спросил Кашинг. — Или вы всегда разговаривали с цветами?

— Сейчас — больше, чем прежде, — ответил старик. — Но у меня всегда был этот дар. И я общаюсь не только с цветами. С деревьями и любыми другими

растениями — травой, мхом, лозами, сорняками — если, конечно, существуют растения, которые можно на полном основании назвать сорняками. Но разговоры с ними — не главное, хотя иногда я разговариваю. В основном я слушаю. Иногда я уверен, что они знают о моем присутствии. Когда возникает такая уверенность, я беседую с ними. Они чаще всего понимают меня, хотя не уверен, что они знают, кто это говорит с ними. Возможно, их восприятие не рассчитано на распознавание других форм жизни. Они существуют в своем собственном мире, который, я уверен, наглухо закрыт от нашего, так же, как наш мир наглухо закрыт от их мира. Закрыт не в том смысле, что мы не знаем о них, ибо, на их беду, мы очень много о них знаем. Что нам совершенно неизвестно, так это то обстоятельство, что они обладают сознанием, не худшим, чем мы.

— Надеюсь, вы извините меня за неспособность сразу уяснить смысл ваших слов, — сказал Кашинг. — Но я даже в самых диких своих фантазиях не мог допустить мысли о чем-либо подобном. Скажите мне, что было сейчас? Вы только слушали или разговаривали с ними?

— Сейчас они разговаривали со мной, — ответил старик. — Они рассказывали мне о чуде. На западе, говорили они, есть группа растений (насколько я понял, это деревья), которые, похоже, чужаки в этой стране, привезенные сюда давным-давно. Как их привезли, растения не знают, или мне не удалось их понять... Но в любом случае это великие деревья, гиганты разума и понимания. О, спасибо, дорогая. — Он принял из рук Мэг чашку и осушил ее, но не единым духом, а медленно, смакуя каждый глоток.

— И все это на западе? — спросил Кашинг.

— Да, они говорят, на западе.

— Но... откуда они знают?

— Похоже, знают. Может быть, семена, влекомые ветром, сообщили им. Или летучий пух. Или корни передают сведения по цепочке.

— Это невозможно, — заявил Кашинг. — Все это невозможно.

— А это металлическое существо, похожее на человека, — что такое? — спросил старик.

— Я робот, — ответил Ролло.

— Робот? Робот... А, знаю. Я видел их мозговые кожухи, но не встречал живых роботов никогда. Значит, ты — робот?

— Меня зовут Ролло. Я — последний из роботов. Хотя, если я не найду медведя...

— А меня зовут Эзра, — сказал старик. — Я — древний скиталец. Я брожу по стране, разговариваю с ближними своими, когда нахожу их. Это чудесные подсолнухи, большие пучки перекасти-поля, розовые кусты, иногда даже трава — хотя с травой почти не о чем говорить.

— Дедушка, — сказала вдруг Илейн, — надень мокасины.

— Надену, — ответил Эзра. — Я совсем забыл про них. Нам пора в путь. — Он сунул ноги в поношенные бесформенные мокасины. — Я уже не в первый раз слышу об этих странных растениях на западе, — сказал старик. — Впервые я узнал о них много лет назад и изрядно поломал голову, хотя ничего не предпринял. Но теперь, когда старость схватила меня своей костлявой рукой, я стал действовать на основе полученных сведений. Ибо если не я, то кто же? Я многих расспрашивал и не нашел ни одного существа, способного разговаривать с растениями.

— И теперь вы идете искать эти легендарные растения? — спросила Мэг.

Старик кивнул.

— Не знаю, найду ли, но мы идем на запад, и я всех расспрашиваю по дороге. Мои друзья просили, чтобы мы не ходили, ибо считали мои слова глупостью. Они говорили, что я найду в пути только смерть. Но когда поняли, что я твердо решил идти, то стали упрашивать меня взять сопровождающих, отряд всадников, которые могли бы ехать в отдалении и защищать меня в случае опасности. Но мы с Илейн взмолились, чтобы нам не давали провожатых. Люди с добрым сердцем могут без страха идти сколь угодно далеко.

— Ваши друзья? — переспросила Мэг.

— Племя, — ответил Эзра. — Оно живет в прерии к востоку отсюда, в более благодатных местах, чем эти. Когда мы уходили, нам предложили лошадей и кучу припасов, но мы ничего не взяли. Если путешествуешь без всяких удобств, скорее найдешь то, что ищешь. Мы

несем с собой только огниво и трут, чтобы разводить огонь.

— А чем питаетесь? — спросил Кашинг.

— Нам очень стыдно перед нашими друзьями и соседями, но мы питаемся кореньями и плодами, которые находим в пути. Уверен, что друзья-растения понимают нашу нужду и не держат на нас зла. Я пытался объяснить им, и хотя они, возможно, не все поняли, тем не менее ужаса не испытывают и не шарахаются от нас.

— Вы сказали, что идете на запад.

— Мы ищем эти странные растения, а они где-то на западе.

— Мы тоже идем на запад, — сказал Кашинг. — И вы и мы ищем каждый свое, однако, судя по тому, что вы рассказали, предметы наших поисков могут быть недалеко друг от друга. Вы согласились бы пойти с нами? Или вы должны идти одни?

Эзра призадумался, потом сказал:

— По-моему, нам лучше пойти вместе. Вы кажетесь мне людьми простыми и бесхитростными, и зла в вас нет. Поэтому мы с радостью пойдём с вами, но при одном условии.

— И что же это за условие?

— Иногда я буду останавливаться по пути и недолго беседовать с моими друзьями.

Глава 15

К западу от реки местность становилась все выше и суше, пока не превратилась, наконец, в плоскогорье. Кашинг смотрел на желтую ленту реки, которая змейкой вилась вниз. Она была похожа на гладкую шелковую ленту и очень отличалась от той реки, возле которой они разбили лагерь, чтобы набраться сил для последнего (если он последний) броска. Вблизи было видно, что вода желта от песка — бешеный ревущий поток прогрызал себе путь сквозь скалы. Странно, подумал Кашинг, до чего реки не похожи друг на друга: мощная, торжественная Миссисипи, стремительная в верхнем течении, болтливая квочка Миннесота, шумная, воинственная Миссури.

В расселине на склоне Ролло развел костер, выбрав место, где можно было как-то укрыться от ветра, который со свистом и завыванием прилетал из обширных западных прерий. Было видно, как к западу от реки земля поднимается, собираясь в складки, и наконец исчезает в мареве заката. Пока они достигнут равнины, пройдет еще один день, целый день. Путешествие тянется куда дольше, чем следовало бы. В одиночку он уже давно добрался бы до цели. Хотя, если подумать, будь он один, он бы понятия не имел, где она, эта цель. Он вспомнил, каким странным обстоятельствам обязан встречей с Ролло, в сознании которого засело это

название: Громовый Утес. Будь Кашинг один, он не нашел бы ни Ролло, ни карт.

Когда к ним присоединились старик и девушка, они пошли еще медленнее. Эзра то и дело выкапывал ямки для ног, чтобы побеседовать с кактусом или кустом перекасти-поля, а то вдруг садился на корточки и болтал с одинокой фиалкой. И всякий раз Кашинг останавливался рядом с ним и стискивал зубы, подавляя острое желание пинками погнать старого дурня дальше. Но в то же время он не мог не признать, что Эзра ему нравится. Несмотря на все свои странности, он был отнюдь не глуп и позволял подтрунивать над собой — до тех пор, разумеется, пока речь не заходила о его чудачествах. По вечерам у костра он толковал о былых временах, когда считался великим воином и охотником и заседал в совете старейшин, о том, как начал обнаруживать в себе необычайную способность беседовать с растениями. Когда об этой способности узнало племя, положение Эзры изменилось: он вырос в глазах соплеменников. Хотя почти не рассказывал им о том, как с годами его дарование укреплялось и достигло такой степени, что он почувствовал себя обязанным исполнить свой священный долг, причем не с пышными ритуалами, в которых с радостью участвовали бы его соотечественники, а тихо и скромно, в полном одиночестве, если не считать его странной внучки.

— Она — часть меня, — говорил он. — Я не знаю, как это происходит, но мы понимаем друг друга без слов.

Когда он говорил — о ней ли, или о чем-нибудь еще — она вместе со всеми сидела у костра, спокойная и отрешенная, уронив руки на колени и склонив голову, как во время молитвы, или откинув назад, и взгляд ее устремлялся не в окружающий мрак, а в какой-то иной мир, в иное время. Во время переходов она всегда шагала так легко, что иногда казалось, будто она летит, а не идет. Безмятежная, грациозная — да что там! Воплощенная грация, порождение иного мира, вольнолюбивый дух, томящийся в жалкой, брэнной человеческой оболочке. Эта девушка не старалась быть непохожей на всех, она просто была другой. Говорила она редко, а когда и произносила пару слов, то только обращаясь к деду. И причиной тому — не пренебрежение к спутникам, просто она очень редко испытывала

необходимость в общении с ними. Ее голос был чистым и мелодичным, а речь — правильной и совсем не похожей на невнятное бормотание умственно неполноценного человека, хотя временами она и казалась душевнобольной, отчего все недоумевали пуще прежнего.

Мэг все время держалась рядом с ней. Глядя, как они сидят или идут бок о бок, Кашинг задавался вопросом: что влечет их друг к другу — чудесные способности, которыми обладают обе, или просто дружеские чувства? Не то чтобы они были по-настоящему дружны: между ними всегда сохранялась известная дистанция. Мэг иногда разговаривала с Илейн, но не слишком часто. Уважая молчание, разделяющее или, быть может, связывающее их. Со своей стороны, Илейн обращалась к Мэг не чаще, чем к остальным.

— Ее странность — если это в самом деле странность, — сказала Мэг Кашингу, — такого рода, что дай Бог всем нам быть такими странными.

— Она слишком погружена в себя, — заметил Кашинг.

— Напротив, — возразила Мэг, — она сейчас далеко, очень далеко отсюда.

Добравшись до реки, они устроили привал в ивовой роще на берегу, возвышавшемся над водой на добрую сотню футов. После долгого перехода через прерию с ее скудной растительностью это местечко показалось им райским уголком, и они отдыхали тут целую неделю, обедаясь рыбой, которой кишела река. Эзра сдружился с огромной древней ивой. Он часами простаивал под деревом, обнимал его, шептал что-то и слушал ответное бормотание трепещущих листьев. А Илейн все время сидела в сторонке на земле, прикрыв голову изъеденным молью платком и сложив руки на коленях. Время от времени Трепещущая Змейка покидала Ролло и кружилась в танце над головой девушки, но та обращала на нее не больше внимания, чем на всех остальных. Иногда и Преследователи, пурпурные сгустки тьмы, окружали ее, словно стая голодных волков, и они занимали девушку не более, чем Трепещущая Змейка. Наблюдая за ней, Кашинг вдруг подумал, что она не замечает никого из них потому, что, раз увидев, поняла их суть, и они больше не интересуют ее.

Ролло все искал гризли, и Кашинг пару раз охотился вместе с ним. Но гризли не попадались; здесь вообще не было никаких медведей.

— Смазка почти на исходе, — сетовал Ролло. — Я скоро начну скрипеть, потому что вынужден экономить ее.

— Но ведь убитый мною олень был такой толстый, — возразил Кашинг.

— Там сало! — вскричал Ролло. — Терпеть не могу сало!

— Ничего, когда выйдет твоя смазка, будешь рад любой. Надо было убить медведя еще на Миннесоте, там их было полно.

— Я искал гризли. А здесь гризли тоже нет.

— Вот проклятое упрямство! — вспыхнул Кашинг. — Жир гризли ничем не отличается от жира любого другого медведя, можешь ты это понять или нет?

— Это не совсем верно. Но делать нечего.

— Может, на западе будут гризли.

В восточной прерии Энди с отвращением жевал чахлую горькую траву, которой ему едва хватало, чтобы не испустить дух. Теперь он пасся на сочных лугах с высокой, по колено, травой. Фыркая от удовольствия, он катался с раздувшимся брюхом по песчаному берегу и наслаждался, а кулики и сороки возбужденно трещали вокруг, негодуя по поводу такого вторжения в их вотчину.

Потом Энди помогал Ролло и Кашингу таскать плавник, выброшенный на берег весенним половодьем. Из этого плавника Кашинг и Ролло соорудили плот, туго связав бревна ремнями из оленьей кожи. Во время переправы на плоту сидели Мэг и Ролло. Мэг — потому что не умела плавать, а робот — из-за боязни воды, которую начал испытывать теперь, когда смазка почти кончилась. Все остальные плыли, держась за плот и стараясь править против течения, чтобы плот не слишком сносило. Сначала Энди не пожелал входить в быструю реку, но потом все же плюхнулся в воду и поплыл так рьяно, что скоро обогнал всех и первым выбрался на другой берег, оглашая воздух веселым ржанием.

Переправившись, путешественники решительно двинулись к предгорьям. Даже Эзра не просил больше остановиться, дабы побеседовать с растениями. Мало-

помалу река скрылась из виду, а громадная пурпурная вершина горы, казалось, все никак не приближается.

...Кашинг сидел у вечернего костра. Завтра, думал он. Завтра мы сумеем до нее добраться...

Пять дней спустя они увидели Громовый Утес. Всего лишь пятнышко на северном горизонте. Но они знали, что это она — вершина одинокой скалы. Ведь ничто другое на этой равнине не могло вознестись так высоко и нарушить идеально правильную окружность горизонта.

— Мы нашли то, что искали, — сказал Кашинг Мэг. — Через пару дней будем на месте. Интересно, что мы там увидим?

— Это не суть важно, мой мальчик, — ответила она. — Путешествие было просто чудесное.

Глава 16

Три дня перед ними маячила одинокая вершина Громоваго Утеса. И вот путь им преградили пять всадников. Они стояли на низком взгорке, и, когда Кашинг со спутниками приблизился, один из них выехал вперед, подняв левую руку в знак того, что не желает раздора.

— Мы — стражники, — сообщил он, — и дали слово задерживать здесь нарушителей и любопытных.

На стражника он был мало похож, хотя Кашинг слабо представлял себе, как должен выглядеть настоящий стражник. Этот скорее смахивал на бродягу, переживающего худшие времена. Копья у него не было, но за плечами висели лук и колчан с короткими стрелами. Его короткие штаны были протерты на коленях, рубахи не было вовсе — вместо нее выдавшая виды кожаная безрукавка. Вероятно, когда-то его лошадь отличалась красотой и норовом, но теперь всаднику угрожала опасность рухнуть наземь вместе с околевшей от старости клячей. Остальные четверо, восседавшие поодаль на своих доходягах, выглядели не лучше.

— Мы не зеваки и не нарушители, — сказал Кашинг, — так что можете нас пропустить. Мы знаем, куда и зачем идем, и не хотим ссориться.

— Тогда лучше бы вам направиться в другую сторону, — заявил всадник. — Если подойдете к Утесу еще ближе, не миновать вам беды.

— Это Громовый Утес? — спросил Кашинг.

— Именно так, — ответил стражник. — Если вы видели его нынче утром, то должны были сами догадаться. Над Утесом висела громадная черная туча, а в вершину били молнии. И грома тоже хватало.

— Мы видели, — сказал Кашинг. — И еще подумали: неужто утес прозвали Громовым именно по этой причине?

— Изю дня в день над Утесом висят огромные черные тучи, — сообщил стражник.

— То, что мы видели утром, было обыкновенной грозой, — возразил Кашинг, — которая прошла стороной на север.

— Ты ошибаешься, дружище, — сказал стражник, — мы говорим чистую правду.

Он махнул рукой остальным и спешил, потом подошел поближе и присел на корточки.

— Вы тоже можете сесть, — пригласил он. — И давайте побеседуем.

Его товарищи приблизились и тоже уселись; лошадь первого стражника побрела к своим соплеменницам.

— Ладно, — произнес Кашинг, — мы посидим с вами, если вы хотите, но недолго: нам еще идти и идти.

— А этот? — спросил стражник, ткнув пальцем в Ролло. — Никогда не видал подобной личности.

— Будьте спокойны, — ответил Кашинг. — Он безобиден.

Приглядевшись, он заметил, что все стражники, за исключением одного коротышки, были страшно худыми и изможденными, чистые путала, будто их морили голодом до полного истощения. Сквозь бурую пергаментную кожу лиц проступали кости; руки и ноги напоминали палки.

Со взгорка, на котором они сидели, был хорошо виден Громовый Утес. Он один господствовал над голый равниной. Подножие опоясывала темная полоса — должно быть, те деревья, которые, как сказал Ролло, образуют защитное кольцо и о которых, по утверждению Эзры, говорили подсолнухи и другие растения.

— Нынче утром, — обратился Кашинг к сидящим стражникам, — я увидел на вершине Громового Утеса что-то белое. Точно не скажу, но похоже на здания. Вы не знаете, есть ли наверху какие-нибудь строения?

— Это волшебная обитель, — ответил предводитель стражи. — Там спят существа, которые будут после людей.

— Что значит «будут после людей»?

— Когда люди исчезнут с лица Земли, появятся они и будут жить вместо нас. А если разбудить их раньше времени, они сами уничтожат людей, сметут их с лица Земли и займут их место.

— Вы называли себя стражниками, — заговорила Мэг. — Вы охраняете сон этих существ?

— Стоит кому-нибудь приблизиться, и они могут проснуться, — отвечал стражник. — А мы не хотим, чтобы они просыпались. Мы хотим, чтобы они продолжали спать. Ибо, если они проснутся и выйдут оттуда, дни человека на Земле будут сочтены.

— И вы предупреждаете всякого, кто подходит слишком близко?

— Век за веком, — сказал стражник, — несем мы нашу службу. Мы не одни — здесь много таких отрядов. Наши люди выпроваживают отсюда любопытных. Вот почему мы остановили вас: нам показалось, что вы направляетесь к Утесу.

— Это так, — ответил Кашинг, — мы направляемся к Утесу.

— Но туда нельзя! — воскликнул стражник. — Вы все равно не доберетесь до Утеса: Деревья вас не пропустят. Но даже если Деревья не остановят вас, это сделают другие. Камни переломают вам кости...

— Камни! — вскричала Мэг.

— Да, Камни. Живые Камни, которые стоят на страже вместе с Деревьями.

— Ну вот, видишь, — сказала Мэг Кашингу, — теперь ясно, откуда взялся тот булыжник.

— Но ведь это было в пятистах милях отсюда, — удивился Кашинг. — Что он мог там делать?

— Пятьсот миль — это много, — сказал стражник. — Но Камни иногда путешествуют. Так вы, говорите, нашли Живой Камень? Они ведь с виду обычные валуны.

— Это точно, — заметила Мэг.

— Деревья пропустят нас, — сказал Эзра. — Я поговорю с ними.

— Подожди, дедушка, — заговорила Илейн. — Эти господа не просто так не пропускают нас. Мы должны объяснить им все.

— Я уже сказал вам, — упорствовал стражник, — мы боимся, что Спящие проснутся. Столетиями мы

охраняли их сон, мы и наши предки. Эта обязанность переходит от отца к сыну, из поколения в поколение. И мы свято исполняем ее, ибо в древних сказаниях говорится, что будет, когда Спящие проснутся.

Его речь текла рекой — торжественная, размеренная речь фанатика. Слушая вполуха, Кашинг думал, что эти странные люди превратили древнюю сказку в свою религию, и теперь посвящают свою жизнь поддержанию этого заблуждения.

Косые лучи заходящего солнца превратили пейзаж в волшебное сплетение изломанных теней. За взгорком виднелся глубокий овраг, пересекающий равнину; по краям оврага густо росли грушевые деревья, вдали виднелась рощица вокруг маленького озера. Кроме этой рощицы да деревьев у оврага на простиравшейся вдаль равнине не было ничего, только иссохшая трава.

Кашинг поднялся и отошел в сторонку. Ролло, который не мог усидеть на месте, присоединился к нему.

— Что будем делать? — спросил робот.

— Пока не знаю, — ответил Кашинг. — Не хочется мне с ними связываться. Да и им тоже неохота, судя по их действиям. Можно, конечно, спуститься с холма и подождать, пока им не надоест тут сидеть, но мне кажется, это бесполезно. И переубедить их тоже нельзя: они фанатично веруют в истинность того, что делают.

— Не так уж они и крепки, — сказал Ролло. — Если применить силу...

Кашинг покачал головой.

— Кто-нибудь из нас может пострадать.

Илейн поднялась на ноги; до них донесся ее спокойный и тягучий голос.

— Вы ошибаетесь, — заявила она стражникам. — В том, что вы говорите, нет ни грана истины. Там нет ни Спящих, ни опасности. Мы идем вперед.

С этими словами девушка пошла навстречу стражникам, медленно, но уверенно, как будто никто не мог остановить ее. Мэг вскочила и уцепилась за руку Илейн, но та, резко высвободившись, двинулась дальше. Эзра быстро поднялся и поспешил за ней, а за ним последовал Энди, размахивая хвостом.

Стражники тоже вскочили и стали отступать. Их взгляды были прикованы к путающе безмятежному лицу Илейн. Вдруг раздался хриплый рев, и Кашинг оглянулся. Чудовищный серо-бурых зверь вылез из

кустов и, припадая к земле и разинув огромную пасть, направился к лошадям стражников. Скованные ужасом лошади застыли, потом, словно очнувшись, огромными скачками понеслись прочь.

Ролло ринулся в бой, уже на втором шаге развив громадную скорость. Копье он держал перед собой обеими руками.

— Гризли! — вопил он. — Наконец-то!

— Вернись, болван! — заорал Кашинг, доставая стрелу и натягивая тетиву.

Лошади быстро удалялись, за ними с яростным ревом бежал медведь, проворно нагоняя перепуганных животных. А за медведем, нацелив на него копье, мчался Ролло. Кашинг вскинул лук, прицелился и пустил стрелу, которая сверкнула в лучах заходящего солнца. С ужасным ревом медведь развернулся: стрела пронзила ему шею. Кашинг достал вторую. Когда он снова поднял лук, медведь стоял на задних лапах, молотя передними по воздуху, из яростно оскаленной пасти текла слюна. Ролло со своим копьем едва не влетел к нему в объятия.

Кашинг выстрелил и услышал глухой стук — то стрела вонзилась в грудь медведя. Зверь стал валиться, все еще пытаясь дотянуться лапами до Ролло, но тот изловчился и поразил его копьем в грудь, а Энди изо всех сил лягнул медведя в брюхо. Зверь рухнул. Ролло выбрался из-под него; блестящий металлический корпус робота был залит кровью. Энди еще раз пнул медведя, потом прошелся вокруг него танцующей рысью, горделиво выгнув шею. Ролло исполнил над добычей какой-то воинственный танец, сопровождавшийся уханьем и завыванием.

— Смазка! — ликовал он. — Смазка! Моя смазка!

Лошади стражников уже превратились в быстро удаляющиеся точки. Сами дозорные, во все лопатки мчавшиеся за ними, тоже были едва заметны.

— Ну, мальчик мой, — заметила Мэг, следя за ними, — кажется, наши переговоры сорваны.

— А теперь идемте к Утесу, — сказала Илейн.

— Нет, — отвечал Кашинг. — Сперва добудем жира для Ролло.

Глава 17

Как и предупреждали стражники, неподалеку от Деревьев путников поджидали Живые Камни. Неторопливо и без всяких усилий перекатываясь с боку на бок, они появлялись десятками со всех сторон. Видимо, они умели управлять своими движениями. Время от времени они останавливались, потом катились снова. Они были темно-серые, почти черные, а в поперечнике достигали футов трех. Камни не старались преградить путь, а постепенно окружали путешественников, словно для того, чтобы погнать в сторону Деревьев. Мэг придвинулась поближе к Кашингу. Он взял ее за руку и почувствовал, что она дрожит.

— Мальчик мой, — сказала она, — я опять чувствую этот холод и пустоту, такой же, как тогда, во время первой встречи с таким вот Камнем.

— Было бы неплохо, сумей мы пройти лесом, — заметил Кашинг. — Похоже, эти Камни хотят, чтобы мы шли к Деревьям.

— Но стражники говорили, что Деревья нас не пропустят.

— Стражники, — возразил Кашинг, — действуют согласно древнему обычаю, от которого сейчас нет никакого проку, а может быть, и с самого начала не было. Просто они цепляются за него как за единственную весомую вещь в их жизни, единственное, во что

они могут верить. Он связывает их с далеким прошлым и придает им чувство собственной значимости.

— И к тому же, — добавила Мэг, — когда медведь спугнул лошадей, стражники оставили нас и бросились их догонять. И не вернулись.

— Мне кажется, это из-за Илейн, — сказал Кашинг. — Ты видела их лица, когда они смотрели на нее? Они были в ужасе! Когда медведь погнался за лошадьми, он вывел стражников из состояния шока и дал им благовидный предлог для бегства.

— Может, лошади и ни при чем, хотя для степного народа лошадь очень важна. Без лошади они калеки — настолько эти люди срослись с ними. Неудивительно, что стражники припустили за лошадьми.

Деревья маячили впереди сплошной зеленой стеной. Выглядели они как обыкновенные деревья, но Кашинг поймал себя на том, что не может определить, какие именно. Кроны были густыми и раскидистыми, но это были не дубы, не клены, не вязы и не орешник. Они вообще не были похожи ни на одно из известных деревьев. Их листья трепетали и шелестели на ветру так же, как листья других деревьев, но, вслушавшись, Кашинг уловил в этом шелесте некую выразительность. Казалось, будь его слух немного острее, он сумел бы различить слова.

Трепещущая Змейка с огромной быстротой закружилась над головой Ролло. Преследователи, эти сгустки мрака, шедшие за ними по пятам, приблизились к путешественникам, словно ища защиты.

Эзра остановился футах в десяти от зеленой стены и застыл в своей обычной позе: руки сложены на груди, голова откинута назад, глаза закрыты. Илейн опустилась на землю, скрестила ноги, положила руки на колени и низко склонила голову, покрытую истрепанным платком.

Вдруг сзади послышался новый звук — резкий стук, и Кашинг, обернувшись, понял, что его издают Камни. Они выстроились полукольцом, края которого упирались в стену Деревьев, путники оказались в самой середине. Камни неуклюже переворачивались и стучали, задевая друг друга.

— Ужас! — вскричала Мэг. — У меня от этого холода кровь стынет в жилах.

Эзра все стоял истуканом, Илейн сидела сиднем, а Энди нервно помахивал хвостом. Преследователи уже суетливо сновали между путешественниками, сливаясь в сплошное темное облако. Трепещущую Змейку было едва видно — так яростно она кружилась.

— Мы не одни, — тихо сказал Ролло. — Взгляните назад.

Кашинг и Мэг обернулись. В полумиле от них на фоне неба выделялись силуэты пятерых всадников.

— Стражники, — пробормотала Мэг. — Чего им тут надо?

Едва она умолкла, как стражники вдруг тонко и пронзительно заскулили. В этом вопле слышалось беспредельное отчаяние.

— Господи, мальчик мой, когда же все это кончится? — воскликнула Мэг. С этими словами она быстро подошла к Эзре и умоляюще воздела руки. — Ради всего святого, пропустите нас! — закричала она. — Пожалуйста, пропустите нас!

Деревья, казалось, ожили и заволновались, их ветви пришли в движение, и стволы раздались в стороны, образуя проход. Путники вошли туда, в торжественное безмолвие, и весь остальной мир исчез, отдалился. Между Деревьями не было молодой поросли. В темной пустоте виднелись лишь гигантские стволы, которые торжественно возносились ввысь подобно колоннам храма. Землю устилал многовековой ковер опавшей листвы. Когда путешественники оказались среди Деревьев, проход сомкнулся, и снаружи все стало по-прежнему.

Они остановились в тишине, которую лишь подчеркивал легкий шелест листвы над головой.

«Мы сумели, мы прорвались сюда», — хотел сказать Кашинг, но не смог, подавленный величием окружающего. Здесь было не место праздным разговорам. Здесь было нечто такое, что ему и не снилось. Он искал Звездный Город, и, даже понимая, что может в самом деле найти его, он был уверен, что это просто площадка, с которой люди отправляли в космос свои огромные корабли. Однако Деревья, Живые Камни и даже стражники — все это было настолько фантастично, что совершенно не вязалось с местом, которое он предполагал найти. И если этот Утес — в самом деле Звездный Город, что за чертовщина происходит вокруг?

Эзра стоял на коленях, и его губы шевелились, словно он что-то шептал.

— Эзра! — воскликнул Кашинг. — Что происходит?

Илейн не сидела, как обычно, рядом с дедом. Она повернулась к Кашингу.

— Оставь его в покое, — холодно сказала девушка. — Оставь его в покое, глупец.

Мэг дернула Кашинга за рукав.

— Святая Святых? — спросила она.

— Боже мой, о чем ты?

— Об этом месте. Это — Святая Святых, разве ты не чувствуешь?

Кашинг покачал головой. Он не видел здесь ничего святого. Ужас — да. Чувство одиночества — да. Место, откуда нужно скорее унести ноги. Место, покой которого внушает странное беспокойство. Но ничего святого.

— Ты прав, — сказали ему Деревья. — Здесь нет ничего святого. Тут жилище правды, тут мы ее находим, тут мы отделяем зерна от плевел. Здесь место вопросов и учения. Здесь мы заглядываем в души.

Он мельком увидел — или ему показалось? — злобешую мрачную фигуру в черном. Голова ее была прикрыта черным капюшоном, в котором пряталось злобное костлявое лицо. Эта фигура вселила в него ужас. Ноги ослабли и подломились, плечи поникли, мозг превратился в дрожащее желе. Его жизнь, вся его жизнь, все, что он когда-либо думал и делал, вытряхивалось из души, и он чувствовал, как жесткие пальцы с грязными ногтями деловито копаются в этом, ощупывая, изучая, распределяя, а потом тощая костлявая ладонь запихивает все обратно в его душу.

Он пошел вперед, едва держась на дрожащих ногах. Мэг шагала рядом, поддерживая его, и в этот миг сердце Кашинга наполнилось любовью к славной старой ведьме, которая без жалоб и сетований прошла вместе с ним много долгих миль.

— Вперед, мой мальчик, — сказала она. — Теперь путь свободен, осталось совсем немного.

Затуманенному взору Кашинга открылся проход, туннель, в конце которого виднелся свет. Кашинг, пошатываясь, шел рядом с Мэг. Он боялся оглянуться, потерять дорогу. Он знал, что его друзья следуют за

ним. Мало-помалу светлое пятно приближалось. Кашинг из последних сил ускорил шаг и увидел прямо перед собой бесконечный подъем, склон, поросший прекрасной сухой золотистой травой. Тут и там торчали скалистые уступы, кусты и деревца.

Шедший сзади Ролло произнес:

— Вот мы и добрались, хозяин. Наконец-то мы здесь. Мы на Громовом Утесе.

Глава 18

Чуть выше по склону они наткнулись на небольшое озерцо в неглубокой каменной выемке, окруженное чахлыми, изогнутыми ветром кедрами. Здесь они и развели небольшой костерок из сухих кедровых веток, на котором зажарили остатки оленины. Из лагеря были видны равнина внизу за кольцом Деревьев и казавшиеся игрушечными фигурки пятерых стражников, стоявших в ряд. Время от времени стражники как один воздевали руки к небу и, когда затихал ветер, сидевшие у костра слышали их надрывное завывание.

Мэг внимательно рассматривала стражников в бинокль.

— Похоже, они кого-то оплакивают, — заметила она. — Сначала стоят неподвижно, потом делают один-два шага, будто танцуют, поднимают руки и подвывают. Эзра кивнул с серьезным видом.

— Они фанатики, — сказал он.

— И откуда ты все знаешь? — заворчал Кашинг. — Ты прав, разумеется, но скажи мне, откуда ты знаешь? А я могу сказать тебе, что по горло сыт твоими позами, которые не менее глупы, чем кривляние стражников.

— Ты ошибаешься, — отвечал Эзра. — Я ведь провёл вас мимо Деревьев. Я поговорил с ними, и они пропустили нас.

— Это ты так считаешь, — бросил Кашинг, — а я думаю, что нас провела Мэг, а ты только бормотал.

— Парень, — сказала Мэг, — давайте не будем ссориться. Совсем не важно, кто помог нам пройти. Главное — что Деревья нас пропустили.

Илейн взглянула на Кашинга, и впервые в ее глазах не было пустоты. Она смотрела на него с холодной ненавистью.

— Ты все время недолюбливал нас, — произнесла она. — Относился к нам свысока, считал нас чужаками. Я жалею, что мы пошли с тобой.

— Ну-ну, малышка, — сказал Эзра, — мы все по-нервничали, но это скоро пройдет. Согласен, иногда я, может быть, и переигрывал, но клянусь, что так же уверен в своих способностях, как и прежде. И я по-прежнему верю, что могу разговаривать с растениями. Я действительно говорил с Деревьями, клянусь, и они отвечали мне. Они разговаривали не так, как все другие растения. Это была занятная беседа, но я понял далеко не все. Деревья употребляли такие понятия, которых я раньше не слышал и хоть понимал, что они новы и важны, сумел постичь лишь крохи. Они заглянули в мою душу и на мгновение открыли мне свою. Они изучали меня — не тело, но душу — и дали мне возможность сделать то же самое по отношению к ним. Но я не знал, как это сделать — как они ни старались. Я не знал, каким образом это сделать.

— Пространство — это иллюзия, — сказала Илейн, отчетливо произнося слова. Казалось, она разговаривала не с ними, а читала молитву. — Пространство — иллюзия, и время тоже. Таких вещей, как пространство и время, не существует вовсе. Мы не видим фальши понятий, называемых нами вечностью и бесконечностью. Есть еще один фактор, который может все объяснить. Если познать его, станет понятным остальное. Не останется ни тайн, ни любопытства, ни сомнений, потому что скоро все станет простым... простым... простым...

Она погрузилась в молчание и уставилась в пламя костра, сложив руки на коленях. На лице ее снова появилось выражение невинной отрешенности, от которого становилось не по себе.

Все притихли и застыли, пораженные, но тут вдруг с вершины Утеса накатило какое-то ледяное, вселяющее ужас дуновение. Кашинг вздрогнул и произнес сдавленным голосом:

— О чем она?

Эзра пожал плечами.

— Не знаю. Прежде она ничего такого не говорила.

— Бедное дитя, — вздохнула Мэг.

— Я уже просил вас никогда не жалеть ее, — сердито сказал Эзра. — Это ей в пору вас пожалеть.

— Я и не собиралась ее жалеть, — возразила Мэг.

— Стражников стало больше, — сообщил Ролло. — Только что появился новый отряд. На этот раз шестеро или семеро. И, кажется, с востока еще скачут: я вижу большое облако пыли.

— Стражники-то опростоволосились, — заметила Мэг. — При всем своем многолетнем опыте упустили нас. А ведь мимо них веками никто пройти не мог.

— А может, и желающих не было, — сказал Ролло.

— Может, и так. А может, просто никто не хотел этого так сильно, как мы, и так упорно не стремился к цели.

— Не будь медведя, и мы бы не смогли этого сделать, — добавил Ролло. — Медведь отвлек их внимание, и они упустили лошадей. А без лошадей они как без ног.

— Медведь их до смерти перепутал, — сказал Эзра. — Ни один нормальный человек не пойдет на гризли с копьем.

— Я не человек, — резонно возразил Ролло, — и я был не один. Кашинг несколько раз выстрелил, и даже Энди помогал.

— От моих стрел не было проку, — откликнулся Кашинг. — Они только взбесили зверя.

Он встал и побрел вверх по склону. Когда костер превратился в маленькую красную точку внизу, он присел на большой камень. Сумерки сгущались, за черной стеной Деревьев время от времени мелькали стражники.

Кашинг погрузился в размышления. Они прошли много миль по рекам и пустыням и наконец нашли то место, которое искали. Цель достигнута, и в душе образовалась какая-то странная пустота. Кашинг удивился этому чувству, ведь если цель достигнута, следует, по крайней мере, поздравить самих себя.

Послышались шаги, и Кашинг, взглядевшись во мрак, увидел Ролло. Робот приблизился и молча присел на камень рядом.

Помолчав с минуту, Кашинг сказал:

— Недавно ты назвал меня хозяином. Не надо больше этого делать, никакой я не хозяин.

— Это так, сорвалось, — объяснил Ролло. — Ты отлично провел экспедицию — так правильно? Я слышал, кто-то так говорил. И ты привел нас сюда.

— Я как раз думал об этом, — сказал Кашинг. — Что-то у меня беспокойно на душе.

— Нечего беспокоиться. Это — Звездный Город.

— Вот это меня и смущает. Я не очень уверен. Мне кажется, что это не Город. Видишь ли, чтобы отправить корабль в космос, нужна стартовая площадка. А здесь трудно построить такую площадку. Разве что на вершине, если, конечно, там есть ровное место. Но зачем строить на вершине? Гравитация там такая же, как везде. А ведь еще надо втащить наверх строительные материалы... Было бы смешно строить там площадку, когда вокруг равнина на тысячу акров.

— Ну, я не знаю, — пробормотал Ролло. — Я в этих вещах не разбираюсь.

— Зато я разбираюсь, — сказал Кашинг. — В университете я читал о полетах на Марс, на Луну и другие планеты. Там было много книг о том, как это делалось, но нигде не говорилось, что стартовые площадки должны быть на вершинах гор.

— Но Деревья! — воскликнул Ролло. — Кто-то ведь посадил Деревья вокруг Утеса, чтобы защитить то, что может быть там. Возможно, до Эпохи Бед люди были против полетов к звездам.

— Может, и так, — сказал Кашинг.

— Даже если это и не тот Звездный Город, — продолжал Ролло, — все равно здесь что-то есть — что-то, что охраняют Деревья.

— Возможно, ты прав, но я искал именно Звездный Город.

— Меня удивляет, что они нас пропустили. Я имею в виду Деревья. Они могли и задержать нас, ведь мы были окружены Камнями. Деревьям достаточно было слово молвить, чтобы Камни растерзали нас.

— Я тоже удивляюсь. Но я рад, что они этого не сделали.

— Потому что хотели пропустить нас. Решили, что так будет лучше. И не потому что мы безобидны, а будто ждали нас много лет. Кашинг, что они в нас нашли?

— Будь я проклят, если знаю, — ответил Кашинг. — Пойдем-ка в лагерь.

Эзра похрапывал у костра, Мэг сидела рядом, завернувшись в одеяло: ночь была прохладная. Энди, встряхивая головой, бродил неподалеку. Напротив Мэг сидела Илейн, прямая и напряженная, со сложенными на коленях руками. Ее лицо было бледным, глаза по-прежнему устремлены в пустоту.

— Вернулись наконец, — сказала Мэг. — Видели что-нибудь?

— Ничего, — ответил Кашинг, опускаясь рядом с ней.

— Ты голоден? Могу поджарить ломтик оленины. Надо ее доесть, пока не протухла.

— Завтра добуду что-нибудь, — пообещал Кашинг. — Где-то здесь должны быть олени.

— Чуть западнее я видел небольшое стадо, — сказал Ролло.

— Так тебе приготовить кусочек? — снова спросила Мэг.

Кашинг покачал головой.

— Я не голоден.

— Завтра мы доберемся до вершины. Как вы думаете, что мы там найдем?

— Стражники говорили, что там какие-то здания, — сказал Ролло. — В которых спят Спящие.

— Мы можем смело выкинуть из головы этих Спящих, — заявил Кашинг. — Это бабушкины сказки.

— Но стражники живут этими сказками, — заметил Ролло. — И может быть, это более чем сказки.

— Идолов можно создать и на пустом месте, — сказал Кашинг.

Он сгреб в охапку ветки, чтобы подбросить их в костер. Пламя вспыхнуло ярче, и свет упал на какой-то предмет, висящий в воздухе неподалеку от костра. Кашинг ошеломленно отпрянул, продолжая сжимать в руках хворост.

Предмет был цилиндрический, футов трех в длину и полутора в ширину. Этакая толстая тупорылая торпеда, висящая в воздухе. Она не тикала, не жужжала, не издавала никаких звуков, свидетельствующих о наличии механизма внутри. Поверхность ее была усеяна чем-то вроде стеклянных глаз, которые поблескивали в свете костра. Цилиндр казался металлическим.

— Ролло, — пробормотал Кашинг, — кажется, это твой сородич.

— Да, согласен, он смахивает на робота, — ответил Ролло, — но провалиться мне на месте, если я хоть раз видел что-либо подобное.

По логике вещей, мы должны испытывать страх, подумал Кашинг, а сидим совершенно спокойно. И даже если этот предмет опасен, страха он не внушает и не кажется угрожающим. Какой-то толстый коротышка, клоун, болтающийся в пространстве. На миг Кашинг словно увидел его лицо — мясистую, нахальную физиономию с широкой ухмылкой. Кашинг знал, что никакого лица нет, но именно такая рожа больше всего подходила этому короткому летающему цилиндру.

Эзра забормотал во сне, сглотнул, перевернулся на другой бок и снова захрапел. Илейн все так же неподвижно сидела на месте. Она либо не заметила цилиндр, либо не сочла нужным удостоить его вниманием.

— Что ты чуешь, Мэг? — спросил Кашинг.

— Только пустоту, мой мальчик, — отвечала та, — нечто бестолковое, мятущееся, горячее и дружелюбное, как бездомный пес, который ищет хозяина.

— Эта штука разумная?

— А как ты думаешь? Он живой, как мы, не чужой, не чуждый, но не разумный.

— Разумный, как вы, — вдруг сказал цилиндр трескучим металлическим голосом. Рта или иного отверстия видно не было, но, без всякого сомнения, голос исходил именно из этого висящего в воздухе предмета. — Пурпурная жидкость, — сказал он. — Не вода. Жидкость тяжелее воды. Плотнее воды. Сначала она стояла в углублениях, потом выплеснулась и потекла по земле. Там была багровая песчаная почва, в которой росли странные существа — цилиндрические, бочкообразные и крутые, как шар. Много крупнее меня. И у них были колючки и иголки, которыми они видели, осязали и обоняли. И говорили. Но я не помню, о чем они говорили. Я многого не помню. Они радовались багровой жидкости, которая текла по земле во все стороны. Она волнами катилась по алым пескам, и существа пели при виде ее. А почему они радовались, я не помню. Трудно понять, почему они ликовали: когда она захлестывала живое существо, оно умирало. Все его иголочки засыхали, оно теряло дар речи и лежало

на солнцепеке, распространяя зловоние. Там было еще большое красное солнце, которое заслоняло полнеба, и на него можно было смотреть, потому что оно не грело и не сияло. Багровая жидкость текла по земле; иногда она останавливалась, и тогда существа снова начинали петь, призывая ее.

Тут раздался другой голос, попытавшийся заглушить первый:

— Звезды водили хоровод, зеленая и голубая; они двигались так быстро, что казались огненными лентами, и там, где они кружились, в небе стояло живое облако, питающееся энергией этих двух звезд. Интересно, всегда ли они вертелись так быстро, или это сверкающее облако заставляло их кружиться, и...

И еще один голос:

— Темнота — и в темноте бурлило что-то живое, что-то, не выносившее света. Оно уловило слабый свет, излучаемый мною, и сожрало его, вытянуло мою энергию, и я упал, обессилев, в темноту, и оно поглотило меня...

— Багровая жидкость поймала меня, — перебил первый голос, — и сделала частью себя, и рассказала мне о том, что было давным-давно, до рождения Вселенной...

— Боже мой! — вскричала Мэг. — Они окружили нас со всех сторон.

Казалось, воздух и впрямь кишел ими. Целая стая бормотавших толстеньких цилиндров нависла над людьми, перебивая друг друга.

— ...Я не мог говорить с ними, потому что с ними нельзя говорить; они все выражали, чувствовали и обо всем думали иначе, и сами они были другие. У них было только туловище, огромное ужасное туловище. Мой разум не в силах передать этот кошмар, но одно я знал: в этом туловище много разумов, и все они говорили друг с другом и со мной и жалели меня, потому что у меня только один разум. Это были машины, но не такие, как мы. Они были живым металлом и чувствующей пластмассой, они имели душу...

— ...Я был букашкой рядом с ними, они не замечали меня, не догадывались о моем присутствии, и я спрятался и слушал их. Они были богами, а я — пылью у них под ногами, хоть я и не знаю, были ли у них ноги. И я любил их и боялся одновременно...

— ...Это был спрут, раскинувший щупальца по всей галактике и глотавший все живое. «Смотри на нас, — сказал он мне, — мы — жизнь...»

— ...Это был народ — я не знаю, почему называю их народом, — для которого время ничего не значило; они победили время — или, может быть, только постигли его суть — и уже не боялись его господства. Но потом они обнаружили, что все-таки им необходимо время и попытались вернуть его, но не смогли, ибо сами же убили его...

— «...Я истребитель, — сказал он мне. — Я уничтожаю жизнь, которая не имеет права на существование. Я начисто уничтожаю миры, которые становятся несправедливыми. Что ты скажешь, если я уничтожу тебя?..»

— ...Это была раса весельчаков. Они все время шутили, хотя ничего смешного не было...

Бу-бу-бу — создания все болтали, бормотали и толклись в воздухе. Если бы они не перебивали друг друга, их можно было бы понять. Но они галдели все разом. Стоял такой шум, что с трудом можно было различить отдельные фразы. Кашинг почувствовал толчки в грудь и спину, удары по голове, словно нарастающий шум мог ощущаться физически. Эзра проснулся и сел, протирая глаза кулаками. Его губы двигались, но из-за шума невозможно было расслышать, что он говорит. Кашинг посмотрел на Илейн. Та по-прежнему сидела, уставившись в темноту и будто ничего не замечая. В тот день, когда он впервые встретился с нею и Эзрой, старик сказал: «Она не от мира сего». И Кашинг подумал, что она действительно находится одновременно в двух мирах, один из которых — пустяк по сравнению с другим.

Ролло стоял у костра, с ним явно творилось что-то неладное. Кашинг не сразу понял в чем дело: Ролло был один, Трепещущая Змейка исчезла. Кашинг попытался вспомнить, когда видел ее в последний раз, но не смог.

Мы здесь, сказал себе Кашинг, и все-таки мы здесь, что бы ни происходило. Стражники нас задерживали, Камни подгоняли, но Деревья пропустили. Но прежде залезли в душу, в самые отдаленные ее уголки, оценили все наши дела и поступки. Хотя, кажется, не всех нас проверяли. Может быть, только меня. Мэг — нет. Ведь именно она подставила плечо, когда у меня подломились ноги. И не Эзру: поскольку он заявил, что беседо-

вал с Деревьями. А Илейн? Кто знает... Она такая загадочная, замкнутая, непонятная... Энди? Кто такой этот Энди, умеющий находить воду, убивать гремучих змей и гоняться за медведями? Подумав об Энди, Кашинг улыбнулся.

А может, выбор пал на него как на главного, несущего ответственность за остальных? И что нащупали эти грязные пальцы, когда копались в его душе? Может быть, нечто такое, что в конце концов заставило Деревья пропустить их? Он задумался, что бы это могло быть, но так и не решил.

Внезапно бормотание смолкло, и толстые цилиндры исчезли. В темноте послышалось стрекотание кузнечика. Кашинг встряхнулся. Он был еще заморожен этим бормотанием и чувствовал боль во всем усталом и разбитом теле.

— Кто-то их позвал, — сказала Мэг. — Отругал и велел отправляться домой.

— Мы попали в негостеприимное место, — произнесла Илейн безжизненным голосом, — где нам не рады, где не рады ничему живому, где презируют мысль и логику. Но мы пришли сюда, потому что перед нами — Вселенная, и, если мы хотим познать себя, мы должны познать Вселенную...

Глава 19

В полдень путники сделали привал на опушке маленькой рощи. Кашинг подстрелил оленя, и все до отвала наелись мяса. Идти все время в гору было нелегко, к тому же склон изобиловал трещинами и скальными выступами, которые приходилось огибать. Сухая трава была скользкой, и все то и дело падали. Деревья внизу темным обручем охватывали подножие Утеса. За ними равнина была усеяна черными крапинками, и Кашинг, посмотрев в бинокль, увидел, что стражников стало гораздо больше. Он заметил по крайней мере три отряда. Люди устраивали бивак. Кашингу подумалось, что это племена, или представители племен, поднятые по тревоге. Почему сюда сбежалось столько народу? Должно быть, стражники представляли не малочисленное племя фанатиков, а огромный племенной союз. Эта мысль заставила Кашинга заволноваться, но он молча убрал бинокль в чехол, так ничего и не сказав остальным.

Зданий, которые он разглядел в бинокль несколько дней назад, теперь не было видно. Перед путниками возвышался лишь бесконечный склон, который им нужно было одолеть.

— Может быть, еще до темноты мы увидим здания, — сказал Ролло.

— Надеюсь, — откликнулась Мэг. — У меня уже ноги отваливаются.

Вокруг не было заметно никаких признаков жизни, кроме нескольких длинноухих кроликов, одинокого

сурка, негодующе верещавшего на своем камне, да орла, кружившего в небесной синеве. Металлические цилиндры не появлялись.

В середине дня, когда путешественники, шатаясь от усталости, брели вверх по скользкому склону, они вдруг увидели два шара. словно громадные радужные мыльные пузыри, те катились вниз, навстречу путникам. Потом остановились на небольшой каменной площадке.

Кашинг озадаченно разглядывал их. Прикинув разделявшее их расстояние, он высчитал, что шары имели около шести футов в диаметре. Это были гладкие и блестящие, идеально круглые и невесомые бестелесные существа — именно существа, потому что у Кашинга возникло ощущение, что они живые.

Мэг рассмотрела их в бинокль.

— У них есть глаза, — сообщила она, — или что-то вроде глаз. Они плавают по всей поверхности.

Она протянула бинокль Кашингу, но тот покачал головой.

— Пойдемте-ка вверх, — предложил он, — и рассмотрим их как следует.

Они стали подниматься. Шары поджидали их. Мэг оказалась права: у них было множество глазок, рассеянных по поверхности, и они время от времени перемещались. Кашинг и Мэг подошли поближе. Шары оказались примерно такого размера, как и предполагал Кашинг. Кроме глаз у них, похоже, не было никаких органов.

Футах в шести от шаров Кашинг и Мэг остановились. С минуту ровным счетом ничего не происходило, потом один из шаров издал странный звук — нечто среднее между грохотом и журчанием. Это было забавно, как будто шар прочищал горло.

Шар загрохотал снова, и на этот раз в его рокоте можно было различить глухие слова. Так мог говорить барабан, если бы только умел.

— Вы — люди? — спросил он. — Мы имеем в виду...

— Я знаю, что вы имеете в виду, — ответил Кашинг. — Да, мы — люди.

— Вы — разумная раса, возникшая на этой планете?

— Это точно, — подтвердил Кашинг.

— Вы — господствующая форма жизни?

— И это верно, — сказал Кашинг.

— Тогда позвольте представиться, — произнес шар. — Мы — группа Исследователей, прибывшая издалека. Я — номер один, а моего коллегу можно называть номер два. На самом деле никто из нас не первый и не второй, это просто для того, чтобы как-то различать нас.

— Ну и отлично, — произнес Кашинг. — Рады познакомиться. Но скажите, если можно, что именно вы изучаете?

— С удовольствием, — ответил №1. — Мы были бы очень рады, сумеи вы пролить свет на некоторые чрезвычайно интересные для нас вопросы. Мы изучаем технологические цивилизации, не способные к длительному существованию. Они несут в себе семена самоуничтожения. Мы посетили много планет, и везде, где технология приходила в упадок, раса погибала. Она возвращалась к первобытному укладу жизни и больше не расцветала. Здесь та же картина. Более тысячи лет люди живут как дикари, и так, судя по всем признакам, будет дальше. Однако В.С. уверяет нас, что это не так, что расы способны неоднократно приходить в упадок, но затем, после периода восстановления сил, снова достигать высокого уровня. И здесь мы видим, как говорит В.С., общий пример...

— Вы изъясняетесь загадками, — прервал его Кашинг. — Кто такой этот В.С.?

— А, это — Высокочитимый Старец. Для краткости — В.С. Он робот и джентльмен, и...

— У нас тоже есть робот, — сказал Кашинг. — Ролло, поди сюда, пожалуйста, и познакомься с нашими новыми друзьями. А еще у нас есть лошадь.

— Мы знаем, что такое лошадь, — сказал №2. — Это животное. Нам только неизвестно...

— Энди — не животное, — кисло пробормотала Мэг. — Он, конечно, похож на лошадь, только совсем другой. Он может находить воду, драться с медведями и еще много чего.

— Я только хотел сказать, — продолжил №2, — что нам неизвестно о существовании каких-либо роботов за пределами этой возвышенности. Мы полагали, что все они были уничтожены в так называемую Эпоху Бед.

— Насколько мне известно, я — единственный робот, оставшийся в целости и сохранности, — сказал

Ролло. — Ну и еще, конечно, этот Высокочитимый Старец, как вы говорите.

— Высокочитимый Старец — главный над всеми остальными, — произнес №1. — Вы их, конечно, уже видели. Маленькие гадкие твари, которые на всех набрасываются и угощают бесконечной бессмысленной болтовней. Они говорят все разом и очень назойливы. — Он вздохнул. — Они страшно надоедливы. Мы целые годы потратили, пытаясь разобраться, что они говорят. Но тщетно. Я полагаю — хоть мой коллега и не согласен со мной, — что они просто старые вруны, запрограммированные так, чтобы приставать со своими байками ко всем встречным и поперечным без всякого стеснения...

— Погодите, — сказал Ролло. — Вы уверены, что они роботы? Мы тоже так думали, но я надеюсь...

— Так вы их уже встречали?

— Разумеется, — сказала Мэг. — Значит, вы думаете, что они просто рассказывали нам сказки ради собственного удовольствия?

— Именно так, — ответил №1. — Мой коллега, однако, ошибочно считает, что они изъясняются символами, которых мы в силу своих чужеродности и тугодумия не можем понять. Позвольте спросить вас: скажите честно, что вы о них думаете? Вы люди и могли разглядеть в них что-то недоступное нам.

— Мы слишком мало слушали их, чтобы прийти к какому-то мнению, — сказал Кашинг.

— Они пробыли с нами совсем недолго, — подтвердила Мэг, — а потом словно кто-то позвал их.

— Скорее всего, В.С., — сказал №1. — Он приглядывает за ними.

— Как нам встретиться с В.С.? — спросил Кашинг.

— Это нелегко, — ответил №2. — Он не жалуется гостям. Мы удостоились встречи с ним по чистой случайности.

— Значит, вы разговаривали с ним недолго?

— Нет, говорил он долго, — сказал №1, — но только о своей вере в человечество.

— Вы сказали, он робот?

— Несомненно, робот, — ответил №2, — но, кажется, не совсем обычный.

— Это ты так думаешь, — перебил его №1. — Он умен, вот и все. Просто очень умный робот.

— Мы должны были сказать вам раньше, — спохватился №2, — но говорим только теперь. Мы очень рады видеть вас. Люди здесь еще не появлялись. По-моему, их не пускают Деревья. Как вам удалось пройти мимо них?

— Без особого труда, — сказал Кашинг. — Мы просто попросили, и Деревья пропустили нас.

— Значит, вы особые гости.

— Вовсе нет, — возразила Мэг. — Просто мы ищем место, откуда отправлялись к звездам.

— Отправлялись куда? Мы не расслышали.

— К звездам, — повторила Мэг.

— Но отсюда не отправляются к звездам. За все время, что мы здесь, никто не отправлялся. Мы, конечно, знаем, что когда-то люди летали в космос, но к звездам ли?

— Вы совершенно уверены, что отсюда никогда не отправлялись к звездам? — спросил Кашинг.

— Мы никогда не слышали ничего такого, — сказал №2. — Нет никаких свидетельств того, что это место когда-либо использовалось в подобном качестве. У нас сложилось впечатление, что здесь было последнее прибежище тех избранных интеллектуалов, которые предвидели Эпоху Бед и искали тут спасения. Но если даже это и так, никаких записей не сохранилось — да мы их и не искали. Последний оплот разума на этой планете. Впрочем, если это все так, крепость пала. Здесь уже много столетий нет людей.

— Так это не Звездный Город? — спросил Кашинг.

— Звездный Город? Боюсь, что нет.

— Я никогда не утверждал этого, — сказал Ролло Кашингу. — Я просто передавал тебе то, что слышал.

— Вы сказали, — обратилась к Исследователям Мэг, — что мы — первые люди, попавшие сюда, и что вы рады нашему появлению. Но ведь увидеть людей и поговорить с ними очень просто. Пойти и отыскать их — вот все, что для этого нужно. Хотя, конечно, Деревья могли не выпустить вас.

— Деревья нам не помеха. Мы уже выходили и изучали людей много лет назад, — сказал №2. — Мы легко перелетаем через Деревья. Но люди нас боялись. Они либо отчаянно бросались на нас, либо с воплями удирали.

— Но вот мы, люди, здесь, — сказал Кашинг. — Что мы можем сделать для вас?

— Вы можете сообщить нам, — начал №1, — примерно ли питать какие-либо надежды на то, что ваша раса, как в это свято верит В.С., достигнет былого уровня?

— Откуда я знаю? — удивился Кашинг. — Скорее уж вы можете сказать мне это. Вы же говорили, что изучили множество планет и погибших цивилизаций.

— Все они были похожи на эту, — сказал №2. — Эта планета — классический пример классического положения дел. Технологическая цивилизация приходит в упадок, ее достижения сходят на нет и уже никогда не возрождаются.

— Так почему мы должны быть исключением из правила? И почему это вас так волнует?

— Все дело в В.С., — ответил №1. — Он живет верой в вас.

— А вам не кажется, что В.С. водит вас за нос?

— Водит за что?

— Ну, разыгрывает вас. Дурачит. Может быть, смеется над вами.

— Нам так не кажется, — сказал №2. — В.С. — настоящий джентльмен. Он не может так поступить. Понимаете, мы собирали наши данные миллионы лет, и впервые они ставятся под сомнение. Все остальные случаи были идентичны до последней детали. Неужели не ясно, как мы обеспокоены?

— Думаю, ясно, — произнес Кашинг. — Можно спросить вас, чем вы занимались, кроме прямых наблюдений? Вы говорите, что убеждены в гибели расы, когда технологическая цивилизация приходит в упадок. Но что происходит потом? Если люди вовсе исчезнут на этой планете, кто займет их место? Что будет после них?

— Об этом мы никогда не думали, — серьезно ответил №1. — Никто этим не интересовался.

Шары немного помолчали, потом принялись взволнованно раскачиваться. Наконец №2 сказал:

— Нам надо все это обдумать. Мы должны взвесить ваше предположение.

И они покатали вверх по склону. Их глазки забавно метались по поверхности. Вскоре шары исчезли из виду.

Глава 20

Незадолго до наступления ночи Кашинг и его спутники выбрались на окраину Города. Они решили сделать привал перед просторной, вымощенной булыжником эспланадой, которая простиралась до больших серых каменных зданий. Путешественники испытывали странное чувство: не хотелось идти дальше и входить в Город. Возможно, следовало изучить его издали, чтобы привыкнуть с мыслью о его реальности.

Каменные ступени вели к широкой эспланаде, протянувшейся более чем на милю. Однообразие булыжной мостовой скрашивали клумбы, выложенные камнем, в которых сейчас было больше травы, чем цветов, фонтаны и фигурные бассейны, полные пыли вместо воды. На одной из ближайших клумб все еще росло несколько ветвистых розовых кустов с блеклыми цветами. Ветер гнал по плитам лепестки.

Город казался заброшенным. Не видно было и сегодняшних гостей — болтливых цилиндров. Исследователи тоже не появлялись. Вокруг не было никого, кроме полудюжины недовольно щебечущих птичек, которые порхали с ветки на ветку. Над Городом раскинулось пустое небо. Отсюда, с высоты, открывался широкий вид на подернутую синей дымкой даль равнины.

Кашинг набрал хвороста и развел костер. Мэг достала сковородку и нарезала ломтиками олений окорок. Освобожденный от поклажи Энди расхаживал туда-сюда как часовой. Его копыта гулко стучали в тишине. Эзра сидел у клумбы и напряженно всматривался в

кусты роз. Илейн на сей раз не присела рядом с ним, а отошла на несколько сотен ярдов и застыла, повернувшись лицом к Городу.

— А где Ролло? — спросила Мэг. — Я его не видела с самого полудня.

— Наверное, пошел на разведку, — предположил Кашинг.

— А что ему разведывать? Там ничего нет.

— У него ноги не устают, — сказал Кашинг. — С тех пор как Ролло присоединился к нам, он разведывал каждую милю пути. Такая уж у него привычка. Не волнуйся за него.

Мэг бросила мясо на сковородку.

— Мальчик мой, мы нашли не то, что искали? Как ты думаешь, что это?

— Не знаю, — коротко ответил Кашинг.

— А ведь ты так мечтал найти Звездный Город. Грустно, право. Где же мы дали маху?

— Может быть, — сказал Кашинг, — это и не то, что мы искали. Может быть, Звездный Город — просто сказка. Сказок ведь так много.

— Я не могу смириться с этой мыслью, — заявила Мэг.

— Пятнадцать с лишним столетий назад люди летали на Луну и Марс. Они не могли остановиться на этом. Они должны были стремиться еще дальше. Но это место не годится для дальних полетов: здесь нет стартовой площадки. И потом, было бы трудно поднимать так высоко необходимое оборудование.

— Может, они нашли другой способ достигнуть звезд? И мы все-таки нашли то место, которое искали? Кашинг покачал головой.

— Я так не думаю.

— Но это место все-таки какое-то особенное. Иначе зачем Деревья сторожат его? Почему вокруг шныряют стражники?

— Мы постараемся это выяснить, — сказал Кашинг. Мэг поежилась.

— У меня какое-то странное ощущение, — сказала она. — Как будто нам тут не место. Будто мы здесь лишние. Мне кажется, что эти громадные здания смотрят на нас сверху вниз, гадая, кто мы и почему мы здесь. Когда я смотрю на них, у меня мурашки по коже бегают.

Вдруг раздался голос:

— Эй, можно я это сделаю?

Мэг подняла глаза. Перед ней стояла Илейн, протягивая руку к сковородке.

— Да ничего, мне не трудно, — ответила Мэг.

— Ты все время занималась стряпней, а я ничего не делала. Можно я помогу?

— Отлично, — сказала Мэг. — Спасибо, деточка. Я что-то притомилась.

Она поднялась и села на каменную скамью. Кашинг опустился рядом.

— Что это? — спросил он. — Что с ней случилось? Может, к ней возвращается разум?

— Не знаю, — отвечала Мэг. — Но в любом случае я рада. Это было долгое и трудное путешествие, но я не променяла бы его ни на что. Я рада, что мы здесь, несмотря на все волнения и тревоги.

Илейн позвала друзей ужинать. Эзра прервал беседу с розами и присоединился к остальным.

— Не понимаю, что они мне говорят, — бормотал он. — Мне кажется, они пытались увлечь мое воображение на край Вселенной, откуда я мог бы взглянуть на вечность и бесконечность... А потом они спрашивали, что я вижу, и я не мог им ответить, потому что видел слишком много. Там царство могущественных сил и тайн, которые не дано разгадать человеку...

Он говорил без умолку, даже с набитым ртом. И никто не прерывал его, не задавал вопросов. Кашинг поймал себя на том, что даже не слушает.

...Том проснулся через несколько часов. Все вокруг спали, костер прогорел, лишь несколько головешек светились во тьме. Неподалеку, низко опустив голову, стоял Энди и дремал.

Кашинг откинул одеяло и встал. Ночь была холодной, и ветер с глухим завыванием носился меж алмазными звездами. Луны не было, в бледном сиянии звезд здания казались призрачно белесыми. Кашинг зашагал по Городу, озираясь по сторонам. «Я могу обойтись без тебя, — мысленно сказал он Городу. — Ты мне не нравишься. Не тебя я искал».

Он думал о людях, которые смогли повергнуть в прах великую и безликую технологическую цивилизацию, подавлявшую их. Они разрушили отвратительный им образ жизни, но не заменили его другим. Они оставили после себя пустоту, вакуум, в котором невозможно су-

ществовать, и поэтому вернулись в далекое прошлое, к древнему укладу, едва ли не к тому уровню, с которого начали. Может быть, человечество должно было возвратиться к началу пути, чтобы отыскать новый? Может быть, ему нужно было перевести дух и зализать старые раны? Раны его зажили, но почему оно застыло на месте на целые столетия? Возможно, люди боялись начать сызнова, создать новое чудовище, которое рано или поздно пришлось бы уничтожить опять, боялись спросить себя, сколько же фальстартов придется им сделать.

Впрочем, думал Кашинг, я фантазирую на слишком скудной почве. Вся беда в том, что после Крушения люди совсем перестали думать. Избитые и растерзанные прогрессом, они до сих пор не могут прийти в себя и лишь топчутся на месте.

И что такое эти громадные здания, стоящие в таком уединенном месте? Специальные сооружения, созданные для каких-то загадочных и тайных целей и тщательно охраняемые Деревьями и Живыми Камнями? Непонятно. И что такое Деревья и Камни — тоже непонятно. И Преследователи и Трепещущая Змейка...

Кашинг медленно шел по эспланаде. Прямо перед ним возвышались две огромные башни, крепкие, квадратные, без всяких архитектурных излишеств. Внизу что-то темнело — возможно, ворота или дверь.

Подойдя поближе, Кашинг увидел, что темное пятно действительно дверь и она открыта. К ней вела каменная лестница. Едва Кашинг начал подниматься, в темноте за дверью вспыхнул и погас свет. Он остановился, затаив дыхание, но вспышка не повторилась. Дверь была гораздо больше, чем поначалу показалось: футов тридцать в ширину и сорок в высоту. Кашинг помедлил, потом перешагнул порог и вошел, осторожно пробуя ногами пол, чтобы не споткнуться и не провалиться в какую-нибудь яму. Пройдя несколько футов, он остановился и попытался что-нибудь разглядеть. Но тьма была такая, что он сумел различить только смутные очертания длинного коридора и каких-то предметов, стоявших вдоль стен. Внезапно впереди сверкнул огонек, за ним другой, и вскоре все вокруг было озарено странным неверным светом, исходящим от множества извивающихся лент. Они искрились, переливались и дрожали. На миг Кашинг остолбенел, но потом понял, что это — сотни Трепещущих Змеек, танцевавших в темной комнате, куда вел коридор.

У Кашинга забилося сердце. Приблизившись к двери, он заглянул в комнату. В мерцающем неровном свете он разглядел тяжелый стол, в торце которого стояла фигура, похожая на человеческую.

Кашинг попытался заговорить, но слова будто высохли на языке и превратились в пыль, заполнившую рот и горло. Когда он попробовал заговорить снова, то обнаружил, что забыл, что хотел сказать.

Мягкая рука коснулась его ладони, и послышался голос Илейн:

— Здесь — граница вечности. Один шаг, и мы попадем туда. Ты чувствуешь это?

Он покачал головой. Он не чувствовал ничего, кроме страшного парализующего оцепенения. Кашинг с трудом повернулся и увидел девушку, стройную и хрупкую, в некогда белом, но теперь грязном и изодранном платье. В мерцающем свете ее безучастное лицо пугало еще больше. Но голос звучал чисто и спокойно.

— Мой дедушка сказал: растения сообщили ему, что здесь Вечность. Это выше нашего понимания и за пределами наших ощущений. Это непостижимое состояние, не похожее на ту вечность, которую мы себе представляем. Это не отсутствие времени и пространства, это — всезаключаящая бесконечность, без начала и конца...

Вдруг Илейн судорожно вздохнула и так сжала руку Кашинга, что он почувствовал, как ее ногти впиваются в его ладонь.

— Это ни на что не похоже. — Она всхлипнула. — Ни на что внешнее. Это место... нет, не место...

А потом девушка обмякла и начала падать. Он подхватил ее на руки.

Фигура у стола оставалась неподвижной, и Кашингу показалось, что она пристально смотрит на него. Держа на руках Илейн, он повернулся к выходу. Взгляд стоящего за столом жег ему спину, но Кашинг не оглянулся. Он миновал коридор и вышел на эспланаду. Здесь он остановился и опустил Илейн на землю. Девушка не упала. Она стояла, напряженно выпрямившись.

Откуда-то донеслось цоканье копыт, и Кашинг, повернув голову, увидел Энди — тот гарцевал на плитах эспланады, горделиво вскинув голову и помахивая хвостом. Потом Кашинг разглядел бледные тени, сновавшие вокруг Энди, прыгающие над ним и пробегающие под брюхом. Тени резвились, будто свора щенков.

Илейн отшатнулась от Кашинга и молча побежала к лагерю. Том бросился за ней. Навстречу девушке выскочила Мэг. Она широко раскинула руки, пытаясь задержать ее безумный бег.

— Что с ней, мальчик мой? — спросила Мэг. — Что ты с ней сделал?

— Ничего, — ответил Кашинг. — Мы были в Городе, и там она несла свою занудную чепуху, в основном насчет вечности, а потом...

— Вы были в Городе?!

— Да, конечно, — ответил Кашинг. — Они оставили двери нараспашку.

Илейн уселась в своей излюбленной позе — руки на коленях, голова склонена. Эзра вылез из-под одеяла и хлопотал над ней.

— Что вы там нашли? — спросила Мэг. — И что за дьявол вселился в Энди?

— Он танцует со стаяй Преследователей, — сказал Кашинг. — О нем не беспокойся, ему хорошо.

— А Ролло? Где Ролло?

— Будь я проклят, если знаю, — пробормотал Кашинг. — Когда он нужен, вечно пропадает. Болтается где-нибудь поблизости.

В воздухе вдруг возник металлический цилиндр, блестящая рецепторами.

— Убирайся, — велел Кашинг. — Нам сейчас не до бак.

— Я здесь не для этого, — отозвался болтун. — Я принес вам послание от В.С.

— От В.С.?

— Высокочитимого Старца. Он приказал передать вам, что Город для вас закрыт. Он сказал, что мы не можем тратить время на любопытных туристов.

— Но мы не туристы, — возразила Мэг. — И мы скоро уйдем.

— Этого вы тоже не сделаете, — заявил цилиндр. — Вам не дадут уйти. Если вы уйдете, то повсюду разнесете глупые слухи, а мы этого не хотим.

— Итак, — произнес Кашинг, — нам нельзя ни уйти, ни попасть в Город. Что же нам делать?

— Это нас не касается. Это — ваша забота, — ответил посланец.

Глава 21

Спустя три дня они окончательно убедились, что болтун сказал правду. Мэг и Кашинг обошли Город кругом, пытаясь проникнуть внутрь. Они видели двери, много дверей, но все оказались накрепко заперты. Окон было мало, и они располагались слишком высоко. Те немногочисленные окна, до которых можно было достать, тоже были на замке. В них были вставлены совершенно непрозрачные и небьющиеся стекла. Вентиляционные шахты были слишком узки, чтобы протиснуться в них.

Путники обнаружили, что Город намного больше, чем им казалось. Собственно говоря, он представлял собой гигантское здание с многочисленными крыльями и пристройками, соединенными как Бог на душу положит. Некоторые части здания были пяти- или шестиэтажными, другие имели по двадцать и более этажей. Город опоясывала эспланада.

На второй день, после полудня, за углом одной из башен они наткнулись на Исследователей, которые, по-видимому, поджидали их. Мэг и Кашинг даже обрадовались возможности с кем-то поговорить. Два больших шара катились им навстречу, их глазки беспорядочно перемещались по поверхности. Достигнув вымощенной камнем площадки, шары остановились и стали поджидать людей.

— Присядьте и отдохните, пожалуйста, — пророкотал своим зычным барабанным голосом №1. — Насколько мы знаем, у вашего вида такой обычай. У нас еще будет время поговорить.

— Мы все никак не могли понять, что с вами случилось, — сказала Мэг. — Во время последней беседы вы вдруг так неожиданно исчезли...

— Мы размышляли, — ответил №2. — Мы очень заинтригованы тем, что вы сказали. Тем вопросом, который вы задали.

— Вы имеете в виду вопрос о том, что будет после людей? — спросил Кашинг.

— Вот именно, — ответил №1. — И не столько сам вопрос, сколько то обстоятельство, что его могла бы задать любая раса. Это совершенно расходится с точкой зрения В.С., который, кажется, совершенно уверен, что ваша раса оправится от последствий катастрофы и вознесется на еще большую высоту, чем прежде. Кстати, вы видели В.С.?

— Нет, — ответил Кашинг, — не видели.

— Ну ничего, — сказал №2. — Тогда вернемся к заданному вами вопросу. Как вы могли задать его? Сказать о каком-либо предмете, что он когда-нибудь будет заменен другим — еще куда ни шло, но чтобы представитель какой-то расы спокойно говорил о том, что его расу заменит другая форма жизни — это... это просто какое-то извращение.

— Но ведь это вполне естественно и находится в полном согласии с теорией эволюции, — ответил Кашинг. — Форма жизни становится преобладающей в силу нескольких факторов выживания. И на Земле за много миллионов лет сменилось множество доминирующих форм. Человеческая раса стала преобладающей из-за разума, но это не означает, что она останется таковой навсегда, и геологическая история Земли — подтверждение тому. Когда люди это поняли, они, естественно, задались вопросом: а что будет после них? Есть ли нечто, более ценное для выживания, чем разум? Мы не можем сказать, что именно, но что-то должно быть.

— И вы можете говорить об этом так легко? — возопил №2. — Вы не бьете себя в грудь от злости, не рвете волосы от отчаяния, вы не впадаете в панику, думая о том дне, когда не станет никого из вас?! Когда

во всей Вселенной не останется никого, похожего на вас, никого, кто вспомнил или оплакал бы вас?!

— Черт побери, конечно, нет, — ответил Кашинг. — Мне бы и в голову не пришло делать что-нибудь такое.

— Вы так бесчувственны, — продолжал №2, — что спокойно рассуждаете о том, что будет после вас?

— Мне кажется, — пробормотала Мэг, — что знать это было бы, по меньшей мере, забавно.

— Мы не понимаем, — сказал №1. — Что вы понимаете под словом «забавно»?

— Ты хочешь сказать, бедняжка, что у вас никогда не было никаких развлечений?! — вскричала Мэг. — Вы не понимаете, что значит «забавно»?

— Мы не совсем уловили суть вашего высказывания, — сказал №1. — Мы ни с чем подобным до сих пор не сталкивались. Нам трудно понять, как разумное существо может получать даже слабое удовлетворение от сознания неизбежности гибели своего рода.

— Да мы же не вырем прямо сейчас, — сказал Кашинг. — Мы еще проживем какое-то время.

— Но ведь вы ничего для этого не делаете!

— А зачем? Мы просто живем, как живется. Лучше скажите, как вы считаете, что будет после нас?

— На этот вопрос мы не можем ответить, — сказал №1. — Хотя с тех пор, как вы его задали впервые, мы много думали об этом. В.С., например, утверждает, что ваша раса достигнет былого величия. Но мы думаем, что он ошибается. Мы видели много планет, где доминирующая раса пала, и пала навсегда. Ничто не обещало, что она сможет возродиться.

— А может, вы просто не имели достаточно времени, чтобы поболтать на этих планетах подольше и посмотреть, не появится ли какая-нибудь другая форма жизни, способная заполнить возникшую пустоту? — спросил Кашинг.

— Мы об этом как-то не думали, — сказал №2. — Честно говоря, нас это не слишком занимало. Видите ли, мы оба всю жизнь посвятили изучению определенных критических точек развития цивилизации. На других планетах мы нашли классический образец самоуничтожения технологической цивилизации. Мы уже собирались вернуться домой и представить научный доклад об этой планете и наших сомнениях...

— Сомнениях, появившихся из-за тупого упрямства и неуловимости В.С., — подхватил №1. — Он отрицает совершенно очевидные вещи. Он доказывает — и, признаться, порой убедительно, — что ваша человеческая раса должна возродиться, что она непобедима и ее дух не смирится с поражением. Он еще упоминал о каком-то фениксе, который возрождается из своего пепла — мы не совсем уловили суть этой аллюзии.

— В любом случае, — сказал №2, — ответ вы можете найти быстрее нас — если, конечно, он вообще есть. Нам кажется, что он может быть найден только в Городе. И вам, аборигенам этой планеты, сделать это будет гораздо легче, чем нам, измотанным путешествиями чужестранцам.

— Ну да, держи карман. — Кашинг махнул рукой. — Нас в Город не пускают. За нами, похоже, следят. И уходить нам ваш Высокочтимый тоже запретил.

— Нам послышалось, что вы говорили, будто не видели В.С. ...

— Мы и не видели. Он передал нам это с одним из своих маленьких болтунов.

— Гадкое создание просто лопалось от важности, — добавила Мэг.

— Это похоже на В.С., — сказал №1. — Он такой утонченный пожилой джентльмен, только иногда очень раздражительный.

— Джентльмен, вы говорите? Так он человек?

— Нет, конечно, нет, — сказал №2. — Мы же вам говорили: он робот. Вы же знаете, что такое робот. Один из них пришел с вами.

— Погодите... — пробормотал Кашинг. — Кто-то стоял там в торце стола... Он был похож на человека, но не человек. Это мог быть робот... Это мог быть В.С.!

— Вы разговаривали с ним?

— Нет, я с ним не говорил. Там было много всего другого...

— Вам нужно было поговорить с ним.

— Проклятие, да я и сам знаю, что нужно было. Да теперь уж все равно поздно. В.С. сидит где-то в Городе, и мы не можем до него добраться.

— Кроме В.С., — сказал №1, — в Городе есть еще нечто интересное, скрытое за этими стенами. Мы не знаем, что именно, но чувствуем: что-то должно быть...

Под вечер Мэг и Кашинг вернулись в пустой лагерь. Чуть позже появился Энди. Илейн и Эзра беседовали с Деревьями внизу, а Ролло рыскал где-то в окрестностях.

— Теперь ясно, мальчик мой, — сказала Мэг, — что В.С. не бросает слов на ветер. Город и впрямь закрыт для нас.

— Это все чертова Илейн, — проворчал Кашинг. — Она несла всю эту чушь насчет вечности. Она на ней просто помешана.

— Ты слишком резок с ней. Ее мозг, возможно, мало развит, но, я уверена, она обладает некой магической силой. Она живет в совсем ином мире, как бы на другом уровне. Она видит и слышит то, что нам недоступно. И не надо больше об этом. Лучше подумаем, что будем делать, если не сможем выбраться отсюда.

— Я пока не собираюсь сдаваться, — ответил Кашинг. — Уж если нам понадобится отсюда уйти, мы что-нибудь придумаем.

— Да что бы там с этим Городом ни случилось — мы-то что хотели обнаружить? — спросила Мэг. — Как мы сбились с пути?

— Мы сбились с пути, — ответил Кашинг, — потому что шли вслепую. Мы верили каждому слуху, всем этим историям у костра, которые насобирав Ролло. Впрочем, это не его вина, а моя. Я готов был принять на веру все, что слышал.

...Ролло явился, как только стемнело. Он присел у костра и уставился на огонь.

— Я не много нашел, — сказал он. — На западе обнаружил каменоломню, где добывался камень для Города. Еще я нашел старую дорогу, ведущую на юго-запад. Она была построена до того, как выросли Деревья, теперь они ее преграждают. Я пытался пробраться через их заросли в нескольких местах, но не смог. Они просто стеной стоят. Может быть, с сотней крепких дровосеков это и было бы возможно, но у нас нет ни стольких рук, ни топоров.

— Если бы топоры и были, сомневаюсь, чтобы они помогли, — вздохнула Мэг.

— А племена все собираются, — продолжал Ролло. — На юге и востоке равнина просто черна от них, и все время подходят новые. Должно быть, вести у них разносятся быстро.

— Одно мне непонятно, — сказал Кашинг, — почему они собираются? Ну, были там стражники, конечно, но я думал, что это просто какое-то маленькое племя, помешанное на своей идее.

— Может быть, их идея и не такая безумная, — сказала Мэг, — коль она смогла просуществовать столько столетий.

— Ты думаешь, это место действительно так важно?

— Наверное, — ответила Мэг. — Город такой большой. Нужно было потратить столько времени и сил, чтобы построить его... И так хорошо защитить. Люди со своими странными машинами не смогли бы...

— Да уж это точно, — сказал Кашинг. — Интересно, что же здесь такое. Если б мы только могли узнать!

— То, что племена собираются у Громого Утеса, — сказал Ролло, — доказывает, что он гораздо более значим, чем мы думали. Видимо, недаром племена держали здесь своих дозорных. Может быть, все это лишь легенда...

— Если и легенда, — вмешалась Мэг, — то весьма искусно скрываемая. Я никогда не слышала о ней. И уверена, что и наши городские племена тоже не слышали.

— Наилучшие легенды и охранять следует наилучшим образом, — сказал Кашинг. — Так строго, чтобы никто не смел даже вслух говорить о них.

...На следующее утро они снова отправились в Город. Ничего нового они не обнаружили. Все так же забылемы и молчаливы были каменные стены. Не было видно ни единого признака жизни.

Эзра с Илейн вернулись в лагерь к ужину, совершенно измотанные, еле передвигая ноги.

— Садитесь и отдыхайте, — сказала им Мэг. — Вот вода, а я сейчас поджарю вам мяса. Если хотите, вздремните чуток до еды...

Эзра просипел:

— Деревья не хотят пропускать нас. Никакие убеждения не помогают. Они не говорят нам почему. Зато они говорили о многом другом. Они рассказали о своих родовых воспоминаниях... О другой планете в другой системе, очень далеко отсюда. Они назвали мне ее имя, очень сложное и длинное, но я не запомнил и не переспросил, потому что мне показалось это неважным. Что с того, что мы будем знать его? Деревья забыли, как

попали сюда, а может, просто не захотели сказать. Хотя, мне кажется, они не могут знать этого. Я не уверен, что они когда-нибудь видели ту планету, о которой говорили. Похоже, они обладают наследственной памятью. Расовой памятью, передаваемой из поколения в поколение.

— Ты уверен, что понял их правильно? — спросил Кашинг. — Они сказали, что родом с другой планеты?

— Без всякого сомнения, — ответил Эзра. — Они рассказывали мне об этой планете так, как человек, оказавшийся в чужой стране, мог бы рассказать о своей родине. Деревья даже показали мне эту планету, правда, очень смутно и неясно, но кое-что можно было рассмотреть. Я уверен, что это была идеализированная картина, вся в розовых тонах, знаете, как розовые лепестки цветущих яблонь на фоне темно-голубого неба. Не то что на самом деле этот мир был розовый, но у меня было такое ощущение. Я знаю, что говорю очень сбивчиво, но мне так казалось. Это мир радости — не счастья, но радости.

— Возможно ли это? — спросил Кашинг. — Могло ли быть так, что люди добрались до далеких звезд, до этого розового мира и принесли оттуда семена Деревьев?

— А Преследователи и Трепещущие Змейки? — добавила Мэг. — И Живые Камни тоже — они все не из нашего мира. Они чужие здесь.

— И если все это так, — подхватил Ролло, — то здесь и в самом деле может быть место, откуда отправлялись к звездам!

Кашинг покачал головой.

— Здесь нет посадочной площадки. Если бы она была, мы бы ее уже нашли. И отсюда так далеко до всех источников снабжения. Отправлять космические корабли отсюда было бы экономически невыгодно.

...Ночью, когда Эзра с Илейн уснули, Ролло ушел на разведку, а Энди играл с Преследователями, Кашинг разговаривал с Мэг.

— Одно не дает мне покоя — то, о чем говорили Исследователи. Они сказали, что здесь есть еще что-то более важное, чем В.С. Нечто спрятанное, что мы должны найти.

Мэг кивнула.

— Может, и так, мальчик мой, — сказала она. — Возможно, здесь есть много интересного. Но как нам найти это? Что тебе подсказывает твой изобретательный ум?

— Ты почувствовала, что камень живой — тогда, далеко отсюда, — сказал Кашинг. — Почувствовала, кто такие Преследователи. Ты сказала, что они — толпа, множество людей, всех людей, которых они когда-либо встречали. Ты почувствовала, что мозг робота все еще жив. Ты сделала это без всяких усилий... Ты узнала тогда, что я сплю в сиреновом кусте.

— Я говорила тебе много раз, — ответила Мэг, — что я — всего-навсего бедная ведьма, старуха, которая использует свои слабые способности, чтобы только удержать душу в теле да уберечься от дурного глаза. Неряшливая, глупая и невоспитанная старушонка, которая должна тебе, мальчик мой, много больше, чем в состоянии заплатить, за то, что ты взял меня с собой.

— Без всяких усилий, — продолжал Кашинг, — просто мимоходом, само собой...

— Есть еще Илейн. Вот ее-то ты бы...

— Нет, не Илейн. Ее способности другого рода. Она видит слишком большую, слишком общую картину. А ты видишь каждую мелочь, чувствуешь каждую деталь того, что происходит.

— Ты сумасшедший, — сказала она. — Безумнее мартовского зайца.

— Ты сделаешь это, Мэг?

— Зря время потеряем.

— Мы должны разгрызть этот орешек. Мы должны узнать, что здесь происходит. Если не хотим до конца дней своих остаться на этой горе.

— Ну ладно. Завтра попробуем. Только для того, чтобы доказать тебе, что ты не прав. Если у тебя есть лишнее время...

— Чего-чего, а времени у нас предостаточно, — сказал Кашинг.

Глава 22

Мэг не хотела делать этого, но сказала себе, что должна попробовать, хотя бы для того, чтобы убедиться, что все это — пустая затея. Она немного боялась, поскольку могло выясниться, что ее способности не так уж велики. Если они у нее вообще были. Хотя, успокаивала она себя, она все-таки кое-что умела.

— Надеюсь, ты доволен, — сказала она Кашингу.

Яркое утреннее солнце играло на огромной металлической двери, покрытой чеканными символическими фигурами, которые ничего не значили для Мэг. Каменные башни, поднимавшиеся по обе стороны, подавляли своей неприступностью. Ей показалось, что они хмуро разглядывают их.

Исследователи сказали, что там, за дверями, есть что-то, но они не знают, что именно, и вот теперь ей предстояло это узнать. Задача была невыполнимая, она знала, и не стала бы даже пробовать, но этот парень верил ей, и она не могла обмануть его. Остальные, она знала, не верили, потому что она не давала им повода убедиться в обратном. Она взглянула на Илейн, и на мгновение ей показалось, что в глазах второй женщины мелькнула искра спокойного удивления. Впрочем, Бог знает, подумала она, что могло померещиться в отсутствующем взгляде Илейн.

Она опустила на колени, устроилась поудобнее, пытаясь сосредоточиться, и представила себе, что от ее

сознания тянутся тонкие осторожные усики, ощупывающие пространство, словно усики виноградной лозы, ищущие щелочки в стене, чтобы вскарабкаться наверх. Мэг почувствовала твердость камня и гладкую поверхность металла, потом проникла сквозь них — в пустоту. Там действительно что-то было.

Усики отдернулись, коснувшись чего-то странного, чего Мэг никогда прежде не встречала. Это не предмет, сказала она себе, а множество мелких, скользких, неопределенных сущностей. Совершенно непонятных — и усики ее мозга отдернулись. Они не были живыми или казались безжизненными, хотя несомненно существовали реально.

Внезапно почти физической болью ее пронзил ужас, и она содрогнулась от отвращения — как будто там были пауки, миллиарды суеющих пауков с раздувшимися тельцами и ножками, покрытыми дрожащими черными волосками. Из груди ее был готов вырваться вопль, но она подавила его. Они не тронут меня, успокаивала она себя, они не могут достать меня — они там, внутри, а я здесь.

Она снова устремила к ним свое сознание и, оказавшись в самой их гуще, поняла, что это вовсе не пауки; от них не исходила опасность — поскольку они не были живыми. Но несмотря на это, в них был какой-то смысл. «Хотя как может неживое иметь смысл?» — подумала она.

Ее окружили и поглотили многочисленные сознания, маленькие, безжизненные сознания, которые словно шептали ей что-то, роились вокруг, искали ее внимания. Она услышала гудение бесчисленных энергий и увидела возникающие и пропадающие мимолетные образы, целый сонм образов. Это было похоже на рой комаров, толкущихся в лучах света. Колдунья не видела их, но ощущала трепетание маленьких крыльев.

Мэг старалась сосредоточиться, собрать свои ментальные усики, чтобы уловить и удержать хоть один из пляшущих образов и понять, что это такое. Словно издавдала она увидела свое тело и почувствовала, как по лбу стекает пот. Она низко нагнулась и сжалась в комок, пытаясь собрать все свои силы. Она крепко зажмурилась, пытаясь создать в мозгу мысленный экран и сфокусировать на нем одно из мелькавших в голове изображений.

Образы стали ярче, но все еще метались и ускользали, туманные и неопределенные. Все напрасно, подумала она. Она старалась как могла, но не справилась. Было что-то неуловимо тонкое, чего она не в силах была удержать.

Она сжалась еще сильнее, качнулась и опрокинулась набок, не разгибаясь... Открыв глаза, она смутно увидела склонившегося над ней Кашинга.

— Все в порядке, парень, — прошептала она. — Там что-то есть, но я не смогла уловить это. Я не смогла разглядеть.

Он присел рядом и приподнял ее.

— Все хорошо, Мэг, — сказал он. — Ты сделала все, что могла.

— Вот если бы со мной был мой хрустальный шар! — прошептала она.

— Твой хрустальный шар?

— Ну да. Я оставила его дома. Правда, я в него никогда особо не верила. Он был мне нужен для пущей важности.

— Думаешь, сейчас он помог бы тебе?

— Может быть. Он помог бы мне сосредоточиться. У меня никак не получается.

Все стояли вокруг, молча глядя на Мэг и Кашинга. Энди протиснулся поближе и, вытянув длинную шею, склонился над Мэг, словно шепча ей на ухо что-то ласковое. Она потрепала его по носу.

— Всегда-то он печется обо мне, — сказала она. — Он думает, что его обязанность — заботиться обо мне.

Она отодвинулась от Кашинга и села.

— Дайте мне немного времени, — сказала она. — Я передохну и попробую снова.

— Может, не стоит? — спросил Кашинг.

— Я должна. Исследователи правы. Там что-то есть.

Огромные серые стены вздымались в безоблачное небо. Высоко в синеве парил орел.

— Это похоже на букашек, — сказала Мэг. — Миллионы маленьких букашек. Суетятся. Жужжат. Я никогда еще так не терялась.

— Я могу помочь, — твердым холодным голосом произнесла Илейн.

— Милая, не лезь в это дело, — ответила Мэг. — Мне и без тебя трудно.

Она снова встала на колени.

— Попробую в последний раз, — сказала она. — Если и сейчас не получится, значит, все.

На сей раз ей было легче. Не нужно было ломиться сквозь камень и металл. Она сразу оказалась среди этих пауков и мошек. Но теперь мошки летали упорядоченно, образуя символы, которые она смогла уловить, однако все еще не понимая их смысла. Ей казалось, что еще чуть-чуть — и она все поймет. Если бы мне только удалось немного приблизить или замедлить пляску мош-кары и суету пауков, думала она, я бы смогла уловить и удержать что-нибудь. Они суетились с какой-то целью, их движения не могли быть случайными. Во всем этом должен быть какой-то смысл.

Она попыталась приблизиться, и ненадолго безумное движение замедлилось. В это мгновение она почувствовала счастье, такое глубокое и ясное, что оно почти физически ударило ее и поглотило своей свободной сладостью. Но, едва ощутив его, она почувствовала что-то неладное, словно это было безнравственно и несправедливо — познавать такое глубокое счастье. Это было, она поняла инстинктивно, искусственное счастье, синтетическое счастье, и ее смущенное, ищущее сознание уловило мимолетный образ, комбинацию символов, которая объясняла это ощущение и, возможно, была его причиной. Все это длилось очень недолго, потом чувство счастья исчезло, и все вокруг показалось пустым и холодным. Остались только рои насекомых, которые, она знала, на самом деле не насекомые, а нечто, воспринимаемое ее человеческим сознанием как насекомые.

Застонав, она начала искать счастье — пусть поддельное, но такое необходимое, — с истерическим отчаянием пытаясь коснуться его вновь, удержать хоть на мгновение, ощутить его розовое сияние. Ей казалось, что она уже не сможет жить в бесцветном и жестоком без него мире. С жалобным стоном она тянулась и тянулась за ним, но когда щупальца ее сознания касались его, розовое сияние ускользало и исчезало...

Издалека, из другого мира слышался голос, который она когда-то слышала, но теперь не смогла узнать.

— Вот, Мэг, — сказал он. — Вот твой хрустальный шар.

Она почувствовала, как ей в ладони опустилось что-то твердое и круглое, и, приоткрыв глаза, уловила его полированный блеск в лучах утреннего солнца.

Что-то чужое сознание взорвалось и забилося в ее мозгу — холодное, колющее, темное сознание. Словно наконец вырвавшись на волю, но испугавшись простора, открывшегося перед ним после многих столетий безнадежного ожидания, оно издало торжествующий крик.

Нежданное сознание уцепилось за мозг Мэг, как утопающий за соломинку, уцепилось отчаянно, словно боялось вновь остаться в одиночестве, в темноте и холоде. По ее ментальным усикам оно проникло туда, где роились букашки и копошились пауки. Поначалу оно отпрянуло от них, но потом нырнуло вглубь, в гущу мелькающих крылышек и неугомонных волосатых лапок, потащив ее за собой. И вдруг пропали и крылышки, и лапки, и мошки с пауками. И их исчезновение было таким же удивительным, как и появление. Беспорядок, создаваемый ими, кончился.

Потом пришло понимание — неполное и смутное, но вполне реальное. Оно проникло в ее мозг и заполнило его. Но она улавливала только часть смысла, как бывает, когда слушаешь чью-то быструю речь и разбираешь лишь одно слово из десяти. Однако она все-таки понимала, что это — кипящая масса знаний, ответы на все когда-либо заданные вопросы.

Ее сознание отпрянуло, защищаясь от непосильной массы информации, глаза открылись. Хрустальный шар выпал из рук и покатился с колен на каменные плиты. Мэг увидела, что это вовсе не хрустальный шар, а мозговой кожух робота, который Ролло носил в своей торбе. Она протянула руку и погладила его, бормоча ласковые слова, ошеломленная тем, что произошло. Разбудить его, дать ему понять, что он не одинок, внушить несбыточную надежду было бы непростительной жестокостью. Разбудить его на одну минуту и вновь погрузить в одиночество и мрак, коснуться ненадолго и оттолкнуть... Мэг подняла его и прижала к груди, как мать ребенка.

— Ты не одинок, — сказала она ему. — Я останусь с тобой.

И, произнеся это, она ощутила это сознание снова — уже не холодное и темное, но теплое и переполненное

дружеским чувством и какой-то заискивающей признательностью.

Над ней открылась огромная металлическая дверь. На пороге стоял робот, более массивный, чем Ролло, но очень похожий на него.

— Меня называют Высокочитимым Старцем, — сказал робот. — Не желаете ли войти? Я хотел бы поговорить с вами.

Глава 23

Они сели за стол в той самой комнате, где Кашинг и Илейн впервые увидели В.С. Только на этот раз она была освещена светильником, стоявшим на столе. Как и тогда, под потолком крутились и играли Трепещущие Змейки, но их было не так много.

В.С. тяжело сел в кресло во главе стола, остальные разместились вокруг. Мэг положила на стол мозговой кожух робота и прикрыла его ладонями, чтобы он знал, что она рядом. Она постоянно чувствовала, как кто-то нежно касается ее сознания, словно желая убедиться, что она здесь. Энди стоял в дверях — наполовину в комнате, наполовину в коридоре, — опустив голову, но все примечая. За его спиной реяли серые тени его друзей — Преследователей.

В.С. устроился в кресле поудобнее и долго глядел на гостей, словно размышляя, не ошибся ли он, решив встретиться с ними.

Наконец он заговорил.

— Я рад приветствовать вас в Звездном Городе, — сказал он.

Кашинг хлопнул ладонью по столу.

— Хватит с нас волшебных сказок! — закричал он. — Люди не могли отсюда взлетать к звездам. Здесь нет посадочных площадок. Это же нелогично!

— Мистер Кашинг! — мягко произнес В.С. — Позвольте мне все объяснить. Вы говорите, нет посадоч-

ных площадок. Разумеется, их здесь нет. Вы когда-нибудь задумывались, сколько проблем нужно решить, чтобы полететь к звездам? Они так далеко, а человеческая жизнь так коротка.

— Но я читал книги, — сказал Кашинг. — В университетской библиотеке...

— Вы читали только то, что было написано о полетах к звездам за столетия до того, как эти полеты стали вообще возможны. Когда люди летали не далее Луны или Марса.

— Это так, но...

— Вы читали о криогене, с помощью которого можно было бы замораживать пассажиров на время космического перелета, а потом оживлять. Вы узнали, что такое сверхсветовая скорость. Вы прочли о мечте чело- века — создать на планетах, подобных Земле, в других солнечных системах колонии землян.

— Но ведь что-то должно было сбыться, — упорствовал Кашинг. — Рано или поздно люди должны были найти способ, как все это осуществить.

— Они и нашли его, — сказал В.С. — Некоторые все-таки полетели к ближайшим звездам. И обнаружили там массу интересного. Они привезли семена, из которых впоследствии выросли Деревья, окружающие эту гору. Они привезли Живые Камни, Трепещущих Змеек и Преследователей — вы их видели. Но такие полеты оказались непрактичными. Очень дорого, да и фактор времени играл определенную роль. Вот вы говорите о логике... Но ведь посылать людей в космос тоже нелогично. Когда технология достигает качественно нового уровня, становится ясно, что именно было неправильно. Ваши перспективы меняются, а вслед за ними и ваши цели. Вы спрашиваете себя, что вам нужно, чего добиваетесь и какие ценности вы приобретете, затратив усилия. Вот и мы задали себе такой вопрос, когда начали летать к звездам. И пришли к выводу, что сам по себе факт высадки на другую планету другой системы не так уж и важен. Конечно, первооткрыватель получал славу и удовлетворение, да и ученые узнавали много полезного, однако процесс был чересчур медленным; он занимал слишком много времени. Конечно, если бы мы могли послать сразу тысячу кораблей, каждый в свою точку Вселенной, отдача была бы более скорой. Времени это заняло бы не меньше, но через несколько столе-

тий корабли стали бы возвращаться один за другим. Но мы были не в состоянии послать сразу тысячу кораблей. Экономика не выдержала бы такого напряжения. К тому же, послав разом тысячу кораблей, мы были бы вынуждены продолжать строить и посылать новые, чтобы впоследствии каналы, так сказать, не пересохли... Мы знали, что не имеем таких ресурсов, и у нас было мало времени, потому что социологи уже предупреждали нас о грядущем Крушении. И мы были вынуждены спросить себя — что же мы все-таки искали? И ответ был приблизительно таков: мы искали информацию.

Если бы вы представляли, в какую эпоху мы жили, вы бы смогли понять, под каким давлением мы оказались тогда. Наша задача состояла уже не в том, чтобы летать к звездам, а в том, чтобы собрать и сохранить научные знания, которые могли бы дать нам путеводную нить, могли бы помочь преодолеть Крушение. Остальное население не беспокоили предсказания наших социологов и совершенно не интересовала наша работа. Годами народ бомбардировали предостережениями разного рода знатоки, большинство из которых ошибалось, и люди были уже так «наинформированы» их мнениями, что перестали вообще обращать внимание на то, что им говорили. Они просто не знали, чему верить, а чему нет.

Но была небольшая группа ученых и инженеров — несколько тысяч человек, — которые видели опасность достаточно ясно. Преодолеть Крушение можно было несколькими путями, но лишь один из них, казалось, давал наилучшие шансы: мы рискнули предположить, что ответ может содержаться в знаниях, собранных другими цивилизациями. Это будет некий главный ответ, о котором мы не догадывались, ответ полностью в духе человечества или абсолютно не свойственный ему — и мы могли бы им воспользоваться.

В.С. замолчал и оглядел сидевших за столом.

— Вы следите за моей мыслью? — спросил он.

— Кажется, да, — сказал Эзра. — Вы говорите о древних временах, не известных нам.

— Они должны быть известны мистеру Кашингу, — сказал В.С. — Он читал об этом времени.

— Я не умею читать, — заметил Эзра. — В моем племени никто не умел.

— Поэтому-то меня приятно удивил мистер Кашинг, — сказал В.С. — Вы говорили об университете. Так университеты все еще существуют?

— Я знаю только один, — ответил Кашинг. — Может, есть еще какие-нибудь, только я о них не слыхал. В нашем университете много столетий назад работал человек по имени Уилсон. Он написал историю Крушения. Правда, это не очень достоверная история, она основана преимущественно на легендах.

— Значит, вы представляете себе, что такое Крушение?

— Только в общих чертах, — ответил Кашинг.

— Но вы же узнали о Звездном Городе.

— Не из истории. Уилсон знал о нем, но не включил в свой труд. Я думаю, потому, что посчитал слишком дикой фантазией. Я нашел его записки, в которых он упоминает о Звездном Городе.

— И вы решили отыскать его. Но, найдя, не поверили, что это то самое место, которое искали. Нет посадочных площадок, твердите вы. Когда-то они были здесь — недалеко отсюда. Потом, спустя какое-то время, мы решили, что они не нужны, и подумали, а не лучше ли посылать не корабли с людьми, а роботов.

— Эти болтуны... — догадался Кашинг. — Так вот что это такое — космические зонды, роботы! А Исследователи считают их непонятными вздорными болтунами.

— Ох уж эти Исследователи, — вздохнул В.С. — Пара умников с одной очень далекой планеты. Они намереваются создать капитальный труд «Закат и падение технологических цивилизаций». Они уже немало помучились, потому что у меня нет никакого желания направлять их по верному пути. Это сейчас мое основное занятие здесь — сбивать их с толку. Если хоть немного помогу им, они проторчат здесь еще добрую сотню лет, а мне этого совсем не хочется. Я сыт ими по горло.

Так вот, Путешественники — эти зонды, которых вы зовете болтунами, — намного дешевле кораблей. Конечно, их разработка стоила немалых средств, но по ее окончании они стали обходиться гораздо дешевле. Оснащенные различными сенсорными устройствами, они умеют извлекать необходимую информацию и не тащат на Землю кучу лишних сведений. Мы собирали, программировали и посылали их сотнями. Лет через сто

они начали возвращаться, переполненные информацией, закодированной в их памяти. Некоторые из них не вернулись. Наверное, с ними что-то случилось. Когда был запущен первый из них, — разразилось Крушение. И на станции не осталось людей. Только я да еще несколько роботов, вот и все. Теперь и их нет. Износ деталей, конечно. Одни погибли во время обвала, другие пали жертвами какой-то странной болезни, что меня чрезвычайно удивляет, поскольку роботы невосприимчивы к болезням. Третьи по неосторожности погибли от короткого замыкания. У нас есть электричество — на вершине горы установлены солнечные батареи. А этим светильником мы пользуемся потому, что кончились лампочки, а новых взять негде. Так или иначе, все роботы, кроме меня, вышли из строя.

Когда Путешественники возвращались, мы помещали закодированную информацию в банк памяти, перепрограммировали их и отправляли снова. Правда, последние несколько столетий я не отсылал их с Земли. В этом, похоже, уже нет никакого смысла. Наши банки памяти и так переполнены.

Получив информацию, я должен был дезактивировать Путешественников и отправить их на склад. Да только мне стало их жалко — они так любят жизнь! Когда центральный банк принимает информацию зондов, в них сохраняются остатки впечатлений, тень знаний, которые они собрали. Поэтому они обладают некой псевдопамятью обо всем, что пережили. И проводят время, рассказывая друг другу о своих великих приключениях. Некоторые из них сбежали в тот день, когда вы пришли, и явили вам образчик своей болтливости, пока я не позвал их. Так же они свалились на команду Исследователей, но я не пытался остановить их. Когда эти умники возятся с ними, то не трогают меня.

— Ну вот, парень, — сказала Мэг, — ты и нашел свой Звездный Город. Правда, не совсем то, что искал, но нечто большее.

— Одного я не понимаю, — сказал Кашинг. — Почему вы с нами сейчас разговариваете? Вы же передали нам — помните? — что Город для нас закрыт. Что заставило вас изменить решение?

— Вы должны понять, — ответил В.С., — что сведения о таком месте, как это, нужно хранить в тайне.

Когда его строили, специально выбрали самый отдаленный уголок. Посадили Деревья, которые генетически запрограммированы на то, чтобы не впускать посторонних, и окружили кольцом Живых Камней. Деревья были пассивной защитой, Камни в случае необходимости могли стать активной. Однако за многие годы Камни поразбежались — им нравится путешествовать. Предполагалось, что Деревья будут следить за ними, но так получалось не всегда. Когда основали станцию, уже было ясно, что человечество движется к Крушению, а потому стало необходимым не только максимально засекретить станцию, но и обеспечить ее защиту.

Мы надеялись, конечно, что Крушение можно будет задержать на несколько столетий и за это время нам удастся найти какой-нибудь выход. Но все произошло слишком быстро, за неполное столетие. После Крушения станция существовала долго, и Деревья успели изрядно вырасти. Но все равно они не устояли бы перед решительной артиллерийской атакой. Нас спасли только удаленность да секретность, в которой создавался проект. А толпы разрушителей были слишком заняты другими объектами, чтобы обратить на нас внимание, — даже если бы и знали о станции.

— Но я спросил, почему вы изменили свое решение в отношении нас, — прервал его Кашинг.

— Я хочу объяснить все по порядку, — сказал В.С. — Когда все люди умерли, здесь остались только роботы. Мы не нуждались в какой-то серьезной поддержке, и поэтому проблем у нас почти не было. Видите ли, наши банки памяти просты настолько, что управлять ими мог бы и ребенок. Только одна система доставляет нам много неприятностей. Восстановительная.

— Восстановительная система?

— Это часть установки, которая обеспечивает расшифровку закодированной информации. Здесь находятся целые горы данных, но их нельзя получить. Я пытался разобраться в этой системе, надеясь, что мне удастся найти неисправность, но, вы понимаете, я не техник. Я запрограммирован только на административную работу. В общем, наше положение таково, что у нас есть масса информации, а мы не можем ею воспользоваться.

Когда вы пришли, у меня появилась слабая надежда... Деревья доложили мне, что среди вас несколько сенситивов. И я велел им пропустить вас. Я надеялся,

что сенситив может расшифровать сведения, и был просто потрясен, что самый сильный ваш сенситив вообще не интересуется нашими данными!

— Вы говорите, Деревья передали вам это? — спросил Кашинг. — Значит, вы сами сенситив?

— Моя чувствительность другого рода, — ответил В.С. — Я запрограммирован так, что могу взаимодействовать с Деревьями — и только. Так что моя чувствительность очень ограничена.

— Значит, вы считали, что человек-сенситив смог бы получить информацию. И когда Илейн не сделала этого...

— Я решил, что все пропало, — сказал В.С. — Но теперь я думаю иначе. Она просто слишком сильный сенситив, запрограммированный на космос и явления космического масштаба. Когда она небрежным взглядом окинула то, что хранится в наших банках памяти, то была потрясена царящим там хаосом. И я должен признать, что там действительно ужасный беспорядок. Миллиарды единиц информации свалены в кучу. Но этим утром появился другой сенситив — Мэг. Она добралась до них, она их пощупала и, хоть ничего и не поняла, узнала, что они там есть.

— Все это — благодаря мозговому кожуху, — встала Мэг. — Это он мне помог.

— Я дал тебе мозговой кожух вместо хрустального шара, вот и все, — сказал Ролло. — Просто гладкая вещьца. Тебе нужно было сосредоточиться.

— Ролло, — сказала Мэг, — прости меня, пожалуйста. Ролло, это нечто большее. Я надеялась, что ты никогда не узнаешь. Только Том, да я, мы оба знали, но не говорили тебе.

— Вы хотите сказать, — перебил ее В.С., — что мозг внутри этого кожуха все еще жив? То есть, когда тело робота обездвижено или разрушено, его мозг продолжает действовать?

— Но это невозможно! — вскричал Ролло. — Он не может ни видеть, ни слышать, он замкнут внутри кожуха!

— Это так, — прошептала Мэг.

— Тысячу лет, — продолжал Ролло. — Больше тысячи лет...

— Ролло, нам очень жаль, — сказал Кашинг. — Еще той ночью, давно, когда ты дал Мэг поддержать кожух, помнишь? Она почувствовала, что он еще жив.

Она сказала мне, и мы решили, что тебе не нужно знать об этом. Видишь ли, ничего уже нельзя сделать.

— Их же миллионы, — бормотал Ролло. — Лежат там, где упали, и никто не найдет их всех. А другие собраны в кучи... А третьими играют дети, словно игрушками...

— Я, как робот, разделяю ваше горе, — произнес В.С. — Но я согласен с джентльменом, что ничего уже сделать нельзя.

— Мы можем собрать новые тела, — сказал Ролло. — В конце концов мы же можем сделать что-нибудь, чтобы вернуть им зрение, слух... И голос.

— А кто смог бы сделать это? — с горечью спросил Кашинг. — Кузнец в деревенской кузнице? Ремесленник, делающий наконечники для стрел и копий кочевников?

— И теперь, — сказал В.С., — этот мозг, столько лет изолированный от внешнего мира, разбужен человеческим мозгом. Как вы, кажется, сказали, он откликнулся и помог.

— Я могла разглядеть только пауков да мошек, — сказала Мэг. — Но для меня они ничего не значили. Когда он помог мне, они превратились во что-то, имеющее смысл, хоть я его и не поняла.

— И все-таки мне кажется, — произнес В.С., — что моя надежда может оправдаться. Вы сумели проникнуть в банк данных, вы их почувствовали, смогли воплотить в зрительную форму.

— Не понимаю, — вставил Кашинг, — чем это может помочь. По-моему, зрительные образы просто бесполезны.

— Это было только начало, — воскликнул В.С. — Во второй, в третий или даже в сотый раз их смысл станет очевидным. Это могло бы случиться скорее, будь у нас, скажем, сотня сенситивов, и у каждого — мозг робота, который усиливал бы его способности, как это произошло с Мэг.

— Все это, конечно, прекрасно, — сказал Кашинг, — но кто может поручиться, что из этого что-нибудь выйдет? Вот если бы мы смогли восстановить систему расширения...

— Повторю ваши слова, — вздохнул В.С. — Кто смог бы сделать это? Кузнецы да ремесленники? И даже если бы нам удалось восстановить ее, вы уверены,

что мы смогли бы извлечь нужную информацию? Мне кажется, у сенситива больше шансов разобраться в том, что там спрятано...

Кашинг возразил:

— Со временем мы могли бы найти людей, способных восстановить систему расшифровки. Если бы только были чертежи и описания...

— Здесь, в Городе, — сказал В.С., — есть и то, и другое. Я копался в них когда-то, но ничего не понял. Не смог разобраться. Вы ведь умеете читать?

Кашинг кивнул.

— В университете была библиотека. Но от нее мало проку. Цензура изъяла все, что было написано за несколько столетий до Эпохи Бед.

— А нашей библиотеки не коснулась цензура, — сказал В.С. — И в ней могут быть материалы, необходимые для обучения людей, которые, как вы сказали, способны восстановить систему.

Тут заговорил Эзра:

— Я пытался следить за вашей беседой, но не уверен, что все понял. Мне ясно только, что есть два пути: либо восстановить систему, либо использовать помощь сенситивов. Вот я сам сенситив, и моя внучка тоже, но, боюсь, никто из нас не смог бы ничем помочь. Очевидно, все сенситивы узко специализированы. Илейн беседует с космосом так же, как я с растениями. Боюсь, что мы не найдем подходящего сенситива. Они все такие разные.

— Это так, — заметил Кашинг. — В «Истории» Уилсона есть глава, в которой говорится о расцвете паранормальных способностей после Крушения. Он чувствовал, что технология будет подавлять развитие таких способностей. И когда давление технологии исчезает, должно появляться много сенситивов.

— Может, оно и так, — упорствовал Эзра, — да только я думаю, что среди них вы все же найдете очень немногих, способных сделать то, что Мэг.

— Вы забываете об одном, — сказала Мэг. — Все дело в мозге робота. Я не думаю, что он усилил мои способности. Я подозреваю, что я только и сделала, что направила его в банки памяти, дав ему узнать о них. Он заглянул туда и передал мне то, что увидел.

— Как это ни печально, — сказал Ролло, — но мне кажется, что Мэг права. Помочь могут не столько

люди-сенситивы, сколько работы. Их мозги были заперты в кожухах столько столетий. Они же продолжали функционировать в полном одиночестве. Единственное, чем они могли заниматься без связи с внешним миром, — саморазмышлениями. С тех пор как их создали мыслящими, они все думают и думают. Они ставили перед собой задачи и пытались их решить. Все эти годы они развивали свою собственную логику. Они повышали свой интеллект, заостряли ум...

— Я с тобой согласен, — сказал Эзра. — Это мне понятно. Нам нужны такие сенситивы, которые смогли бы работать с мозгом, то есть быть его переводчиком.

— Отлично, — сказал Кашинг. — Итак, нам нужны мозговые кожухи и сенситивы. Но все равно, мне кажется, что мы должны искать людей, способных разобраться в системе расшифровки. Так вы говорите, здесь есть библиотека?

— Весьма обширная научно-техническая библиотека, — подтвердил В.С. — Но для того, чтобы ею воспользоваться, нужны люди, умеющие читать.

— А в университете сотни людей, которые умеют читать! — воскликнул Кашинг.

— Значит, нам нужно решать проблему на двух уровнях? — спросил В.С.

— Да, — ответил Кашинг.

— Мне тоже так кажется, — вставил Эзра.

— Если нам повезет, — сказал Кашинг, — то, как вы думаете, чего мы добьемся? Новой основы для новой человеческой цивилизации? Чего-то, что вытащит нас из варварства и поставит на старый путь технологии? Ведь если вдруг затея с сенситивами и роботами провалится и нам придется восстанавливать систему расшифровки, без помощи технологии нам не обойтись.

— Никто не может с уверенностью сказать, что именно мы найдем, — ответил В.С. — Надо попытаться. Мы не можем стоять на месте.

— Но у вас должны быть какие-то идеи, — настаивал Кашинг. — Не может быть, чтобы вы не поговорили хотя бы с несколькими зондами, прежде чем поместить информацию в банки.

— Я беседовал с большинством из них, — сказал В.С. — И у меня есть только самое общее представление о том, что хранится в банках. Конечно, кое-что я узнал, но весьма поверхностно. Видите ли, роботы были

запрограммированы только на посещение тех планет, где предполагалась жизнь. Когда их датчики не фиксировали наличия жизни на планете, они там не задерживались. Но даже на тех планетах, где жизнь была обнаружена, не было и признака разума. Это, впрочем, не значит, что на них вовсе нет ничего ценного.

— Но ведь на некоторых планетах был какой-то разум?

— Это так. На большинстве планет, где мы по какой-либо причине предполагали его наличие. На некоторых планетах он был примитивен, на других — достигал путающего уровня. Вот, например, сотнях в пяти световых лет от нас есть мир, который я бы назвал Галактическим главным управлением, хотя это слишком человеческая оценка. Там вершатся судьбы миллионов звезд. А немного ближе есть планета, где процветающая раса создала такую совершенную культуру, что нам ее представители показались бы богами.

— Но вы считаете, есть какие-то факторы, может быть, много факторов, из которых мы можем выбрать те, что способны помочь человечеству возродиться?

— Я уверен, — сказал В.С., — что если мы решим их использовать, мы обязательно найдем что-нибудь подходящее. Как я уже говорил, у меня довольно слабое представление о том, что принесли Путешественники. Может быть, даже не о самом главном. Могу сказать вам, что я уловил: что-то о механизме везения, таком методе, при котором может быть усилено или спроектировано везение; что-то о большой конфедерации инопланетян, которая перед гибелью сумела собрать весь свой научный и культурный багаж в одном месте, откуда он мог бы быть при необходимости извлечен; о каком-то уравнении, которое лично для меня ничего не значит, но в котором, как я подозреваю, ключ к сверхсветовым полетам. Я слышал о разуме, который освоил паразитическое существование, причем не только в мозговых тканях; о математике, которая имеет много общего с волшебством и, по сути, его использует... Может быть, мы ничего из этого не сумеем использовать, а может, что-нибудь и пригодится. Это только примеры. В банках памяти информации намного больше, и, конечно, много бесполезного. Не могу утверждать, но думаю, что мы могли бы обнаружить много

принципов или идей, которые можно приспособить к нашим условиям и с пользой применить.

— Мы коснулись только краешка знаний, — впервые послышался голос Илейн. — Мы все видели слишком смутно. Собирая мелкие частицы, не могли уловить целого. Там есть вещи более великие, чем мы могли вообразить.

Она говорила, не обращая ни к кому. Ее руки покоились перед ней на столе, а взор был устремлен куда-то сквозь окружавшие их стены, в какой-то другой мир, который она одна способна была увидеть.

Она смотрела в космос.

Глава 24

— Ты сошел с ума, — твердила Мэг Кашингу. — Если ты к ним выйдешь, они тебя растерзают. Они и так недовольны, что мы сюда пробрались. Они злы на нас...

— Они люди, — защищался Кашинг. — Варвары! Кочевники! Но все же люди. Я могу поговорить с ними, и они должны меня понять. Нам нужны мозговые кожухи, нам нужны сенситивы, нам нужны люди с техническим чутьем. С природным техническим чутьем. В старину были такие люди, которым достаточно было посмотреть на механизм, чтобы понять, как он работает. Совершенно инстинктивно, на глаз определить, как взаимодействуют работающие части.

— То было в старину, — сказал Ролло. — Те люди, о которых ты говоришь, жили среди машин и мыслили соответственно. И потом, речь идет не о примитивных механизмах, а о сложнейшей электронике. Такой, как система расшифровки. А искусство электроники утрачено давным-давно. Требуются специальные знания, годы обучения...

— Может, и так, — согласился Кашинг. — Но ведь здесь есть техническая библиотека, а в университете найдутся грамотные люди, которые еще не потеряли необходимые для обучения способности и дисциплину. Конечно, это займет много времени. Но после Крушения уже несколько поколений прожили впустую. Не страшно, если еще несколько столетий уйдет на обуче-

ние. Что нам нужно, так это подобрать подходящих сенситивов, потенциальных технологов, инженеров, академиков, найти мозговые кожухи...

— Мозговые кожухи — это ключи, — сказала Мэг. — Это наша единственная надежда. Если кто-то из них сохранил древние традиции логики, так это то, что нам нужно. Вместе с сенситивами они смогут расшифровать и освоить информацию.

— Только бы извлечь ее из банков, — сказал Кашинг, — а уж записать ее кто-нибудь сможет. Нам обязательно придется все записывать, иначе ничего не получится.

— Я согласен, что мозговые кожухи роботов — наша единственная надежда, — заметил Ролло. — Ведь со времени Крушения человечество ни на йоту не продвинулось в технологии. Сколько уж делятся все эти драки, войны и беспорядки. Кто-то ведь мог бы за это время переизобрести порох. Но никто и извилиной не шевельнул, чтобы это сделать. Да вы и сами знаете. Говорю вам, технология мертва. Однажды испробовав, ваша раса отвергла ее. Сенситивы и мозговые кожухи — вот все, что нам нужно.

— В.С. говорил, что здесь есть мозговые кожухи погибших роботов, — сказал Эзра.

— Всего с полдюжины, — махнула рукой Мэг. — А нам нужны сотни. Мозговые кожухи тоже могут быть разными. Мне кажется, они не похожи друг на друга. Из сотни, может, один или два способны разобраться в банках памяти.

— Ладно, согласен, — сдался Кашинг. — Нам нужны команды сенситивов и целые горы кожухов. Но чтобы их достать, все равно надо идти к племенам. В любом из них могут быть ведьмы и колдуны. У многих полным-полно кожухов. Искать племена далеко не надо — стоит только выйти за Деревья. Что я и сделаю утром.

— Не ты, а мы, — перебил его Ролло.

— А вот вы останетесь здесь, — возразил Кашинг. — Да стоит им тебя увидеть, они изловят тебя, как кролика, и вытащат твой мозговой кожух...

— Но я не могу отпустить тебя одного, — запротестовал Ролло. — Мы столько миль прошли вместе! Ты ходил со мной на медведя! Мы друзья, понимаешь? Нет, я не могу отпустить тебя одного.

— Если пойдет один — за ним пойдут все остальные, — сказала Мэг. — Вдвоем вы тоже не пойдете.

— Ну уж нет! — завопил Кашинг. — Черт возьми, я пойду один, а вы все должны остаться. Я уже сказал, что для Ролло это слишком опасно. Конечно, и меня там может подстерегать опасность, но я думаю, что как-нибудь выкручусь. Мы не можем рисковать. Вы все — сенситивы, вы нужны здесь. Мы ни одного не можем потерять.

— Ты забываешь, — заметил Эзра, — что ни я, ни Илейн не можем ничем помочь. Я могу беседовать только с растениями, а Илейн...

— Почему ты думаешь, что можешь говорить только с растениями? Ты вбил это себе в голову, и все. Даже если этим твои таланты и исчерпываются, ты ведь можешь говорить с Деревьями. А это должно пригодиться. А Илейн с вершины своего видения способна разглядеть такие связи в том, что будет извлечено из банков памяти, которых мы можем и не заметить.

— Но там может быть наше родное племя, — упорствовал старик. — Если так, оно нам поможет.

— Мы не можем на это рассчитывать, — сказал Кашинг. — Со своим племенем вы сможете пообщаться и попозже.

— Мальчик мой, — пробормотала Мэг. — По-моему, ты просто сошел с ума.

— В нашем деле нужно немного безумства, — сказал Кашинг.

— А ты уверен, что Деревья тебя выпустят?

— Я поговорю с В.С. Он им прикажет.

Глава 25

Подойдя ближе, Кашинг обнаружил, что кочевников намного больше, чем он предполагал. Их типи — конические палатки наподобие тех, в которых жили аборигены североамериканских равнин, — покрывали большое пространство, сияя белизной в лучах восходящего солнца. Тут и там паслись табуны лошадей, охраняемые всадниками. Над лагерьем поднимались струйки дыма. Кроме пастухов никого не было видно.

Солнце, еще не поднявшись над горизонтом, уже безжалостно жгло прерию. Воздух, душный и неподвижный, был так раскален, что каждый вдох давался с трудом.

Кашинг стоял в тени Деревьев, рассматривая открывавшуюся перед ним картину и пытаясь подавить боязливый трепет, отдававшийся где-то в желудке. Теперь, когда он уже был готов двинуться к лагерю кочевников, он впервые осознал, что ему может угрожать опасность. Правда, он сам говорил об этом накануне, но одно дело — говорить, а другое — столкнуться с нею нос к носу.

Но ведь эти люди должны прислушаться к голосу разума, успокаивал он себя. Он все объяснит им, и они поймут его. Конечно, они дикари, они вернулись в первобытное состояние после Крушения, но ведь за несколько поколений вековые традиции цивилизованной логики не могли исчезнуть бесследно.

Кашинг двинулся вперед, сначала быстро, потом умерил шаг. Лагерь находился на некотором расстоянии, и надо было еще добраться до него. Он уверенно шел вперед, не оглядываясь. Где-то на полпути он остановился, чтобы перевести дух, и оглянулся на Утес. И сразу заметил металлический отблеск на темном фоне Деревьев.

Ролло, проклятый дурак, все-таки увязался следом.

Кашинг замахал руками и завопил:

— Убирайся, дурень! Вернись сейчас же!

Ролло заколебался, потом, помедлив, снова двинулся вперед.

— Иди назад! — вопил Кашинг. — Уходи отсюда! Балда! Я же велел тебе не выходить!

Ролло остановился, приветственно подняв руку. Кашинг угрожающе шагнул к нему.

Ролло медленно повернулся и побрел к Деревьям. Пройдя несколько шагов, он остановился и оглянулся. Кашинг яростно замахал руками.

Ролло отвернулся и поплелся туда, откуда пришел. И больше не оглядывался.

Кашинг постоял, глядя ему вслед. Солнце палило немилосердно. Далеко на западе над горизонтом клубились черные облака. В воздухе пахло грозой.

Убедившись, что Ролло не следует за ним, он снова двинулся к лагерю, в котором уже появились признаки жизни. Из-под пологов типи выбрались собаки и лениво залаяли. Навстречу ему неторопливо двигалась небольшая группа всадников. На краю лагеря собралась стайка мальчишек и что-то вопила пронзительными и неприятными голосами.

Кашинг не убавил шага. Всадники приближались.

Они подъехали и остановились перед ним.

— Доброе утро, джентльмены, — спокойно произнес Кашинг.

Не отвечая, они пристально и без всякого выражения смотрели на незнакомца. Потом расступились и, пропустив его, вновь сомкнулись, окружив его.

Кашингу все это очень не понравилось, но ничего не оставалось, как продолжать начатое. Он не должен показывать страха. В конце концов, это мог быть почетный эскорт, высланный навстречу, чтобы проводить его в лагерь.

Он не спеша шагал вперед, стараясь не обращать внимания на окружавших его людей. Он чувствовал, как взмокло у него под мышками и пот тек по телу. Ему захотелось вытереть лицо, но он удержался.

Они приблизились к лагерю, и Кашинг разглядел широкие проходы-улицы между рядами типи. Он увидел женщин и детей с такими же бесстрастными лицами, как у сопровождавших его мужчин. Мальчишки с воплями носились среди палаток.

Большинство женщин были настоящие ведьмы — в потрепанных шерстяных халатах, с косматыми грязными волосами и лицами, задубевшими от солнца и ветра. Большинство из них были босы, а их руки огрубели от работы. Старухи разевали беззубые рты и гоготали, лица других женщин не выражали ничего, кроме осуждения.

На краю лагеря стояли несколько мужчин и молча глядели на гостя. Когда Кашинг приблизился, от них отделился согбенный старик и, хромя, подошел к нему. На нем были кожаные штаны, через плечо был переброшен плащ из шкуры пумы. Его снежно-белые волосы, вероятно, обрезанные тупым ножом, свисали до плеч.

В нескольких шагах от него Кашинг остановился. Старик рассматривал его холодными синими глазами.

Наконец он сказал Кашингу:

— Иди за мной, — повернулся и зашагал по «улице».

Кашинг медленно пошел следом.

До него донесся запах приготовляемой пищи, который перебивала вонь отбросов, разлагавшихся под жарким солнцем. У входа в некоторые типи были привязаны лошади — военные трофеи или боевые друзья своих владельцев. Кто-то швырнул палкой в крутившихся вокруг собак — те истерически завывали. Жара становилась невыносимой, раскалилась даже дорожная пыль. Тем не менее, все говорило о приближавшемся урагане.

Когда старик подошел к группе воинов, они расступились, пропуская его и Кашинга. «Эскорт» ускакал. Кашинг не смотрел по сторонам, но знал, что лица людей вокруг такие же каменные, как и у всадников.

Кашинг и старик вошли в круг стоявших людей. Перед ними в тяжелом кресле, покрытом шкурой антилопы, сидел человек. Старик отстал, а Кашинг прошел еще несколько шагов и приблизился к человеку в кресле.

— Я — Бешеный Волк, — произнес человек и сделал паузу, очевидно, рассчитывая на эффект, который должно было произвести его имя.

Это был огромный, но не неуклюжий мужчина. В его лице была даже некоторая утонченность. У него была окладистая черная борода и бритый череп. меховая куртка, украшенная волчьими хвостами, была распахнута, обнажая бронзовую мускулистую грудь. Мощные руки упирались в подлокотники кресла.

— Меня зовут Томас Кашинг, — сказал Кашинг.

Он был неприятно удивлен, заметив стоявшего за креслом человека со шрамом — давешнего предводителя стражников.

— Ты пришел с Громого Утеса, — прорычал Бешеный Волк. — Ты из той шайки, которая с помощью волшбы прошла сквозь Деревья. Вы потревожили Спящих.

— Там нет Спящих, — возразил Кашинг. — На Гроговом Утесе находится Звездный Город. Там — будущее человеческой расы. Я пришел к вам за помощью.

— Что значит «за помощью»?!

— Нам нужны ваши сенситивы.

— Сенситивы? Что ты имеешь в виду? Выражайся яснее.

— Ваши ведьмы и предсказатели, знахари, если у вас есть таковые. Люди, которые могут говорить с Деревьями, заманивать дичь, предсказывать погоду, гадать, подбрасывая резные кости.

Бешеный Волк ухмыльнулся.

— А вам они на что? У нас их и так мало. С чего это мы должны отдавать их вам, нарушителям покоя Спящих?

— Говорю вам, нет там никаких Спящих. Нет и никогда не было.

— Один из них нам так же говорил, — заговорил стражник. — Высокая женщина с пустыми глазами и ужасным лицом. «Вы ошибаетесь, — сказала она нам, — там нет никаких Спящих».

— Где эта женщина, — спросил Бешеный Волк Кашинга, — с пустыми глазами и ужасным лицом?

— Она осталась там, на горе, — ответил Кашинг.

— Будит Спящих...

— Проклятие! Вы что, не понимаете, что я вам говорю? Там нет Спящих.

— А еще с вами был железный человек, вы называли его роботом, очень древним словом, которое нынче редко употребляется.

— Этот железный человек, — вставил стражник, — убил медведя. Вот этот, который стоит здесь, пускал в медведя стрелы, но убил его железный человек. Он пронзил ему грудь копьем.

— Это так, — подтвердил Кашинг. — От моих стрел было мало проку.

— Значит, ты признаешь, что с вами был железный человек.

— Да. Он последний из своего рода. И он мой друг.

— Друг?

Кашинг кивнул.

— Ты что, не знаешь, что робот — если это он — порождение зла, пережиток тех дней, когда человек был в рабстве у чудовищных машин? — спросил Бешеный Волк. — Что это преступление — укрывать такую машину и быть ее другом?

— Все было совсем иначе, — возразил Кашинг. — Я имею в виду, что до Крушения не машины использовали людей, а люди машины. Мы связали свою жизнь с ними. В том, что произошло, была наша вина, а не их.

— Так ты утверждаешь, что древние легенды лгут?

— Ну да, — сказал Кашинг. — Я читал «Историю».

Наверное, подумал он, просто нелепо приводить это в качестве доказательства человеку, сидящему в кресле. И так открыто противоречить всему, что он говорит. И в то же время еще хуже было бы гнуть перед ним спину или как-то иначе проявлять признаки малодушия. Может быть, попрепивавшись, Бешеный Волк захочет наконец выслушать его.

— «Историю»? — вкрадчиво переспросил Бешеный Волк. — О какой такой «истории» ты говоришь?

— «Историю» написал человек по имени Уилсон, тысячу лет назад. Она есть в университете.

— А-а, университет на берегу Миссисипи! Так вот откуда ты взялся — жалкий трусливый яйцеголовый, из тех, кто возится на своих картофельных пятачках и суетится за стенами! Ты явился сюда, как будто имел на это право, и требуешь наших, как ты там выразился, «сенситивов»?..

— И это еще не все, — сказал Кашинг, стараясь, чтобы его голос звучал как можно увереннее. — Мне

нужны ваши кузнецы и оружейники. И все мозговые кожухи роботов, какие у вас есть.

— Ах, вон оно что, — все еще мягко сказал Бешеный Волк. — И только-то? Ты уверен, что это все, что ты хочешь?

Легкое оживление промелькнуло на лицах его соплеменников. Они знали манеры своего вождя.

— Это все, что мне нужно, — кивнул Кашинг. — Имея все это, мы сможем найти путь к новой жизни.

— А что же плохого в том, как мы живем? — спросил Бешеный Волк. — У нас достаточно еды, чтобы набить брюхо, и много земли для кочевки. Мы не должны работать. А в старые времена, говорят, все люди должны были работать. Они просыпались и завтракали, готовясь к работе. Они работали целый день, а потом приходили домой и сразу ложились спать, чтобы рано встать и снова идти на работу. У них не было свободного времени. И вместе с тем, они не жили лучше нас. За свой труд они имели только пищу и сон. Это-то и у нас есть, да побольше, чем у них, и для этого нам не надо работать. Ты явился из этой цитадели яйцеголовых, чтобы все изменить, чтобы вернуть прошлое, когда надо было от зари до зари надрываться на работе. Мы столько веков охраняли Спящих, чтобы они не проснулись и не сожрали нас, а ты пришел, чтобы разбудить их.

— Я вам сто раз говорил, нет там Спящих, — сказал Кашинг. — Можете вы поверить моему слову?! На этой горе находятся знания, которые люди собрали среди звезд, которые помогут нам не вернуться к старому пути, а найти новый.

Все бесполезно, подумал он. Они ему не поверили. Он ошибся. У них не было здравого смысла. Они ему никогда не поверят.

— Этот человек безумен, — сказал стражник.

— Да, в самом деле, — произнес Бешеный Волк. — Мы только время теряем с ним.

Кто-то подошел сзади и почти осторожно схватил Кашинга. Тот рванулся и почувствовал, что крепкие руки держат его мертвой хваткой, не давая двигаться.

— Ты совершил тяжкий грех, — сказал Бешеный Волк. — Ты совершил самый ужасный грех, — и он обратился к людям, державшим Кашинга: — Привяжите его к столбу.

Кочевники расступились, и Кашинг увидел столб, до сих пор скрывавшийся за спинами людей. Столб был высотой не более пяти футов, вырубленный, видимо, совсем недавно.

Державшие Кашинга люди молча подтащили его к столбу, завели его руки за столб и прикрутили так, что ремни оказались в специально сделанных для этого зарубках, чтобы их нельзя было сдвинуть. После чего все так же молча ушли.

Кашинг увидел, что находится в самом центре лагеря. Все «улицы» выходили на своеобразную площадь.

Комок земли просвистел у него над головой, второй попал в грудь. Стайка мальчишек помчалась прочь в восторге от собственной храбрости.

Кашинг обнаружил, что солнце скрылось и вокруг потемнело. Стояла неестественная тишина. Огромное исчерна-багровое облако клубилось на западе. Его рваные шупальца протянулись к солнцу и закрыли его. Вдали прогремел гром, и огромная молния вырвалась из черного облака над вершиной горы.

Кашинг представил себе, как в какой-нибудь из палаток вожди племени вместе с Бешеным Волком и стражником решают, что с ним делать. Он не строил на этот счет иллюзий. Неважно, какую форму примет их решение, конечный результат мог быть один. Он подергал стягивающие его ремни. Они держали крепко и не поддались.

Конечно, это было безумство — думать, что кочевники могут прислушаться к его доводам. Да он и не имел возможности объяснить им все, и его беседа с Бешеным Волком это показала. Он знал, что провалом своей попытки он обязан этой нелепой легенде о Спящих, мифу, который стал их псевдоевангелием. Еще вчера, разговаривая со своими друзьями, он считал, что его доводы настолько убедительны, что им можно поверить. Видимо, годы, проведенные в университете, взяли свое. Человек, прошедший несколько лет в тиши и созерцании, не способен взаимодействовать с реальностью, все еще окрашенной фанатизмом Крушения.

Он представил себе тех, кто остался на горе. Никто из них не смог бы организовать настоящую работу, чтобы попытаться открыть тайны, спрятанные в банках данных. Ролло в счет не идет — для этого нужен человек, а не робот. Мэг при всех своих способностях

слишком робка, а потому беспомощна. Эзра и Илейн просто непригодны для этого.

Энди, подумал он с легкой усмешкой. Если б Энди только мог говорить, он поставил бы на него.

Тяжелые раскаты грома доносились с запада, и над вершиной Громового Утеса, как змеи, извивались молнии. Духота и влажность усилились. Пурпурно-черная туча закрыла небо.

Из хижин высыпали люди, в основном женщины и дети. Мальчишки снова начали атаку, осыпая его комьями земли и камнями, которые, к счастью, редко достигали цели. Небольшой булыжник ударил его в челюсть, отчего она сразу онемела.

Далеко в прерии он разглядел всадников, гнавших табун лошадей к лагерю. Он увидел, что лошади ударились в галоп, и пастухи изо всех сил нахлестывают своих кляч, пытаясь усмирить табун. Очевидно, что-то испугало лошадей. Вспышки молний, возможно, или близкие раскаты грома.

На дальнем краю лагеря кто-то тревожно закричал, и вопль был подхвачен остальными. Люди выскакивали из палаток, орали и метались.

Наконец он разглядел вдали то, что испугало их, — блеск огня, яркое мерцание тысяч Трепещущих Змеек на фоне черного неба, облако света, несущееся к лагерю. Он перевел дыхание и натянул ремни. Змейки, подумал он, что это стряслось с сумасшедшими тварями?

Когда Змейки приблизились, Кашинг увидел, что они не одни. Перед ними скакал Энди. Его хвост и грива развевались на ветру, а ног почти не было видно из-за быстрой скачки. Рядом с ним, тускло поблескивая, мчался Ролло, а следом летели темные кляксы огромной стаи Преследователей, заметные в темноте только благодаря безумно крутящимся сияющим Трепещущим Змейкам.

И позади всех, подпрыгивая и сталкиваясь, стараясь не отставать, катились Исследователи.

Табун перепуганных лошадей ворвался в лагерь и с диким ржанием понесся, круша хижины. Люди в панике метались, и их рты, разинутые в беззвучном вопле, походили на круглые «о». Когда лошади приблизились, Кашинг сумел ослабить ремни и сполз к подножию столба, пытаясь сжаться в комок. Налетев на столб, ржавшая лошадь встала на дыбы и ударила его копытом

в плечо. Другая налетела на палатку и свалилась вместе с ней, запутавшись в жердях и шкурах. Из-под смятого шатра выкарабкался человек и бросился наутек. Вспышка молнии на мгновение осветила его лицо, и Кашинг узнал Бешеного Волка.

Рядом с Кашингом очутился Ролло и одним взмахом ножа перерезал стягивавшие его ремни. Лагерь обезлюдел, лишь несколько человек барахтались под упавшими типи, завывая, как недорезанные псы, и пытаясь высвободиться.

Воздух вокруг кишел Трепещущими Змейками, крутящимися огненными петлями. Скачущего Энди окружали Преследователи. Ролло нагнулся к уху Кашинга и прокричал, стараясь перекрыть раскаты грома:

— Мы их хорошо проучили! — Он показал на лагерь. — Теперь до самой Миссури они будут бежать без оглядки.

Рядом с Ролло подпрыгивал от возбуждения один из Исследователей. Он проревел Кашингу:

— Теперь мы знаем, что такое «забавно». Ролло велел нам пойти и посмотреть кое-что «забавное».

Кашинг попытался что-то сказать, но его слова утонули в шуме урагана, обрушившегося стеной дождя и пронзительным ветром.

Глава 26

Сухие, покрытые кактусами равнины Миссури остались позади, а впереди расстилались родные прерии бывшей Миннесоты. На сей раз, отметил Кашинг с некоторым удовлетворением, им не надо держаться берегов петляющей реки, а можно двигаться прямо через прерии к разрушенным городам-близнецам Миннеаполис и Сент-Пол, к конечной цели — университету. Ни орды кочевников, ни городские племена не угрожали им.

Первые осенние заморозки расцвелили деревья золотой и красной кистью, вокруг пестрели осенние цветы.

Весной они вернутся на Громовый Утес. Они пойдут туда с караваном лошадей, со снаряжением и, по меньшей мере, с несколькими исследователями из университета. Может быть, мечтал Кашинг, за зиму они смогут связаться с некоторыми из городских племен, или даже с восточными ордами, которые окажутся более разумными и миролюбивыми, чем кочевники из окрестностей Громового Утеса. И тогда у них будут необходимые мозговые кожухи и сенситивы.

Немного впереди шел, разведывая дорогу, Ролло, за ним — Энди, сопровождаемый стайкой Преследователей, играющих вокруг него, словно компания щенков. Исследователи неторопливо катили рядом, и, сверкая на мягком осеннем солнышке, всюду крутились Трепещущие Змейки.

— Вы меня совсем обобрали, — сказал печально В.С., когда они расставались. — Вы не оставили мне ни единой Змейки, ни одного Преследователя. Это все ваша глупая лошадь и не менее глупый робот. Они, эти двое, тащат за собой все сумасшедшие штучки, какие им попадаются. Впрочем, я и рад, что они с вами. Никакие разбойники не посмеют вас тронуть.

— Мы вернемся, как только кончится зима, — пообещал ему Кашинг. — Мы не будем терять время напрасно. И я надеюсь, все остальные тоже придут.

— Я был один так долго, что такой короткий срок мне не страшен. Я легко перенесу разлуку, потому что у меня появилась надежда.

Кашинг постарался охладить его пыл:

— Вы понимаете, что все это может и не получиться? Даже приложив все усилия, мы можем не разгадать, что хранится в банках данных. И даже если что-нибудь и получится, мы можем не найти там ничего полезного.

— На протяжении всей истории люди только и делали, что рисковали, — сказал В.С. — Наши шансы, я знаю, невелики, но ведь выбирать нам не приходится.

— Если бы только Бешеный Волк был на нашей стороне. Если бы он только выслушал меня...

— В любом обществе найдутся люди, не признающие новых идей. Они предпочитают сидеть на месте и не двигаться. Они найдут массу причин, чтобы не изменять своего образа жизни. Они привязаны к старым предрассудкам. Они цепляются за старые, давно отжившие правила, сути которых не понимают. Они объявляют святыней ветхие идеи. Но я не таков. Может быть, я глупо сентиментален, но мой оптимизм не иссякает. Я докажу это. Как только вы уйдете, я снова стану посылать зонды. Когда они начнут возвращаться, через сотни лет, мы уже будем ждать их, готовые принять все полезное, что они собрали.

Время от времени на горизонте появлялись небольшие группы всадников, следившие за ними, потом исчезали. Может быть, они сообщали об их продвижении племени Бешеного Волка.

Погода стояла ясная, и путь был легок. Теперь, когда они достигли родной прерии, Кашинг подсчитал, что дней через десять они достигнут стен университета.

Возможно, думал он, в университете сохранились искры здравого смысла, которые разгорятся от новых идей.

Мэг шла чуть впереди Кашинга, и он зашагал быстрее, чтобы догнать ее. Она несла мозг робота, бережно, как только могла. Всю долгую дорогу она не расставалась с ним. Она прижимала его к себе даже во сне.

— Я совершенно уверена в одном, — сказала она ему много дней назад. — Каждый сенситив, использующий мозг робота, должен нести ответственность за него. Однажды установив контакт, нельзя прерывать его. Нельзя разбудить мозг и оставить его в одиночестве. Он становится как бы частью человека, его лучшим другом, его вторым «я».

— А если сенситив умрет? — спросил Кашинг. — Ведь мозг может пережить много поколений. Что делать, если лучший друг умрет?

— Мы подумаем об этом, — ответила она. — Может быть, это будет другой сенситив, готовый заменить умершего. А может, мы когда-нибудь найдем способ создать какую-нибудь электронную систему, которая связала бы мозг с внешним миром. Зрение, слух и голос. Я знаю, это означало бы возврат к технологии, а значит, это необходимо.

Это может стать реальным когда-нибудь, думал он. Если бы они только смогли... Он не был уверен, что такое возможно. Даже простейшее электронное оборудование создается в результате многих лет специальных разработок. Даже с помощью технической библиотеки Звездного Города возродить это искусство почти невозможно. Потому что мало одного знания, что и как работает. Есть еще проблема изготовления деталей. Электроника требует мощной технической вооруженности. Даже в самых смелых мечтах Кашинг признавал, что восстановить все это выше человеческих сил.

Разрушив технологическую цивилизацию, человек сделал необратимый шаг. Уже ничто и никогда не будет так, как прежде. Человека может сдерживать простой страх, что если он достигнет успеха, то уже не сможет остановиться, что технология, однажды возродившись, будет развиваться и снова превратится в чудовище. Неизвестно, может ли повториться такая ситуация: страх может оказаться необоснованным, но все же он есть. Он может помешать восстановить хотя бы часть разрушенного в Эпоху Бед.

Если человечество хочет сойти с пути варварства, должен быть найден какой-то новый путь, основанный на другом принципе, нежели технология. Бессонными ночами Кашинг пытался представить себе этот путь, но не мог. Это было за пределами его возможностей.

Он поравнялся с Мэг и зашагал рядом.

— Меня одно беспокоит, мальчик мой, — сказала она ему. — Ты сказал, университет примет нас, и я в этом ничуть не сомневаюсь — ты ведь знаешь этих людей. Но как насчет Исследователей? Как там отнесутся к Исследователям?

Кашинг улыбнулся и вспомнил, что улыбается впервые за долгое время.

— Это будет здорово, — сказал он. — Погоди, вот увидишь. Исследователи изучают университет, университет изучает Исследователей, и те и другие пытаются узнать, из какого теста слеплены их коллеги.

Он встряхнул головой и снова засмеялся.

— Господи, это будет просто замечательно, — сказал он. — Не терпится увидеть.

Он позволил себе расслабиться и отвлечься от терзавших его мыслей.

Исследователи, два инопланетных существа, представители другой формы жизни. Их раса построила цивилизацию на интеллектуальном любопытстве. Это любопытство, возможно, присуще любой расе, но не в такой степени. О том, что оно в полной мере проявилось у этого шарообразного народа, свидетельствовало само их появление на Земле. Вполне возможно, что Исследователи пожелают помочь человечеству решить его проблемы. Как именно, неизвестно. Но их не человеческая логика может помочь изменить наш мыслительный процесс, влив в него свежую кровь.

Свободный обмен информацией и мыслями между университетом и Исследователями будет полезен и той и другой стороне. Потому что, хоть университет уже нельзя назвать интеллектуальным сообществом, все же в нем сохранились древние традиции обучения, а может быть, даже исследования.

В конце концов, сказал себе Кашинг, наши дела не так уж и плохи. Нам есть на что надеяться — Громовый Утес, Исследователи, университет, все еще живые внутри своих кожухов мозги роботов, свободное разви-

тие сенситивных способностей, Деревья, Змейки, Преследователи...

— Мальчик мой, — прервала Мэг его размышления, — я уже говорила однажды и могу повторить снова: это было чудесное путешествие!

— Да, — ответил Кашинг, — конечно, ты совершенно права.

Содержание

Пришельцы, роман, <i>перевод с английского Г. Швейника</i>	5
Наследие звезд, роман, <i>перевод с английского М. Гипт, А. Шарова</i>	281

Миры Клиффорда Саймака кн. 8 / Пер. с англ. — Р
Полярис, 1994. — 447с.

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА
Полное собрание
фантастических произведений в 16 томах

Книга восьмая

Составитель В. Быстров
Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редактор М. Проворова
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры И. Лаздина, А. Хиршфелде
Оператор компьютерной верстки Н. Амосова
Художественное оформление серии: М. Захаренкова
Цветные иллюстрации и форзац: В. Иванов
Оформление шмуцтитолов: В. Ковалев

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 29.12.93. Формат 84х108/32.

Бумага типографская. Гарнитура Балтика. Печать высокая

Усл. печ. л. 23,94. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2702. С 030.

Издательская фирма «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

101

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers